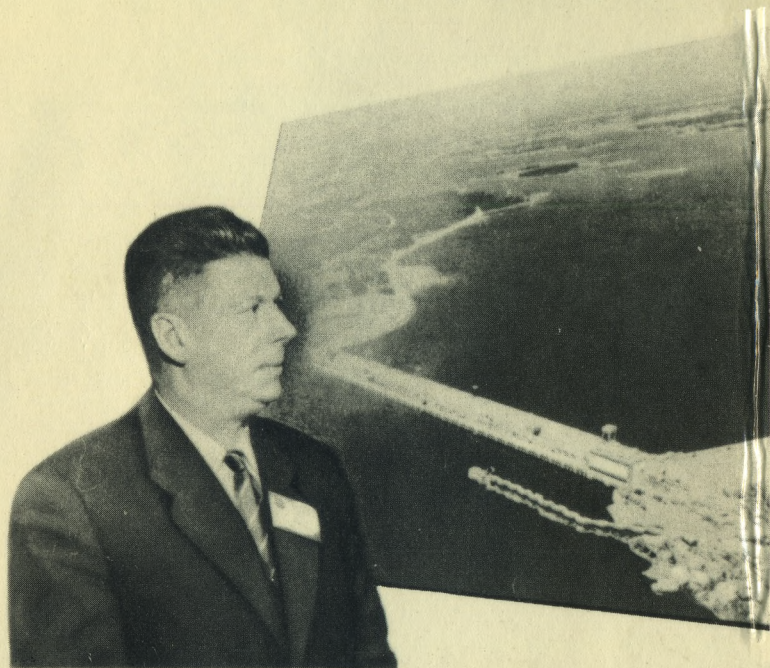

И. В. КОМЗИН

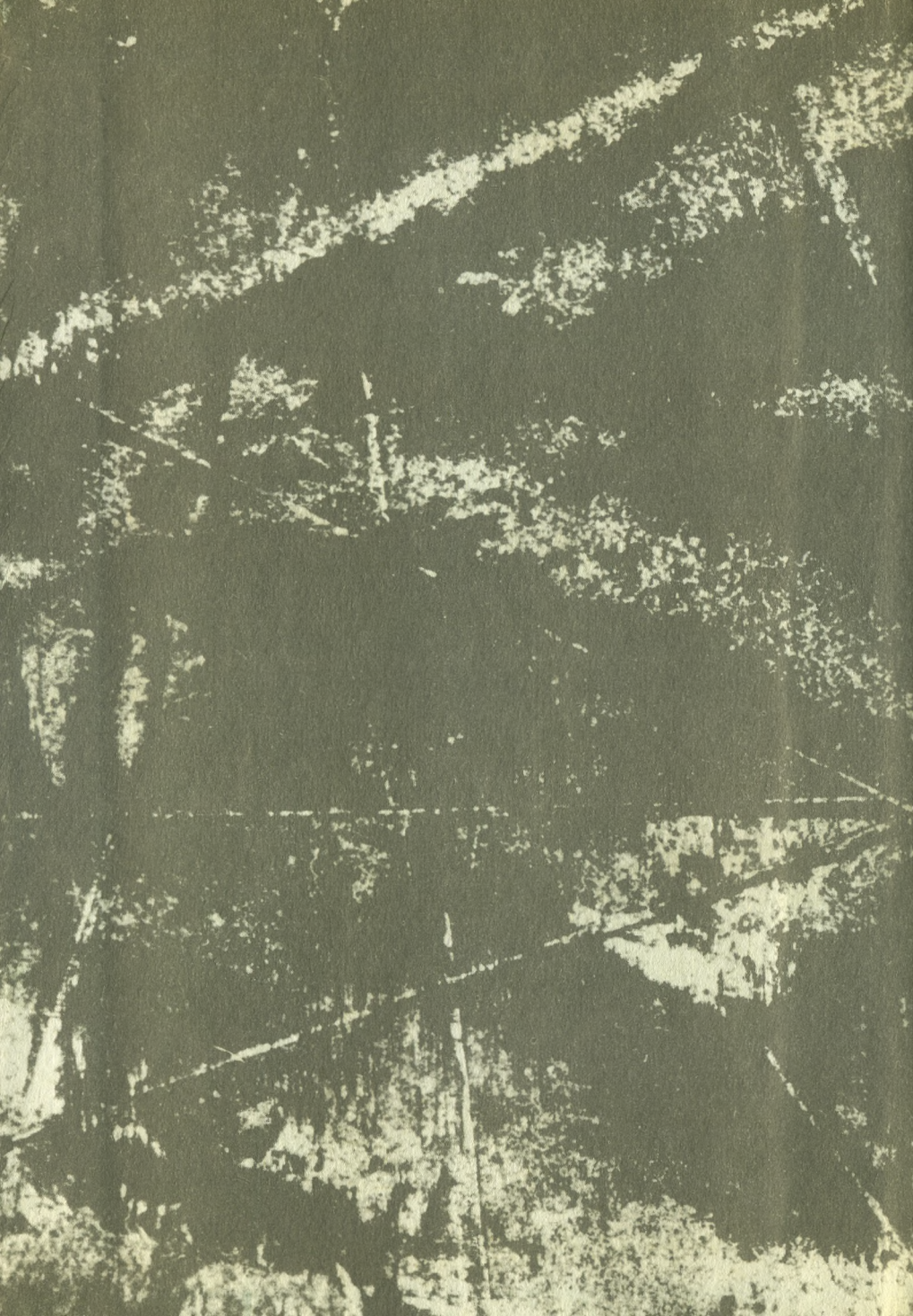
Я ВЕРЮ
В МЕЧТУ

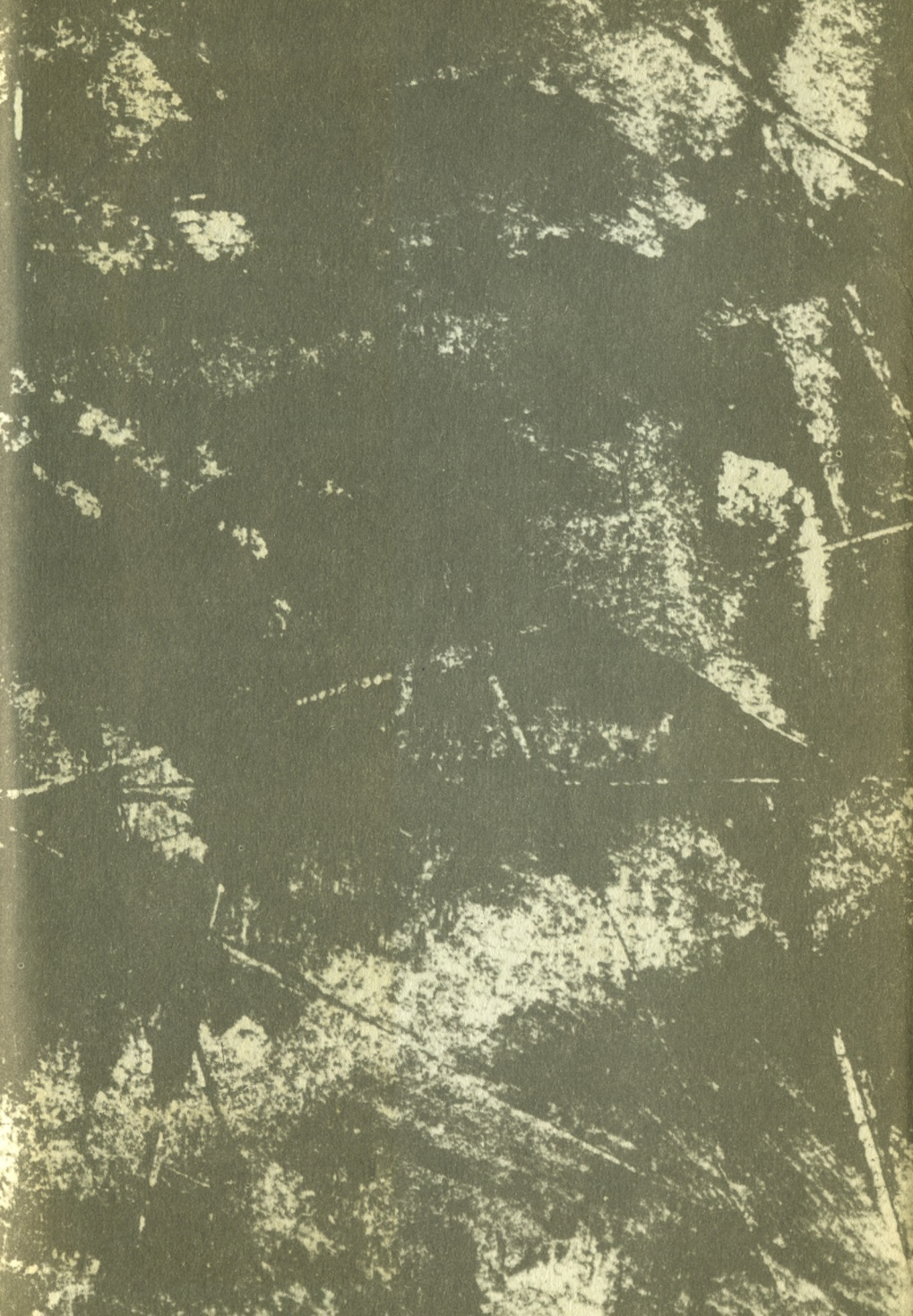

Kaechi.

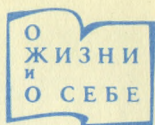

Носовский
"орел" 100
К. К. К.

И. В. Комзин

Я ВЕРЮ
В МЕЧТУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1973

Комзин И. В.

К63 Я верю в мечту. М., Политиздат, 1973.

368 с. (О жизни и о себе).

Эта книга — страницы жизни человека необычной биографии. Юноша с тремя классами образования — и профессор-гидроэнергетик. Участник строительства Магнитки и руководитель строительства Волжской ГЭС имени В. И. Ленина, главный эксперт Советского Союза на строительстве высотной Асуанской плотины. Человек, беззаветно влюбленный в свою профессию, в людей, с которыми работает, в Землю, которую всю жизнь стремится преобразовать и улучшить.

Герой Социалистического Труда Иван Васильевич Комзин ведет разговор о том, чему был свидетелем и участником, о друзьях-строителях, о встречах и расставаниях, об ответственности человека за все происходящее на планете.

Книга написана просто и увлекательно, рассчитана на массового читателя.

К $\frac{0164-135}{079(02)-73}$ 361-72

33С1

НА ПОРОГЕ ЖИЗНИ

У пылающей топки.— Под звон колоколов.— Партийное поручение.— Дорога, которую я выбрал.

Стояла весна 1922 года. Сильный апрельский вечер заглядывал в запыленные окна котельной. Единственная электрическая лампочка под жестяным абажуром горела вполнакала, тускло освещая закопченный подвал.

Я смотрел на огонь, бушевавший в топке, на его живые причудливые краски.

Вспомнилось мне, как сидел я, бывало, возле костра, брызжущего золотыми искрами, и рядом с ним не так страшно было в безлунную ночь стеречь лошадей. Ведь на дальнем выгоне в такую пору только и лезли в голову жуткие истории о неуловимых конокрадах да внезапных волчьих набегах.

Вот уж скоро четыре года как наша семья покинула родную деревню, затерянную в смоленских лесах. Гражданская война была в разгаре, когда мы, спасаясь от нужды, в поисках лучшей жизни переехали в небольшое подмосковное село Перерву.

«Поблизости от столицы, — надеялись мои родители, — и кулачье не так лютует и новые законы строже соблюдаются. Там, должно, сам Ленин за порядком следит».

И правда, после переезда все пошло по-другому. Я помогал родителям в поле и дома, жил никем не понукаемый, никем не унижаемый.

Я пристрастился к чтению. Вечерами уходил читать в сени, чтобы не мешать домашним. Керосина у нас не было, и вместо светильника я приспособивал висевшую перед иконой лампаду, которую наловчился бесшумно снимать и так же бесшумно возвращать богородице.

В Перерве я быстро сошелся со своими одноклассниками. Эти ребята были развитее меня и неплохо разбирались во всем, что происходило в мире, чем жила страна. Я постепенно стал понимать что к чему.

Время, грозное и стремительное, накладывало свой отпечаток и на наше село. А трудности, тревоги и противоречия, которые переживала молодая советская республика, по-своему отражались на перервинских буднях.

В те дни рядом с фронтовыми сводками в газетах нередко появлялись сообщения о враждебных вылазках кулаков, о том, что в такой-то деревне или на таком-то хуторе найден труп убитого активиста, о том, что кулаки прячут хлеб в ямах: пусть-де лучше в земле сгниет, чем достанется большевикам.

Для нас, перервинских подростков и парней, это не было просто газетной строкой. Классовый враг орудовал и в нашем селе, и в окрестных деревнях.

В ненастный осенний вечер кто-то выстрелил в окно сельского Совета. Пуля попала в горящую лампу, вспыхнул разлившийся по столу керосин...

Я только было собрался почитать, как раздался стук в дверь:

— Ваня, скорее одевайся! — услышал я взволнованный голос Сережи Сметова. — Сельсовет подожгли. Айда тушить!

Хлестал дождь. Насквозь пробирал ветер, дувший с Москвы-реки. Мы бежали от избы к избе, от двора к двору и будили людей. Мы — это Сережа Сметов, Ваня Алексин, Уля Медведкова, Гриша Сафопов и я.

К сельсовету подоспели, когда там уже собралось человек двадцать. Одни принесли с собой ведра, другие прибежали с лопатами. Кто заливал пламя водой, проникнув через разбитые окна вовнутрь, кто сбивал его землею.

Схватка с огнем длилась недолго и обошлась без человеческих жертв. Но этот вечер на многое открыл нам глаза, заставил сразу повзрослеть и посерьезнеть. Возбужденные и возмущенные, мы говорили и говорили о том, что надо теснее сплотиться в борьбе против общего врага, дружнее от-

стаивать правое дело. Сельские коммунисты решили создать комсомольскую ячейку. Узнав об этом, я написал свое первое в жизни заявление: «Прошу принять меня...».

Я стал комсомольцем.

Боевой программой для нашей комсомольской организации были решения VIII съезда партии о работе в деревне, об установлении союза с середняком. Вещие слова Ленина, сказанные на съезде о том, что «с этой задачей мы справимся, и тогда социализм будет абсолютно непобедим», всколыхнули крестьянскую массу. Средняки потянулись к Советам. Кулаки же прилагали все усилия, чтобы склонить на свою сторону середняцкую прослойку, батраков и восстановить их против народной власти. Заодно с кулаками были церковники.

Комсомольская ячейка помещалась в том же доме, что и партийная, и нашим общим боевым штабом был сельский клуб. Здесь проводили свои собрания коммунисты. Здесь и мы, комсомольцы, обсуждали наши очередные задачи. Главная из них заключалась в том, чтобы вырвать из-под влияния местных кулаков и церковников как можно больше своих сверстников и вовлечь их в комсомол, в активную борьбу за новую жизнь.

На крутом берегу Москвы-реки поблескивал куполами Николо-Перервинский монастырь. В праздники сюда тянулись толпы верующих, среди которых было немало деревенских парней и девчат.

Надо было отвлечь молодежь от церкви. Но как? Думали мы, думали и решили для начала организовать драматический кружок.

Под клуб мы приспособили бывший склад торговца бакалейными товарами Блинова. Из помещения еще не выветрились запахи корицы, ванили, чая и лаврового листа.

Над дверями клуба появилась вывеска с мудреным словом «ЛЮБДРАМИС» — «Любители драматического искусства». По вечерам из окон клуба подолгу слышались голоса — шли репетиции.

И когда расклеенные по селу афишки известили народ о первом любительском спектакле «Рождество попа Сергия», посмотреть его пришли даже те парни и девушки, которые обычно сторонились комсомольцев. Народу собралось — яблоку негде упасть. Сквозь махорочный дым едва пробивался свет трех больших керосиновых ламп, взятых на вечер в сельской школе.

Под звонкие переливы гармоники молодежь распевала частушки, в которых высмеивались кулаки.

Пустилась в пляс самая боевая из девчат — Женя Клепина. В одной руке у нее цветастый платочек, в другой — содранный с чьей-то головы старенький картуз. Ее высокий сильный голос был слышен и на улице, где у окон клуба толпилась детвора, привлеченная весельем старших:

Мироед Кирилл Старков
Манит в поле батраков,
А они ему в ответ:
«Сам работай, дармоед!».

К Жене Клепиной присоединился Гриша Сафопов:

Нынче лозунг наш таков:
«Ты не слушай кулаков!»,
Потому что кулаки —
Наши лютые враги...

Но вот раздался звон неведомо где добытых ямщицких бубенцов, подвешенных под раскрашенной дугой. Звонил Сережа Сметов. Представление началось.

Взвился занавес, сшитый из множества разноцветных лоскутьев. Согнувшись, чтобы не мешать зрителям, в «суфлерскую будку» — разохшуюся бочку из-под квашеной капусты — забрался Коля Стрелкин с горящей свечкой в руке.

На сцену вышли Рабочий и Крестьянин, высоко подняв скрещенные серп и молот. В клубе наступила такая тишина, что слышно было, как шумит ветер. Заключительные слова Рабочего:

Мы с тобой родные братья:
Я — рабочий, ты — мужик,
Наши крепкие объятья —
Смерть и гибель для владык, —

вызвали бурные аплодисменты. Во втором действии появился отец Сергей и был встречен шиканьем и свистом.

Конечно же, в долговязом попе все сразу узнали меня. Но сейчас я для зрителей был отъявленным врагом, вступившим в сговор с кулацким охвостьем, и они относились ко мне с ненавистью, выражая ее очень непосредственно. По ходу действия слышались негодующие реплики. И паразитом меня обзвали, и контрреволюционной гидрой, и еще хуже... А после того как отец Сергей благословил на черное дело кулацкого сына, один парень вскочил с места и крикнул:

— Постыдился бы, Ваня! А еще комсомолец! Позор!..

Страсти бушевали до тех пор, пока по ходу действия пьесы поп и его приспешники не потерпели полный крах.

Стекла дребезжали от рукоплесканий. На сцену снова вышли Рабочий и Крестьянин:

Строить новый мир беремся
С партией большевиков,
И вполне мы обойдемся
Без попов и без богов!

Закончился спектакль частушками. Они призывали молодежь глядеть в оба, теснее сомкнуть свои ряды под знаменем большевистской партии, комсомола. Слова звучали, как клятва:

Начеку быть, как в бою,
Нам недаром велено.
Постоять за власть свою
Мы клянемся Ленину!..

Спектакль наш состоялся в канун пасхи. Никто нам не мешал веселиться в клубе до самого рассвета. А потом...

Тишину раннего апрельского утра разбудил раскатистый звон колоколов. Порывистый ветер яростно трепал хоругви, метавшиеся над пестрой толпой мужиков и баб.

Навстречу этой процессии, хлынувшей из церкви после всенощной, двигалась другая — веселая, звонкоголая.

Впереди с задорными песнями и прибаутками шествовали все действующие лица спектакля «Рождество попа Сергия» в костюмах и гриме. Среди них был и я. Я изо всех сил размахивал кадиллом и через каждые пять — десять шагов истошным голосом возглашал одно-единственное слово:

— О-о-тре-е-е-ка-а-юсь!

Взбешенные верующие набросились на нас. Старики пустили в ход суковатые палки и даже древки хоругвей. Завязалась драка.

Придурковатый сын дьякона Савка-кривой бежал во весь дух на подмогу к своим, потрясая в воздухе охотничьим ружьем.

Последнее, что я увидел, — это горящие звериной злобой глаза церковного старосты Подбельского и его пудовый кулак.

Когда я очнулся от удара, «сражение» уже окончилось. Вокруг валялись усы и бороды из войлока и овечьего меха, приставные бутафорские носы, обрывки плаката, который нес суфлер Коля Стрелкин, он же автор текста: «Ну их к аллаху — попов и монахов!».

В общем, Церковная улица имела самый непристойный вид. И мои друзья, и я, наверное, были похожи на грешников, выскочивших из пекла.

* *

*

Мои товарищи и я — мы восторженно относились к коллективно творимой нови, к переменам, которыми была так богата в ту пору жизнь молодой Советской республики.

Теперь я понимаю, что наше мировоззрение и миропонимание определялись самой действительностью. А нашим оптимизмом мы были обязаны в первую очередь секретарю партийной ячейки строителю Михаилу Васильевичу Забору. Мы, комсомольцы, старались во всем подражать этому удивительному человеку. Он, наш партийный руководитель, видел будущее в ореоле захватывающей революционной романтики.

Крестьяне любили слушать Забора.

Помнится, выступая как-то на сходке, он настолько увлекся рассказом о том, какой станет крестьянская жизнь в ближайшие годы, что стал говорить о будущем в настоящем времени. Кто-то с места поправил его: дескать, это еще задумка, а ты, товарищ Забор, как о свершившемся факте общаешься. Забор, нисколько не смутившись, ответил:

— Но ведь я это вижу. Понимаешь, вижу! То, что намечено большевистской партией, что продумано Лениным, обязательно осуществится, и, можно сказать, оно уже есть. Сам посуди, товарищ дорогой: задумали большевики царский строй свергнуть — и свергнули. Задумали власть в свои руки взять — и взяли. Задумали землю отобрать у помещиков и заводы у капиталистов — и отобрали. Задумали большевики социализм построить — и непременно построят!

Гул одобрения прокатился в ответ. Раздались возгласы:

— Крой его, крой маловеера!

— Правильно, Васильич, толкуешь: раз мы своей рабоче-крестьянской власти полностью доверяем, какие же у нас могут быть сомнения!

— Продолжай, товарищ Забор!

Товарищ Забор... Большую роль сыграл этот человек в моей судьбе.

А началось же вот с чего.

Близ нашего села, на берегу Москвы-реки шли большие по тем временам строительные работы: возводилась плотина с обводными шлюзами — сооружение, которое должно было

поднять уровень воды в реке и тем самым улучшить водоснабжение столицы.

Это была первая встреча с гидротехнической стройкой, встреча, определившая мой жизненный путь.

Как только выдавалась свободная минута, я бегал смотреть, как работают строители.

Сначала я наблюдал за работой издали, с кручи. Но любопытство все чаще заставляло меня спускаться вниз. Хотелось лучше ко всему присмотреться. Я вступал в разговор то с прорабом, то с рабочими и все спрашивал, спрашивал...

Секретарь партячейки заметил мой интерес к стройке. Тем более, что и к нему я часто приставал с бесконечными вопросами.

— Вижу я, Ванек, — сказал он мне однажды, — пришлась тебе по душе работа строителя. Вполне понимаю тебя: сам с детских лет полюбил это дело. Знаешь, чем я увлекался? Строил игрушечные водяные мельницы. Я делал точную модель бревенчатого сруба — с крыльцом, окнами, двустворчатой дверью. На конец вала надевал небольшое колесо с плитами, и мельница, считай, была готова: вода, попадая на плиты, начинала вертеть его. Через слюдяное оконце видно было, как набирали скорость крошечные жернова и в короб, величиной с наперсток, сыпалась мука.

Михаил Васильевич скрутил из оберточной бумаги цигарку, высек кресалом снопок искр и прикурил от затлевающего фитиля. В нос мне ударил такой крепкий запах самосада, что я закашлялся.

— Дыма боишься, — усмехнулся Закор. — Мой дед смолокур был, всю жизнь с пламенем и дымом дело имел, так он, помню, любил повторять одну и ту же поговорку: «Кто дыма боится, тому огня не добыть». Огонь был для него как бы живым существом... Да, к слову сказать, слышал ли ты когда-нибудь о Прометее?

И Михаил Васильевич рассказал мне легенду о Прометее.

Потом Закор помолчал немного и продолжал:

— Доигрался я со своими мельницами до того, что мальчишки стали меня дразнить... И я свои игрушки на чердак снес, только одну оставил, чтобы переделать ее в электростанцию. Вместо жерновов приладил маленькое динамо, подаренное мне соседом-электротехником. Получилось здорово: только даст полные обороты моя водяная «турбина», как внутри «сруба» лампочки загораются...

— А если настоящую станцию построить, сразу с не-

сколькими большущими колесами, и чтобы их река вертела? — спросил я, захваченный рассказом.

— Ишь, куда хватил! — рассмеялся Михаил Васильевич. — Да так целый город осветить можно...

Я слушал его и думал о том, как нужен нашему селу свет! Керосин не у каждого есть. Спички давно уже исчезли с прилавков. И сам он, наш секретарь партячейки, чтобы прикурить, высекал огонь из камня.

Словно угадав мои мысли, Загор сказал:

— Ничего, ничего... Все будет, все впереди. Народ добился свободы и свет для России добудет. Еще война не кончилась, кругом разруха, голод, а Ленин об электрификации России думает...

Дел у сельских комсомольцев все прибавлялось, особенно после того, как из столицы пришло обращение ко всем деревенским ячейкам РКСМ Московского уезда «Об усилении воспитательной работы среди батраков, защите их интересов и вовлечении в ряды комсомола». Меня избрали секретарем ячейки, и все свободное время я отдавал комсомольской работе. Но и у строителей по-прежнему был частым гостем. Мы, сельские комсомольцы, часто работали на стройке, считали ее своим делом. К Михаилу Васильевичу я привязался всей душой, и он относился ко мне по-отечески.

В один из вечеров, когда возвращался я домой, меня догнал Загор.

— Быстро шагаешь, еле догнал, — сказал он. — Пройдемся немного, поговорим... У меня к тебе, Ванюша, важное дело. Надо съездить в Москву, бревна и гвозди выхлопотать, в них нужда на стройке... Послать же некого — каждая пара рук нужна. Поедешь, комсомольский секретарь?

Вручая мне на другой день мандат, Михаил Васильевич подчеркнул:

— Партийное поручение тебе даем. Не подкачай...

Не так-то просто сориентироваться в огромном городе. И нелегко отыскать нужный адрес. Голова моя разболелась от гудков автомобилей, грома трамваев, шума извозчичьих пролеток. И все-таки я нашел нужных людей.

Однако дело не двигалось с места: один начальник направлял к другому, другой — к третьему. Мой мандат был сплошь исписан резолюциями. Эта канитель мне надоела, и я обратился за содействием в редакцию «Правды».

— Понимаете, без гвоздей и бревен не могу вернуться домой: стройка вот-вот остановится, — пожаловался я одному

из сотрудников газеты.— Выполняю поручение партячейки, а товарищи снабженцы все обещают, но ничего не дают.

Присутствовавший при этом человек в черной косоворотке неожиданно вмешался в разговор и подозвал меня к себе. Пряча в усы добрую улыбку, сказал:

— Значит ты, парень, выполняешь партийное поручение. Да, дело действительно серьезное... Пойдем... Так уж и быть, замолвлю за тебя словечко.

Из кабинета я вышел в самом радужном настроении.

На улице я еще раз увидел этого человека.

— Желаю успеха, уполномоченный! — помахал он рукой и сел в ожидавшую его машину.

Счастливым и гордым возвращался я домой. Мы везли на стройку около двухсот бревен и шестнадцать пудов гвоздей.

Много лет спустя я увидел в «Огоньке» портрет. Удивительно знакомое лицо, подумал я и вспомнил, как этот человек помог мне. Это был Иван Иванович Скворцов-Степанов.

* *
*

Наша деревенская ячейка росла, крепла и становилась надежной опорой коммунистов села. При клубе начал работать кружок по ликвидации неграмотности. Открылась библиотека. Комсомольцы провели агитпоход в окрестные деревни под лозунгом: «И млад и стар, садись за букварь!». Успешно прошел кружечный сбор «В пользу беспризорного ребенка». Больше всех собрал денег член РКСМ Александр Ломоносов, сообщала тогда наша стенгазета.

Саша Ломоносов. Рослый молчаливый парень, которого старый учитель Афанасий Петрович в шутку звал Ромео. Невольной виновницей этого была Аня Старкова — голубоглазая девушка с пышной русой косой.

Саша Ломоносов батрачил в хозяйстве ее родителей. Саша и Аня без памяти любили друг друга. Старковы, ясное дело, прогнали Александра со двора. Но Саша и Аня, несмотря на родительский запрет, продолжали встречаться в клубе, комсомольцы вовлекли их в круг своих интересов и дел...

А дел было множество. Мы и учили неграмотных, и работали на поле, и устраивали субботники, помогая стройке, и у каждого были еще какие-то, дорогие его сердцу, увлечения. Моим увлечением с того времени — и, забегая вперед, скажу, что на всю жизнь — стали электростанции.

По совету Михаила Васильевича Загора я завел папку,

в которой хранил все, что имело отношение к плану ГОЭЛРО: статьи и заметки, вырезанные из газет и журналов, выписки из докладов и отчетов, публиковавшихся в разное время в центральной печати. Автор одной из статей утверждал, что на титульном листе «Указаний для комиссии по составлению плана ГОЭЛРО» было написано слово «Электрификация» и под ним нарисовано человеческое сердце, от которого шли линии — «артерии» — к пяти квадратам, означавшим жилье, продовольствие, одежду, транспорт, культуру, — насущнейшее и главнейшее, в чем нуждался тогда народ. Я почему-то был уверен, что этот рисунок сделал сам Ленин. У меня из головы не выходила картина, созданная моим воображением. Поздний вечер. Рабочий кабинет Председателя Совнаркома в Кремле. За письменным столом сидит Владимир Ильич и при свете оплывающих свечей набрасывает этот рисунок. Кончив рисовать, Ленин закрывает тетрадь и кладет ее в папку неотложных дел...

На обложке своей папки я написал облетевшие весь мир ленинские слова: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Шли месяцы, и в папке появлялись все новые статьи, а в них — названия новых электростанций, строящихся и вступающих в число действующих: Каширская, Нижегородская, Шатурская и первая советская гидроэлектростанция — Волховская.

Поздней осенью 20-го года мы всей ячейкой читали речь В. И. Ленина на III съезде РКСМ.

«Задача состоит в том, чтобы учиться», — сказал Владимир Ильич. Наша ячейка, как и все остальные, восприняла эти слова вождя как самое важное, самое необходимое дело. Мы определили, где будет учиться каждый из комсомольцев.

Вскоре уком комсомола направил меня работать на электростанцию с напутствием: в обязательном порядке сочетать работу с учебой.

Три класса сельской школы — вот и все, что было у меня за душой. И я не расставался с книгами. Часами просиживал над школьными учебниками, а затем брался за книги по строительному делу, гидро- и электротехнике. Я уже имел представление о различных типах плотин и водяных турбинах, понимал разницу между силой и напряжением тока, мог объяснить, что такое киловатт и чем отличается электродвигатель от динамо-машины. ...А лампочка в котельной горела вполнакала, и я был подручным кочегара, мечтавшим строить гидроэлектростанции.

МАГНИТКА, МОЛОДОСТЬ МОЯ!..

Уезжаю на Урал.— Здесь будет город...— «Русские комсомольцы удивили меня».— Семен Нариньяни вспоминает.

Весны шумели ручьями, осени пролетали журавлиными стаями, и годы, трудные и счастливые, не оставляли времени для раздумий. Они несли с собой работу, заботы и знания.

Раньше, заполняя анкету, я писал в графе «Образование»: «Низшее». Через четыре с небольшим года в этой же графе значилось: «Окончил строительный техникум». Минуло еще пять лет — и вот я инженер-строитель.

Это были годы не только упорной учебы. Занятия в техникуме и позднее в вузе мы, студенты, совмещали с работой. Кем только мы не были! Грузчиками, пильщиками дров, разносчиками газет... Ну и, конечно, мы принимали самое активное участие в субботниках и других общественных делах.

Работы было по горло. Работа радовала. Работа воодушевляла. Какими нужными чувствовали мы себя в «сплошной лихорадке буден»!

О том незабываемом времени напомнили мне старые, потускневшие уже фотографии. Вот юноша с непокорной шевелюрой, в кожанке, с наганом на боку — боец отряда ЧОН Рогожско-Симоновского района столицы. Вот парень постарше, в косоворотке и форменной фуражке с лакированным козырьком, — прораб на строительстве Северной электрической дороги под Москвой. А вот ведущий инженер Стройкома РСФСР. Этот снимок мне особенно дорог: он сделан в день отъезда на Урал, на строительство Магнитки. Нам — моей девятнадцатилетней жене Оле и мне — очень хотелось самим принять участие в этой поистине всенарод-

ной стройке. Десятки тысяч молодых людей ехали тогда на строительство Магнитки, Днепрогэса, Сталинградского тракторного, Турксиба, Кузнецка создавать индустриальную базу страны социализма.

В полинялых буденовках, в потертых шинелях с отцовского плеча, в косоворотках ехали на эти стройки мои комсомольские сверстники. Тряслись в теплушках, шли пешком, поднимая пыль лаптями. Все имущество энтузиаста-добровольца порой умещалось в тощем заплечном мешке: кружка и ложка, смена белья и пара портянок, пайка ржаного хлеба да пачка драгоценной махорки.

Так мое поколение жило в те годы. И не было на целом свете счастливее нас.

Весной 1929 года партия определила конкретный план преобразования страны. XVI Всесоюзная партийная конференция приняла резолюцию «О пятилетнем плане развития народного хозяйства».

Это был план строительства могучей индустриальной державы.

Построив только Кузнецкий и Магнитогорский комбинаты, мы сразу на полстолетия обгоняли промышленность царской России. Эти два комбината оставляли позади даже такие мощные предприятия того времени, как заводы имени Г. И. Петровского и Ф. Э. Дзержинского, оснащенные передовой техникой. Гигант тяжелой индустрии — американский завод Гери — строился около двенадцати лет и выплавлял в год три миллиона тонн чугуна. Годовая же производительность первой очереди Магнитки должна была составить около четырех миллионов тонн металла — в три раза больше того, что давал весь Урал в 1930 году. Причем первую очередь комбината планировалось закончить в два с небольшим года..

Эти цифры я знал наизусть. От них захватывало дух. От них веяло подлинной романтикой. Такое было время! Даже обычные информации об ударных стройках первой пятилетки — и те, что печатались в газетах, и те, что передавались по радио, — писались, произносились и воспринимались с неподдельным интересом и подъемом. У меня сохранился номер «Комсомольской правды» тех лет. Предлагая молодежи организовать коллективное слушание радиорассказа, посвященного Урало-Кузбассу, в частности будущему Магнитогорскому комбинату, газета писала:

— Все радиостанции Советского Союза будут транслировать этот рассказ. Пусть многомиллионная аудитория

узнает революционную героику борьбы за создание на Востоке СССР второй основной угольно-металлургической базы... Первоначальные наброски строительства показывают грандиозную картину гигантского комбината, невиданного еще в предыдущей истории экономического развития мира... В годы второй пятилетки комбинат даст двадцать семь миллионов тонн чугуна... больше, чем его производят сейчас Англия, Франция и Германия, вместе взятые.

* *
*

Эшелон с добровольцами прибывал на станцию Магнитогорск. Казалось, мы не ехали, а плыли, покачиваясь на изумрудно-желтой волне степного разнотравья. Мы с Олей любовались уральским раздольем. На горизонте синели подернутые дымкой холмы, за которыми угадывались бесконечные дали.

Поезд, окутанный клубами дыма и пара, все замедлял ход. Самые нетерпеливые выскакивали из вагонов и бежали по пояс в траве, обгоняя эшелон и оглашая степь веселыми, звонкими голосами. Из-под самых ног взлетали вспугнутые птицы. Но вот состав, лязгнув буферами, остановился, замелькали сундучки, чемоданы, старинные бабушкины баулы и саквояжи, брезентовые мешки, котомки. Кто-то затянул песню, которую все дружно подхватили:

Там вдали, за рекой,
Зажигались огни,
В небе ясном
Заря догорала...

Но тут совсем неожиданно и некстати хлестнули крупные капли. Начался ливень. Потускнели степные краски, оборвалась песня, будто смыло ее косыми струями. И все мы кинулись в землянки, фанерные будки и шалаши, временно заменявшие вокзал, служебные помещения и пакгаузы новой железнодорожной станции. Станция эта пока что не значилась ни на одной карте.

Гроза окончилась так же внезапно, как и началась. Откуда-то появился незнакомый человек в очках и кожаной куртке. Он построил нас возле товарного вагона, на котором мелом было написано «Станция Магнитогорск» и висел небольшой медный колокол. Потом долго записывал наши фамилии в потрепанную тетрадь и, наконец, тремя ударами

станционного колокола с шутливой торжественностью объявил обеденный перерыв.

Мы разожгли костер. Извлекли из своих вещмешков припасы. Запахло печеной картошкой, селедкой, крепко заваренным чаем. У кого-то нашлась банка патоки, которая тотчас же пошла по рукам; ее обладатель щедро поделился с товарищами редким тогда деликатесом.

Немного отдохнув, новоселы принялись ставить палатки у подножья горы, где несколько рядов их уже белело в предвечернем сумраке. Не прошло и часа, как наше с Олей жильё было готово.

— Пусть брезентовая, а все же крыша над головой у нас есть, — сказал я Оле, наводившей порядок в нашем новом доме.

Жена посмотрела на меня и рассмеялась:

— Крыша-то у нас с тобой есть. Но попробуй выпрямись здесь во весь свой богатырский рост!

Я знал, что Оле несладко было в ту минуту. После уютной московской квартиры очутиться в палатке, где вместо паркета земля и вместо больших солнечных окон мутное целлулоидное оконце, — не такая уж большая радость. Но Оля, как никто другой, умела принимать трудности спокойно, вовремя сказанным добрым словом и веселой шуткой воодушевить меня, заставить забыть о неприятностях. С ней мне везде было хорошо и самые тяжелые обстоятельства не казались такими уж трудными. Пошутит, бывало, — будто солнышко заглянет в дом...

Едва забрезжило, работник горкома партии собрал вновь прибывших.

— Ну как отдохнули в степи? — начал он. — Не правда ли, свежего воздуха более чем достаточно? Жалоб нет на сей счет? Добавки не требуется?

Ребята по достоинству оценили это, окрашенное юмором, вступление. Развеселились. Зашумели.

— Что правда, то правда, кислорода здесь хоть отбавляй.

— А все-таки как будет с зимним жильем? Не успеем оглянуться — холода нагрянут, — не выдержал я.

Человек, вызвавший нас на дружеский, откровенный разговор, внимательно ловил каждое слово; иногда улыбался, иногда хмурился. А когда горячий, темпераментный народ уж слишком разошелся, он поднял руку и спокойно сказал:

— Шуметь не надо, ребятки. Вопрос ясен. Вижу, приехали вы сюда всерьез и надолго, раз зиму вспомнили. Так

и доложу в горьком — народ надежный. Но на вашем месте, ребятки, я поставил бы вопрос пошире, в масштабе стройки. Перво-наперво завел бы речь о том, что предстоит нам здесь сделать, что создавать будем. — Он поискал кого-то глазами. Наконец его взгляд остановился на мне, наверное потому, что ростом я был, пожалуй, выше всех остальных.

— Подойди поближе, Илья Муромец, — поманил он меня. — Слушай, что я тебе скажу. — И добавил, обращаясь уже ко всем:

— Вопрос имеет отношение к каждому из вас, но этот товарищ бросил реплику насчет постоянного жилья. Вот и хочется мне ответить на его важный вопрос так, чтобы все было ясно.

Он начал быстро-быстро чертить что-то на сыром песке прутиком. Я присел на корточки, не спуская глаз с возникшего чертежа:

— Вообразите, что это наш Магнитогорский металлургический комбинат, — начал он с увлечением, энергично ткнув прутиком в четко очерченный овал. — А вот отсюда начинается наш город. Тут улица Энтузиастов, прилегающая к Комсомольскому проспекту, а вот там — самая красивая из магнитогорских улиц — Коммунистическая. И название у нее, как видите, вполне подходящее... Ну, а сейчас записывай свой новый домашний адрес, Илья Муромец, — сказал он мне. — Коммунистическая улица... Номер дома и номер квартиры тебе сообщат дополнительно. Ты будешь жить в высоком светлом доме. Из окон твоей квартиры откроется чудесный вид на наш город металлургов. Но ключ от нее ты получишь тогда, когда вместе со всеми построишь этот город и этот дом. Собственными руками. Не надеясь на то, что за тебя будет работать кто-нибудь другой.

Он окинул всех внимательным, строгим взглядом и продолжал:

— Пусть каждый зарубит себе это на носу. Мы приехали сюда строить комбинат-исполин и воздвигать город. Так что первая наша забота — оправдать надежды, которые возлагает на нас партия. Вспомните Маяковского: «Я знаю — город будет, я знаю — саду цвезть...» Правда, в данном случае поэт имел в виду Кузнецк. Но и Кузнецк, и будущий Магнитогорск, как вы сами понимаете, все равно что слова из одной песни.

Он медленно, как бы нехотя, отбросил в сторону прутик и сказал:

— Если вопросов больше нет, то ставлю на этом точку. Так начался для нас новый день.

Над степью занималось погожее утро. Мы отправились осматривать стройку и оформляться на работу.

* *
*

Стройка любого могла поразить своими масштабами. До самого горизонта земля была изрыта котлованами. И на всем этом пространстве копошились люди. Работали вручную, лопатами, ломami. Одни относили вырытый грунт на носилках, другие отвозили его на тачках или в тележках-грабарках.

На стройке, конечно, были и грузовые автомашины, и подъемные краны, но в таком малом количестве, что их не легко было заметить.

Впрочем, это сегодня, после Куйбышевгидростроя и Асуана, в век атомных электростанций и космических ракет, представляется убогой строительная техника первой пятилетки. А тогда и приземистый американский кран, и мало-мощный по нынешним меркам экскаватор производили впечатление.

Меня назначили начальником особой проектно-строительной группы Магнитостроя. Это был важный участок, но все-таки не совсем то, о чем я мечтал. Гидротехника, электроэнергетика — вот что больше всего привлекало меня. С радостью пошел бы я работать на строительство Магнитогорской ГРЭС. Но мне предложили работу, в которой была бóльшая необходимость, и, естественно, я принял это предложение безоговорочно.

Те дни запомнились мне как один сплошной штурм. Работа захватила с первого часа. Коллектив с каждым днем набирал темпы. Первая очередь комбината должна была вступить в строй.

Признаюсь, то, что предстояло сделать у горы Магнитной в намеченные два года, поначалу представлялось мне почти фантастическим. Здесь, на пустынном месте, требовалось соорудить рудники, коксовые и доменные печи, прокатные и механические цехи, электростанцию, сложную сеть железнодорожных путей. И — построить город!

Теперь мы привыкли к таким масштабам, а в 30-е годы строительство подобного объекта требовало огромного напряжения сил. О том, как мало было техники, я уже говорил. Была и другая большая забота: не хватало квалифицирован-

ных рабочих, не хватало специалистов. На стройку съезжались в основном полуграмотные, а то и вовсе неграмотные крестьяне, совершенно незнакомые с техникой.

Их следовало усадить за учебники, познакомить с теоретическими основами строительного дела, начиная с азов. Так и сделали. Надо было видеть их тягу к знаниям! И хотя у каждого инженера хлопот и забот было на четверых, все мои товарищи, и я вместе с ними, вечерами становились педагогами на курсах повышения квалификации. Молодежь, уже немного освоившая свою профессию на практике, после трудового дня штудировала теорию.

Помню, что учились буквально все, и не только на курсах. Нередко обучение шло во время обеденного перерыва или после работы прямо на строительной площадке. Инициатором таких учебных «летучек» был прораб Миша Заслав. Энергичный инженер, комсомолец Заслав собирал рабочих, не имевших квалификации, и рассказывал им о монтаже, свойствах горячего металла и сжатого воздуха. Прораб взял себе в помощники бригадиров Богатырева, Девятова, Жмакова, Мамыкина. Они учили грабарей-землекопов пользоваться отбойными молотками, поддержками и обжимками. Со временем землекопы — бывший беспризорник Густов и недавние пастухи Крутяков и Батяев, — так же как и многие другие, стали высококвалифицированными клепальщиками...

Учеба не прекращалась и зимой, когда жить и работать на лютном уральском ветре было особенно трудно. Но и запомнилась та пора на всю жизнь.

Учились и мы, инженеры. Сама действительность заставляла нас думать, отыскивать резервы, находить наиболее скорые и экономичные пути решения неотложных задач.

Футеровка, т. е. облицовка внутренней поверхности доменной печи и кауперов обычно велась постепенно — с низу до самого верха. Я предложил разделить корпус домы и кауперов на три части — по горизонтали. Устроив леса-подмости, рабочие вели одновременно облицовку всех трех частей. Это позволило провести футеровку домы втрое быстрее обычного.

Газета «Магнитогорский рабочий» от 25 октября 1931 года написала об этом рацпредложении, и оно стало применяться на строительстве других домен.

Тогда же меня наградили Почетной грамотой «за активное участие в строительстве крепости социалистической

индустриализации магнитогорского металлургического комбината». Эта грамота, как в ней было сказано, давала мне «право ношения нагрудного значка с надписью «Строителю Гиганта Магнитострой»».

Сохранилось у меня и письмо «треугольника» магнитогорской конторы «Теплострой» — начальника работ Беликова, секретаря парторганизации Барышева и председателя цехового комитета Колчина. Письмо это адресовано бригаде инженеров, которая помогала ликвидировать «узкие места» — преодолевать отставание в монтаже доменной печи. Я возглавлял эту бригаду. Нас было шестеро инженеров: Иванкин, Матвейчев, Додин, Назаров, Пионткевич и Комзин.

Отрывок из письма ярко характеризует и обстановку на строительстве, и стиль документов того времени.

«Ваша помощь пришла как раз вовремя. Неумелые, ничтожные руководители конторы и доменного участка развалили работу. Сроки, предназначенные для кладки, были сорваны из-за отвратительной организации работ и неправильной, неумелой расстановки сил.

Вы пришли тогда, когда на нашем доменном участке царила анархия и растерянность, тогда, когда каждый день углублял прорыв.

С первых же дней вы без парадных слов, по-боевому, по-большевистски начали помогать здоровому ядру наших работников ликвидировать этот прорыв. Благодаря вашей неустанной, круглосуточной работе была организована бесперебойная подача огнеупора к месту работ. Вы организовали на нашем участке подсобную силу коммунистических субботников, показавших прекрасные образцы социалистического труда. Энергично и четко вы поставили вопрос и добились полной механизации подачи огнеупора на домны и каупера».

Работа действительно была круглосуточной. Мы порой буквально падали от усталости, несмотря на молодость. Сейчас это время вспоминается как счастье.

...Февраль. Выходной день. Земля как камень. Не то что лопата, кирка ее не брала. Но был объявлен субботник, и общежития опустели. Все строители до единого вышли на работу. У музыкантов самодеятельного оркестра примерзали губы к медным мундштукам, но они играли — под музыку веселее, легче работалось их товарищам. Со звоном вонзались в мерзлый грунт лопаты и кирки, быстрее бегали по доскам катали с доверху нагруженными тачками.

К вечеру подвели итоги и оказалось, что все задания перевыполнены.

Неповторимые будни и праздники, из которых складывалась наша молодость...

* *

*

Как-то зимним днем шел я по стройке. Ледяной ветер полоскал, рвал кумачовое полотнище, протянутое меж двух монтажных площадок. Я остановился и прочел: «Комсомольские бригады Ефремова и Чеботарева показывают образцы большевистских темпов. Равняйтесь на эти передовые бригады!».

А чуть дальше огромный плакат, прикрепленный к заиндевевшим проводам ветровых связей призывал:

«Научимся использовать иностранный опыт!».

В те времена был и такой лозунг. Помню высокого, сухопарого американского инженера Стака. Работали на стройке и другие его соотечественники, а также специалисты из Германии.

Они были опытными строителями — Стак, Гартман, Пляс и другие. Но как часто зарубежным дипломированным специалистам доводилось почтительно снимать шляпу перед простыми русскими парнями и учиться у них, вчерашних землекопов, делать невозможное возможным!

На одной из страниц моего магнитогорского дневника есть такая запись:

«Сентябрь, 1931 год. Пущена ГРЭС. Ее конечная мощность 248 тысяч киловатт».

Сколько усилий приложил коллектив магнитогорцев, прежде чем смог рапортовать партии и народу об этой победе! Мне особенно запомнился один случай, типичный и необыкновенный одновременно.

Как-то между комсомольцем Владимиром Банных и немецким инженером Гартманом возник принципиальный спор.

Владимир доказывал, что монтаж топок котла можно вести гораздо быстрее, чем рекомендовала германская фирма «КАСГ». Гартман не соглашался. На основании точных выкладок он пытался убедить своего русского оппонента, что в данном конкретном случае быстрые темпы монтажа противопоказаны, что излишняя спешка может привести к катастрофе.

Но, убежденный в своей правоте, комсомолец Банных не

сдавался и добился того, что предложенный им метод монтажа был утвержден главным инженером.

Последовал длинный спор, который порядком утомил переводчицу, но не переубедил упрямого бригадира.

Монтажники во главе с Банных работали, не считаясь со временем. Каждый верил в успех, старался перекрыть нормативы немецкой фирмы — закончить монтаж раньше и лучше, чем рассчитывал герр Гартман. Крестьянские парни, недавно ставшие монтажниками, проявляли прямо-таки удивительную находчивость в самых сложных обстоятельствах. И не было такого дня, чтобы они не побивали свои же собственные рекорды. «Дружнее, быстрее, лучше!» — таков был их девиз.

День, когда бригада закончила работу, намного опередив сроки германской фирмы, вылился в торжество всех строителей ГРЭС, всей стройки.

Я видел, как проходила проверка котла.

Гартман внимательно осматривал каждую из тысячи шестисот труб. Это отняло у него массу времени, но только на одной он обнаружил «слезинку» — незначительный дефект, который тут же был устранен.

Гартман не мог скрыть удивления. Он подошел к бригадиру и, крепко стиснув ему руку, заговорил. Переводчик едва успевал за ним.

— Это невероятно! Я заявляю вам, господин Банных, что наша германская фирма «КАСГ» побеждена. Да, да! Вы доказали, что топки ее системы можно, оказывается, монтировать не в шестьдесят дней и семнадцать часов, а в три раза быстрее. Вы вправе гордиться, молодой человек. Благодаря новому методу, предложенному вами, Советский Союз поставил мировой рекорд...

Изучая опыт зарубежных специалистов, строители Магнитки, как правило, совершенствовали его, приспособляли к местным условиям и возможностям. Иностранные технические новшества они, по мере надобности, переделывали на русский лад.

Был у нас на стройке, в доменном цехе, такелажник Рублев. По-теперешнему его называли бы высотником, потому что ему доводилось работать на самых высоких точках стройки. Но в те годы такого слова еще не было в обиходе. Так вот этот самый Рублев обладал прирожденным талантом рационализатора и изобретателя. Когда он на собраниях рассказывал о своих «придумках», его слушали, затаив дыхание.

Однажды я почти дословно записал выступление Рублева на собрании в клубе строителей. Привожу эту запись:

— На первой домне мы долго не могли додуматься, как начать монтаж: не было башенного крана. Много времени я ломал над этим голову и наконец сообразил, что можно обойтись и лебедкой. Построил на лесах приспособление из двух крест-накрест скрепленных бревен. Одно было подвижное, и на нем-то подавали детали конструкций на домну. Производительность увеличилась в четыре раза... На второй, комсомольской домне работали, не устанавливая лесов. Сборку и клепку по моему предложению производили с подвесных люлек. Это ускорило дело, потому что леса мешают. Монтаж идет так: сначала сборка, потом клепка. Если одна работа затянется, то и другая стоит. Ценное предложение внес бригадир Власов: он придумал сделать люльки двухэтажными. На «верхнем» этаже идет сборка, подтяжка болтов, а за нею следом — клепка. Клепальщики и сборщики как бы подгоняют один другого, и в результате работа подвигается быстрее...

Строители, собравшиеся в клубе, долго не давали таке-лажнику покинуть трибуну:

— Расскажи, как твоя бригада повернула стрелы с желобами к комсомольской домне.

— И еще интересно бы послушать, как тебе удалось отремонтировать стрелу, которая держалась на честном слове...

— Могу и об этом рассказать, — охотно согласился Рублев. — Вот как дело было. Моя бригада получила задание: стрелы с желобами, по которым шел бетон из бетонолитейной башни, повернуть с первой домны на вторую. Дали нам срок сорок восемь часов, а мы справились за шестнадцать. Потом нам сказали: снимите желоба, поверните стрелы и после опять поставьте желоба. Мы же повернули стрелы вместе с желобами посредством простой лебедки. Завязали стрелы канатом и тянем. Так и вытянули. А через пять дней я чуть не нашел себе конец на левой стреле: она надломилась и в любую минуту могла упасть. Я привел на место аварии начальника цеха Серебряного, прораба Капланского и американского инженера Стака. Мистер Стак изобразил пальцами у себя на груди крест. Этим он хотел сказать, что рискнувшего подняться на стрелу ждет верная гибель. Но американец не учел, что у надломленной стрелы, возможно, сохранился еще какой-то запас прочности. Я надеялся на это и, как бригадир, распорядился сделать люльку и подвесить

на наиболее надежном месте блок. Люльку сделали, и я поднялся наверх. Восемь часов кряду работал, и стрела не упала. Говорят, риск — благородное дело. Ради того, чтобы провести ремонт и спасти стрелу, думаю, стоило рисковать...

Когда весной стройку облетела весть о том, что комсомольская домна по темпам догнала и перегнала домну № 1, тот же американский инженер Стак заметил:

— Русские комсомольцы удивили меня. Они становятся настоящими мастерами своего дела. Для них не существует преград.

* *
*

Случалось, Магнитку посещали иностранцы туристы. В те годы это бывало редко. Пассажирские самолеты тогда не курсировали, поезда шли долго. Но иные зарубежные гости все же решались совершить путешествие на Урал ради того, чтобы собственными глазами взглянуть на «советское чудо», каким представлялось им грандиозное строительство у горы Магнитной.

В западной буржуазной прессе писали о нашей стране большей частью с нескрываемой враждебностью. Сообщая, скажем, о том, что магнитогорцы днюют и ночуют на строительных лесах, что они работают и под проливными дождями, и в трескучие морозы, и в снежные бураны, многие буржуазные газеты изображали это или как принудилровку, или как труд бездумных работяг.

Неудивительно, что именно такими представлял себе людей уральской стройки и молодой инженер из Шеффилда. Признавшись мне в этом, он добавил:

— Но то, чему я был свидетелем сегодня утром, заставило меня увидеть русских совсем в другом свете, изменить свое прежнее, превратное мнение о них.

Что же так поразило моего английского коллегу?

День мы провели с ним на стройке. Термометр показывал 42 градуса ниже нуля. Однако иностранный гость, одетый в добротную овчинную шубу, которую раздобыли снабженцы строительства, не уходил со стройки. Он со все возрастающим любопытством смотрел наверх, туда, где на головокружительной высоте человек привязывал к выступу балки древко с трепещущим на ледяном ветру красным полотнищем.

Прикрепив знамя, человек подал знак своим товарищам, что площадка готова. Они с нижнего перекрытия поднялись

наверх, на новое рабочее место. И вскоре на шаткой обрешетке уже четверо орудовали топорами, выполняя ударное задание. А продрогший англичанин стоял внизу, у здания будущей ГРЭС, и с недоумением спрашивал, как можно работать в лютый холод на стометровой высоте и вообще что заставляет рабочих рисковать своим здоровьем и жизнью.

— И еще, пожалуйста, объясните мне, при чем тут красное знамя? Что это — обязательный атрибут или просто прихоть?

— Ни то и ни другое, — ответил я. — Это, если хотите, выражение патриотизма и гордости рабочего, его любви к стройке и к своему делу. Поверьте, никто не заставлял бригадира брать с собой наверх знамя и всякий раз перед началом работы укреплять его на таком холодище. Впрочем, поговорите с ним сами...

Вскоре рабочий, который водружал знамя, спустился вниз. Это был плотник Козлов. Я пригласил его побеседовать с гостем.

Рядом с рослым англичанином небольшой, покрасневший от мороза и смущения плотник выглядел подростком.

С первых же слов разговор английского инженера и советского плотника принял странный характер.

Англичанин с помощью переводчика упорно доискивался причин трудового героизма своего собеседника и его товарищей по бригаде, а русский на все вопросы отвечал в том духе, что это вовсе не героизм, что так трудятся все строители Магнитки, что каждый стремится стать победителем в социалистическом соревновании за досрочный пуск первой очереди металлургического комбината.

— Наш гость хочет знать, почему вы поднимаете на своем рабочем месте красное знамя, — сказал я Козлову.

— Прежде всего потому, что мы — краснознаменная бригада, — стал объяснять он англичанину, — это почетное звание мы завоевали в честном соревновании с другими плотниками. Мы поднимаем знамя, чтобы все видели и знали: здесь трудится бригада Козлова, следуйте, мол, нашему примеру! Товарищи берут обязательства обогнать нас, работать еще лучше. А мы думаем: «Попробуйте, обгоните! Близок локоть, да не укусишь. Красное знамя мы вам не отдадим...».

— Я ничего не понимаю... — пробормотал англичанин. — Я вижу, вас воодушевляет идея, только ведь идея еще не все, ею сыт не будешь...

Козлов пустился в дальнейшие объяснения.

А я тогда, помню, подумал: вряд ли понял английский инженер истоки нового отношения к труду, новые отношения между людьми в первой стране строящегося социализма.

* *
*

В солнечное воскресное утро 29 июня 1969 года я услышал, как по радио поздравляли уральских металлургов с сорокалетием рабочей Магнитки. Сообщалось, что в Магнитогорске, который за четыре десятилетия дал Родине двести миллионов тонн стали, состоялась юбилейная скоростная плавка. Представители трех поколений доменщиков и сталеваров посвятили новый производственный рекорд приближающемуся столетию со дня рождения В. И. Ленина.

На другой день я увидел в «Правде» фотографии сталеваров. На центральной площади города собрались сотни выпускников профессионально-технических училищ, чтобы в торжественной обстановке дать клятву верно хранить и приумножать героические традиции рабочего класса. В юбилейной плавке трех поколений приняла участие и группа воспитанников училища № 13. Какие хлопцы смотрели со снимка! Один к одному. Веселые, улыбающиеся. Отблески расплавленного металла, точно солнечные блики, играли на лицах горновых десятой доменной печи В. Акутина, В. Киреева и Героя Социалистического Труда Е. Борзенкова.

Горновые десятой доменной печи... Мы строили первую и вторую домны, а нынче далеко гремит слава десятой, на которой теперь работают наши внуки.

Много воспоминаний навеяла на меня и символическая палатка первых магнитогорских новоселов. Палатка эта из железобетона, она века будет напоминать о том, как закладывался город, о тех, кто приехал в необжитую степь и закладывал первые камни в фундамент гиганта индустрии.

Я смотрел на палатку и думал: не на этом ли самом месте сорок лет назад работник горкома партии в поношенной кожанке прутиком рисовал на песке город своей мечты?

Где он теперь? Как сложилась его судьба? Как сложились судьбы других строителей Магнитки? Имена некоторых из них теперь широко известны. Паровозный машинист Александр Авдеенко стал писателем. Его роман «Я люблю» пользовался огромным успехом, как и другие его произведения. Любимы народом и песни Матвея Блантера, который когда-то приехал на Магнитку с одним из первых эшелонов. Строи-

тель плотины Евгений Майков стал генерал-лейтенантом инженерных войск.

Здесь же, на Магнитке, сделал первые шаги в искусстве комсомолец Коля Аввакумов. Помню, что его увлечением была не только живопись, но и музыка и пение. Но настоящим его призванием стала все-таки живопись. Некоторые работы Николая Аввакумова хранятся в Третьяковской галерее. Не так давно я специально поехал в Третьяковку, чтобы снова, после многих лет, посмотреть на аввакумовские зарисовки с натуры. Акварель «Коксохимический комбинат», рисунок пером «Первая домна», другие работы... Словно услышал я голоса друзей юности.

Бывает, увидишь случайно в городе кого-нибудь из них и затащишь к себе домой, и — начинаются бесконечные: «а помнишь?», «а помнишь?..».

— Помнишь бригаду Редина? Ребята обшивали арматурой пень¹ домны и однажды тридцать шесть часов криду не поднимались наверх. Два дня солнца не видели...

— А бригадиров Гимодеева и Оськина помнишь? Ведь это они установили первые рекорды в соцсоревновании.

— Как не помнить! И такелажника Рублева не забыл, и братьев Байраков до сих пор вспоминаю, Ваню и Мишу. Комсомольская домна была третьей на трудовом счету братьев-близнецов.

— Третьей, но не последней...

В памяти всплывают все новые эпизоды, новые факты, все новые, дорогие сердцу имена строителей Магнитки.

Я вспоминаю Вениамина Эммануиловича Дымшица, одного из строителей Магнитогорского комбината, затем начальника строительства Запорожского металлургического завода, а потом — Заместителя Председателя Совета Министров СССР.

— Как же, как же! — оживляется гость. — Как-то недавно встретились мы с ним на сессии Верховного Совета. И поверишь ли, первое, о чем заговорили, — о Магнитогорске.

— Да, многих вывела на большую дорогу жизни уральская стройка, — замечаю я. — Михаила Юрьевича Евца знаешь? На Магнитострое землекопом был...

И я рассказываю о судьбе этого человека, о том, как спустя много лет он и его два сына работали на Куйбышев-гидрострое экскаваторщиками, соревнуясь между собой за

¹ Пень домны — основание, фундамент доменной печи.

лучшие показатели в выемке грунта. В соревновании с сыновьями победу одержал отец, и ему присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Вспомнили мы и еще одного ветерана Магнитки. Он не был рабочим, не имел инженерного диплома да и вообще в списках строителей комбината не числился. Но был на стройке, что называется, своим человеком, знали его все — от грабаря-землекопа до главного инженера и начальника строительства. И он знал всех. Этот вездесущий молодой человек никогда не расставался с карандашом и блокнотом, кропотливо добираясь до первопричины какой-либо оплошности или серьезного промаха в работе. От его цепкого глаза не ускользало ни плохое, ни хорошее. Он возглавлял корреспондентский пункт «Комсомольской правды» на стройке.

Корпункт постоянно кочевал с места на место: то располагался в вагоне, то в бараке — в зависимости от обстоятельств. Собрав материал, газетчик садился писать там, где ему было удобнее, вернее, где представлялась малейшая возможность для работы. Зимой, в сильные морозы, холод загонял корреспондента в барак. Но и в бараке чернила покрывались ледяной коркой, а под табуреткой, на которой сидел журналист, гудел примус, накрытый раскаленным докрасна обрезком листового железа.

Рабкоры — и я в том числе — заходили сюда не только по делу, но и послушать радио и поговорить с приехавшими из столицы писателями и газетчиками. А приезжало их много, и прежде всего они шли в корпункт. Среди тех, кто осаждал корреспондента, были и журналисты центральных газет, и известные писатели. В редакции я познакомился с Демьяном Бедным, Валентином Катаевым, Александром Малышкиным — первыми летописцами Магнитки.

А имя неутомимого корреспондента «Комсомолки» Семена Нариньяни стало хорошо известно всесоюзному читателю.

...С Семеном Давыдовичем Нариньяни мы почти соседи, живем недалеко друг от друга в Переделкине, под Москвой. Иногда мы встречаемся, и разговор непременно заходит о Магнитке.

Как-то вспомнил Семен Давыдович первый день своей жизни на стройке.

— Должно быть, потому что представитель «Комсомольской правды» был первым корреспондентом в Магнитогорске, — Нариньяни говорил о себе в третьем лице, — началь-

ник строительства решил создать ему максимальные удобства. Для разездов выделил лошадь Катьку. А чтобы корреспондент мог после долгих ежедневных скитаний по стройке отдохнуть, ему был выдан ордер на койку в комнате номер одиннадцать, в бараке номер четыре, под Сосновой горой.

Корреспондент сразу же отправился с вещами к месту нового жительства. Вот, наконец, и Сосновая гора. Вокруг, куда ни помотришь, — пустырь. Где же барак номер четыре?

— А зачем он вам? — спросил подошедший прораб.

— Как зачем? У меня ордер.

— А-а-а... — многозначительно протянул прораб и повел корреспондента к месту, размеченному колышками, — вот здесь будет стоять барак номер четыре.

Затем прораб отмерил от какой-то лунки три шага в сторону и добавил:

— А здесь расположится комната номер одиннадцать.

Прораб был человеком не без чувства юмора. Он посмотрел и спросил:

— Ну как, вы переедете на жительство в комнату номер одиннадцать сейчас или подождете до осени, когда закончится постройка барака?

Корреспондент улыбнулся и спросил:

— Мой ордер, это что — ошибка?

— Нет, зачем же! Это надежда на лучшее будущее.

И так как жилищный отдел Магнитостроя выдал таких «надежд» на три месяца вперед многим приезжим, то корреспонденту пришлось эти три месяца жить не в бараке номер четыре, а на стоге сена возле пожарной команды. Под стогом был спрятан чемодан с бельем и блокнотами корреспондента, а сверху спал он сам. Рано утром к этому стогу конюх подводил Катьку и тыкал в представителя прессы кнутовищем, напоминая, что трудовой день на стройке начался...

Эти шуточные воспоминания, которые, однако же, точно отражают положение дел, навели нас на мысли о других случаях и ситуациях.

Семен Давыдович заговорил о том, что на строительстве Магнитки были проведены первые рабкоровские рейды и что эта форма рабочего контроля с неизменным успехом действует и в наши дни. Рейды способствовали активному росту рабкоровской сети. Партийная и комсомольская организация Магнитостроя оказывали корреспонденту большую помощь, особенно в организации рабкоровских совещаний. И на этих

«летучих» совещаниях не было пощады рвачам, лодырям, летунам. То, о чем запальчиво говорили бетонщики, каменщики, арматурщики, электрики, такелажники, сразу же находило отражение на страницах «молний», которые выпускала выездная редакция. «Молнии» пользовались у молодых строителей большим успехом.

Помню, едва вывешивали очередную «молнию», как около нее моментально собиралась толпа, слышались и веселые, и раздосадованные голоса:

— Погляди, как Гришку Сюткина намалевали — настоящий ангел-хранитель! Крылышками машет, а вокруг головы — то сияние божественное.

— Так и надо летуну! Порхает со стройки на стройку...

— Пусть полюбуется на себя, какой он есть, может, умнее станет...

Ребята смеются, а рослому парню с плечами в косую сажень не до смеха. Он и есть каменщик Гриша Сюткин, одержимый «охотой к перемене мест».

А дело было так. Увидели ребята: стал Гриша вещи в сундучок укладывать. Пристыдили они его, злостным летуном обозвали. Огрызнулся парень. И тогда «протянули» Сюткина в листовке. Ну, а правда глаза колет. Сказать парню в свое оправдание нечего. Куда ни придет — везде над ним посмеиваются.

И вот в очередном сатирическом листке под рубрикой «По следам наших выступлений» появилась покаянная заметка Сюткина. «Чувствую свою большую вину перед коллективом, перед своими товарищами, — писал Гриша. — Не к лицу советскому рабочему летать с одной стройки на другую в погоне за длинным рублем. Совершенно справедливо меня покритиковали. Обещаю выполнить требование листка-«молнии» и перейти на оседлый образ жизни».

И хотя Сюткин чистосердечно раскаялся, его еще долго называли «Ангелом-хранителем».

На Магнитке мы жили и работали под пристальным вниманием всей страны.

IX съезд ВЛКСМ объявил создание гигантов Урало-Кузбасса делом всего комсомола, и молодежь помогала нам словом и делом. Комсомольцы стройки взялись своими силами построить самую большую домну в мире. Американский инженер Стак заявил тогда, что комсомольская домна сделана быстрее и стоила наполовину дешевле первой. Но задерживалось поступление некоторых материалов, и рабочие при-

шли на корпункт с просьбой помочь. «Комсомольская правда» обратилась тогда к молодежи Днепропетровска, Дебальцева, Надеждинска, Златоуста с критикой тех, кто задерживает необходимые материалы, и с просьбой поскорее присылать нужные конструкции, машины и механизмы.

И в Магнитогорск посыпались телеграммы от комсомольцев предприятий-поставщиков. Вслед за телеграммами пошли к нам железнодорожные составы с долгожданным оборудованием. Дела на стройке улучшились, простои были ликвидированы. С новой силой разгорелось социалистическое соревнование за досрочное выполнение основных работ.

В то время по разным объективным причинам медленно подвигалось строительство коксохимического комбината. И снова «Комсомолка» забила в набат. На сей раз ее сигнал дошел до Высшего Совета Народного Хозяйства страны, и вскоре начальник Магнитостроя получил такую телеграмму-«молнию»:

«Из газет стало известно ваше упорное нежелание начать работу Коксохима. Предлагаю немедленно форсировать подготовку постройки Коксохимкомбината.

Председатель ВСНХ СССР *Куйбышев*».

* *
*

...Годы не в состоянии ослабить память о Магнитке. Тем более, что сама жизнь часто возвращает меня мысленно к тому славному времени.

Как-то в дни, когда близился юбилей Магнитогорского комбината, пришел ко мне домой корреспондент столичного журнала. Ему во что бы то ни стало хотелось узнать от участника событий сорокалетней давности, как жили, какими были комсомольцы 30-х годов.

— Ну что ж, — сказал я. — Давайте поговорим.

Журналист только и ждал этого. Он раскрыл блокнот и с места в карьер начал:

— Приходилось ли вам и зимой жить в палатке?

— Как обстояло с питанием?

— Что вам особенно запомнилось из тех времен?

— Выступаете ли вы перед молодежью с воспоминаниями о Магнитке?..

Вопросы сыпались, как из рога изобилия. Я записал все и стал отвечать на них, как говорится, в порядке поступления.

— Да, некоторое время пришлось и зимой жить в палатке. Случалось, за ночь волосы жены примерзали к брезенту. Иной раз утром невозможно было выбраться наружу, пока соседи не помогут отгрести снег...

Я рассказывал долго, и мне показалось, что на лице гостя в какой-то момент промелькнуло недоверие.

— Что, трудно поверить?.. Но ведь было именно так. И приезжали на строительство семьями, с детворой, селились в землянках, в «шанхаях». В палатках жили даже зимой. А летом обходились и без них. Вздернет иной оглобли вверх, покроет чем бог послал и — живет.

— Вы спрашиваете, как мы питались? Чаще всего — супом из сои, соевыми котлетами, кашей из сои, пили чай вприкуску с конфетами из сои. Соя была тогда очень популярным продуктом. На листках меню появлялись названия и других блюд: суп на костном бульоне и пшенная каша, борщ пофлотски и отварная вобла, но это гораздо реже... Передовики стройки ходили в столовую по специальным талонам, которые давали право занимать места в середине зала, где зимой было не так холодно, и получать обед в первую очередь...

— Что особенно запомнилось мне? Трудно сказать. Все помнится. Ведь каждый день на стройке приносил что-нибудь хорошее, чем-нибудь да радовал. Но все же самым памятным был для меня день пуска комсомольской домны...

— Выступаю ли я перед молодежью? Разумеется, выступаю. Рассказываю о том, что пережито четыре десятилетия назад, волнуюсь, и словно все повторяется снова... Морозным зимним утром тысяча девятьсот тридцать первого года мы с товарищами шли на работу. Вдруг кто-то из них нагнулся и написал на сверкающем нетронутым снегу: «Даешь Магнитку! Даешь металл!».

— А знаете ли вы, что пишут сейчас на колоннах Магнитогорского комбината? Горновой Валентин Новиков на XIV съезде комсомола сказал: «Когда я здесь, во Дворце съездов, разговаривал с делегатами, меня спросили, откуда я приехал. Я ответил: с Магнитки. Тогда один из них неожиданно спросил: «С какой?» И я подумал: в самом деле, теперь уже не одна Магнитка в нашей стране. Есть у нас Казахстанская Магнитка, есть Липецкая Магнитка, есть Северная Магнитка... Пришлось уточнить. Говорю: «С первой из всех советских Магниток — магнитогорской Магнитки!»...

Я был приглашен на съезд и слышал, как молодой металлург с трибуны говорил, что когда он впервые пришел в доменный цех, то его поразили плиты, исписанные мелом. «Тут и решения алгебраических примеров, доказательства теорем,— говорил Новиков.— Было понятно без слов: доменщики учатся... В годы гражданской войны родилось простое, мужественное слово «Даешь!». Оно шагало в ногу с историей: «Даешь Перекоп!», «Даешь Магнитострой!», «Даешь целину!». И вот теперь какой-то паренек написал на колонне: «Даешь интеграл!»...»

— Очень мне по душе это выступление,— закончил я свой рассказ.

Журналист закрыл блокнот, и во взгляде его было сомнение. Мне показалось, что он не был уверен в точности моего пересказа. «Как-никак после XIV съезда комсомола прошло несколько лет,— говорил его взгляд,— может быть, профессор запамятовал, не совсем точно передал содержание речи горнового?..»

Через некоторое время вышел журнал, посвященный Магнитке. В очерке о нашей встрече корреспондент писал: «Я записал пересказ речи горнового. Потом взял в библиотеке стенографический отчет и сверил с моей записью в блокноте. Этого можно было не делать. Шесть лет, миновавшие после съезда, не стерли в памяти моего собеседника ни одного слова, потому что слова эти были итогом целого столетия...».

Чему тут удивляться!

Мы любили, нет, мало сказать любили. Всею душой мы влюблены были в свое дело, в свою стройку. Для нас не было ничего дороже. И когда я читаю о героизме строителей сегодняшнего дня, то думаю: в этом смысле можно утверждать, что любая наша стройка является продолжением Магнитки.

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

Едем в Германию.— Встреча с Луначарским.— На земле и под землей.— Налет штурмовиков.— Турция, 1933 год.

Возвратившись в Москву — мне вскоре предстояло ехать в Германию, — я никак не мог забыть о Магнитке и той непередаваемой атмосфере радостного энтузиазма, которая царила во время пуска первой очереди стройки. В ушах еще звучали слова победного рапорта: «Магнитогорск строит весь пролетариат Союза республик. Кочевники-башкиры, пастухи-казахи, рыбаки далекого Севера превращаются в ударников... Тридцать пять национальностей работают на Магнитострое».

Помнились и слова американского инженера Гербера, которые он сказал мне после того, как стала на сушку восьмая батарея коксохимкомбината: «Таких темпов я не видел. Советские ударники работали, не считаясь со временем. Я потерял восемнадцать фунтов весу и не жалею об этом, ибо я только здесь научился работать по-настоящему...»

К счастью, срочное дело снова привело меня в Магнитогорск. Там мне вручили памятный подарок — слиток первого чугуна комсомольской домны № 2. Чугунная плитка весила не менее трех килограммов, но я не расставался с ней, носил с собой в портфеле и берег словно слиток золота. Да эта чугунная плитка и была для строителей Магнитки дороже золота!

Дома чугунная плитка лежала то на моем письменном столе, то на книжной полке — в общем, всегда была на виду, напоминая о самом дорогом.

Я и в Германию взял с собой этот слиток...

О том, что меня решили на длительное время командировать в эту страну, я узнал еще в Магнитогорске, на совещании, которое проводил в кабинете у начальника Магнитостроя Семена Яковлевича Гугеля нарком тяжелой промышленности Григорий Константинович Орджоникидзе.

Во время перерыва Семен Яковлевич сказал:

— Тебе, Иван Васильевич, в путь-дорогу готовиться надо. Товарищ Серго сказал мне, что с группой молодых инженеров ты поедешь совершенствоваться в Германию. Более подробно обо всем узнаешь в Москве...

Мы приехали в столицу, и вскоре меня вызвали в Наркомат. Заведующий иностранным отделом обстоятельно побеседовал со мной.

— Надеюсь, вам известно, какая политическая обстановка в сегодняшней Германии, — сказал он в заключение. — Там поднял голову фашизм. Возможны всякого рода провокации. В любую минуту могут потребоваться самообладание и выдержка... Самое важное — изучить опыт немецких специалистов. У них, надо им отдать должное, есть чему поучиться. Для этого, собственно, и посылают вашу группу в Германию...

В тот же день заведующий иностранным отделом представил меня наркому.

Мы вошли в кабинет. Орджоникидзе встал из-за стола и, улыбаясь, пошел нам навстречу.

Пригласив нас сесть, он и сам сел за письменный стол и начал просматривать мою анкету.

— Поскольку вас уже, надеюсь, проинформировали о цели поездки, — сказал нарком, — повторяться не буду. — Григорий Константинович положил анкетный листок на прежнее место и как-то совсем просто, перейдя на «ты», спросил: — Послушай, а как у тебя с немецким языком?

— Ничего... Изучал его, — ответил я не очень уверенно.

— Изучать-то изучал, а, признайся, все-таки слабовато знаешь этот язык, — заметил нарком. — А знать его надо основательно, иначе твоя командировка будет бесполезной. Ведь ты едешь совершенствоваться как инженер. Так что серьезно возьми за немецкий, пользуйся каждой свободной минутой.

Я обещал наркому последовать его совету...

Не могу сказать, чтобы Оля обрадовалась предстоящему путешествию. Она мечтала стать врачом и готовилась к вступительным экзаменам.

Но моя жена, как видно, уже успела свыкнуться с беспо-

койной профессией мужа-строителя. Я смотрел на Олю и ничего не мог прочесть в ее ясных, спокойных глазах. Но понимал и ее озабоченность, и тщательно скрываемую тревогу. Сынишке шел всего второй год. А главное, нам не только предстояло жить вдали от Родины, среди чужих людей, но жить в стране, где — мы знали это из газет — обстановка была очень сложной, где бесчинствовали фашисты...

Мы стали готовиться к отъезду. Я зубрил немецкий, изучал литературу о государственном и политическом устройстве Германии, ее экономическом потенциале, о современной немецкой горнопроходческой технике. Ведь мне предстояло изучить опыт проходки тоннелей метро глубокого заложения и технику водоотлива. Очень интересовал меня и Берлин, где нам предстояло жить.

Собрались мы в дорогу быстро. Попрощались с друзьями.

Грустно было расставаться с Москвой. На дворе стояла глубокая осень. Деревья на бульварах и скверах роняли последние листья. На мокром асфальте расплывались желтые огни фонарей. Но даже в такую погоду Москва была прекрасна.

В Берлин поезд прибыл рано утром.

Шофер вез нас кружным путем, чтобы показать не только центральную часть города, но и прилегающие к ней районы.

Не могу сказать, что Берлин ошеломил меня. После Москвы, которая в те годы стремительно меняла свой облик, я не увидел здесь ничего такого, что могло бы поразить мое воображение. Может быть, потому, что идеально прямые улицы, серые здания подчеркнута строгой архитектуры, аккуратно подстриженные деревья придавали городу слишком уж чопорный вид.

Прекрасное впечатление оставили асфальтированные магистрали, по которым в несколько рядов двигались вереницы автомобилей. Привлекали взор и радовали зеленые массивы, вторгшиеся в царство камня, стекла и металла, как, например, район Тиргартена и одна из главных улиц, Унтер ден Линден, где недалеко от советского посольства находилось наше представительство, к которому меня прикомандировали.

Поселились мы на Виктория-Луизенплац, в доме у врача, занимавшегося частной практикой. Нам отвели квартиру, обставленную старинной мебелью, с камином и двумя венецианскими окнами, выходившими в сад.

Хозяева оказались добрыми, приветливыми людьми. Фрау Шарлотта с первых дней привязалась к нашему малютке.

Что же касается хозяина, герра Вольфганга, то он сам напоминал мне большого ребенка. Герр Вольфганг купил Боре заводную автомашину, а так как сын не умел заводить ее, был для этого слишком мал, Вольфганг присаживался на корточки и без устали гонял по паркету оранжевый лимузин, вызывая неистовую радость ребенка. Они очень подружились — усталый седой человек и жизнерадостный малыш.

Постепенно жизнь вошла в нормальную колею. Увлекательная работа притупляла тоску по Москве. Ежедневно я знакомился со строительством берлинского метро, преимущественно с водоотливным устройством в штреке самого глубокого заложения — под Александерплац.

И у жены время было заполнено до отказа: хозяйственные дела и уход за ребенком Оля совмещала с учебой. У нее всегда были под рукой учебники по анатомии, химии, биологии.

Мы работали, много читали и много же — поневоле — наблюдали. Атмосфера в городе все накалялась. Чем больше правительство Гинденбурга — Шлейхера заигрывало с главарем немецких фашистов Адольфом Гитлером, тем больше нагнали национал-социалистские штурмовые отряды. На стенах домов все чаще появлялись листовки с паучьей свастикой, они призывали вести непримиримую борьбу с коммунистами и евреями. Профашистские газеты, предводительствуемые гитлеровским официозом «Фёлькишер беобахтер», пестрели злобными выпадами против компартии Германии и ее вождя Эрнста Тельмана.

На рождество я стал невольным свидетелем погрома, учиненного на Кайзервильгельмштрассе распоясавшимися фашистами.

Банда головорезов с ожесточением била железными прутьями по витринам магазина. Со звоном падали на тротуар осколки стекла. Хулиганов не могли унять ни крики выбежавших на улицу приказчиков, ни вмешательство возмущенных прохожих.

Покончив с одним черным делом, фашисты принялись за другое. Они набросились на юношу, продававшего недалеко коммунистическую газету «Роте Фане», и, зверски избив его, уехали на поджидавшем их грузовике. Когда к месту происшествия примчалась полицейская машина, погромщиков и след простыл.

...Новый год мы с Ольгой Яковлевной встречали в советском посольстве, на Унтер ден Линден, где чувствовали себя

как на родной земле. Слух ласкала русская речь, и уже от одного этого веселело сердце: казалось, что находишься не на чужбине, а в гостях у добрых друзей, где-нибудь на Тверской или в Марьиной роше.

В празднично убранном зале собрались дипломаты, ответственные сотрудники наших представительств и другие товарищи из советской колонии в Берлине.

Беседуя с одним из них, я заметил, что он частенько поглядывает на часы, хотя до двенадцати часов по московскому времени было еще не близко.

— Вы торопитесь куда-нибудь? — спросил я его.

— Куда мне торопиться? На свидание я уже все равно опоздал, — пошутил он. — Посмотрите, и посол нет-нет да на часы взор устремляет. Что бы это могло значить?.. Ну уж ладно, разглашу вам по секрету дипломатическую тайну... Знаете, кого ждут наши дипломаты? Луначарского. Анатолий Васильевич лечится в Берлине. Сейчас ему немного лучше, и он обещал приехать.

Стрелки часов вот-вот должны были сомкнуться на двенадцати, когда в зал вошли те, кого так ждали в посольстве.

Мужчину с темной округлой бородкой и в пенсне сразу все узнали, узнали и его жену Наталью Александровну Розенель.

Все заняли места за праздничным столом.

Внезапно в особняк на Унтер ден Линден ворвался шум Красной площади: это включили радиоприемник.

Раздался хрустальный перезвон кремлевских курантов. Часы на Спасской башне пробили полночь. С последним ударом погасла люстра и вспыхнула разноцветными огоньками нарядная елка. В зале воцарился приятный полумрак, подсвечиваемый вспышками пламени в камине.

Зазвенели бокалы. Посол поздравил гостей с наступившим Новым, 1933 годом и попросил Луначарского провозгласить тост. Анатолий Васильевич сказал, что при звуках кремлевских курантов каждый из нас как бы ощутил живое дыхание Родины, что эти величественные звуки, проникшие через все границы и кордоны, воспринимаются людьми труда, нашими братьями по классу, как гимн победившего народа, зовущий к борьбе за свободу и социальную справедливость... В мире беспокойно, говорил Луначарский, мы, советские люди, живущие сейчас под чужим небом, чувствуем это горздо острее, чем наши соотечественники на родной земле...

— Но стоит ли, товарищи, у колыбели только что родившегося Нового года говорить о том, что омрачает наше праздничное настроение? Предлагаю поднять бокалы за нашу любимую Отчизну, за наш богатырский народ! — закончил Анатолий Васильевич.

После ужина посол пригласил гостей в зимний сад, где январской ночью по-весеннему зеленели экзотические растения. Потом были танцы, а затем кто-то затянул всколыхнувшую душу русскую песню, которую дружно подхватили все.

Когда песня стихла, Анатолий Васильевич попросил Наталью Александровну прочесть что-нибудь.

Она вскинула голову, слегка прищурила глаза, словно всматриваясь вдаль, и начала читать:

— Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет буревестник, черной молнии подобный...

Розенель читала, и знакомые строки вдруг ожили. Зашумело, зарокотало предгрозовое море. Тревожно закричали чайки, ослепленные вспышками молний...

— В гневе грома, — чуткий демон, — он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца, — нет, не скроют!..

...Первые месяцы нового года ничего утешительного не принесли простым людям Германии. В стране рвался к власти фашизм.

Все чаще звучали в эфире истерические вопли Адольфа Гитлера, излагавшего свои бредовые идеи превосходства арийской расы и мирового господства. И если раньше вылазки приверженцев этих идей носили более или менее эпизодический характер, то в январе, после официального провозглашения Гитлера рейхсканцлером Германии, и в особенности в феврале — марте, фашисты совсем распоясались.

Массовый террор стал нормой политической жизни третьего рейха. Начались повальные аресты. Гитлеровцы бросали за решетку прогрессивно настроенных немцев, и в первую очередь, конечно, коммунистов.

Каждое утро я разворачивал газеты, и на меня обрушивался грозный поток событий:

...Один из ближайших сотрудников фюрера, Франк, заявлял: «Национал-социалисты не остановятся ни перед чем в борьбе против коммунистов, вплоть до полного уничтожения их...»

...В Киле был арестован и обвинен в государственной измене коммунистический депутат Хейк.

...В берлинском рабочем поселке Гроссбейн группа национал-социалистов, возвращаясь с факельного шествия, вошла в дом, в котором жили девять рабочих семей, и подожгла его. Есть жертвы...

...В Фридрихсфельде состоялись похороны трех рабочих — жертв фашистского террора...

Коммунистическая партия Германии давала решительный отпор вражеским вылазкам, отвечала на провокации гитлеровцев мощными демонстрациями трудящихся.

Обстановка накалялась.

...В пролетарских районах столицы — Веддинге и Нейкельне — произошли стычки демонстрантов с нацистами. В Шенеберге рабочие преградили путь гитлеровцам, опрокинув грузовики и афишные тумбы. В двух местах рабочие разогнали колонны фашистов. Национал-социалистов, которые пытались проложить себе дорогу на автомобиле, рабочие вытаскивали из него и избивали... В Фридрихсфельде состоялась грандиозная массовая демонстрация берлинских рабочих у могил Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Со всех концов города двигались колонны с бесчисленными красными знаменами. С речами выступили Вильгельм Пик и Морис Торез. Пик призвал к защите Советского Союза и борьбе за установление пролетарской диктатуры в Германии...

Во время одной такой демонстрации я вынужден был добираться домой пешком — из-за огромного скопления народа на улицах транспорт не работал. Десятки тысяч людей шли сомкнутыми рядами в Люстгартен. Море красных знамен...

Но силы были неравны. Государственная власть фактически находилась в руках нацистов, и они пользовались ею в полную меру. Гитлеровцы учредили чрезвычайные суды, наложили запрет на коммунистическую печать и объявили вне закона компартию Германии. Был издан чрезвычайный декрет о введении смертной казни и отдан приказ об аресте членов коммунистической партии. С каждым днем усиливались гонения против всех инакомыслящих, против прогрессивных деятелей культуры. Были исключены из Прусской академии искусств писатель Генрих Манн и выдающаяся прогрессивная художница Кете Кольвиц. Как в самые мрачные времена средневековья, запылали на площадях Берлина костры из книг. Возвращаясь вечером домой, я увидел дикое зрелище, и в сердце больно кольнуло: на площади, в каких-нибудь двух кварталах от нашей улицы, бушевал громадный

костер. Всякий раз, когда в огонь сбрасывали с грузовика очередную кипу книг, в небо взлетали снопы искр, окутанные клубами бурого дыма.

В воздухе вперемешку с хлопьями снега кружились клочья сажи и обрывки бумаги. Несколько страниц отнесло ветром в сторону. Я поднял одну с тротуара и сунул в карман. Дома посмотрел: то была страница из «Путешествия на Гарц» Генриха Гейне... Я смотрел на обгоревшую страницу и думал, что уже никогда в жизни мне не забыть этой картины: злобещие отблески пламени пляшут на перекошенных лицах нацистских факельщиков. Люди, суесящиеся возле чудовищного костра...

...Напряжение, царившее в городе, все нарастало. Вскоре события докатились и до нашей тихой улицы Виктория-Луи-зенплац.

Хозяева притихли, помрачнели. Куда девались их прежняя приветливость, их юмор? Стариков словно подменили. Напрасно мы с женой старались разгадать причину этой перемены. Все выяснилось позднее.

В штреке под Александерплац тоже что-то заметно изменилось во взаимоотношениях людей. Проходчики, маркшейдеры, гидротехники, электрики раньше обычно перебрасывались шутками перед началом работы или после смены, говорили о многом и в полный голос. Сейчас они чаще обменивались взглядами, чем острыми словами, переговаривались шепотом...

С некоторых пор в штреке появились новые люди. Старший инженер участка, где я работал, герр Эттингоф, коренной берлинец, добросовестно посвящавший меня во все тонкости специальности горняка-гидротехника, однажды вполголоса сказал мне, имея в виду новичков:

— Не знаю как вам, коллега, но мне эти назойливые господа решительно мешают работать. Во все они суют свой нос, до всего им есть дело.

Я спросил, чем они занимаются в штреке.

— Изучают технику безопасности горнопроходческих работ для своих будущих диссертаций, — с подчеркнутой иронией ответил мой собеседник и, помолчав, доверительно добавил: — А впрочем, бог их знает, чем они занимаются, герр Комзин. Одно скажу: у этих соискателей ученых степеней очень цепкие глаза. Смотрите, один уже обратил внимание на нас и направил свои стопы прямо сюда. Чтобы оставить его в дураках, давайте лучше поговорим о чем-нибудь более

веселом, ну хотя бы о природе, поскольку завтра воскресенье, а сейчас рабочее время, слава богу, кончилось.

Когда любознательный «диссертант» подошел поближе, наш диалог продолжался примерно в таком духе:

— Что ни говорите, герр Комзин, а живописнее местечка, чем Потсдам с его очаровательными парками, вы не найдете во всей округе.

— Позвольте с вами не согласиться, герр Эттингоф, гораздо живописнее в зимнем уборе прибрежные рощи Ванзее.

— Это, конечно, дело вкуса, но я все-таки остаюсь при своем мнении.

— Нет, нет, вы должны признать, уважаемый коллега, что в Ванзее можно и зимой прекрасно отдохнуть...

Откровенность старого инженера в дни, когда страх, подозрительность и недоверие друг к другу преобладали над всеми остальными чувствами жителей немецкой столицы, в первое мгновение показалась мне по меньшей мере странной. Но я вспомнил, что немецкий коллега строил когда-то железнодорожные тоннели в России и исключительно хорошо отзывался о нашей стране.

Еще более откровенный разговор повел со мною герр Вольфганг. Вскоре после Нового года, в один из вечеров он пригласил меня в свой пропахший лекарствами и табаком кабинет и, заперев дверь, сказал с грустной улыбкой:

— Давайте поменяемся ролями, герр Комзин: сегодня вы будете доктором, а я вашим пациентом. Если вы согласны, то вам предстоит выслушать меня и свято соблюсти врачебную тайну, как полагается в подобных случаях. — Он подвинул мне свое кресло, а сам сел напротив. — Итак, будем считать, что вы приняли клятву Гиппократа... Вы, наши уважаемые квартиранты, наверное, думаете, что я и фрау Шарлотта разочаровались в вас, что мы недовольны вами. Если вы и фрау Ольга действительно так думаете, то глубоко ошибаетесь. Иначе разве стал бы я сейчас исповедоваться, рассказывать о том, что можно доверить лишь очень близкому человеку.

Герр Вольфганг взглянул на меня в упор и, понизив голос, продолжал:

— Разве вы не видите, что делается в городе? В пивных пьяные фашистские верзилы до хрипоты орут «Хайль Гитлер!» и потом, наводняя улицы, пачкают стены домов и заборы свастикой, нападают на ни в чем не повинных прохо-

жих, всячески глумясь над их человеческим достоинством. Если такое творится сейчас, спустя несколько недель после того, как выживший из ума Гинденбург назначил Адольфа Гитлера рейхсканцлером Германии, то что же будет дальше?

Герр Вольфганг умолк. Он взял со стола конверт, вынул из него исписанный листок бумаги и сказал, задыхаясь от волнения:

— Вот на какие подлости способны эти подонки. Рассылают анонимные письма. Угрожают. Такие же грязные бумажки получили некоторые из моих знакомых. Видите ли, фрау Шарлотта имела несчастье родиться в еврейской семье. Она дочь известного в стране архитектора, чьим именем вправе гордиться Германия. Но какое дело до этого нацистам! Послушайте, что написано здесь: «Если вы не расстанетесь со своей женой в течение самого ближайшего времени, пеняйте на себя. Поверьте, у нас найдется средство урезонить вас... Или разойдитесь, или убирайтесь оба за границу. Выбирайте одно из двух, пока не поздно. Хайль Гитлер!».

У герра Вольфганга дрожали руки, лицо побелело. Он швырнул на пол письмо и срывающимся голосом повторил:

— Кто им дал право вторгаться в чужую жизнь? Кто позволил им плевать в человеческую душу? Кто уполномочил их диктовать нам свою волю и распоряжаться нашей судьбой?!

Герр Вольфганг помолчал, стараясь успокоиться, а потом сказал, что они с женой решили покинуть Германию.

— Не думайте только, что нас так устрасил этот ультиматум,— добавил он.— Решение, которое мы приняли, подсказано здравым смыслом и, если хотите, инстинктом самосохранения. Не надо быть провидцем, чтобы представить себе, что еще принесет Германии фашизм. Надо как можно быстрее уезжать отсюда... Ах, если бы нам удалось продать дом!..

Исповедь семидесятилетнего врача тронула меня до глубины души. Но что я мог сказать ему в утешение?

* *
*

Факельные шествия штурмовиков, завершавшиеся обычно погромами и публичным сожжением книг, стали заурядным явлением. Круглые сутки носились по улицам Берлина нацистские мотоциклисты. Тюремные кареты пугали жителей

германской столицы воем сирен. Среди бела дня штурмовые отряды устраивали облавы и на грузовиках увозили арестованных в неизвестном направлении.

В конце февраля фашисты наведались и к нам, в дом на Викториа-Луизенплац.

К тому времени наши хозяева продали за бесценок свой особняк и тайно перебрались к знакомым, обитавшим в пригороде Берлина. Супруги рассчитывали вылететь в Цюрих.

Накануне отъезда хозяева со слезами на глазах пришли проститься с нами. Фрау Шарлотта осторожно, чтобы не разбудить уже спавшего сынишку, поцеловала его и положила под подушку плитку шоколада.

Новые хозяева не спешили вселиться в дом, и некоторое время мы жили в нем одни. Каково же было удивление жены, когда, вернувшись с малышом с прогулки и собираясь уложить его спать, она обнаружила в детской кроватке под матрацем ворох старых немецких газет и журналов — различные коммунистические издания, запрещенные гитлеровским режимом.

— Чья же это работа? — спросила меня жена, когда я пришел домой. — Ведь квартира была заперта.

— Доискиваться, кто это сделал, будем после, а пока давай лучше уничтожим твою странную находку, — предложил я Ольге и бросил «крамольную» периодику в камин.

Перед сном я осмотрел квартиру.

— Не иначе, тут кто-то побывал в наше отсутствие, — сказал я жене. — Посмотри, какой четкий след на паркете.

Скоро мы с Ольгой Яковлевной поняли, какой гость пожаловал к нам, воспользовавшись тем, что никого не было дома.

Глубокой ночью нас разбудил шум голосов и грохот подкованных сапог в коридоре. Потом забарабанили кулаком в дверь:

— Откройте немедленно!

В комнату ввалились четверо дюжих штурмовиков в новенькой коричневой форме с фашистскими эмблемами.

Я предъявил свой советский паспорт. Старший из непрошенных гостей пробежал документ и, сделав вид, что не придает ему никакого значения, дал знак остальным приступить к обыску. Коренастый парень со шрамом бросился к детской кроватке и приказал взять ребенка. Испуганный малыш заплакал во весь голос.

Штурмовик перерыл кроватку и ничего не нашел.

— Неужели нас навели на ложный след?! — рявкнул главарь шайки. И все четверо, пролаяв «Хайль Гитлер», выскочили на улицу и умчались на мотоциклах, особенно шумных в ночной тишине.

Мы поняли, что штурмовики нагрянули к нам по доносу нацистского провокатора, проникшего в квартиру и подбросившего запрещенную литературу.

Как тут было не вспомнить напутствие заместителя Орджоникидзе: «...Там поднял голову фашизм. Возможны всякого рода провокации. В любую минуту надо быть готовым призвать на помощь все свое самообладание и выдержку».

Этот дружеский совет возымел свое действие. У меня чесались руки дать по зубам фашистским негодьям, ворвавшимся среди ночи в чужой дом. Силенкой природа не обидела меня. Но к чему бы привело мое справедливое возмездие? Какой резонанс могло вызвать?

Сколько раз потом мне еще приходилось сжимать в бесильной ярости кулаки, видя подлости, которые творили фашисты...

Гитлеровцы все больше нагнали. В газетах сообщалось о нападении штурмовиков на иностранных дипломатов и на некоторых аккредитованных в Берлине зарубежных корреспондентов.

Настали последние дни нашего пребывания в Германии. В связи с обострившейся политической обстановкой Наркомат срочно отзывал из Берлина своих работников. Отзывали и меня.

Узнав, что я собираюсь уехать, старший инженер участка Эттингер, выждав момент, когда никого не было поблизости, дал мне понять, что и ему, вероятно, недолго осталось работать в штреке.

— С точки зрения новой власти, — сказал он, — я принадлежу к категории неблагонадежных немцев. Если меня и не уволят, герр Комзин, то, в лучшем случае, понизят в должности...

В штреке было беспокойно, ходили самые разнообразные, но в большинстве своем невеселые слухи. Кого-то поймали с антифашистскими листовками... Кто-то попал в черный список за недозволенные разговоры... Кому-то крепко досталось от рабочих за связь со штурмовиками...

Случалось, при встрече со мной один на один рабочие приветствовали советского инженера боевым: «Рот Фронт!».

Мы собирались в Москву, когда Берлин, а вскоре и весь мир взбудоражила весть о поджоге рейхстага.

Рейхстаг запылал в разгар избирательной кампании, ровно за неделю до начала выборов. Каждому здравомыслящему человеку было ясно, что руками проходимца Ван дер Люббе поджог устроили заправилы третьего рейха во главе с Германом Герингом. Гитлеровцы пошли на эту авантюру, чтобы, объявив поджигателя коммунистом, дискредитировать компартию Германии и окончательно расправиться с нею.

Ведь как раз в те дни, несмотря на кровавый террор фашистов, германский пролетариат проявлял исключительное единодушие, голосуя за коммунистов, за список № 3, называя своим первым депутатом Эрнста Тельмана.

Когда Центральный Комитет Коммунистической партии Голландии в телеграмме, опубликованной в СССР, а затем во всей прогрессивной прессе мира заявил, что Ван дер Люббе не является коммунистом, что, напротив, он — особо активный враг партии, гитлеровская клика затеяла Лейпцигский процесс, посадив на скамью подсудимых Георгия Димитрова. Речи пламенного коммуниста-трибуна на фашистском судилище звучали как грозное обвинение против гитлеризма — злейшего врага человечества.

Читая уже в Москве сообщения о событиях в Германии, отчеты о Лейпцигском процессе, я с тревогой думал о трагической судьбе моих немецких друзей, с кем работал, вспоминал герра Вольфганга, который в свои преклонные годы вынужден был бросить родину и дом, в котором прожил всю жизнь.

Опасения старого немецкого врача оправдались.

Вскоре все узнали, что «неблагонадежных» нацисты не только увольняли с предприятий, но и отправляли в концентрационные лагеря.

* * *

*

Мы возвратились домой, в Москву, и я немного поработал старшим инженером иностранного отдела Наркомтяжпрома. Однако не успел я как следует свикнуться со своими новыми обязанностями, как мне пришлось ехать в Турцию. Собирался я туда с охотой — знал, что придется меньше отсиживаться в кабинете...

В те годы в конструкторских бюро и на строительных площадках Советского Союза трудилось немало иностранных специалистов: своих пока не хватало. Но и тогда наша Ро-

дина, верная своему интернациональному долгу, помогала другим странам, оказывала братскую помощь нуждавшимся в ней народам.

В разгар борьбы за подъем экономики страны и создания собственной индустрии наше правительство нашло возможным предоставить Турции кредит на двадцать лет. По советским проектам и с помощью советских специалистов в Кайсери и Назилли начиналось строительство двух крупных текстильных комбинатов. Туда меня и послали.

Много интересного увидели мы в этой своеобразной стране, и прежде всего нам бросились в глаза социальные контрасты. Расскажу о том, что мне запомнилось больше всего. Это — встречи с человеком, который в напряженной международной обстановке, когда в Германии пришел к власти Гитлер, а в Японии и Италии фашисты по примеру немецких нацистов разжигали махровый антисоветизм, проявил большую государственную мудрость.

Я имею в виду первого президента Турецкой республики Кемаля Ататюрка. В то сложное время он стремился поддерживать дружественные отношения с СССР, и уже это говорит само за себя.

...На другой день после нашего приезда в Анкару Ататюрк через советское посольство пригласил меня в президентский дворец — для знакомства и беседы, как сообщили из его резиденции.

Я увидел мужчину лет пятидесяти с задумчивым и сосредоточенным взглядом.

— Мы придаем большое значение строительству комбинатов, — сказал Ататюрк. — То, что будет построено в Кайсери и Назилли, хочется верить, окажет благотворное влияние на экономику Турции и создание наших собственных национальных кадров.

Я высказал аналогичную точку зрения и подкрепил свои слова цифрами. Когда все вопросы были исчерпаны, Ататюрк попросил передать свои наилучшие пожелания строителям и, протянув на прощанье руку, добавил:

— Буду ждать добрых вестей со строительства...

Совместная работа русских и турок с первого до последнего дня строительства была очень дружной, а отношения сложились самые сердечные. У нас не было никаких технических секретов от наших турецких коллег. Мы с открытой душой передавали им и знания, и опыт, от всего сердца радуясь каждому их успеху.

В цехах еще монтировалось оборудование, а наши специалисты уже знакомили будущих текстильщиков с устройством советских машин, учили налаживать и ремонтировать сложные станки. Это было нелегким делом, так как переводчиков не хватало. И тогда мы «всем миром» взялись за составление русско-турецкого словаря, который включал в себя самые необходимые понятия. То была тонкая книжица, однако она по-настоящему выручала нас, и с ее помощью мы сэкономили немало драгоценного времени. Удивительно, как быстро освоили рабочие — и русские, и турки — этот словарь. Строительство шло, и в процессе его тысячи турок стали квалифицированными рабочими, мастерами, техниками. Думается, что они запомнили русских учителей так же, как и мы, советские специалисты, поминаем добрым словом их, простых и очень трудолюбивых людей, учившихся старательно и настойчиво.

Запомнился мне один разговор.

Это было в Кайсери, незадолго до пуска комбината. Я осматривал один из цехов, вдруг меня кто-то окликнул.

— Не считите за труд, бейэфенди¹, уделить пару минут простому рабочему, — сказал небольшого роста, худенький человек, подойдя ко мне.

— Пожалуйста, я к вашим услугам... Что у вас, какая-нибудь просьба или вопрос? — спросил я.

— Нет, нет, бейэфенди, — ответил незнакомец. — Просто хочется выразить свою радость — ведь скоро пустим комбинат! Для нас, турок, это настоящий праздник! И для многих — это новая, интересная жизнь. Для меня тоже. Я как узнал, что в Кайсери строится текстильный комбинат, не раздумывая оставил работу разносчика посылок, бросил Измир, где жили мои деды и прадеды. На первых порах работал и землекопом, и каталем, и подносчиком кирпича. Но что было, то сплыло. Гораздо важнее, как я чувствую себя сейчас...

Глаза рабочего весело сверкнули, и он с гордым видом показал мне бумажку, которая удостоверяла, что «предъявитель сего Селим Джавад действительно получил специальность слесаря-наладчика».

— За это я прежде всего должен сказать спасибо вам, русским. Хороший был у меня учитель. Иолдаш² Курилов относился ко мне как брат.

¹ Соответствует русскому слову «сударь», «господин».

² Товарищ.

Мой случайный собеседник пристально взглянул на переводчика. Его несколько заискивающий, полный благодарности взгляд словно умолял перевести все точно, все до единого слова. И убедившись, видимо, интуитивно, что толмач добросовестно справился со своей задачей, он сказал еще что-то.

Переводчик одобрительно кивнул головой:

— Он спрашивает, бейэфенди, правда ли, что на открытие комбината приедет сам президент Кемаль-паша.

Мне было известно, что президента пригласили на открытие комбината, но приедет ли он в Кайсери я, разумеется, точно не знал, поэтому ответил уклончиво:

— Будем надеяться. Во всяком случае, этот слух не лишен оснований.

Смуглое лицо рабочего расплылось в улыбке...

Ататюрк приехал. В один из предпусковых дней, когда на комбинате заканчивались последние наладочные работы, из Анкары сообщили, что на торжество открытия Кайсерийского текстильного комбината прибудет президент республики.

— Давайте вместе подумаем, как лучше встретить высокого гостя,— обратился директор комбината Фазлы-бей к группе инженеров, среди которых был и я, представитель советских строителей.

Предложений поступило много, но только одно встретили с единодушным одобрением — преподнести президенту альбом образцов тканей, которые будет и уже начал выпускать комбинат. Образцы лежали на рабочем столе Фазлы-бея, радуя глаз яркостью расцветки. Кто-то из инженеров заметил:

— Приятно будет господину президенту посмотреть на эту радугу.

— Да, ничего не скажешь, красиво,— согласился директор,— но во что облечь эту красоту, чтобы она выглядела еще привлекательней?

Посоветовавшись с художниками, решили семнадцать образцов тканей заключить в изящный сафьяновый переплет с тисненым национальным орнаментом и дарственной надписью на турецком и русском языках.

Альбом, сделанный за одну ночь, удался на славу. Все были уверены, что он понравится президенту.

Наконец торжественный день наступил. Многотысячная толпа, заполнившая все места и проходы стадиона текстиль-

щиков, дружно скандировала слово, означавшее «отец турок» и второе имя президента, присвоенное ему народом:

— А-та-тюрк!..

Высокие гости из Анкары во главе с Кемаль-пашой поднялись на трибуну, установленную в центре арены стадиона.

Первым выступил директор комбината Фазлы-бей. Когда он заканчивал свою небольшую речь, я увидел, как министр экономики Джелал Баяр наклонился к сидящему в кресле президенту, что-то сказал ему и вслед за этим в руках Ататюрка оказался альбом, который Фазлы-бей предусмотрительно захватил с собой.

Ататюрк неторопливо листал страницы, внимательно рассматривал образцы тканей. Они понравились ему — это было видно по его довольному лицу. Потом он встал со своего места и поднял альбом над головой, показывая собравшимся страницу за страницей. Тысячи людей восторженно следили за каждым движением президента и, подавшись вперед, старались лучше рассмотреть то, что он показывал им. И когда Ататюрк, дойдя до последней страницы, поднес к губам образец ткани цвета государственного флага республики, стадион взорвался шквалом аплодисментов и приветственных возгласов.

Ататюрк не произнес ни единого слова, но создалось впечатление, что он выступил с яркой, волнующей речью. Посмотрите, как бы сказал президент народу, благодаря текстильному комбинату, построенному с помощью Советского Союза, отныне шелк для государственного флага своей страны будут ткать сами турки, на своем отечественном предприятии из хлопка, выращенного на своих полях.

На другой день депутат Фасаф Рывки Ата писал в газете «Джим-хуриет»:

«При помощи аданского хлопка, который мы прежде продавали по цене, как если бы он был плодом рабского труда, мы ткем сегодня рубашки для нуждающихся в одежде и полотно для триумфальных знамен...».

Около четырех десятилетий прошло с того времени. Многое изменилось в мире. Но неизменной остается ленинская политика мира и дружбы, основанная на взаимном уважении.

РАЗБУЖЕННЫЕ ЖИГУЛИ

*Первые дни начальника Куйбышев-
гидростроя.— Бесценные письма.—
Серебряные полтинники.—... И назва-
ли его Комсомольском.*

Самые счастливые и самые дорогие для меня даты — это день вступления в партию по Ленинскому призыву и день пуска Куйбышевской ГЭС.

Всякий раз, когда приходится рассказывать об этой гидроэлектростанции, мне трудно сдержать волнение: уж очень много воспоминаний связано с великой волжской стройкой. Ведь ей отдано столько лет жизни, полных забот, тревог, радостей...

Шел 1950 год...

Страна еще залечивала раны, нанесенные войной, а партия уже разрабатывала величественный план строительства материально-технической базы коммунизма.

21 августа 1950 года Совет Министров СССР вынес решение о строительстве на Волге, в районе Куйбышева, гидроэлектростанции мощностью около двух миллионов киловатт.

В те дни я только что вернулся в Москву после длительного пребывания в Севастополе, где руководил восстановительными работами.

Нового назначения я не ждал, поскольку мне обещали предоставить отпуск. И когда меня вызвали в ЦК, я поехал туда, захватив с собой папку с севастопольскими материалами: был уверен, что этот вызов связан исключительно с моей последней работой. А в Центральном Комитете партии меня спросили, готов ли я возглавить одно из новых строите-
льств.

— Какое именно?

— Строительство Куйбышевской гидроэлектростанции.

Услышав такое, станешь ли соизмерять свои силы с грандиозностью предстоящей работы? Охваченное радостью сердце подсказывало только один ответ: конечно, готов, конечно, согласен! И я сказал, что, конечно, согласен.

Вернулся я домой, рассказал все домашним. И в который раз за двадцать лет нашего супружества Ольга Яковлевна произнесла привычное:

— Что ж, надо ехать...

Друзьям и знакомым объявлять не пришлось. Они узнали обо всем из передачи всесоюзного радио: «Образовать управление строительства Куйбышевской ГЭС — Куйбышевгидрострой...».

В ту ночь телефон у нас в доме не смолкал. Звонили знакомые и незнакомые люди. Объявились давние друзья, фронтовые товарищи. Позвонил инженер Константин Иванов, с которым мы работали еще в Турции на строительстве текстильного комбината: «Не забудь, Иван Васильевич, вызвать на Волгу. Сделай узелок на платочке, а то, боюсь, в сутолоке дел еще запамятуешь...». Из Одессы дозвонился Прохоренко, строитель западного мола Балтийской гавани в Таллине: «Мы с тобой работали на войне, неплохо было бы под мирным небом потрудиться...».

Звонили отовсюду — со строек и предприятий, из учреждений.

В самые первые дни я получил шестьдесят восемь писем от механиков, экскаваторщиков, бульдозеристов, водителей грузовых автомашин, трактористов, от инженеров и даже от врачей. Затем этот поток увеличился десятикратно — я еще расскажу о нем.

Начались первые волнения и заботы, связанные со стройкой в Жигулях. Начались и продолжались много лет...

В те дни я познакомился с выдающимся специалистом по гидротехнике академиком Сергеем Яковлевичем Жукотом.

Высокий человек с одухотворенным лицом и усталым взглядом сказал:

— Поздравляю с назначением... — и после небольшой паузы добавил: — Очень ответственным назначением.

Вскоре пришел главный инженер проекта Николай Александрович Малышев, и Жук, как бы желая подчеркнуть значение предстоящего разговора, не просто сказал, а словно бы скомандовал:

— К делу!

Теперь глаза его были только внимательными и строгими.

Сергей Яковлевич говорил немного. Сначала он больше слушал и лишь изредка задавал нам вопросы. Признавая правильным то, что мы предлагали, одобрительно покачивал головой, а когда не соглашался с чем-то — спорил. Разговор становился все менее официальным, и порой я забывал, что перед нами сидит ученый с мировым именем.

Район Самарской луки был достаточно изучен, потому вариант строительства основных сооружений на мягких грунтах приняли без больших споров. Было определено расположение гидроузла: от правобережного жигулевского села Отважного к левобережному селу Кунеевке, ниже города Ставрополя.

Целый день провели мы в кабинете Сергея Яковлевича. По его вызову являлись то специалисты по гидромеханизации, то знатоки бетонных работ, то опытнейшие транспортники, то люди, отлично разбирающиеся в строительных материалах. Беседуя с ними, я вникал в детали проекта, входил в курс дела.

Вечером, когда все порядком устали, Сергей Яковлевич напомнил, что пора бы пообедать.

Мы разошлись, чтобы на следующий день продолжить знакомство с проектом. На это ушло шесть дней.

Наконец настал день отъезда. Со мной на Волгу летел сын Борис. Мы ждали машину, которая должна была отвезти нас в аэропорт. И вдруг совсем некстати — телефонный звонок.

— Слушаю... Что? Паровозный машинист? Желаете работать на Волге? Напишите, мы обязательно учтем вашу просьбу.

Только положил трубу, и опять звонок:

— Алло! Алло! Вас беспокоит опытный часовщик. Я могу быть полезен на стройке...

«И откуда они узнали номер моего домашнего телефона?» — подумал я, а вслух сказал:

— Напишите в Куйбышевгидрострой. И для часовщиков, надеюсь, работа найдется.

На улице засигналил шофер. Наспех простились с родными и побежали вниз. Вдогонку нам понеслась новая телефонная трель...

* *
*

...Вот и Куйбышев. Самолет делает круг над городом.

Через полчаса мы уже беседовали с секретарем обкома. Он познакомил меня с районом будущей стройки, рассказал

о том, что собой представляет Ставрополь, маленький городок, которому суждено стать центром строительства величайшей гидроэлектростанции.

В обкоме удивились, узнав, что я собираюсь обосноваться в Ставрополе:

— Разве управление строительства будет не в Куйбышеве? Для него уже отведено пятиэтажное здание и даже часть сотрудников подобрана.

— Возможно ли руководить строительством, находясь за сто с лишним километров от него? — говорю я. — Ну, а за то, что подобрали сотрудников, большое спасибо. Готов немедленно поговорить с ними. Впрочем, они в любой день могут выехать к новому месту работы, а мне помогите, пожалуйста, добраться до Ставрополя сегодня же.

К концу дня мы с Борисом вылетели туда на двухместном самолете. Не успели оглянуться — и под нами уже Ставрополь. С высоты он был виден как на ладони. Это скорее село, чем город, правда, большое село. В лучах заходящего солнца поблескивали луковки двух церквей.

Несколько белых каменных зданий в центре. Остальные строения — деревянные, приземистые, почерневшие от времени. Что украшает город, так это сосновый бор на самом берегу Волги. Деревья и дома смотрятся в воду, точно в зеркало. Красиво!..

Летчик облюбывал поляну и посадил самолет. Попрощавшись с пилотом, мы с Борисом не торопясь направились в город. С первого же переулочка на окраине за нами увязалась стайка мальчишек. Их становилось все больше. Некоторые забегали вперед и, возвращаясь обратно, выкрикивали: «Вот так да!», «А блестит-то как!», «Должно, из серебра!».

— Папа, сними кортик, — шепнул мне Борис, — а то вся ставропольская детвора скоро будет сопровождать нас.

Я отправился в дорогу в военно-морской форме. Пришлось снять кортик, который как магнит притягивал к себе маленьких волжан.

Пошли дальше и увидели — из-за пригорка показалась машина. Она остановилась, и шофер спросил:

— Это не вы будете начальник строительства Куйбышевской гидроэлектростанции? Если вы, так садитесь. Я за вами.

Остальной путь мы продолжали в выдавшей виды районной легковушке, привыкшей к любым дорогам.

Шофер подрулил к небольшому дому. В нем разместились

под одной крышей райком партии и райисполком. Встретили нас с радостью, пообещали всяческое содействие.

— Ждите, ждите гостей, — повторял я, — скоро сюда начнут съезжаться люди со всего Союза.

Нашим новым знакомым приятно, что их Ставропольский район обрел такую известность. Это было видно по всему, и прежде всего по отличному настроению секретаря райкома и председателя исполкома. Но любезные хозяева и слышать не хотели о деле. Секретарь райкома гостеприимно приглашал пообедать у него дома, а председатель райисполкома говорил, что ужинать будем у него. Оба звали к себе на временное жительство. Чтобы никто из них не был в обиде и, главное, чтобы не стеснять новых друзей, мы с Борисом нашли третий вариант — ночевали в пустом доме. Это, несомненно, была когда-то лавка, потому что в доме держался устойчивый, неистребимый запах дегтя. Спать все равно не хотелось, и среди ночи мы вышли поглядеть на Волгу.

Долго стояли на пустынном берегу. Река ласково плескалась у самых ног. Удивительная, неповторимая красота... Полная луна проложила широкую дорожку от одного берега к другому, словно обозначила контуры будущей плотины. Живые, веселые огоньки были похожи на отражения электрических лампочек.

Мы всматривались в очертания Жигулевских гор, дремлющих во тьме. Вслушивались в ночь. Какая тишина! Ничто не нарушало покоя. Спал городок. Лишь крики неизвестных нам ночных птиц время от времени доносились из бора...

На другой день, кроме непривычной тишины, мы обнаружили еще одно «свойство» города — невообразимую пыль. Да это и понятно: в Ставрополе не было ни одной мощеной улицы, и при малейшем ветре в воздух поднимались тучи пыли. «Что же здесь будет, когда пойдут колонны автомашин», — с тревогой подумал я.

Пока было свободное время, продолжал знакомиться со Ставрополем, который местные старожилы шутя называли столицей Жигулей. Узнал, что в городе двадцать четыре тысячи жителей, что большая часть населения занимается рыболовством, что вся промышленность здесь — валяльная артель «Заря». В общем-то небогато. Но зато не будет особенно жаль, когда наступит срок и город окажется на дне искусственного моря. А такая судьба ему уже уготована. Городок исчезнет под водой и возродится на новом месте, став краше и богаче прежнего.

Вскоре после нашего приезда жителей в Ставрополе прибавилось. Правда, пока всего на двадцать человек. Прибыл главный инженер Шапошников со своим немногочисленным техническим штабом. С их приездом пришлось задуматься над тем, где на первых порах разместить управление строительства.

Два дня мы с секретарем райкома потратили на поиски более или менее подходящего помещения. Остановили свой выбор на бывшем соляном лабазе. К концу второго дня нам удалось подыскать мало-мальски пригодное помещение и для вечернего гидротехникума, хотя этого учебного заведения даже и на бумаге пока не существовало. А нам предстояло позаботиться и о создании в ближайшее время филиала Куйбышевского индустриального института. Осилит ли мы все, что задумано, без квалифицированных инженерных кадров? Конечно, нет.

Была и другая сторона дела. Разве семейный человек долго поселится там, где нет ни школы, ни техникума, ни института? Всем хочется держать подросших детей при себе, хочется, чтобы дети учились там, где живут и работают родители. Вот и получается: если в Ставрополе будут средние и высшие учебные заведения, то стройка обеспечит себя постоянными кадрами. И, кроме того, это предотвратит текучесть рабочей силы, столь губельную для любого строительства.

Возник еще и такой вопрос: а где мы возьмем преподавателей? Но над ним долго ломать голову не пришлось. Инженеры, которые будут работать на стройке, — вот кто станет растить специалистов в техникуме и в филиале института.

Такие примерно соображения я высказал в своем письме в Центральный Комитет партии. ЦК одобрил задуманное. И уже в декабре 1950 года, через три месяца после создания Куйбышевгидростроя, открылись двери вечернего гидротехникума, а затем принял первых студентов филиал института...

Управление строительства с первого же дня стало получать великое множество бумаг. Но мы еще не имели ни одного чертежа будущих сооружений, даже подсобных.

Строгого разграничения обязанностей у нас в те дни не было. «Коллегиальность» процветала чудовищная. Случалось, скопом решали вопрос, куда провести электропроводку и где установить штепсель для настольной лампы, или гурьбой отправлялись расселять приехавших работников...

Конечно, мы не были робинзонами, выброшенными на необитаемый остров. Нельзя представлять дело так, будто несколько чудаков, рассеявшихся на топчанах и чемоданах, бессонной ночью при свете тусклой лампочки раздумывали над планами строительства. Нет, мы только выехали на передовую, а за нами жил, действовал, думал, творил громадный тыл, где тысячи умов и десятки тысяч рук создавали смелые, неповторимые по своей новизне конструкции гидросооружений величайшей реки Европы. В проектных институтах, в лабораториях Москвы, Ленинграда, Харькова, Урала обростала живой плотью идея волжской стройки. И первым из первых, кто вдохнул жизнь в проект Куйбышевского гидроузла, был «Гидропроект». Замечу, что в мире найдется немного учреждений, подобных этому, единственному в своем роде, советскому центру проектирования великих географических и экономических преобразований. Достаточно сказать, что здесь родились проекты Беломорского канала, канала имени Москвы, Волго-Дона и множества других гидросооружений.

Еще в 30-е годы Гидропроект начал работать над созданием Куйбышевской ГЭС. Когда мы прибыли в Ставрополь, там уже каждая пядь земли была исхожена изыскателями. Для нас, строителей, поработали две тысячи проектировщиков в стенах «Гидропроекта» и почти столько же — в подрядных проектных учреждениях.

Но гидроузел жил не только в проектах. Намного раньше, чем мы пришли на строительную площадку в Жигули, государственный план привел в движение колоссальную технику предприятий-поставщиков.

Через несколько недель энтузиасты, взбудораженные вестью о волжской новостройке, перенесли «огонь» с моей московской квартиры на Ставрополь. Теперь вместе с телефонным трезвоном на куйбышевгидростроевский штаб обрушился шквал почтовой корреспонденции. За несколько месяцев число писем перевалило за шестьдесят тысяч. Кто только не писал, предлагая свои услуги, свою помощь, выражая горячее желание работать на великой стройке! Эти письма людей всех возрастов и профессий трудно было читать спокойно — такой трогательной искренностью дышали они, таким глубоким чувством патриотизма веяло от каждого листка. Я и поныне храню некоторые из этих замечательных человеческих документов.

Вот письмо, присланное из Сухуми. Торопливые строчки на тетрадном листке в клеточку:

«Товарищ, начальник! Я работал на Днепрострое с 1926 по 1932 год, и был там на моих глазах такой случай: контрольно-техническое бюро забило тревогу — слишком большой расход цемента в сравнении с количеством бетона. Сотни тонн перерасхода! Проверили работу людей, механизмов, все правильно. А когда стали проверять автоматические весы, дозирующие порции цемента на замес, то оказалось, что на чаше, где стояли гири, осело около полукилограмма цемента. Весы были сотенные, и, значит, они отпускали на каждый замес до пятидесяти килограммов лишнего цемента.

Очистили весы, и расход цемента стал нормальным.

Я вспомнил об этом случае и подумал: а что если такая же оплошка случится на Куйбышевгидрострое? Тогда и там вылетят в трубу тысячи тонн цемента.

Товарищ! Прикажите чаще проверять и очищать автоматические весы, дозирующие цемент...».

Какой заботой о народном добре проникнута каждая строка!.. Никогда, кажется, я не работал с такой энергией, с таким воодушевлением, как в тот день, когда прочитал это письмо от незнакомого мне Петра Петровича Кузьмина, пенсионера, ушедшего на заслуженный отдых, но продолжающего радеть о благе родного государства. Веселее жить на свете, когда знаешь, что под одним небом с тобой живут такие чудесные люди...

Второе письмо пришло из далекой Сибири и взволновало меня не меньше первого. Звучала в нем огромная, материнская любовь к людям. Старая фельдшерица Мария Сергеевна Иванова писала:

«Более 45 лет я работала в сельских больницах и в больницах крупнейших сибирских городов, таких, как Иркутск, Омск, Новосибирск. За это время у меня накопился немалый опыт по борьбе с различными инфекционными заболеваниями. Желая хотя бы чем-нибудь быть полезной великой стройке, решила помочь вам, строителям, следующим советом: в летнее время — для того, чтобы не было дизентерии, — во все питьевые бачки положите на ведро кипятка сто граммов травы зверобой, и ручаюсь, что этой эпидемии у вас не будет...

Надеюсь, вы согласитесь принять мое предложение, воспользуетесь рекомендованным мною народным средством, целебные свойства которого я проверяла на практике, работая в Казахстане, в Томской и Иркутской областях.

Знайте, что интересы вашего коллектива, его работоспособность очень дороги для меня...».

Письмо Марии Сергеевны, проявившей столько беспокойства о здоровье наших людей, прибыло в Жигули как раз вовремя. Оно буквально выручило коллектив, спасло, возможно, не одну человеческую жизнь. Прочитав его, я попросил диспетчера срочно связаться с медиками и узнать, сколько всего у нас больных дизентерией. Их оказалось немало. Тут я помянул добрым словом доктора Глинского, начальника санчасти, который добился, чтобы один из новых домов в Порт-городе ему выделили под инфекционный стационар.

Вечером вызвал врачей, чтобы посоветоваться с ними. Они не возражали против того, чтобы последовать совету сибирской фельдшерицы. Но возникла существенная заминка: в нашей аптеке нашлось всего пятьдесят граммов зверобоя. Два дня машина колесила по Куйбышеву, Сызрани и Чапаевску в поисках целебной травы. С трудом удалось собрать четыре с половиной килограмма.

В санчасти заварили зверобой, как рекомендовала М. С. Иванова, и отваром начали лечить больных. Результаты превзошли наши ожидания. Скоро дизентерия была побеждена. Даже те из медиков, которые отнеслись скептически к совету старой фельдшерицы, теперь ратовали за применение этой чудо-травы. Впоследствии на стройке все бачки для питьевой воды обязательно заправляли душистым настоем. Но это уже делалось в целях профилактики.

Неоценимую пользу оказывали нашему коллективу строителей многие другие письма. Точно тысячи незримых рук протянулись к волжской стройке со всех концов страны, добрых, дружеских рук.

Не могу не вспомнить и о письме, которое пришло к нам в первые месяцы стройки и которое тоже согрело нас сердечным, человеческим теплом.

«Сенгилей», — прочел я на конверте адрес отправителя. Признаться, если бы не это письмо, я и не знал бы, что на Волге, между Ставрополем и Ульяновском, существует город с таким необычным названием. И, главное, не знал бы, какие живут там прекрасные люди. Спасибо престарелому кузнецу П. А. Земскову за то, что он поведал мне об этом.

«Я — потомственный кузнец, — с гордостью рабочего человека сообщал о себе П. А. Земсков. — Мой отец и мой дед оставили о себе добрую память в Самаре. Вот и мне хочется прославить наш рабочий род своим посильным участием в строительстве Куйбышевского гидроузла. У нас, в Сенгилее, имеется свободная кузница, в ней есть горн, мех, наковальня

и прочий инструмент. По старости я сейчас работаю ночным сторожем при больнице, но, подобно большинству истинно советских людей, желаю, чем только могу и в силах, помочь нашей величайшей стройке...

При наличии железа и угля я мог бы делать стяжные скобы, болты разных сечений и размеров или еще какие-нибудь детали. В летнее время их легко было бы переправлять пароходом из Сенгилея в Куйбышев...

Убедительно прошу дать распоряжение, кому надлежит, ответить на это письмо — можете ли Вы предоставить старику-кузнецу какую-либо работу по специальности...».

Еще одно письмо. Оно пришло из удмуртского села Корсовой от комсомолки Галины Чирковой.

«Я очень много читала о запланированных новых стройках коммунизма, — писала девушка. — Как и все в нашей стране, внимательно слежу за началом строительных работ у вас на Волге. С нетерпением жду следующего номера газеты, чтобы узнать, что уже сделано. В последнее время я очень много думала, какому делу себя посвятить, и твердо решила работать вместе с вами, строить ГЭС.

Мне хорошо помнится война, все ее ужасы и лишения, которые она принесла. Сейчас, в мирные дни, я готова взяться за любую работу, овладеть любой специальностью, как бы это ни было трудно. Думаю, что вы зачислите меня в ваш большой коллектив. Приеду к вам, строителям, по первому вашему зову. Это — мой комсомольский долг».

Шахтеры Н. Мокшин, Л. Кобликов и В. Кощев писали:

«С огромной радостью мы, уральские шахтеры, как и все советские люди, восприняли постановление Совета Министров СССР «О строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции». Только в условиях советского социалистического строя стало возможным осуществление таких крупных сооружений, которые свидетельствуют о торжестве мирного созидательного труда советских людей и о дальнейшем процветании нашей Родины.

Мы, молодые уральские шахтеры-забойщики, знаем, что наш шахтерский труд, нами добываемая руда есть наш вклад в дело грандиозных строек коммунизма, но каждый из нас ставит своей целью — приехать на Волгу и вложить свой труд в строительство самой великой в мире гидроэлектростанции.

Если есть возможность использовать нас, горняков, на строительстве Куйбышевской ГЭС, мы очень просим разрешить нам приехать на стройку».

Столь же горячо восприняло весть о строительстве Куйбышевской ГЭС и советское студенчество. В письме А. Васильева, Н. Сова и К. Мазеева я прочел:

«Всею душой желая помочь великой стройке коммунизма, комсомольская и профсоюзная организация Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства могли бы подготовить через студенческое научное общество сварщиков, токарей, шоферов, трактористов, электромонтеров и направить их работать на строительство во время летних каникул.

Просим вас сообщить, сможете ли вы предоставить нам работу по этим специальностям».

В нескончаемом потоке почты были и письма от советских воинов. Вот одно из них, написанное по поручению комсомольского собрания отличниками боевой и политической подготовки Хмельковым, Болутенко, Лоцким, Ярощукон, Комарьковым:

«...В летний период, когда мы выходили в лагерь, чтобы в условиях, наиболее приближенных к боевой действительности, совершенствовать свою выучку и сноровку, воины-комсомольцы трудились с полным напряжением сил, не теряя напрасно ни одной минуты. Личным примером и горячим комсомольским словом они увлекли за собой всех бойцов. И результаты оказались отрадными: наше подразделение теперь по праву считается передовым в части.

Дорогие товарищи строители! Отчитываясь перед вами как перед советскими людьми, чей труд мы призваны надежно оберегать, нам хочется сказать вам: трудитесь спокойно, уверенно воздвигайте крупнейшую в мире Куйбышевскую ГЭС... Даем вам нерушимое слово гвардейцев, что мы полны решимости в любое время встать на защиту Родины и не пожалеем для этого ни своих сил, ни крови, ни самой жизни».

Узнали о развернувшемся в Жигулях строительстве девушки Александра Шабалина и Анастасия Плют — работницы завода «Уралхиммаш», и одна из них прислала нам такое письмо:

«Мы с моей подружкой Анастасией Плют любим и ценим свой завод, но еще любим нашу Родину, а потому стремимся всю свою энергию и труд отдать ей. В газетах пишут, что Куйбышевский гидроузел будет самым крупным в мире, и нам хочется работать именно на этой стройке.

Я — крановщица, а Анастасия — электросварщица. Если вам такие специальности не потребуются, то мы постараемся

в короткий срок освоить новые, нужные вашему строительству.

г. Свердловск, Анастасия Плют, Александра Шабалина».

Помочь волжской стройке вызвались и ученые страны, в том числе коллектив Украинского дорожного научно-исследовательского института, от имени которого с письмом к нам обратился кандидат экономических наук С. П. Мечев, возглавлявший этот институт.

«Нами выполнен ряд работ, — сообщалось в письме, — которые, по нашему мнению, могли бы быть полезны руководимому вами строительству. Речь идет о разработанном институтом методе испытаний грунтов и песка и специальной аппаратуре, предназначенной для этого. Все приборы элементарно просты, очень портативны, и ими легко пользоваться.

Если вам могут быть полезны такие приборы, просим сообщить, и мы вышлем их описания и соответствующие материалы, которые позволят изготовить все на месте для скоростной оценки качества грунтов и дорожных покрытий».

* * *

*

Тысяча триста предприятий страны участвовали в создании Куйбышевской ГЭС. По железным дорогам, водным путям, по воздушным линиям шли к нам грузы из Москвы и Ленинграда, с Урала и Украины, из Средней Азии и Латвии. Каждая из пятнадцати братских республик направляла на великую волжскую стройку не только механизмы и строительные материалы, но и квалифицированные кадры рабочих, инженеров, техников, чтобы претворить в жизнь решение партии — создать энергетическую базу на Волге.

Повсеместно заказы Куйбышевгидростроя считались почетными, первоочередными. Но было бы несправедливо умолчать о том, какую большую помощь мы получали от партийной и комсомольской организаций Куйбышевской области, на территории которой развернулась одна из самых грандиозных трудовых битв за всю историю этого приволжского края. Скажу, не боясь преувеличить: вся область шефствовала над стройкой, жила ее интересами, ее заботами и нуждами.

Можно без конца говорить о том, что сделали трудящиеся Куйбышевской области для великой стройки коммунизма на Волге. И для городских, и для сельских жителей стройка была объектом № 1, их родным, кровным делом. У руководи-

телей промышленных предприятий, колхозов и совхозов области вполне хватало своих забот и трудностей, но я не помню случая, чтобы они в чем-нибудь отказали нам. Правда, обком партии пристально следил за этим, проверял, как выполняются его решения об оказании стройке всемерной, деловой помощи. Однако — я это хорошо знаю — люди не дожидались напоминаний и проверок. Они вносили свою лепту, потому что искренне хотели, чтобы страна получила в срок мощнейший гидроузел на Волге, чтобы в города и села хлынул поток электроэнергии. Ведь именно об этом еще в годы голода и разрухи мечтал Владимир Ильич Ленин...

Теперь, когда я оглядываюсь на те, столь дорогие моему сердцу годы, в памяти всплывают все новые и новые эпизоды и подробности, которые не вошли ни в одну из моих предыдущих книг. Не рассказал я, например, о шефстве Академии наук СССР над нашей стройкой. А ведь в Жигули регулярно приезжали бригады видных советских ученых. Их лекции и доклады по различным техническим вопросам помогали нам в практической работе.

Сохранился у меня любопытный документ, подписанный академиком А. В. Топчиевым, — постановление Президиума Академии наук СССР, которое гласит:

«1. Одобрить положительную работу бригад на Волгострое и Куйбышевгидрострое. Считать необходимым сохранить бригады в качестве постоянно действующих организаций при комитете содействия для осуществления непосредственной живой связи Академии наук СССР с великими стройками коммунизма и оказания им помощи. Поручить руководителям бригад представить в Президиум АН предложения о пополнении состава бригад необходимыми специалистами и проект положения о бригадах».

Сохранился также «Договор о социалистическом содружестве Академии наук СССР с Куйбышевгидростроем». Обязательства, взятые на себя учеными, полностью отвечали задачам, которые стояли в тот период перед коллективом гидростроителей.

Когда на левобережном ремонтно-механическом заводе Куйбышевгидростроя и в Жигулевском строительном районе лучшие стахановцы Москвы, приехавшие к нам в гости, провели показательную сварку, пояснения давали ученые Дмитриев, Быков, Обухов и Розанов. Они же прочитали для инженерно-технических работников и рабочих цикл лекций о новых методах сварочных работ, о газово-прессовой сварке,

о новых отечественных сварочных машинах. Лекции сопровождалась демонстрацией кинофильмов...

Когда заходит речь о душевной щедрости советского человека, на память мне приходит старый волжский бакенщик из Черемшана. Хотя людей, подобных ему, на моем жизненном пути встречалось немало, его я почему-то запомнил лучше других. Может быть потому, что свел нас не совсем обычный случай.

А дело было так.

...Ни одна более или менее крупная стройка не может обойтись без кислорода. Куйбышевгидрострою нужно было много кислорода. Вот почему все наши усилия были направлены на то, чтобы скорее заработал кислородный завод. Мы расходовали почти сто баллонов этого газа в сутки. А возили их из Сызрани и Пензы!

О ходе строительства завода мне ежедневно докладывали главный механик Левченко и старший прораб Загородников. Но их доклады мало радовали: то одного материала нет, то другого не хватает.

— Осталось только получить метлахскую плитку — и все будет в порядке, — уверял меня главный механик.

Я знал, что этой плиткой нужно выложить пол в зале, где установлены компрессоры и холодильные колонны. А где она запропастилась — одному аллаху известно. Но вскоре и ее получили.

Вызываю товарища Левченко, а заодно с ним и старшего прораба. Спрашиваю:

— Когда же все-таки пустим завод?

Оба переглядываются, молчат.

«Опять ошарашат чем-нибудь», — подумал я.

— Чтобы пустить завод, — изрек, наконец, главный механик, первым нарушивший молчание, — нужно серебро, вернее, немножко серебра.

— А золото вам еще не потребуется? — спросил я. — Ведь когда привезли плитку, вы мне сказали: «Ну, теперь еще денек, другой, и завод пойдет — прокрутят вхолостую, а там и выдадут первый кислород». Прошло десять дней. Сейчас, оказывается, за серебром дело стало...

Разговор на этом кончился.

Ничего не поделаешь, надо искать серебро. Но где его достанешь? Ехать в Москву? Нет, овчинка выделки не стоит. Нужно найти какой-то другой способ.

И дома это серебро не выходило у меня из головы.

— Что с тобой? — спросила Ольга Яковлевна, — уж не заболел ли ты?

Смотрел я не на ужин, а на мою серебряную ложечку. Взял ее в руки, рассматриваю, стараюсь найти пробу.

— Ты бы лучше поел, — сказала жена, наблюдая за моими манипуляциями с ложечкой. — В первый раз видишь эту ложечку? Ведь сколько лет уже она у нас. Это ж я подарила тебе ее на память в день второй годовщины нашей женьитьбы...

— Да, да... А ты уверена, что она серебряная?

— Из чистого серебра — проба есть. Но в чем дело? — допытывалась Ольга Яковлевна. — На что она тебе вдруг понадобилась?

Объяснил.

Собрался утром на работу и взял ложечку с собой.

— Вот, Любовь Ивановна, — вручил я торжественно ложечку секретарю. — Надо мобилизовать внутренние ресурсы...

Заметил я, к разговору нашему прислушивался старичок. Я с ним уже знаком: вчера был у меня, а сегодня явился с пареньком лет шестнадцати.

Он с ходу продолжил вчерашний разговор.

— Так как же, товарищ начальник, скажешь ли ты свое твердое слово или нет? Вот он, Васятка мой. Устрой его ты у себя, чтобы у меня, старого, сердце не разрывалось больше. День и ночь на реке пропадает. Неровен час утонет или что другое с ним произойдет, потому что без всякого присмотра. Пусть он пока у тебя поживет, а после пойдет учиться. Может, и получится какой толк из него. Помимо всякого прочего, пристаёт ко мне как банный лист: «На стройку хочу. Работа там интересная. Пойди попроси главного, чтоб меня на работу взял. Не пойдешь — убегу».

Собственно, вопрос был уже решен. Терпеливо выслушав вчера этого старичка-бакенщика из Черемшана, я велел ему прийти с внуком, чтобы посмотреть, какой он из себя, поговорить с ним.

— Что ж, вполне подойдет в ученики, — сказал я бакенщику, — сейчас позвоню в отдел кадров. А пока пусть Вася заявление напишет.

Когда со всеми формальностями было покончено и начальник отдела кадров распорядился предоставить парнишке общежитие и устроить в учебный комбинат, обрадованный старичок сказал:

— Спасибо, спасибо. Большое дело ты сделал. Теперь, поди, внук человеком станет... Случится тебе у нас в Черемшане быть, заходи, угощу ухой...

Он направился с внуком к двери, но вдруг у самого порога остановился и повернул обратно.

Подойдя ко мне, тихим голосом спросил:

— Я слышал, тебе серебро нужно? Если для дела...

— Для стройки нужно, — прервал я его, — разумеется для дела.

— Раз для стройки, так на, возьми мою лепту. — Он протянул мне табакерку. — Ты не сомневайся: на ней проба имеется.

Меня это до того тронуло, что я и не знал, что сказать в ответ. А он уже из дверей говорит мне:

— Смотри, копилку с серебром далеко не клади, а то, может, еще кого сагитирую.

И ушел.

К концу дня на столе у секретаря появились еще кое-какие мелкие серебряные вещишки: их принесли сотрудники управления.

Не помню уж точно, сколько дней прошло после того как ушел от меня старый бакенщик, наверное, немного, самое большее — неделя.

Утром, только я сел за работу, зашла Люба и доложила:

— Иван Васильевич, к вам батюшка пришел.

— Батюшка? — переспросил я. — То есть какой батюшка?

— Священник, — уточнила секретарь. — Лично к начальнику хочет пройти.

Открылась дверь, и в кабинет вошел высокий, широкоплечий мужчина с окладистой седой бородой и в полном облачении.

«Этого еще не хватало, — подумал я. — Неужели на стройку потянуло служителей культа? Воистину неисповедимы пути господни...»

— Здравствуйте, — сказал необычный посетитель, — я священник местной церкви.

— Очень приятно, — ответил, а сам подумал: «Какое дело могло привести ко мне священника?». А он спрашивает:

— Скоро ли Волга поднята будет?

Неужели батюшка только за тем и пришел, чтобы узнать, когда мы перекроем Волгу?

— Года через три, думаю, то место, где мы с вами сейчас сидим, будет морским дном.

— Неужели? — удивился священник. — До чего дошло дело — море создается руками человека...

«Сейчас спросит, что с церковью станется», — решил я. А он вдруг сказал:

— Слышал я, что для стройки серебро собираете, для технических целей, естественно.

Не успел я ответить, как батюшка достал из кармана мешочек и высыпал из него на стол целую горку серебряных монет.

— Эти полтиннички примите как мое личное приношение вашей стройке.

— Благодарю вас, — пожал я ему руку. — Мы можем возместить вам стоимость...

— Что вы! Что вы! — Священник, попрощавшись, вышел из кабинета.

«Так вот кого сагитировал бакенщик», — вспомнил я.

* * *

*

Надо было прокладывать дороги, и первую из них — к Куйбышеву. Рабочих же не хватало. Пришлось объявить о наборе по радио, напечатать призывы в газетах ближайших областей.

Как и следовало ожидать, первыми откликнулись колхозники Ставропольского района. Они закончили продажу хлеба государству и осенние полевые работы, так что без ущерба для своих хозяйств сумели направить к нам четыре с лишним тысячи добровольцев. МТС прислала тракторы, нам удалось раздобыть еще несколько машин, и работа началась. Когда шоссейная дорога дошла до Кунеевки, мы оставили в ней часть рабочих и стали строить рабочий поселок.

К тому времени, когда дорога Ставрополь — Куйбышев была проложена и полным ходом шло строительство других коммуникаций, предусмотренных планом, поселок превратился в благоустроенный рабочий городок. Стародавнее название «Кунеевка» как-то уже не шло ему, и возник вопрос о новом названии, более благозвучном и современном.

Я поделился своими соображениями на сей счет с Александром Николаевичем Шелепиным, первым секретарем Центрального Комитета комсомола. Мы с Шелепиным шагали по широким прямым улицам городка, пропахшего из-

весткой и масляной краской, я давал объяснения Александру Николаевичу как заправский экскурсовод: «Двенадцать двухэтажных домов... Клуб на шестьсот мест. Детский сад и детские ясли». Попутно я рассказал Александру Николаевичу о перспективах строительства Куйбышевской ГЭС, о том, какое здесь раздолье для молодежи, для вдохновенного труда тысяч и тысяч комсомольцев.

— Прекрасно! — сказал Александр Николаевич. — Комсомол, конечно, примет живейшее участие в великой стройке на Волге.

— Назовем новый город Комсомольск-на-Волге, — предложил я.

Александру Николаевичу мое предложение понравилось. В тот же день мною был издан соответствующий приказ.

Через два дня позвонил председатель облисполкома:

— Послушайте, дорогой товарищ, что это вы там делаете? На каком основании переименовали Кунеевку?

Я пытался отшутиться, дескать, сами строим — сами и крестим.

— Вот как! Вы, строители, народ инициативный — это всем известно, но брать на себя функции Президиума Верховного Совета республики все-таки не следует.

Пожурил меня председатель исполкома правильно. Факт превышения власти, как говорится, был налицо. Однако, учитывая мои добрые намерения, этим внушением дело и ограничилось. Переименование Кунеевки оформили затем как полагается. И с тех пор на картах страны появилось новое название — Комсомольск-на-Волге. Теперь там свыше 55 тысяч жителей. В городе — двенадцать школ, работающих в одну смену, научно-исследовательский институт инертных материалов, инженерно-строительный политехнический институт, строительный техникум, строительный учебный комбинат, школа медицинских сестер.

На первых порах рабочих не хватало. Но некоторое время спустя нас буквально засыпали письмами добровольцы, готовые немедленно приехать на стройку.

Это для нас была самая важная, самая желанная почта: ведь нам так дорог был каждый новый человек.

— А как будет с жильем? В бараках или временках устройте поначалу? — спрашивали добровольцы.

— Никаких бараков, никаких временок, — отвечали им наши кадровики, — в капитальных домах жить будете.

— Так и в капитальных? — сомневались новички. — Может, еще с батарейной топкой?

— Обязательно! И газ будет непременно. Только на нашей стройке действует принцип: хочешь жить в добротном доме, засучи рукава и строй свое будущее жилье сам.

И большинство приезжих сразу же уходило на строительство жилых домов, на прокладку водопровода, канализации, подъездных путей.

Получалась редкая для строительства картина: чем больше съезжалось людей, тем меньше мы страдали от тесноты. Дома росли, как грибы после теплого дождика. За два года было сдано больше ста пятидесяти тысяч квадратных метров жилой площади со всеми обещанными благами, кроме газа, который появился в домах несколько позже.

Строительство набирало темпы, все прибывали рабочие, и перед нами встала еще одна важная проблема: следовало подумать о повышении квалификации будущих строителей гидроузла. Пока что они обходились лопатой, топором и пилой. Конечно, и мастерком, и рубанком не всякий владел в совершенстве. Кроме того, вскоре должны были понадобиться другие строительные профессии. Вот поэтому в число первых объектов стройки мы включили и учебный комбинат. Людей не приходилось уговаривать посещать занятия — они сами тянулись к учебе. Молодежь и люди постарше учились на электриков, бетонщиков, шоферов, арматурщиков, крановщиков. Учебные комбинаты возникли на обоих берегах. И к тому моменту, когда началось сооружение главных объектов, мы имели тысячи квалифицированных рабочих.

Но с самой Волгой мы еще не вступили в спор. Пользуясь военной терминологией, можно сказать, что там пока шла разведка боем. Вышки-треноги обступили весь район стройки, а потом на баржах шагнули в воду. Это действовали геологи. На обоих берегах шли испытания грунта на шестидесятиметровой глубине. Геологам необходимо было узнать, как поведут себя мягкие грунты под тяжестью железобетонных сооружений. Так что в эту изыскательскую пору мы гидротехникам ничего предложить не могли, кроме сугубо «сухопутных» строительных дел. Но никто не сидел сложа руки. Опытные строители плотин возводили жилые дома, специалисты по подводному бетону — авторемонтные заводы.

Строительство гидроузла еще не началось, а Жигули уже были разбужены от векового сна.

ДУШ ЗОЛОТЫЕ РОССЫПИ

«Стадион имени Риммы Кашниковой». — Вы не ошиблись в Борисе. — Подвиг Васи Горбача. — «Главный птичник Заволжья».

Люди приезжали большей частью без всяких вызовов, без выяснения условий, без договоренности о подъемных, об окладах и должностях. Приезжали, просили работы, да потрудней и интересней, и ни слова о благах, о заработной плате, о жилье. Приезжали, как правило, из больших городов, где оставляли уютные квартиры, селились поначалу в хибарах, ходили в плохонькую ставропольскую баню, столовались в чайной, но считали, что им повезло.

Одним из первых приехал Александр Иванович Рыков.

В ноябрьский день ко мне вошел человек в телогрейке, в шапке-ушанке, представился, предложил свои услуги.

— Готов хоть сейчас приступить к работе.

— Какая у вас специальность?

— Прорабом был на дорожных работах. Пятнадцать лет стажа...

— Ну, просто на ловца и зверь бежит! Строитель-дорожник нужен до зарезу. Замечательно, Александр Иванович!

И Рыков взял на себя командование добровольческой колхозной армией строителей дороги Ставрополь — Кунеевка. И как работал! В дождь, в слякоть, в снежные бури, в мороз Рыков всегда был на трассе. Пешком ли, на бульдозере или тракторе, но он пробирался в любой пункт. Удивительное у него было умение поднимать людей на трудные дела. Пробка ли образовалась на дороге, снежные ли заносы преградили транспорту путь, авария ли случалась — Рыков всегда первым появлялся на месте происшествия. Глядишь, через час-

другой авария ликвидирована, дорога восстановлена, пробки будто и не было.

Однажды семь суток не стихала страшная пурга. Ветер валит телеграфные столбы и электрические мачты. А Рыков все эти дни разъезжал по трассе на бульдозере или на автогрейдеру, прокладывая машинам дорогу. Он отморозил руки, но продолжал пробиваться сквозь снежную бурю вперед.

Александр Иванович Рыков принял стройку как главное дело своей жизни. Я подумал об этом, когда на второй или третий день после приезда Рыкова увидел в коридоре управления множество чемоданов, узлов и возле них женщину с детишками. В полумраке даже трудно было сразу сосчитать, сколько их. Маленькие, еще меньше и совсем крохотные... Оказалось, что Александр Иванович привез в Жигули все свое многочисленное семейство — девять душ. Двое старших его сыновей потом работали с отцом на дорогах: один трактористом, другой бульдозеристом.

...На аэродроме в Куйбышеве, еще перед первым моим полетом в Ставрополь, подбежали ко мне мужчина и женщина. Их нисколько не смущал проливной дождь: судя по их улыбкам, они были рады, что нашли нужного человека.

— Видите ли, — обратился ко мне мужчина, назвавшийся Баталовым, — я слышал по радио о стройке в Жигулях. Приехал с юга, строил там санатории. Очень хотел бы поработать на Волге, на строительстве гидроузла. К вам обращались некоторые товарищи в аэропорту, я понял, что вы и есть начальник будущей стройки. Видите, как удачно получилось! Что вы мне можете посоветовать?

Не успел я ответить, как в разговор вступила маленькая, худенькая его спутница.

— Кашникова, — представилась она, — молодой специалист. Что могу еще сказать о себе? Окончила Саратовский институт, я — инженер-архитектор. Вот и вся биография, — с улыбкой добавила она. — Возьмите меня в самолет! Готова немедленно включиться в работу.

Пообещал прислать за ними самолет завтра утром.

На другой день они были уже в Ставрополе. Баталов сразу пошел на строительство жилого поселка. Когда поселок был построен, он перешел на шлюзы, а затем на плотину. Со временем из техника-практика Баталов превратился в теоретически подготовленного, дипломированного инженера, потому что совмещал работу с занятиями в институте.

Энергично взялась за дело и Римма Кашникова. Правда,

явившись ко мне на прием, она говорила уже не таким бойким звонким голосом, как при нашем знакомстве у самолета, а почти шепотом. Но объяснялось это не разочарованием. Она просто была сильно простужена. Однако, когда я предложил ей перейти в проектный отдел, Римма напрягла свои голосовые связки и выкрикнула:

— Для того ли я стала инженером, чтобы пересаживаться от одного стола к другому!

Вот те и на! У меня были самые добрые намерения. Я боялся послать ее на основные работы — такая хрупкая, маленькая. Казалось, одно крепкое словцо свалит ее с ног. Что ей там делать, на перемычках, в котлованах?

Пришлось назначить Кашникову на «особый» объект, конечно, тоже важный для коллектива стройки, но более или менее легкий. Мы послали ее строить стадион. Кое-кто из мужчин, пожалуй, обиделся бы. Стадион! Еще чего не хватало! Но Римме пришлось по душе это предложение. Она даже обрадовалась, что на огромной стройке одним из первых объектов был стадион.

Она была и проектировщиком, и строителем. Неугомонная, боевая девушка подняла на ноги Ставропольский райком комсомола, мобилизовала на строительство учащихся старших классов местных школ. Пятьсот комсомольцев откликнулись на ее призыв. Через несколько месяцев один из первых объектов Куйбышевгидростроя — стадион «Энергия» с гаревыми дорожками и превосходным футбольным полем, окруженным рядами скамеек для болельщиков, вступил в строй.

Скоро здесь развернулись спортивные баталии.

«Стадион имени Риммы Кашниковой», — шутили строители на открытии футбольного сезона, а тем временем виновница торжества уже была занята чертежами. Она все же согласилась работать в проектно-монтажном отделе.

* *
*

Сидел я однажды за письменным столом и вдруг услышал: чей-то бас гроыхает за тонкой перегородкой, отделявшей мой кабинет от приемной. Мне приходилось выслушивать множество диалогов, возникавших между секретарем и посетителями: тихих и громких, дружелюбных и нелюбезных. Признаюсь, порой едкое словечко посетителя в мой

адрес задевало за живое. Не раз я вскакивал со стула, чтобы ввязаться в разговор, но, дойдя до двери, останавливался, говоря себе: «Ты не прав, Иван. Тебя с песочком пробирают — слушай да на ус наматывай. Тебе ж на пользу пойдет».

Но на этот раз диалог, происходивший за перегородкой, был другого рода:

— Как звать тебя, красавица?

Секретарша молчала, и только после продолжительной паузы последовал официальный ответ:

— Ну, Люба. А зачем вам это знать?

— Люба! — воскликнул настойчивый посетитель. — Прекрасное имя! Как оно идет тебе!..

Громкий разговор отвлек меня от работы. Я поневоле стал слушать.

Натолкнувшись, видимо, на полное равнодушие к своей персоне со стороны обладательницы «прекрасного имени», посетитель перешел на прозу:

— Так ты меня пропустишь к начальнику или нет?

Секретарша не сдавалась:

— Повторяю, что к нему сейчас нельзя. Приходите в приемные часы.

— А может, ты мне скажешь, чем он так занят, твой начальник? Молчишь! Ну, тогда я сам посмотрю...

И в тот же миг открылась дверь. На пороге показался молодой человек такого высокого роста, что, входя, ему пришлось нагнуться, чтобы не удариться головой о притолоку. На нем была невероятно засаленная телогрейка. Из-под лихо сдвинутой на ухо лоснящейся кепчонки выбивалась прядь серых от пыли волос.

Люба изо всех сил тащила его за руку, пытаясь выдворить из кабинета, но великан никак на это не реагировал. Он стоял незыблемо, как монумент:

— К вам можно, товарищ начальник?

— Чего спрашивать? Раз вошел — проходи.

Он вразвалку направился к моему столу, оставляя на полу огромные следы мокрых валенок.

— Садись, — показал я ему на стул.

Он сел и, откашлявшись в ладонь, сказал:

— Мне нужно, товарищ начальник, чтобы вы меня на стройку приняли. Хочу специальность получить, да такую, чтоб понравилась... Если бы вы знали, товарищ начальник, как мне обрыдло по вагонам шататься!

— По вагонам? — спросил я и, посмотрев на его засален-

ную одежду, подумал: «Наверное, вагонный мастер или смазчик».

— Сами видите, на кого я похож от этой скаженной работенки. Кому не надоест днем и ночью с масленкой по путям шастать?

Что-то подкупающе детское было в его открытом, простодушном лице. Выговорившись, он опустил глаза, точно девушка, и покраснел до корней волос.

— Значит, тебе хочется получить хорошую специальность. На экскаваторщика пошел бы учиться? Если согласен, могу помочь, — сказал я.

— Какой тут может быть разговор? Конечно, согласен. Но прошу вас, товарищ начальник, пошлите меня на самый большой. Это можно?

— Вполне, — ответил я. — Тебе повезло: пять дней назад у нас специальные курсы открылись. Начнешь заниматься и через несколько месяцев получишь прекрасную профессию.

— Отлично.

Вызвал я начальника отдела кадров.

— Василий Иванович, надо зачислить этого молодого человека на курсы. Он мечтает работать на большом экскаваторе. Пусть учится...

Время летит стремительно. Не успел я оглянуться, как мой новый знакомый окончил курсы. Прошло еще месяца четыре, и имя бригадира-экскаваторщика Бориса Коваленко получило широкую известность. Почти в каждом номере газеты «Гидростроитель» сообщалось о трудовых успехах молодежной бригады имени партизана Железняк, которую он возглавлял.

На многих участках стройки появились призывы: «Равняйтесь на бригаду Бориса Коваленко!», «Экономьте секунды на циклах, как Борис Коваленко!», «Снижайте себестоимость на выемке грунта по методу Бориса Коваленко!».

Вскоре Коваленко приняли в комсомол. Прошло еще некоторое время, и о передовом экскаваторщике заговорила центральная печать.

В те дни мы уже шагнули в русло Волги, нам предстояло отвоевать у нее добрую половину ложа. Чтобы справиться с этой задачей, нужно было сделать перемычку — забить в дно реки целый лес металлического шпунта. Только крепкие стальные плечи могли выдержать бешеный напор весеннего паводка, потеснить Волгу. Времени оставалось мало, а тут, как назло, ударили сильные морозы. С монтажом паровых

копров дело не ладилось. Прибывшая монтажная бригада назвала такие сроки, которые совершенно не устраивали нас. Я был расстроен, не зная, что предпринять. И в этот момент появился Коваленко.

Я и не слышал, как он вошел. Наверное, секретарь отлучилась на минуту, и Борис воспользовался этим, иначе снова возник бы, по его выражению, «инцидент на границе». После его бесцеремонного вторжения в мой кабинет Люба все еще была с Борисом не в ладах. Должно быть, Коваленко сильно задел ее самолюбие.

— Что пригорюнился, Иван Васильевич? — пробасил он, переступая с ноги на ногу.

— Да вот Самохинская бригада монтажников просит полтора месяца, а смонтировать копры надо максимально за шестнадцать суток.

Я подошел к Борису и взял его за борт куртки:

— Борис, понимаешь, паводок на носу. Волга вот-вот начнет наступление. От нее не убежишь.

Коваленко подумал-подумал и сказал:

— Рано огорчаться, Иван Васильевич. Надо сперва хорошенько прикинуть, что к чему. Может, сообща и удастся что-нибудь путное придумать. Одним словом, вечерком загляну.

Вечером Люба мне докладывает:

— Борис Коваленко и вся его бригада дожидаются вас уже целый час.

— Почему же вы раньше не сказали?

— Знаете, Иван Васильевич, он какой-то тихонький стал. Пришел и спрашивает шепотом: «Начальник у себя? Ну ладно, ладно, не докладывай. Мы подождем с ребятами. Нам еще обмозговать кое-что надо».

— Зовите его сюда скорей, — попросил я Любу.

И в кабинет вошел, как дядька Черномор со своими богатырями, Борис Коваленко и шестеро его ребят. Я еще подумал тогда, что эти шестеро вполне могут заменить сказочных богатырей.

Ребята молча расселись.

— Вот что, Иван Васильевич, — сказал Коваленко. — Мы внимательно осмотрели копер, поняли, какая это машина, и беремся смонтировать ее за шестнадцать суток.

Слова Бориса обрадовали меня. Я вскочил, обнял его и попробовал стиснуть в объятиях. Но не тут-то было. Мне самому пришлось застонать от его медвежьей хватки.

— Довольно, Борис, ребра поломаешь! — закричал я, вырываясь из его железных лап.

Назавтра наша газета обратилась с призывом ко всем рабочим стройки поддержать почин Бориса Коваленко. И уже на следующий день на призыв откликнулись три бригады — коммуниста Василия Клементьева и комсомольцев Владлена Мячева и Ивана Чеволдаева.

Работа закипела. Лучше и раньше всех справилась с заданием бригада Коваленко. Она закончила монтаж за четырнадцать суток вместо шестнадцати.

Металлический шпунт был своевременно забит, перемычка сделана. Теперь весенний паводок никого уже больше не пугал.

Люди у нас — в атмосфере патриотического и трудового энтузиазма — не только становились мастерами своего дела, они менялись и психологически. Стройка давала им не просто квалификацию, но и воспитывала в каждом чувство ответственности за общее дело, сознание собственного достоинства, стремление неустанно совершенствоваться.

Так было и с Борисом Коваленко. В первый день нашего знакомства он неспроста покраснел и виновато опустил глаза, жалуясь на свою судьбу «смазчика вагонов». Он сказал неправду. У этого здоровенного парня не хватило тогда мужества до конца открыться мне. Он скрыл от товарищей свое прошлое. Но коллектив, сыгравший такую большую роль в жизни Коваленко, с сочувствием, по-человечески отнесся к нему. Смягчающим вину обстоятельством прежде всего послужили трудовые подвиги Бориса.

...Разбирая свой архив, я обнаружил в нем письмо, которое имеет непосредственное отношение к Борису Коваленко и к великой стройке на Волге, где, по его словам, он получил путевку в жизнь. Вот это письмо, присланное мне московской журналисткой Еленой Микулиной в июне 1957 года:

«Я получила задание написать большой очерк об экскаваторщике Борисе Коваленко. Судьба этого человека — неровная, трудная, но большая — заслуживает того, чтобы через нее рассказать о формировании советского рабочего человека.

...По его рассказам именно Вы были ему опорой в самые критические для него моменты. Взять хотя бы прием на работу, посылку на Уралмаш, партийные дела. Я буду стремиться к тому, чтобы эти факты получили правдивое, реалистическое отображение в очерке. Надо, наконец, показать в ли-

тературе, что руководители наших строек и предприятий наделены большими человеческими чувствами, среди которых видное место занимает чутье настоящих людей и партийная совесть. Вы не ошиблись в Борисе Коваленко».

В заключение Елена Микулина просила меня высказать мое мнение о Борисе, помочь ей «лучше понять этот сложный и во многом противоречивый характер».

Мне удалось разыскать копию ответного письма. И поскольку я в нем пытался дать объяснение некоторым поступкам моего молодого друга и характеристику положительных и отрицательных сторон его неуравновешенной, кипучей натуры, то, думаю, что будет уместно привести здесь отрывок из этого письма.

«Что мне сказать Вам о Борисе? Первое, что особенно бросалось в глаза, — это его порывистость, его хватка, его горячий интерес ко всему новому, передовому. К тому же он обладал богатейшей фантазией. Во многих случаях она помогала ему, питая его творческое воображение как рационализатора, а подчас заводила слишком далеко; тогда это положительное качество превращалось в отрицательное — приходилось останавливать Бориса, укрощать бурлившую в нем молодость. В сущности, это была болезнь роста.

К Борису слишком быстро пришла слава. Успехи в труде вскружили ему голову. Он придумал новый ковш к экскаватору. Это было ценным новшеством на стройке. Но он слишком много говорил о своем детище, слишком часто сам проносил «ковш Коваленко». Это сказалоь на его взаимоотношениях с товарищами, начальством. У нас ведь, знаете, народ не любит нескромных людей. Следует еще принять во внимание, что когда Борис приехал на стройку, все здесь для него было необычно и ново. На все он смотрел широко раскрытыми глазами. У парня, который порвал с прежней средой и всем существом своим потянулся к новой жизни, захватило дух от гигантского размаха стройки, от трудового энтузиазма тысяч людей, охваченных благородным порывом — построить на Волге в срок одну из мощнейших гидроэлектростанций. Он видел вокруг себя открытые, одухотворенные лица... Все здесь воспринималось им, как олицетворение чистоты и кристальной чистоты. А в его биографии были темные стороны. Он решил умолчать о них, боясь лишиться открывшегося перед ним нового, светлого мира. «Узнают — прогонят со стройки», — должно быть, думал он. И Борис «спрятал» свое прошлое.

Ну, а потом его подняли на такую высоту, что у него еще больше закружилась голова. Не было, пожалуй, такого торжественного заседания, собрания или конференции, где бы он не избирался в президиум. Не было такого доклада, в котором не фигурировала бы его фамилия. Так что и коллектив, поднявший на ноги Бориса, кое-что проглядел.

Мне кажется, что сейчас ни к чему ворошить его прошлое. Пишу об этом только для того, чтобы ориентировать Вас. О нем хочу сказать одно — это простой, хороший, растущий человек... Борис понимает, что ему нужно учиться, он решил поступить в вечерний институт. Верю, что его светлая голова, вооруженная знаниями, придумает и нечто такое, что еще больше обогатит нашу строительную технику.

Вас, как журналистку, возможно, интересует и то, как проявил себя Коваленко на Урале. Главный конструктор Уралмашзавода тов. Сатовский отзывался о нем как о человеке «с изобретательской жилкой и природной русской смелкой». «Коваленко, — рассказывал мне Сатовский, — вносил рационализаторские предложения и настойчиво добивался, чтобы их немедленно рассматривали. Его верным союзником была заводская комсомольская организация. Комсомольцы буквально не давали мне покоя. С молодым задором поддерживали они каждое его новое предложение. Борис Коваленко выступал на митингах и собраниях. Он призывал молодежь организовать сбор металлолома, чтобы из собранного металла сделать подарок комсомольцам Куйбышевгидростроя — десять ковшей его конструкции, «ковшей Коваленко». Он стал активным членом коллектива уралмашевцев».

День, когда Борис Коваленко доставил с Уралмашзавода ковши, был, вероятно, самым счастливым в его жизни. Он отлично справился с порученным ему делом и с гордостью рабочего человека показывал товарищам то, что он привез из Свердловска...»

На этом я прерываю рассказ о моем добром молодом друге. Но мы еще встретимся с ним и на Украине, и в Египте, под знойным небом Асуана...

* *
*

Кто-то сказал, что простой огрызок карандаша надежней самой феноменальной памяти. По-моему, это справедливо. Сколько раз, понадеявшись поначалу на свою цепкую память, я потом мучительно пытался восстановить детали того или

иного события, сыгравшего немаловажную роль в моей жизни. А ведь казалось, что это событие нельзя, невозможно забыть.

И где бы я потом ни работал, куда бы ни бросала меня судьба, я стал носить в кармане, кроме авторучки, еще и самый обыкновенный карандаш — на случай, если вдруг вечное перо окажется без чернил. Я заносил в блокнот факты, события, имена, иногда — какие-то впечатления, иногда мучившую меня мысль. Но чаще всего это были заметки о людях. Вот несколько заметок, сделанных во время строительства Куйбышевской ГЭС.

Вася Горбач жил в Махачкале, на берегу Каспийского моря. Семилетка, работа шофером, занятия на курсах машинистов мотовозов — вот и вся биография рослого, светловолосого паренька с Каспия.

Отец-бухгалтер тянул сына в учреждение, где сам работал. Вася рассказывал мне, что он ответил отцу так:

«Не пойду в служащие, поеду на Волгу, в Жигули. Я в газете читал, что там на плотине бетоновозную эстакаду достраивают, мотовозы новые получили, найдется и для меня машина...».

Тоскливо было первое время Васе Горбачу на стройке. Родные далеко, девушка, с которой дружил в Махачкале, писала редко, видно, забывала. Но вскоре закружила, завертела паренька стройка. Разобрался в новой для него обстановке, обрел друзей. Скучать стало некогда: бригада готовила эстакаду к приему первого мотовоза с бетоном.

...Августовский день уже с утра был знойным и душным. Начальник участка Кругликов перед началом смены собрал рабочих подалее от пыльной дороги, по которой то и дело с гулом проносились машины, груженные бетоном, и сказал:

— Завтра у нас, ребята, боевой день. Первый мотовоз с бетоном пойдет на эстакаду. У строителей все готово.

— А за нами и подавно дело не станет, — сказал кто-то из машинистов.

— Что верно, то верно, — поддержала его бригада. — Не уйдем, пока не подадим бетон в блоки.

Накануне к бетонному заводу по путям подошли шесть новеньких красавцев-мотовозов. Почти все было готово для того, чтобы пустить их в дело. Требовалось лишь подтянуть

кое-где болты, налить масло в риверсные коробки, еще раз проверить механизмы и приборы.

Ребята разошлись по мотовозам — шесть человек полезли под колеса с масленками и гаечными ключами.

И тут случилось непредвиденное. Маневрируя на путях с платформами, на которых были установлены тяжелые бадьи для бетона, машинист на повороте дернул состав: платформы оторвались от мотовоза и покатались, набирая скорость, к месту, где стояли новые машины.

Горбач не сразу заметил, что произошло.

— Гляди, — толкнул его приятель, — платформы-то вроде сами катятся.

Василий знал, что под новыми мотовозами лежат люди. Никто из них не знает о надвигающейся беде. Как же быть? Что предпринять, чтобы предотвратить беду? Кричать? Не поможет: далеко, не услышат, да если бы и услышали — не поймут сразу, в чем дело. Нужно во что бы то ни стало остановить вагоны. Товарищ Васи забегал, растерянно заметался, замахал руками, зовя на помощь.

Василий понял: надо что-то бросить на рельсы под колеса первой платформы. Но что? Юноша оглянулся и увидел штабель шпал. Секунды, когда он бежал со шпалой наперерез платформам, казались ему вечностью. Василий забыл обо всем на свете, не видел ничего, кроме стремительно надвигавшегося состава.

Последнее усилие, рывок — и шпала брошена на рельсы. Но в этот же миг наивысшего напряжения мышц, нервов, воли Василий потерял равновесие и упал почти рядом. Шпалу отбросило с полотна дороги, точно спичку. Горбач, собрав последние силы, кинулся за ней, чтобы повторить неудавшийся бросок. Но и вторая попытка кончилась неудачей. Платформы неотвратимо надвигались на мотовозы. Казалось, ничто уже не могло спасти от катастрофы. Навстречу, по сторонам дороги, с криком бежали люди.

Вдруг резкий удар остановил платформы. Лязгнули с глухим металлическим звоном сцепления. Замерли пораженные люди. Один за другим вылезли из-под мотовозов привлеченные шумом рабочие.

На рельсах, почти у самых колес передней платформы, судорожно вцепившись в шпалу, придавив ее всей тяжестью сильного тела, лежал Василий Горбач. «Шпала слишком легка, — решил он после второй неудачи. — Чтобы шпалу не отбросило колесами, нужно удерживать ее руками, налечь на

нее изо всех сил...» С этой мыслью он в третий раз, уже не выпуская шпалу из рук, сам бросился с нею под мчавшуюся платформу...

Навестить Василия приехал его брат из Махачкалы.

— Ты что же, Вася, себя-то не бережешь? — спросил он, сидя возле больничной койки.

— Людей жалко было, — чуть слышно прошептал Василий.

Сильный удар шпалой по голове не прошел бесследно. На всю жизнь стал инвалидом Вася Горбач. Но когда, возвратившись из санатория, он пришел ко мне, я спросил:

— Подыскать работу?

— Обязательно, Иван Васильевич!

И, помню, я подумал тогда: такими самоотверженными людьми, как Василий Горбач, земля держится...

* *

*

Я много раз слышал от рабочих: «Не волнуйтесь, Иван Васильевич!».

Легко сказать «не волнуйтесь». А как сохранить спокойствие, если видишь, что человеческая жизнь висит на волоске?

...Суровая зима выдалась в 1955 году. Тридцатиградусные морозы, лютые метели не давали передышки. Работа под открытым небом по восемь — десять часов сама по себе уже была героической.

А тот день, о котором осталась у меня запись в старом блокноте, был особенно тяжелым. Ветер — десять баллов. Мороз стоял такой, что дыхание захватывало.

В такую-то вот пору начинался монтаж закладных частей верхних судоводных шлюзов. От того, как быстро будут построены шлюзы, зависела навигация. Люди это понимали и работали, не жалея сил. В блоки шел последний бетон. Снизить темпы бетонирования — значило заморозить блоки. И темпы с каждым днем возрастали.

Я как раз был на этом участке, когда вдруг тревожно завыла сирена кабель-крана. Смотрю — высоко в небе неподвижно повисла бадья с бетоном.

Внизу поднялась суматоха:

— Что случилось?

— Почему стоим?

— В чем дело?

Раздумывать некогда было. Один из молодых инженеров взобрался на башню кабель-крана, чтобы выяснить причину аварии. Сквозь снежную пелену он увидел запутавшуюся в тросах грузовую тележку крана. Она застряла над самой серединой площадки на высоте шестидесяти метров. Казалось, добраться до нее, да еще в такую погоду, — невозможно. На строительной площадке воцарилась напряженная тишина.

Прорабы и руководители участка, озабоченные и встревоженные, ломали голову в поисках выхода. Выхода не было. К тележке не подобрешься, а пока придумаешь новую схему бетонирования — блоки застынут, и пойдет прахом напряженный труд целого коллектива, не говоря уже о значительном материальном ущербе.

На дне котлована стояли десятки людей и, вскинув головы, смотрели на злополучную тележку. Вдруг кто-то вскрикнул:

— Глядите, глядите!

То, что я увидел, взглянув наверх, показалось мне невероятным: по обледеневшему тросу к тележке медленно двигался человек.

Ледяной ветер раскачивал трос, словно хотел во что бы то ни стало сбросить смельчака. А человек все полз и полз, преодолевая сантиметр за сантиметром.

Еще несколько страшных порывов ветра выдержал человек, раскачиваясь над пропастью. Стоявшие внизу думали об одном: только бы не сорвался, не разжал одеревеневшие от холода пальцы. Но вот уже до тележки метра полтора, не больше, и, наконец, человек уцепился за нее рукой. Теперь он держался за трос только ногами и начал работу, ради которой пошел на отчаянный риск. Воля и бесстрашие победили. Человек распутал стальные узлы, тележка тронулась с места. Строители, радостно крича, сорвали с себя шапки и стали размахивать ими.

И когда человек в ватнике уже спускался вниз по железным переплетам, его узнали:

— Сомов! Черт!

— Прыгай на меня!

Он спрыгнул на землю. Мы увидели красное, с заиндевевшими ресницами лицо, а в глазах, слезящихся от ветра, слабую и какую-то виноватую улыбку. Сомов сбросил протертые до дыр рукавицы, поправил на себе куртку с торчащими ключьями ваты и... убежал.

Но весть о его поступке мигом облетела всю стройку.

— Почему ты полез? — спросили его. — Ведь начальство решило повременить до утра.

— Почему я полез? — словно удивившись этому вопросу, переспросил Сомов. — Сами знаете, пропала бы ночная смена у бетонщиков...

Года два спустя я снова пережил подобный момент. Заинтересовавшись монтажом одного из порталов на крыше здания ГЭС, я бросил взгляд наверх и обомлел от ужаса: на огромной высоте, там, где висят фарфоровые изоляторы высоковольтной линии, по тонким, почти невидимым снизу тросам ползли люди. В первый момент мне захотелось крикнуть во все горло:

— Эй, вы, замрите, не двигайтесь! Сейчас вам придут на помощь!

Мое состояние заметил стоявший рядом начальник электромонтажного участка.

— Не волнуйтесь, Иван Васильевич, — успокоил он меня. — Это ведь верхолазы бригады Марьясова. Наверное, и сам бригадир там. Уверю вас, с ними ничего не случится. А я постараюсь, чтобы их доблесть отметили выговором в приказе.

— А зачем так поспешно? Да еще в приказе.

— Затем, чтобы не самовольничали. Мы для них придумали специальное приспособление, гарантирующее безопасность. Верхолазы уже пользовались им и как будто одобрили. А сейчас, видите, опять вернулись к старому способу: на дощечках по тросу разгуливают, как мухи.

— Значит, приспособление чем-то не понравилось им? — заметил я.

— Как бы вам сказать, — на секунду замялся начальник участка. — Не без этого, недостаток, конечно, есть. Они говорят, что с приспособлением работается не так быстро, что без него три-четыре нормы в день выполняют. Повторяют, что работа спешная. А вы не беспокойтесь, головы у них крепкие, на высоте не кружатся...

Работа спешная... Я смотрел на едва заметные фигуры верхолазов и думал, что массовый героизм — черта нашего народа, хозяина своей страны.

Само собой разумеется, никто из верхолазов наказан не был, но техникой безопасности их труда пришлось заняться серьезно.

Ничего не могу с собой поделаться, такой уж, видно, у меня характер — люблю беспокойных людей. С ними веселее работать и жить. Ведь факт: равнодушный и ленивый может самую боевую должность сделать сонной и безмятежной. А с беспокойным человеком и поговорить приятно: у него всегда припасена какая-нибудь интересная идея.

Именно таким запомнился Михаил Александрович Бурматов, председатель Ставропольского исполкома. Мне много раз доводилось бывать у него по делам стройки. Но чаще всего встречались мы с ним где-нибудь в поле, на дороге или просто на улице. Одна у нас, по-видимому, была слабость: и ему, и мне всегда и везде непременно хотелось побывать самим, за любое дело взяться собственными руками. Наверное, именно поэтому вездесущий председатель пришелся мне по душе, как говорится, с первого взгляда.

Подружившись с Бурматовым, я еще крепче сжился с окружающей местностью, с шестнадцатью колхозами и несколькими левобережными степными деревеньками.

Трудно приходилось хлеборобам на скудной земле За-волжья. Река близко, а воды полям не хватало. От кого же было земледельцам ждать помощи, как не от нас, гидростроителей? У окрестных колхозов имелись все основания надеяться на нашу помощь. И неугомонный Бурматов, надо сказать, тактично и умно пользовался помощью богатого шефа — стройки.

Весна 1951 года была для района трудной. Не успели в намеченные сроки отремонтировать тракторы. Из-за распутицы в отдаленные колхозы не были вовремя доставлены семена. Не хватало людей, недоставало машин.

В такой неблагоприятной для близившейся весенней страды обстановке и пришел ко мне Михаил Александрович. Да не один пришел, а привел еще с собой целую делегацию председателей колхозов. Ну что ж, милости просим! Рассказываю гостей и догадываюсь, зачем пожаловали.

И раньше, чем председатели стали говорить о своих нуждах, я повел речь о трудностях строительной весны, о том, сколько у нас забот: паводок встречать надо и в то же время не сбавлять темпы строительства. Говорил правду, ничего не преувеличивал, но с намеком: пусть, дескать, поймут товарищи, как трудно сейчас отвлекать людей и технику на пахоту, на подвоз семян или на ремонт тракторов.

Должно быть, гости поняли мою небольшую хитрость, предпринятую для того, чтобы «опередить события», и один из них, на чьем пиджаке было много орденов и медалей, начал было меня перебивать, что-то возражать мне. Вижу: Михаил Александрович тихонько что-то на ухо шепнул ему. Похоже, что к порядку призывал. Кончилось тем, что я обещал помочь колхозам. Однако перенес беседу на следующий день, чтобы прикинуть, как и чем именно может коллектив строителей быть полезным сельхозартелям.

Только ушли гости, как во мне заговорила совесть. Мой «дипломатический» ход показался теперь неправильным. «Обидятся, — подумал я. — Надо было сразу и прямо решить вопрос положительно и тут же прикинуть, хотя бы в общих чертах, на что они могут рассчитывать».

Председатели и в самом деле обиделись. На другой день они не пришли, а на третий у меня на столе утром зазвонил телефон:

— Здравствуй, дружище!.. — Голос знакомый, сразу понял, кто говорит, и даже догадался, по какому поводу звонок.

— Здравствуй, Григорий Андреевич, — ответил я и стал ждать, что он скажет, мой старый друг, председатель облисполкома Малехоньков.

— Просто решил поинтересоваться, как поживаешь, — заговорил Григорий Андреевич.

— Ничего, спасибо...

Возникает небольшая пауза. «Сейчас про мою встречу с председателями заговорит, упрекнет за невнимательность к ним...» Но услышал совсем другое:

— А я, понимаешь, сижу тут и вспоминаю, как мы с тобой во время войны...

Только он это сказал, как я все понял и все вспомнил...

Город Оренбург в трудную военную пору. Я, уполномоченный министерства, привез туда оборудование двух заводов; их надо было быстро смонтировать на новом месте и немедленно начать выпуск продукции. Прибыли эшелоны, загромоздили все оренбургские пути. Мы с секретарем обкома Малехоньковым отправились в город искать подходящие для заводов здания. Долго искали. Наконец Малехоньков подвел меня к большому зданию и говорит: «Выбор, сам видишь, небольшой. Придется отдать под заводские цеха аудитории сельскохозяйственного института. С болью, но придется. Поможем и людьми. Так что, Иван Васильевич, разгружай эшелоны, размещай станки!».

С этого и началась наша дружба с Малехоньковым. В молодости он крестьянствовал и очень любил землю, был большим знатоком всего, что касалось сельского хозяйства, высоко ценил труд земледельца. Однажды, когда зашел разговор на его излюбленную тему, он сказал мне:

— Вы, строители, любите кричать: «Цемент — хлеб стройки», «Бетон — хлеб стройки», но почему-то не понимаете, что хлеб — всему хлеб...

Вспыхнуло в памяти это воспоминание, а голос в трубке продолжал:

— Да, Иван Васильевич, чуть не забыл спросить. Что произошло там у тебя с колхозными председателями? Вроде ушли они от тебя без энтузиазма. Может быть, ты плохо принял их?..

— Нет, не в этом дело. Вот заеду к тебе завтра, Григорий Андреевич, и обо всем расскажу. Ничего особенного не произошло.

На следующий день я сел в машину и направился первым делом в колхозы. На всякий случай пригласил поехать со мной товарища Малыгина, ведавшего на стройке транспортными делами. Поехали. Но километрах в шести от села Подстепки наша машина застряла в грязи. «Ага, значит, семена надо будет грузить на вездеходы, — мелькнула беспокойная мысль. — А их у нас всего двенадцать штук». Я поделился этой мыслью с Малыгиным и, увидев, как он заерзал на сиденье, успокоил его:

— Ничего, ничего, управимся как-нибудь.

Машина застряла основательно, и мы пошли пешком, увязая по циклотки в густой липкой грязи. Все же «поход» завершился удачно. Побывали в нескольких колхозах. Договорились с председателями и даже составили график шефской помощи.

Вечером заехал я к Григорию Андреевичу Малехонькову и подробно проинформировал его обо всем. Он обрадовался, одобрил действия шефов и как бы невзначай сказал:

— Значит, и ты, Иван Васильевич, про войну вспомнил. Ведь в те годы ничего невозможного для нас не было. Тем более надо помогать друг другу сейчас, когда на земле мир.

— Да, Григорий Андреевич, — ответил я, — мне действительно вспомнилась война и твои слова: «Хлеб — всему хлеб»...

Прошел год, и шефство стройки над колхозами распространилось уже на Ново-Буянский район. Там было плохо с

водой: чтобы напоить скот, колхозники заготавливали снег и лед. «Куйбышевгидрострой» послал туда Федора Федоровича Энгеля с группой специалистов. Вскоре в колхозах уже действовали артезианские скважины.

Строили наши люди и МТС, помогали электрифицировать районы, перевезли миллионы пудов зерна.

Надо сказать, что за многолетнюю работу на строительстве я не раз выслушивал от иных «аристократов» язвительные шуточки, что-де поручают грандиозной стройке сооружать птицефабрику, да еще в срочном порядке — не смешно ли...

Ничего смешного в этом не было. Но слышать подобные шуточки было и смешно и грустно...

Однажды на пленуме обкома КПСС Михаил Тимофеевич Ефремов в пух и прах разделал неумных шутников:

— У таких людей кругозор не шире куриного, — сказал он, — они дальше своего носа ничего не склонны видеть. Птицеводство — важная отрасль сельского хозяйства, и птицефабрика, следовательно, тоже важный строительный объект. Вот мы и решили, что будет правильно поручить строительство крупной фабрики яиц и курятины коллективу строителей гидроузла. По-моему, решение правильное. Как вы думаете, товарищи?

Мы переглянулись с секретарем парткома Мурысевым.

— Конечно правильное, — ответил Александр Сергеевич. А я уже стал обдумывать, что же там придется делать и как.

Во время перерыва надо мной то и дело подтрунивали:

— Когда можно к вам за курятинкой пожаловать?

Кто-то из остряков даже припомнил лошадок, которые доставили мне столько огорчений и о которых я еще расскажу...

На другой день встретил на улице знакомого. «Чего это он так ехидно улыбается?» А тот пожал мою руку и торжественно провозгласил:

— Поздравляю главного птичника Заволжья!

— Вы смеетесь, — ответил я, — а от наших курочек и яичек небось не откажетесь.

Как ни странно, а эти подначки только подливали масла в огонь: очень хотелось доказать шутникам и маловерам, что смеяться последними будут не они.

Так оно и получилось. Уже в августе 1957 года в стороне от шоссе Ставрополь — Куйбышев можно было увидеть свет-

лую россыпь домиков птичьего городка — сто шестьдесят небольших, но добротных сооружений. К тому времени было пущено шесть цехов, заложен трехэтажный инкубатор. Острословы на ходу перестроились: теперь они утверждали, будто бы колхозники собираются в дни сорокалетия Октября преподнести куйбышевгидростроителям огромную яичницу и что церемония вручения гигантской глазуньи произойдет не где-нибудь, а в машинном зале...

Но шутки — шутками, а птицефабрика вошла в строй, и в меню рабочей столовой стали часто появляться яичница и жареная курятина.

Летом, бывало, едешь мимо птичьего городка и кажется, что прилегающие к нему луга сплошь покрыты снегом — столько там кур...

Девять МТС, мастерские, склады, зернохранилища, животноводческие помещения, жилые дома, гаражи — вот далеко не полный перечень того, что мы построили в подшефных колхозах. Мало кто из рабочих и служащих нашего многотысячного коллектива не побывал в деревнях и селах по шефским делам.

Мы с радостью узнавали об успехах колхозников в полеводстве и животноводстве. Мы гордились этими успехами, как нашими собственными. В них была доля труда и гидростроителей. Бескорыстная товарищеская помощь воспитывала в людях чувство коллективизма и ответственности за общее дело.

И как раз в то время, когда в колхозах дела пошли лучше и у местных властей поубавилось забот, пришел ко мне Михаил Александрович Бурматов:

— Иван Васильевич, хочу перейти к тебе на стройку работать. Только прошу какое-нибудь живое дело подыскать для меня...

— Ты? На стройку просишься? Не может быть. Не верю! — удивился я, а про себя подумал: «Впрочем, что тут удивительного? Человек энергичный всегда ищет где труднее».

— Напрасно не веришь, — возразил Бурматов, — вам люди сейчас нужны, может, и я пригожусь.

— Ну, в таком случае, Михаил Александрович, немедленно иди к нам работать.

Пошли мы с ним к секретарю парткома. Александр Сергеевич Мурысев позвонил в область: мол, так и так, отдавайте нам председателя ставропольского исполкома товарища Бур-

матова. Там было стали возражать, но в конце концов согласились...

Бурматов искал живую работу. Он и получил ее. Послали мы Михаила Александровича в самое отсталое и запущенное подразделение — на автобазу тяжелых самосвалов. Там и план не выполнялся, и перерасход горючего был из месяца в месяц, и большая текучесть рабочей силы. Узнав, куда его направляют, Михаил Александрович даже обрадовался: «Вот и будет где силы приложить, за столом сидеть не придется».

Пришел Бурматов на автобазу секретарем парткома и начал с того, что тщательно изучил положение дел в коллективе. Огрехов разных действительно оказалось много, и совершенно правильно работников автобазы критиковали на собраниях, в многотиражной газете. Но Михаил Александрович понял и другое: коллектив частенько обделяли. Всем предоставляли квартиры, а автобазе ничего. Всем премии выдавали, а автобазе — нет. Даже резину и запасные части она в последнюю очередь получала. Только и говорили о коллективе, как о сборище бракоделов и неисправимых «леваков». Кого такое отношение не размагнитит, не обидит?

И вот меня пригласили на собрание этого коллектива. На трибуне — Бурматов. В руках у него раскрытый блокнот, но Михаил Александрович заглядывал в него только тогда, когда требовалось уточнить какой-либо факт. Началась критическая часть выступления, и первой мишенью в ней оказался я. Мне попало больше всех от моего друга. И попало вполне заслуженно.

— Кому дано право из-за нескольких плохих, недобросовестных работников чернить весь коллектив, — спросил Бурматов. — Да, рвачи в коллективе еще есть, но ведь их единицы. Выпивохи тоже имеются, но и их единицы. Большинство же людей — честные, трудолюбивые, достойные товарищи. Однако им, лучшим рабочим, почему-то не дали квартир. И премий не дали...

Речь была обстоятельная и убедительная. Она всколыхнула коллектив, выступали многие, говорили о наболевшем, говорили горячо и убедительно.

Постоянное общение с людьми, чуткое отношение к их нуждам и запросам, индивидуальный подход — вот что было характерно для стиля работы Бурматова. В этом хорошо помогали ему беспокойный характер и горячее сердце коммуниста.

Спустя три месяца после прихода Бурматова на автобазу тяжелых самосвалов этому коллективу было вручено переходящее знамя. Все триста пятьдесят машин работали безотказно, никого из шоферов не уволили.

А когда автобаза прочно завоевала добрую славу и хлопот у Бурматова стало меньше, он опять пришел ко мне. Я понял его с полуслова: опять заскучал человек по «живой работе».

— Есть вакантная должность в объединенном стройкоме, — сказал я, — как раз по тебе: разных дел всегда невпорот. Только успевай поворачиваться. Согласен?

— Ясное дело, согласен. А когда приступить?

Его утвердили в должности заместителя председателя стройкома. И с тех пор как он приступил к этой работе, хозяйственники потеряли покой. Не было такого дня, чтобы Бурматов не тормозил нас по какому-нибудь неотложному вопросу. Зато мы многое обрели: например, пионерские лагеря на две тысячи ребят, особый дом отдыха для старшеклассников, созданный по инициативе Михаила Александровича. Наладилось дело и с яслями, и с детскими садами, и с путевками в санатории. Но самое главное — стройком намного лучше, чем раньше, организовывал соревнования на участках.

По старой привычке любил Бурматов бывать среди людей, знакомиться с положением дел непосредственно на месте.

Чаще всего мы, как и раньше, встречались с ним под открытым небом, где-нибудь на дальнем участке стройки или на дороге. Кабинет его по-прежнему пустовал. Только в редких случаях я замечал из окна своего кабинета, как из противоположного дома выходил, опираясь на палку, этот неутомимый, влюбленный в свою работу человек. Тогда и я гасил настольную лампу и сбегал вниз, чтобы пойти вместе с ним домой.

— Ты что засиживаешься, Михаил Александрович? Нарушаешь режим.

— А ты что?

— Сидел в кабинете не по служебным делам, а по личным, — оправдывался я.

— Ну и я по личным: подводил итоги рабочего дня и намечал план на завтра. Вот и задержался малость...

БЕСПОКОЙНЫЕ БУДНИ

«Лошадиная» проблема.— Горько, но справедливо.— На пленуме обкома партии.— Разговор с С. Я. Жуком.

На первых порах случались в Жигулях и курьезы. До сих пор не могу забыть хлопоты и волнения, связанные с табуном лошадей. Нет, я не оговорился. Речь идет именно о лошадях, о «живой тягловой силе».

А дело было вот как.

Строительство, крупнейшее в моей инженерной практике, только еще начиналось. Кто знал, какие непредвиденные трудности могли возникнуть впереди, сколько дополнительной техники понадобится? Да и только ли техники... Словом, необходимо было все, до мелочей, продумать и взвесить, ничего не упустить из виду.

Наученный горьким опытом, я знал, например, что в весеннюю распутицу, бывает, даже мощный тягач с трудом преодолевает размытый участок дороги, а неказистая лошаденка тот же участок проходит без особого труда.

Так возникла «лошадиная» проблема.

Если бы не Степан Савельич, работавший сторожем на одном из складов стройки, я, возможно, еще хорошенько подумал бы, прежде чем что-нибудь предпринять. Но мудрый, рассудительный Савельич, судя по всему, знал толк в лошадях, и его авторитетное мнение оказалось решающим.

Познакомился я с Савельичем чисто случайно. Однажды поздно вечером проходил мимо складских помещений и был остановлен хрипловатым старческим окликом:

— Стой! Кто идет?

Я повиновался категорической команде и в душе порадовался, что стройка хорошо охраняется. Но, посмотрев в ту сторону, откуда раздался оклик, невольно улыбнулся: в круге света от электрической лампы, у ворот склада, стоял бородатый человечек, держа наперевес ружье. Я направился к воинственному старичку в надежде, что он узнает меня и успокоится. Но услышал еще более грозный окрик:

— Ни с места! Стрелять буду!

Пришлось подчиниться. Подойдя ко мне, он виновато воскликнул:

— Ну и дурень же я отпетый — в кого стрелять вздумал... Прости меня, старика: видеть плохо стал...

Мне почему-то сразу пришелся по душе этот симпатичный старик, напоминавший шолоховского деда Щукаря, и я в свою очередь стал извиняться:

— Это вы меня простить должны, что вторгся ночью в ваши владения... Лучше скажите, как вас величать-то?

— Степан Савельич я, — воспрянув духом, ответил сторож. — Но все кличут меня Савельичем. Мне все едино, что так, что этак...

Не прошло и месяца, как мы были с ним большими друзьями. Когда я очень уставал от повседневной сутолоки и выпадала свободная минута, я отправлялся на склад и там, сидя на бревнах, отдыхал, слушая истории Савельича о разных разностях. Это был замечательный рассказчик. Прожив на свете восемьдесят лет и многое повидав, Савельич, вспоминая о пережитом, никогда не повторялся.

Особую страсть старик питал к лошадям, которых считал самыми добрыми и самыми разумными из животных. Больше других мне запомнился рассказ Савельича о боевом коне Соколике. Соколик спас молодого драгуна от неминуемой смерти — это было в первую мировую войну, в Карпатах.

— Поверишь ли, Иван Васильевич, — продолжал, тяжело вздохнув, Савельич, — пока я церковь посещал, не было такого дня, чтобы своего четвероногого спасителя в молитвах не поминал. Один раз дьякон Ферапонт, которому я притащил бутылку самогона, так в нашей сельской церкви за упокой души Соколика рявкнул с амвона, что стекла зазвенели. Никто и не догадался, что имя это лошадиное. А хоть бы догадались! Иной человек такого не совершит для своего ближнего. Сам рассуди: среди ночи нашел меня на бранном поле и к рассвету прямехонько к своим доставил. Лошадь — она, брат, скотина мудрая, только что не говорит...

В общем, наслушался я подобных историй да еще знал, что Савельич в царское время работал конюхом в имении графа Орлова-Давыдова в Жигулях, и пришел к твердому убеждению, что лучшего специалиста «по лошадиной части» мне не сыскать.

И вот как-то поздним летом пришел я к Савельичу и сказал:

— Ведь правда, не мешает стройке лошадьми обзавестись?

Дед встрепенулся в радостном ожидании, надеясь еще раз услышать сногшибательную новость. Я ему доставил это удовольствием и повторил вопрос.

Савельич не задумываясь ответил:

— А как в таком хозяйстве без лошади обойдешься? Машина своим порядком, трактор своим порядком, а конем беспрерывно надо обзавестись. Весной и осенью без лошади наплачешься. Вспомнишь мое слово.

Не дожидаясь приглашения, Савельич изъявил готовность присматривать за лошадьми и тут же внес предложение: пригнать табун на небольшой остров с заливными лугами, словно бы специально для этого созданный природой недалеко от стройки.

— У меня один знакомый имеется, — добавил старик, — может, и он согласие даст наняться на будущее лето. Его батька на конном заводе работал... Ах ты, голова моя садовая, о самом-то главном забыл сказать, — спохватился вдруг Савельич, — запомни, Иван Васильевич, мое предупреждение: будешь отбирать лошадей, гляди в оба, чтобы не одни мерины попались.

Познакомил я с «лошадиной проблемой» и своего хорошего друга Дмитрия Ивановича Сентюрина, начальника строительства железнодорожных путей. Опытнейший дорожник с лошадьми дела никогда не имел, но к идее отнесся положительно.

И вот пришел день — надо отправлять заявку на имя Семена Михайловича Буденного. Прежде чем поставить свою подпись, перечитал письмо, и в душу мою вкралось сомнение: «Восемьдесят коней! Целый табун! Как отнесется маршал к моей заявке? Не осмеет ли?». И как раз в это мгновение раздался телефонный звонок: министр Михаил Георгиевич Первухин интересовался, как обстоят у нас дела, отправил ли я заявки на все необходимое для строительства.

— Отправил, — ответил я. — Сейчас последнюю посылаю. Кажется, все предусмотрел, даже лошадей.

— Что, что? — переспросил министр. — Каких лошадей?

— Я имею в виду аварийную тягловую силу. Может случиться, что и кони понадобятся.

— Странно. А впрочем, смотри. Тебе виднее...

А через дня четыре я разговаривал по телефону с Буденным.

— Да, письмо мне передали, — сказал Семен Михайлович. — Просьбу уважу, если уж так приспичило. Но все-таки скажи, какого лешего тебе на стройке конница сдалась? Зачем в век стальных коней лошадками запасаться?..

Я объяснил, как мог, чем вызвана моя просьба, и поблагодарил маршала за оперативное решение вопроса.

На этом можно было бы поставить точку, если бы не допущенная мною оплошность: ведь я забыл совет Савельича относительно кобылок и жеребчиков! Отправился в только что созданное управление строительства и послал телеграмму снабженцу Ламперу, поехавшему за табуном: напоминание о кобылках...

Должен заметить, что Лампер, которого я знал по многим стройкам, отличался необыкновенной исполнительностью и слыл непревзойденным доставалой. Он был одним из тех людей, о которых в народе говорят: «Ты его в дверь, а он в окно, ты его в окно, а он в трубу».

И на сей раз этот поистине виртуозный снабженец оказался на высоте. Он проявил вдобавок личную инициативу и перевыполнил задание. В его телеграмме говорилось:

«Пятнадцатого октября специальным эшелонотом отправил на строительство восемьдесят лошадей том числе четырнадцать кобылок и двенадцать жеребцов том числе четыре строгих тчк. Прошу распорядиться приеме лошадей тчк Лампер».

Вот молодец, думаю. Но постой... Что значит «строгих» применительно к жеребцам? Я родился в деревне, в детстве пас лошадей, а что-то не пойму, что подразумевается под этим словом. Достаяю словарь Даля и нахожу в нем одно более или менее близкое по смыслу истолкование: «Эта лошадь строгонька, не подходи сзади». Вот те и на! Не хватало мне еще в хозяйстве стройки держать строптивых коней!

Прошло несколько дней. К нам прибыл вновь назначенный заместитель начальника строительства по материально-техническому снабжению. Вызываю его:

— Прочтите, пожалуйста, Георгий Федорович, эту телеграмму и приготовьте все необходимое для приема восьмидесяти лошадей...

Трудно было сказать, что больше выражало лицо моего нового заместителя — удивление, растерянность или страдание.

— Позвольте, — сказал он заволновавшись, — почему именно четырнадцать кобылок и двенадцать жеребцов, а не наоборот? И почему вы думаете, что «четыре строгих» обязательно относится к жеребцам?

Было понятно, что Георгий Федорович столько же смыслит в лошадях, сколько и его начальник.

— Надо готовиться к встрече спецэшелона, выгрузке и перегону лошадей, — подытожил я.

Потрясенный заместитель что-то пробормотал в ответ и пулей вылетел из кабинета...

Делу был дан ход, и на душе у меня как-то стало спокойнее. Но — ненадолго.

Вечером я позвонил в Куйбышев: мне хотелось поделиться своей радостью с М. Т. Ефремовым, который заведовал отделом промышленности и строительства обкома партии.

С воодушевлением проинформировал его обо всем. Но Михаил Трофимович почему-то не торопится разделить мою радость. Он молчит. Эта пауза удручающе действует на меня. Думая, что нас разъединили, закричал «Алло!».

— Отлично слышу тебя, Иван Васильевич. Только ты так ошарашил меня, что и слов не нахожу... На кой черт тебе столько лошадей? Ты что, белены объелся?.. Через два-три дня приеду к тебе и скажу, какую кашу ты заварил. Прошу тебя, больше никому по этому поводу не звони. Встретимся и вдвоем подумаем, как выйти из создавшегося положения с наименьшими потерями...

Михаил Трофимович был прав, лошадей нам нельзя было заводить. Куда же девать конское поголовье?

Пришлось снова пойти за советом к Савельичу.

— Одно у меня есть решение, — сказал он. — Погоним лошадок, пока тепло, на Волжек. Пускай себе пасутся там на здоровье. Луга на острове заливные, корма, считай, сколько душе угодно. А я, так уж и быть, согласен на должность стерегущего. Как-нибудь справлюсь с этим делом — не в новинку оно мне...

У меня словно камень с сердца свалился.

— Спасибо, Савельич!

Наступили холодные осенние дни. Ударили первые заморозки, а я, грешным делом, о конском поголовье забыл. До него ли было!

Напомнил мне о существовании табуна Савельич.

Он явился ко мне на исходе пасмурного ноябрьского дня в старом овчинном тулупчике, с березовым посошком в руке, больше похожий на смиренного странника, чем на стерегущего табун лошадей.

За лето Савельич заметно изменился — исхудал и вроде бы даже ростом стал меньше.

Он уселся и, с укоризной глядя на меня, сказал:

— Совсем устранился ты, Иван Васильевич, от лошадей-то. Чем спрашивать меня, как я живу, лучше бы ты спросил, что с табуном делается. Было четыре строгих, а нынче все строгие. Одичали лошади-то. Не то что взнуздать, подступиться к ним ни с какой стороны возможности нету. Извелся я с ними, Иван Васильевич, и пришел к тебе отставку просить. Стар я, за восьмой десяток перевалило.

Савельич жил бобылем, некому было за ним присмотреть, и я устроил его в дом для престарелых.

С уходом Савельича часть лошадей распределили между хозяйственными тылами стройки, а часть подарили окрестным колхозам. «Лошадиная проблема» была снята с повестки дня. Но долго еще подтрунивали надо мной товарищи на различных совещаниях и активах. Веселый гул стоял в зале, когда вопрос заходил о «местной коннице». Не пощадила виновника ее появления в Жигулях и наша многотиражка «Гидростроитель». «Кто это придумал в век электрификации, на первой стройке коммунизма призвать на помощь живую тягловую силу? На каждого рабочего, каждого строителя нашего многотысячного коллектива приходится примерно двенадцать киловатт электрической мощности». Краснел я здорово, читая эту заметку. Ничего не поделаешь, справедливо.

* *

*

Вообще на стройке строгой и справедливой критики было не занимать. Запомнилось мне первое же партийное собрание. Нелегко было созвать его; за каких-нибудь полтора месяца число коммунистов перевалило за шестьсот, и сразу же возникла трудность: где проводить собрание? Небольшой зал ставропольского районного Дома культуры не вмещал и трехсот человек.

Нам предоставили зрительный зал кинотеатра «Буревестник», самый вместительный в городе. Но и здесь не хватило мест, и мой доклад многим пришлось выслушать стоя.

Студент политехникума.
1925 год.

Май 1928 года.
26-ая отдельная авиаэскадрилья.
Курсант Иван Комзин (справа)
во время занятий физкультурой.

◀ Так строилась Магнитка...

◀ Турция. Кайсери.
На строительстве
текстильного комбината.
1934 год.

Кайсери.
И. В. Комзин с сыном Борисом.

Начальник Управления
при Совете Министров СССР
по восстановлению и строительству
Севастополя. 1944 год.

Военный инженер второго ранга,
начальник строительства порта
в Таллине. 1940 год.

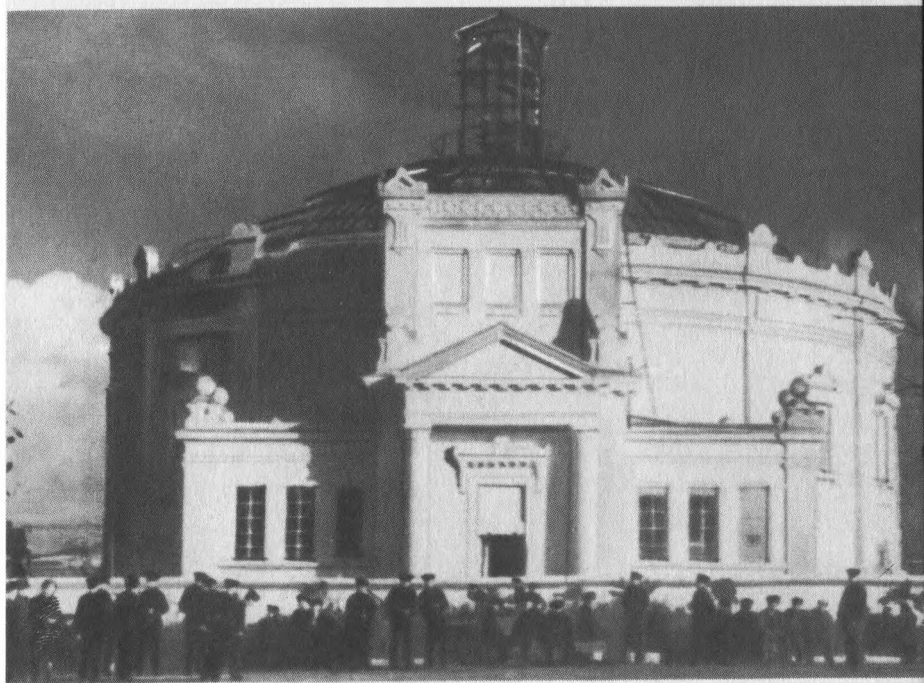
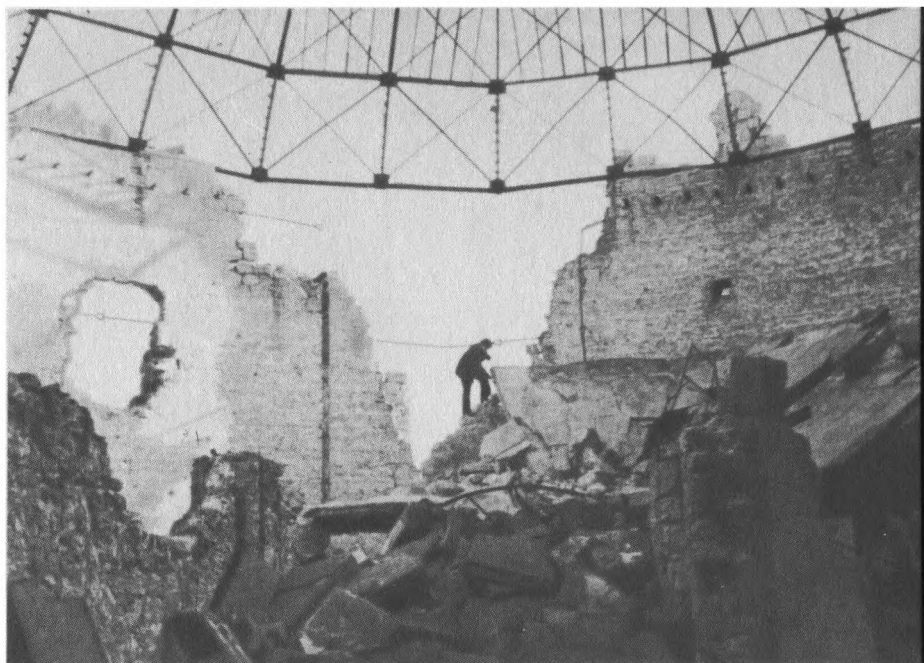
«Севастополь лежал в руинах»...
Здание панорамы
обороны Севастополя,
разрушенное фашистами.

Восстановленная
Севастопольская панорама.
1946 год.

Пуск первой турбины
восстановленной ТЭЦ
в Севастополе.

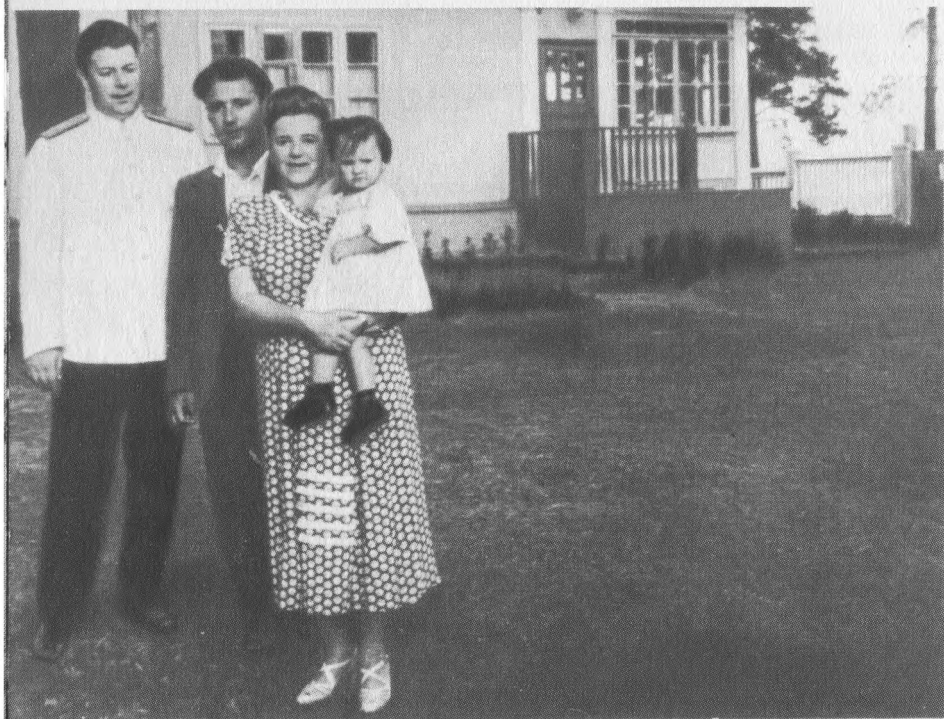

Генерал-майор
инженерно-технических войск.
1947 год.

Начальник
Куйбышевгидростроя. ▶

Куйбышевская ГЭС.
На переднем плане —
нижние судоходные шлюзы. ▶

Иван Васильевич,
Ольга Яковлевна,
Борис и Ирина Комзины.
1952 год.

Л. И. Брежнев
на Куйбышевгидрострое.
1957 год.

Гости стройки.
Федор Панферов и Антонина
Коптяева у Ивана Васильевича
Комзина. ▶

Египетские специалисты
в научно-исследовательском
центре «Гидропроекта»
после осмотра
действующей модели будущей
Асуанской плотины. ▶
В центре — И. В. Комзин.

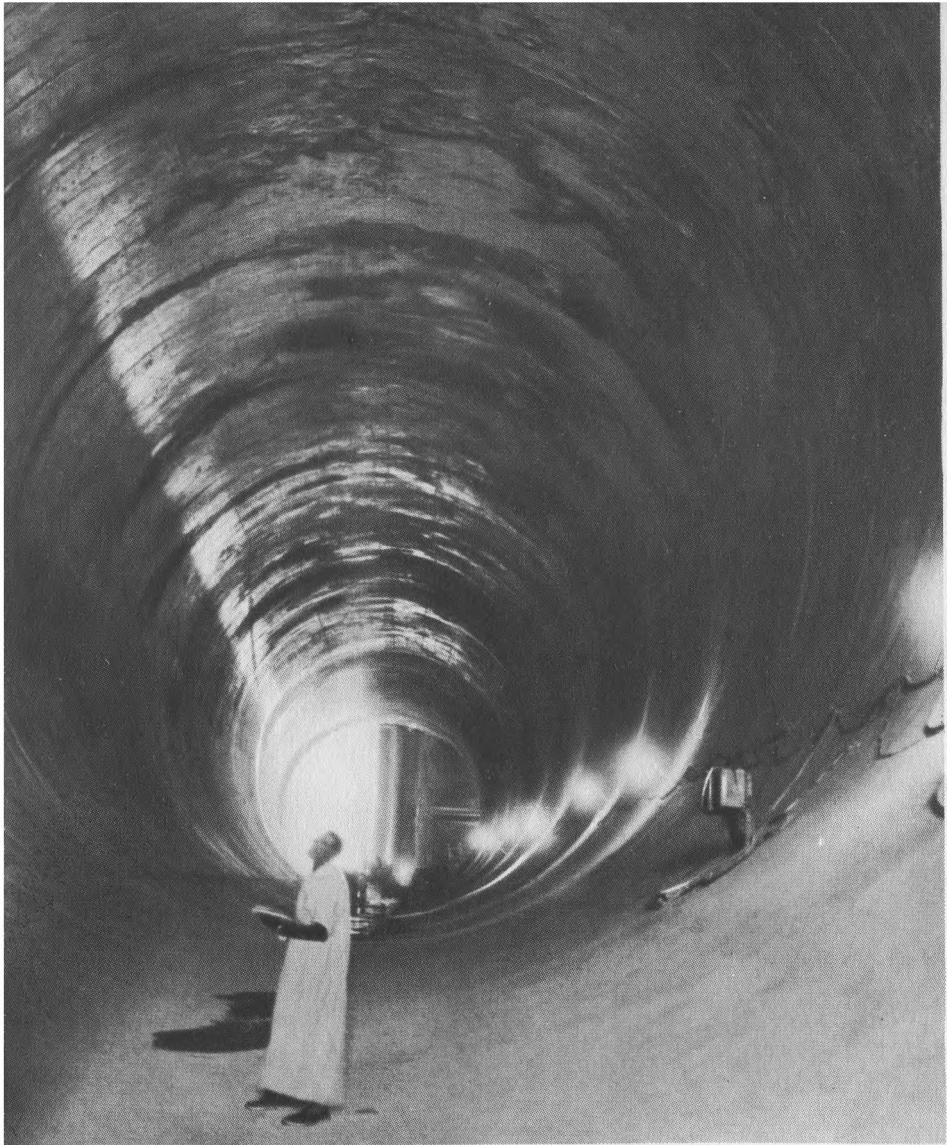

Понятная радость египтян:
вода пошла по нужному руслу!

Панорама Асуанской плотины.
Справа — водоотводящий канал.
Слева — перемычка,
которая заставила
воды Нила повернуть
и пойти к турбинам ГЭС.

Асуан. Строится дорога
в низовой части канала.
1960 год.

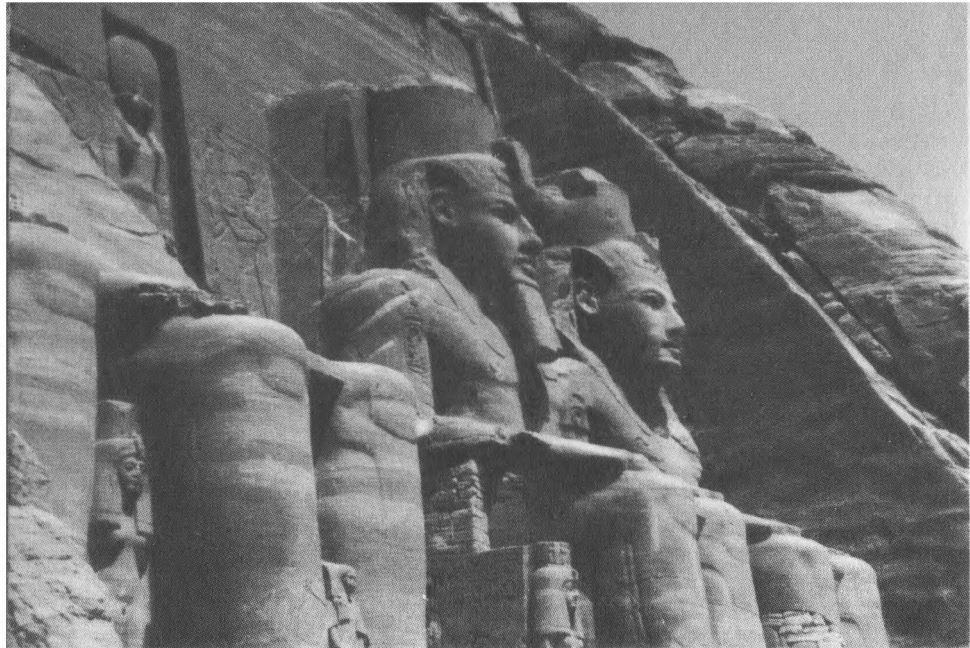
Один из шести
водопрпускных тоннелей. ▶

Пустыня... ▶

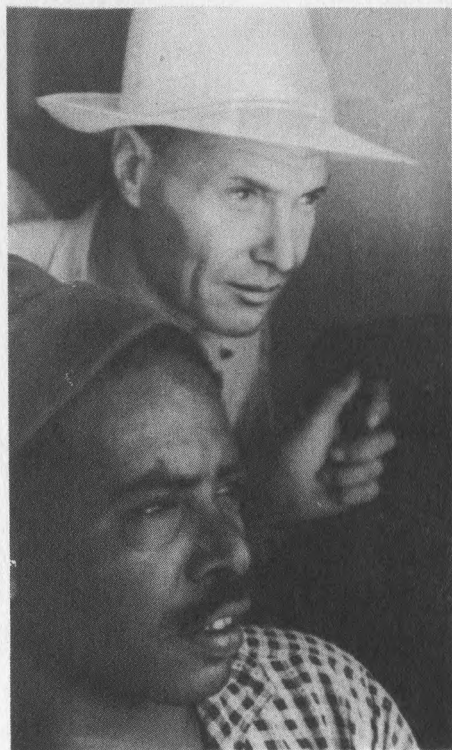
Советский механик В. П. Никичев
обучает араба Махмуда Саеда
работать на мощном
15-ти тонном кране —
трубоукладчике.

Фрагмент храма Абу—Симбел.
Теперь это монументальное
сооружение перенесено
на берег искусственного озера.

Герой
Социалистического Труда
Василий Клементьев
и его ученик Абдул Фата Али
в кабине экскаватора.

Я говорил в основном о будущем, рисовал перспективы, пересказывал проектные материалы, но в зале собрались люди, горевшие желанием взяться за дело сегодня же, сию минуту. А как раз то, что они больше всего надеялись услышать от меня, я и упустил в своем докладе. Упустил и другое — ничего не сказал о подготовке к зиме. Мне потом и самому непонятно было, как мог я обойти этот вопрос.

Товарищи, выступавшие после меня, указывали: с дорогами плохо, гаражи не оборудованы, мастерские не готовы, все еще нет пекарни. Короче говоря, необходимого пока нет, а перспективы, что и говорить, нарисованы в самых радужных тонах...

Если меня еще хоть немного щадили, то инженеру Александру Петровичу Дрыгину, отвечавшему за строительство жилья, пришлось туго. Надо признать, работал он действительно бездумно: до глубокой осени все дома у него оставались недостроенными из-за неэкономного, бесхозяйственного расходования строительных материалов.

Зная Дрыгина, я подумал: «Наверняка после такой взбучки подаст заявление с просьбой освободить его от занимаемой должности».

Но, к счастью, я ошибся. Оказывается, плохо я знал характер Александра Петровича. На другой день он пришел ко мне подтянутый, собранный и злой. Он был готов на все, чтобы только восстановить свою репутацию. И это ему удалось. Очень скоро Дрыгин добился заметных успехов в жилищном строительстве.

На нашем первом партийном собрании досталось и Георгию Федоровичу Малыгину, который в те дни отвечал за автомобильный транспорт. Ему попало за то, что он смотрел сквозь пальцы на халатность некоторых начальников гаражей и шоферов. Машины по утрам не заводились, рессоры и оси ломались, как спички, резиновые покрышки не выдерживали и одного срока, безбожно транжирилось горючее. Одной преданности делу мало, говорили выступавшие. Нужна хватка, нужна культура в работе, требовательность и организованность, нужна мысль, которая опережала бы дело. Георгий Федорович был так потрясен услышанным, что вышел на трибуну, постоял и, не сказав ничего, вернулся на место.

Но молчание это было красноречивей всяких слов. Всем стало ясно — раз человек принял настолько близко к сердцу критические замечания, значит толк будет.

...На другой день, чуть свет, я раскладывал на письменном

столе, точно пасьянс, бесчисленные бумажки с памятливыми заметками: «Жилье!», «Дороги!», «Пекарни!», «Фонды на металл!», «Щебенка!», «Радиофикация!», «Клуб!», «Баня!», «Прачечная!».

Раскладывал я свой «пасьянс», и голова кругом шла: за что раньше взяться?

А стройка, что ни день, подгоняла, торопила, напоминала о себе каждым пароходным гудком, каждым порывом холодного ветра, предвещавшего приближение зимы.

Все больше караванов барж и пароходов тянулось к нам. Успевай только принимать грузы. А как успеешь, как справишься с этим, если рабочие руки на вес золота? Едва пошлешь несколько бригад на правый берег рвать камень для подводного банкета перемычки, как приходится вызывать людей обратно — на разгрузку. Хорошо еще, если пришла баржа с автомашинами: заправил их и повел. А если с разобранными экскаваторами? Или с арматурной сталью, шпунтом, прокатом? Положение осложнялось и тем, что некоторые заводы, желая помочь стройке, за несколько месяцев выполняли годовой план поставок. С одной стороны, это было замечательно, а с другой — доставляло множество дополнительных хлопот и трудностей. Нам бы следовало благодарить наших поставщиков, а мы нервничали, не успевая принимать грузы, которым страна давала зеленую улицу.

Так дальше продолжаться не могло.

На правом берегу, где шло строительство перемычки, мы организовали в походном сборном домике своего рода командный пункт. В самое напряженное время главный инженер и я даже ночевали в штабе, а в нашей оперативной группе, выдвинутой вперед, неизменно дежурили ответственный инженер, диспетчер, исполнители по снабжению, по транспорту и телефонисты, связывавшие нас с Москвой, с Куйбышевым и, конечно, с управлением строительства, где находился наш инженерный и канцелярский тыл.

Штаб забил тревогу: не выполнялся план земляных работ. Экскаваторы уже значились действующими, а их еще собирали, потому что не хватало рабочих. У тех же экскаваторов, которые действовали, выстраивались очереди машин: шоферы делали по семь рейсов в день вместо пятнадцати.

Поехал к шоферам, чтобы поговорить. Ох, и шумливый же это народ. Размахивали руками, кричали, горячились, требовали уволить начальника участка земляных работ Фиксанова. До меня долетали отдельные реплики:

- Вопрос ясен: Фиксанов тормозит дело!
- Не справляется он, ничего другого не скажешь...
- Если так, то уволить надо, чтобы стройка не страдала...

К шоферам присоединились экскаваторщики — они тоже за то, чтобы Фиксанова уволить...

Когда шум унялся, собрание, возникшее стихийно, приняло деловой характер. Товарищи начали вносить конкретные предложения: в одном месте исправить дорогу, в другом — проложить новую, в третьем — организовать двустороннее движение, в четвертом — добавить экскаватор, в пятом — бульдозер, и так далее.

Все это удалось сделать за двое суток. Пришел опять к шоферам:

- Как дела, товарищи водители?
- Порядок! — раздался чей-то голос.
- А Фиксанов как?

Этот мой вопрос вызвал веселое оживление.

Один из тех, кто два дня назад предлагал снять Фиксанова с работы, теперь переменял свое мнение:

- Ничего, дельный мужик!

Постепенно наладилось дело и с приемом грузов, но тут еще было много неорганизованности. В зоне затопления, куда после зимних холодов устремятся весенние воды, свалены тысячи тонн различных грузов, доставленных баржами и пароходами. Кто-то назвал эти завалы «бутербродами», и брошенное в шутку меткое словечко пошло гулять по стройке. Но это было грустное зрелище. Внизу лежали детали сборных деревянных домов, сверху — сухая штукатурка, рядом «покоились» лебедки, а на них — мешки с цементом...

Чтобы спасти это богатство, нужны были срочные меры: до паводка оставалось не так уж много времени.

По совету секретаря парткома я решил вызвать автомобилистов с обоих берегов, устроить конференцию.

Рассказал им, как мы хозяйствовали, рассказал о грубых промахах и, в частности, о возмутительном хранении ценнейших грузов. В заключение призвал их помочь ликвидировать это безобразие.

Возвращался я на свое место и ждал — какая последует реакция. А реакция была совсем не такой, на какую мне хотелось надеяться. Из зала полетели реплики:

- Кто же все-таки плохо смотрел за этим?
- Почему допустили такое безобразие?

— Легко на других взваливать вину...

— Во всяком деле самокритика требуется...

Мне стало жарко. Пошел обратно к трибуне.

Тяжело, очень тяжело стоять перед судом своего коллектива. Никакое единоначалие тут не прикроет. Как бы ни были велики твои права, они не выше нашей советской демократии. И я сказал шоферам, что мы, руководители, и прежде всего я, начальник строительства, — главные виновники создавшегося положения.

Зал словно взорвался. Посыпались реплики, но уже иного характера, поправки к тому, что я предлагал, — собравшиеся думали, как выйти из тяжелого положения.

На этом собрании я понял: руководитель должен уметь честно признавать свои ошибки, и в таком случае коллектив никогда не откажется помочь...

* *

*

Соседи — строители Сталинградской гидростанции — вызвали нас, куйбышевцев, на социалистическое соревнование. Благородное, важное дело! Но мы медлили с ответом, хотя и рады были бы ответить немедленно. Целую неделю на участках, в партийных организациях, в постройке обсуждались наши обязательства. Наконец ответ направлен. Казалось бы, все в порядке, можно не волноваться. Но несколько дней подряд меня глодало беспокойство: все думал, как бы мы не оплошали перед волгоградцами. Они включили в свои обязательства себестоимость, а у нас было с ней весьма плохо.

Во время обсуждения обязательств я понял, что мы обращали мало внимания на бережливость и экономию. Раздавались голоса, что экономить надо по бедности, при нехватках, а у нас, мол, на великой стройке, где всего вволю, где счет ведется на миллиарды рублей, смешно скаредничать. А на самом деле как раз наоборот. На небольшой стройке много не сэкономишь. Зато если на таких, как наша, избалованных вниманием и лаской всей страны, на один процент снизить расход цемента — это будут эшелоны ценнейшего строительного материала, а на один процент сократить денежные затраты — это уже миллионы.

Большие перерасходы на строительстве жилья. Как их избежать? Я советовался со специалистами, они прикидывали, рассчитывали...

А пока мы, руководители, спорили, комсомольцы Кали-

нин, Дегтярев и Гинцов приняли решение: выполнять нормы расхода материалов на строительстве жилья! «Соблюдай норму расхода цемента, леса, металла!» Трое ребят подняли на ноги всю стройку. И вскоре они уже стали обгонять опытных, заслуженных строителей. Разгорелось соревнование. Теперь на Доске почета рядом с портретами седовласых людей висели фотографии безусых юнцов, чубатых и веселых.

Мастер малярных работ Уваров побывал в Днепропетровске: больше двух недель изучал там передовые методы строительства. Возвратившись на стройку, Уваров сделал доклад на собрании рабочих жилищно-строительного участка. И собрание решило: последовать примеру днепропетровцев, сэкономленными материалами отделывать каждый седьмой дом.

Мы посылали учиться передовым методам труда и многих других мастеров. Мы не стеснялись учиться, и ничего кроме пользы это не принесло.

Как только мы добились первых хороших результатов в деле экономии, я решил написать об этом в министерство. Взялся было уже за перо, как неожиданно появился мрачный диспетчер с бумагой в руках.

— Что случилось?

Диспетчер пробормотал что-то невнятное.

— Давайте, не тяните, — уже сердито предложил я. — Говорите, наконец, в чем дело!

Он молча подал бумагу. Министерство строго указывало, что у нас допущены большие потери материалов. Далее в бумаге говорилось, что мое руководство стоит на низком уровне, что я неправильно оцениваю успехи, некритически отношусь к промахам. В заключение предписывалось в декадный срок доложить о принятых мерах.

Поехал в котлован. Потом повернул в другую сторону — посмотреть, как идет жилищное строительство, затем помчался на склады и в гаражи. Везде учинял строгий разнос и поймал себя на том, что каждому почти дословно повторял письмо министра, адресованное мне. И о низком уровне руководства кричал, и трезвой оценки достижений требовал.

Так прошел день. Возвратился домой злой и усталый.

Ольге Яковлевне рассказывать о перипетиях этого дня не пришлось.

— Получил ругательную телеграмму? — услышал я ее голос. — Ничего, без этого не бывает. Главное, не теряйся...

На другой день звонок: вызывали в обком партии. Там, думаю, тоже напомнят об уровне руководства.

Мы с главным инженером запаслись сводками, диаграммами, чертежами.

На расширенное заседание бюро пригласили всех руководителей заводов и строек области. Возможно, следующий вопрос повестки дня касается их? Оказывается, нет. Их пригласили поучиться на наших ошибках и по-соседски помочь гидростройке.

Шапошников с длинной указкой в руке переходил от одного чертежа к другому. Возле каждого останавливался. Объяснял. Но грандиозный парад чертежей особого впечатления на присутствовавших не произвел.

— Известно ли вам, что на вашей стройке простаивают агрегаты общей стоимостью в одиннадцать миллионов рублей? — спросили докладчика.

Спросили его, а посмотрели на меня.

Профессорская указка была положена на стол, и мы с ним мгновенно превратились в учеников. И урок нам дали по всем правилам. Мы только успевали записывать и запоминать...

Постановление обкома плюс телеграмма министра... за два дня!

Но это было еще не все.

Собрался актив стройки. Было зачитано решение обкома партии, и в придачу к нему я получил изрядную дозу критики от своих товарищей — ответственных и рядовых.

Слушал я и думал, что возражать не имею права — упреки справедливые, а в коллективе нет большего начальства, чем собрание...

* *
*

Из дневника 1950 года:

«...29 октября. В моем кабинете выступает с докладом главный инженер проекта Николай Александрович Малышев. На этом заседании собрались видные гидротехники. Они даже не подходили к развешанным чертежам. И не глядя на них, они отлично разбирались в том, где рисберма и где понур, как расположены водобои и прочие сооружения. Я же со страхом поглядывал все время на чертежи, то и дело подходил к ним, лихорадочно ища глазами понур, водобой...»

И вот ведь какая у людей деликатность! Тогдашний главный инженер строительства Шапошников сказал, что совещание проведено мною на высоком уровне. А я дома вспоминал, какие вопросы задавал Малышеву, что говорил и какие соображения высказывал и краснел как школьник.

Конечно, я имел уже достаточную теоретическую подготовку и немалый практический стаж, но все же проекта Куйбышевской ГЭС, честно говоря, по-настоящему тогда еще не постиг.

Закончив высшее учебное заведение, я, по существу, учился вновь. И теоретически и практически.

Начал с изучения проекта. Принципы легче было понять, чем детали. Общее направление в организации работ представлялось яснее, чем конкретные технические решения. Да и в самой технике далеко не все было знакомо. Никогда, например, до этого я не имел дела с кабель-кранами, никогда не видел гигантских автоматических бетонных заводов.

И вот, помню, приехал я в Москву и решил пойти к Сергею Яковлевичу Жуку, поговорить с ним начистоту.

Несколько раз подходил к зданию «Гидропроекта», не решаясь переступить порог. Наконец, выругав себя за малодушие, рванул дверь в приемную. Войдя, решил — так и спрошу: гожусь или не гожусь в руководители строительства? Если Сергей Яковлевич колеблется, пусть так и скажет. Если же он верит в меня, тогда и мне станет легче в себя поверить.

Сергей Яковлевич усадил меня в кресло и сразу задал несколько вопросов насчет проекта гидроузла. Я выпалил:

— Прямо скажу, плохо изучил я проект, не все еще как следует уяснил себе. Туго дается мне это новое, сложное дело. Вы ведь знаете, что я не строил раньше таких гигантских сооружений.

— Ну и что же, — спокойно заметил Сергей Яковлевич. — Зато вы много сделали в морской гидротехнике.

Я почувствовал, что краснею до корней волос. Много сделал!.. Утешал меня академик...

— Куда там много! — упавшим голосом возразил я. — Видно, надо мне учиться заново, переучиваться.

Сергея Яковлевича мои слова почему-то привели в веселое настроение.

— Давайте отложим этот разговор на некоторое время, — предложил он. — Не выпить ли нам лучше чайку? У меня есть прекрасные сухарики...

За чаем он опять заговорил о моей работе над восстановлением морских портов. Я стал рассказывать ему и словно вновь пережил те грозные и трудные годы...

Фашистские захватчики разрушили Таллинский порт до основания. И правительство послало туда группу строителей во главе с А. Н. Комаровским для организации восстано-

вительных работ. Мы часами просиживали над чертежами бывших сооружений, надеясь использовать хотя бы обломки. Изнурительная, кропотливая была работа, но постепенно она захватила нас.

Еще шла война. Строительных материалов не хватало. Страна испытывала страшный цементный голод, и не только цементный: не было арматуры, не было машин, паровозов, вагонов. Но правительственное распоряжение гласило: не позднее чем через шесть месяцев принять первый корабль.

Съездили мы на один из разрушенных цементных заводов и обнаружили там целые горы готового клинкера — обожженного до спекания цементного сырья. Не раздумывая долго, перевезли его в порт и организовали помол. За это самоуправство мне досталось и от непосредственного начальника, и от министерства, и от партийных органов. Но наказали меня уже после того как был добыт цемент и стройка шла полным ходом. Правда, неизвестно еще, чем бы все это кончилось, если бы порт не был восстановлен к назначенному сроку. А когда строительство было успешно завершено, дело с клинкером само собой заглохло. Весь наш коллектив был награжден. Я получил орден Отечественной войны. Что касается цемента, то, на мой взгляд, мы распорядились им похозяйски. Даже подбросили полторы тысячи тонн коллективу, восстанавливавшему Беломорско-Балтийский канал, где в те дни, кстати сказать, работал будущий автор проекта Куйбышевского гидроузла Н. А. Малышев...

Был уже поздний вечер. Взглянув на часы, Сергей Яковлевич встал и прошелся по кабинету.

— Вот видите, — сказал он, — перемычка Куйбышевской ГЭС значительно проще, чем стенка Таллинского порта... Вот вы говорите, что мало знаете, что надо сызнова учиться. Так ведь в области гидротехники всем надо учиться ежедневно и ежечасно. Учиться никому не противопоказано.

Положив мне руку на плечо, он добавил:

— И вообще, друг мой, разве есть область знания, где больше нечему было бы учиться?

Прощаясь, Сергей Яковлевич пообещал продолжить начатый разговор на строительной площадке. И действительно вскоре приехал к нам.

ТРУДНЫЙ ХЛЕБ СТРОИТЕЛЕЙ

Романтики и реалисты скрестили шпаги. — Сюрпризы матушки-Волги. — История на перемышке. — «Шагающие» совещания.

Еще в самом начале работ коллектив инженеров стройки разбился на два лагеря. Один возглавлял Карцев, другой — Шапошников. Группа Карцева требовала: «Скорее в воду!». Она жаждала немедленного штурма Волги. Приверженцы же Шапошникова настаивали на том, чтобы сперва построить дороги, подсобные предприятия, жилые поселки, а потом уже выйти на берег.

Кто из них был прав? Я понимал, что обе группы по-своему были правы: и ждать нельзя, и опрометчиво действовать не следует.

Пришел я на заседание парткома, посовещались мы и решили: пусть поспорят «противники», пусть скрестят шпаги в товарищеской дискуссии.

Дискуссия состоялась. Но страсти не улеглись. Поначалу перевес был на стороне группы Шапошникова, однако до того незначительный, что Карцев не чувствовал себя побежденным и с прежней настойчивостью защищал свою концепцию. Порой управление оглашалось такими ожесточенными спорами, что моего авторитета начальника для умиротворения сторон не хватало.

Что-то надо было предпринять, чтобы положить конец этим дебатам, и я пригласил третью сторону — автора проекта Николая Александровича Малышева. Со свойственными ему уравновешенностью и миролюбием Николай Александрович предложил комбинированный вариант: усиленно создавать базу, но и не мешкать с основными гидротехническими работами.

Вынести окончательное решение предстояло мне.

Компромиссное предложение Малышева по сути означало поддержку Карцева, к чьим доводам, надо признаться, я с самого начала относился более сочувственно, чем к предостережениям Шапошникова. Однако же принимать решение наперекор главному инженеру строительства было неудобно. Поэтому и я, следуя примеру Николая Александровича, нашел примирительные формулировки, не препятствующие, впрочем, решительному выходу на Волгу.

После этого наступил мир. Да и не до споров было. Стояла осень 1951 года. В Москве, в министерстве, обсуждались планы на предстоящий год. Там уже находились наши наметки и требования. Мы просили тройного увеличения капиталовложений, много новой техники, пополнения рабочей силы.

Крепла наша решимость наступать по всему фронту с одинаковым напряжением: и разрабатывать «сухопутную» часть главного котлована, и двинуться с левобережной поймы еще одним каменным валом для постепенного ограничения волжского русла, и налаживать производственные мощности для механизированного изготовления бетона, и продолжать быстрыми темпами строить дороги, жилые дома, мастерские, гаражи, склады, причалы.

В то время на обоих берегах объем земляных и бетонных работ был примерно равным. По проекту и там и тут предстояло возвести по триста тысяч квадратных метров жилья, проложить сотни километров шоссейных и железных дорог, соорудить огромные крытые склады, создать базу строительных материалов, смонтировать бетонные заводы-гиганты, построить арматурно-сварочные, авторемонтные, камнещебеночные заводы. И наряду со всем этим следовало, не откладывая, вести отсыпку каменного банкета на дно Волги, создавать подводный фундамент для перемычек, которые оградят котлованы.

Фронт работ намечался колоссальный. И когда менее чем через месяц Москва сообщила, что наши заявки удовлетворены, это вызвало необычайное воодушевление в коллективе. В газетах появились статьи, пропагандирующие Куйбышевгидрострой, обращения к рабочим строительных профессий, к колхозникам и воинам, подлежащим демобилизации. Мы приглашали их приехать в Жигули.

На наш призыв откликнулись тысячи. Много народу приехало с Волго-Дона и Цимлы, где работы подходили к концу.

Были среди приехавших и гидростроители, известные всей стране, — инженеры, техники, рабочие-механизаторы. Мы только собирались ринуться в Волгу, а они, наши «новички», уже получили отличную закалку. Теперь на Куйбышевгидрострое трудились начальник строительства знаменитой Карповской насосной станции Владимир Иванович Севастьянов, Герой Социалистического Труда, строитель Красноармейских шлюзов Александр Петрович Александров, прославленные строители Цимлянской плотины Григорий Степанович Климин и Федор Иванович Резчиков. Мы гордились таким пополнением.

...Словно боевая карта командира, был расписан и раскрашен во все цвета наш Стройгенплан — единственное в своем роде пособие, самое авторитетное для каждого инженера и рабочего стройки. В нем, в этом плане, нашло свое отражение все — наша строительная география, объем и движение всех операций во времени и пространстве, сложная система связи между подразделениями, порядок чередования и совмещения работ.

Волга диктовала нам свои условия.

Одно дело сухопутная стройка с едиными коммуникациями или морская, где вся техника может быть сосредоточена в одном месте, на берегу. Другое дело наша стройка, разделенная водной преградой. Здесь базы надо было создавать на обоих берегах.

В один из февральских дней 1951 года экскаватор вынул первый ковш грунта из котлована под будущую гидростанцию, а к концу следующего года уже повсюду раздавался железный язг машин и механизмов, и в этом нарастающем грохоте угадывались наши завтрашние трудовые победы. Работы ширились, и окрестная земля меняла свой облик. За сосновый бор переселялся старинный Ставрополь, рос и набирался сил юный Комсомольск-на-Волге, расширялись Моркваша, ставшие впоследствии нашим деревообделочным цехом, сверкал огнями новый Порт-город, возникший на повороте живописного левобережного шоссе.

* *
*

На редкость теплым выдался сентябрь 1951 года. Но мы уже привыкли к сюрпризам Волги-матушки и нисколько не удивились, когда необычная осенняя теплынь быстро перешла в студеное ненастье. А холода нас пугали: еще не была

готова линия электропередачи. Мы строили электрический гигант, а сами сидели на скудном, если не сказать ничтожном, энергетическом пайке.

Дизельная станция старого Ставрополя вырабатывала всего-навсего пятьдесят семь киловатт. Этой энергетической «мощи» городу едва хватало до одиннадцати часов вечера. Как только наступало критическое время, лампочка начинала моргать, подмигивать и после троекратного сигнала гасла до следующего вечера. Город погружался во мглу. Старожилы к этому привыкли. Стройка же привыкнуть не могла.

Способ раздобыть электроэнергию был, мы могли получить пятьдесят тысяч киловатт. На обоих берегах уже поднялись мачты, однако оставалось самое сложное — совершить прыжок через Волгу.

Но как это сделать? Ведь никогда еще высоковольтные линии не преодолевали такую водную ширь — до полутора километров!

Мне ничего не оставалось как отправиться на трассу. Со мной поехал и автор проекта инженер Волчек, специалист по электрическим сетям.

Над Волгой низко плыли лохматые тучи, холодный ветер гнал свинцовые волны. Волчек мерз в легком демисезонном пальто. Но, беседуя с рабочими, он был бодр и даже шутил: ведь сегодня предстояло навесить провода на последние мачты правого берега и протянуть их через Волгу к левобережным мачтам. Тяжело работать на резком ветру, однако надо было спешить, потому что вот-вот должен был пойти по реке первый лед. Конечно, удобнее было бы проделать все это на льду, но дожидаться ледостава мы не могли. В таком случае земснаряды не успели бы выполнить намеченный план, да и семнадцать новых электрических экскаваторов стояли без дела. На трассе это хорошо понимали, и каждый трудился за троих.

Некоторое время все шло хорошо. На правом берегу сравнительно быстро закрепили кабель, потом катушку погрузили на понтон и перебросили трос на буксир «Дмитрий Донской».

Вместе с капитаном Беляковым и начальником нашей водной конторы Саулиди мы поднялись на капитанский мостик. За катушкой на понтоне следили двое монтажников.

Тронулись. В середине реки нас неожиданно стало относить вниз и одновременно начал бешено разматываться трос. Капитан не рассчитал: дал полный вперед, и понтон затянуло

в воду. Пока «Дмитрий Донской» сбавлял ход, понтон продолжал погружаться. Монтажники были уже по колено в воде. Казалось, катушка вот-вот пойдет ко дну. Мы успели только крикнуть монтажникам «Держитесь!» — и они вместе с понтоном ушли под воду.

На наших глазах погибали люди! Мы обмерли. Но через несколько мгновений понтон появился над водой, и мокрые ребята — я глазам своим не верил — опять улыбались как ни в чем не бывало. Позже они сказали, что им самим искупаться в Волге было не так страшно — они боялись погубить понтон с катушкой.

И они, и мы радовались счастливому исходу. Кое-как добрались до берега. Монтажников я сразу же отправил по домам на машине.

Остальное решили доделать завтра, потому что в темноте кабель не навесить.

На следующий день стали тянуть с правого берега второй кабель. На сей раз все пошло благополучно. Навесили два провода, оставался еще один, последний.

Тут Волга преподнесла нам сюрприз. Только что река была чистая, и вдруг пошли синеватые куски льда. Их становилось все больше и больше. Как быть? Рискнули тянуть третий кабель наперерез ледоходу.

Теплоход трясло как в лихорадке. Еще несколько минут, и он врезался в огромную льдину. Трос тянулся за нами. Мы с опаской следили за тросом: если он не разрежет льдину, она может не только потащить за собой теплоход, но и сорвать с места мачту правого берега, сбросить ее в Волгу.

Положение создалось более чем щекотливое. Капитан даже побледнел:

— Полный вперед!

Это ничего не даю: медленно, но верно нас сносило вниз.

Мы с надеждой смотрели на Белякова. Все зависело от него. Надо было во что бы то ни стало разбить льдину, вытащить трос на поверхность воды.

Битых два часа возились мы с льдиной — и никакого результата. Наконец подошло другое судно, «Можайский», общими усилиями освободили трос и уже в темноте — целый день ушел на это! — передали кабель на левый берег. Не дожидаясь утра, при свете костров, монтажники натянули кабель и подняли его в проектное положение.

Теперь можно было пойти погреться. Озябли все так, что зуб на зуб не попадал. Волчек в своем легком пальтишке за-

мерз больше всех, но уходить не торопился и все поглядывал вверх, на мачты.

— Какая досада! — воскликнул он вдруг. — Ведь надо еще соединить кабель с гирляндой, а мы запроектировали столь сложное соединение.

Ну как тут было не чертыхнуться! И без того намаившиеся за шесть суток монтажники снова вынуждены были подниматься на головокружительную высоту. Они долго не могли попасть в «ухо», которое соединяет трос с гирляндой изоляторов. Когда усталые, продрогшие парни спустились на землю и побрели к костру, Волчека осенила какая-то идея.

— Как же мне это раньше не пришло в голову! — воскликнул он. — Сейчас я вижу, я понял! Соединения можно делать иначе, совсем просто!..

Монтажников качнуло от этих слов. Один из них не выдержал и зло заметил:

— Опять что-то выдумал!.. Его бы туда разочек!

Инженер Волчек съежился, точно от ледяного душа, потом улыбнулся, поняв справедливость упрека.

* *
*

Выслушал я в «Гидропроекте» многочисленные истории о прорывах перемычек и затоплении котлованов, об авариях и катастрофах, случавшихся на больших реках, и беспокойство не покидало меня: справимся ли мы с Волгой? Ведь перемычка должна была сократить русло почти наполовину — задача более чем смелая.

Однако, к нашей огромной радости, Волга отступила. Сброшенный под лед каменный банкет, едва только прошел первый паводок, обволокла пульпа, мощно бившая из жерл земснарядов. Каменная гряда постепенно вырастала в земляной вал.

Но оказалось, что успокаиваться было рано: в перемычку замыли лед. Большие куски льда, несмотря на старания гидромеханизаторов, все же попадали в пульпу. Воображение рисовало мрачную картину: наступит тепло, лед растает, образуются пустоты, грунт осядет, и перемычка, как при горных обвалах, рухнет. Ее сметет могучим течением Волги.

Невозмутимым оставался лишь главный инженер Шапошников:

— Напрасно тревожитесь, Иван Васильевич. Лед у нас там лежит, как в консервной банке. Он никак не может растаять.

Не учел одного главный инженер. Лед неподвижен до тех пор, пока к нему не добралась вода. А если просочится через грунт хотя бы струйка? Если Волга найдет лазейку?

Как раз в эти тревожные дни к нам и приехала комиссия во главе с С. Я. Жуком.

Сергея Яковлевича сопровождал известный гидротехник Николай Васильевич Разин, назначенный вскоре главным инженером строительства. В комиссию входили также Малышев и Барабанов, строитель Цимлянского гидроузла.

Комиссия первым делом поинтересовалась, сколько, по нашему мнению, льда в перемычке и где приблизительно больше всего накопилось его.

Мы доложили. Сергей Яковлевич покачал головой:

— Да, нескладно получилось...

Утром следующего дня члены комиссии собрались прямо на перемычке. Товарищи задавали нам множество вопросов, просмотрели всю инженерную и гидрологическую документацию. Наконец они вынесли решение:

— Усилить перемычку дополнительным грунтом. Причем сделать это быстро, до ледохода.

Но чтобы земснаряды качали пульпу в мороз, требовалось вырубить во льду канаву — майну, расчистить ее и затем — самое главное! — не дать ей замерзнуть. Работа началась. Прежде всего привели в боевую готовность земснаряд знаменитого гидромеханизатора Виктора Хлюста. Проложили во льду трубы.

Морозы стояли крепкие. Как уберечь майну, как уберечь от «закозления» трубы? Ведь в такой холод пульпе недолго замерзнуть в них.

Гидромеханизаторы нашли выход, они проложили по дну Волги двухдюймовые трубы с просверленными отверстиями и пустили по этим трубам сжатый воздух. Нижние, теплые слои воды поднимались вверх. Теперь земснаряды были защищены от мороза.

Вся поверхность перемычки накануне была тщательно очищена от снега и льда. И вот Виктор Хлюст получил команду начать намыв. Сначала земснаряд струей воды смыл остатки льда и всякого мусора, а затем уже стал работать на полную мощность, намывая тысячу кубометров грунта в час!

Оставалось лишь внимательно следить, чтобы земснаряд, работавший на пределе, не забил пульпой шахтные колодцы, чтобы не образовались озера, опасные для намыва. Но все кончилось благополучно. Исследования показали, что на этот раз лед в грунт не попал.

* *
*

Как-то приехал в Ставрополь провести отпуск в родных местах мой товарищ по учебе. В этих краях прошли детские годы моего друга.

— Поедем, — предложил он мне, — полюбуемся ночной Волгой.

— Что ж, Николай Степанович, поедем, ты, как старожил, будешь гидом.

Сели мы в моторку и — в путь. Возле старой пристани выключили двигатель, привязали лодку к свае, вышли на берег.

Вижу, задумался Николай Степанович. Он долго вглядывался в противоположный берег, сосредоточенно сдвинув брови.

— Что ты там увидел, интересно знать?

— Что это за огни на правой стороне? А там вон что такое?.. Постой, постой, а где же село Отважное?

Не узнал человек берегов своего детства. И мне пришлось давать объяснения:

— Смотри, вот город Жигулевск, вот поселок в Яблоневом овраге, а вон там наш Комсомольск. Ну, а дальше огни светятся — это Моркваша.

Когда же на другой день мы поехали в котлован, мой друг и вовсе растерялся.

На шестидесятиметровой глубине в огромной чаше котлована стройка кишмя кишела экскаваторами и автосамосвалами. А над котлованом гремела железная бетоновозная эстакада, похожая на станцию с разветвленными путями и разъездами. Из тяжелых бадей в люки с грохотом падали груды бетона. Внизу ошетилилась острыми стержнями арматура и светлела первая бетонная стенка у края котлована.

— Да-а, — покачал головой мой товарищ, — внушительное зрелище. Представляю, сколько задач приходится здесь решать каждый день.

...На рассвете меня разбудил тревожный звонок:

— Иван Васильевич, вода идет через перемычку! Пока немного, литров тридцать в секунду...

На ходу оделся и выбежал из дому. В машине уже ждали Николай Васильевич Разин и Иван Яковлевич Кошев, секретарь парткома. Вот и берег. Не успели мы разместиться на катере, как он понесся вперед. Через несколько минут мы были на каменном откосе перемычки. Поднялись на гребень и увидели: уже не литры, а бурный, клокочущий поток бежит в котлован, целая река устремилась в него сквозь громадную промоину.

Стало ясно: попавший в перемычку лед растаял, образовались пустоты, вода их нашла, пробилась и теперь грозила снести все. А в котловане работали тысячи людей. Там — судьба стройки.

Меня поразило тогда своей выдержкой Николай Васильевич Разин.

Он подошел ко мне:

— Распорядитесь, во-первых, снарядить сто пятьдесят машин для подвозки камня и, во-вторых, не менее ста машин для подвозки глины. Необходимо также немедленно сосредоточить здесь, у прорыва, хотя бы пять тысяч мешков с песком. Затем водолазам нужно обследовать промоину. И еще хорошо было бы подать десяток барж с камнем.

Я взял микрофон и обратился к тысячам людей, столпившимся на гребне перемычки:

— Товарищи строители! Нас постигла беда: котлован в опасности! Приток воды ежесекундно увеличивается. Аварию можно ликвидировать только решительными и организованными действиями. Всем за работу!.. Объявляю следующую расстановку сил...

И я изложил план действий, близкий к тому, что предложил Николай Васильевич, назвал ответственных за машины, за камень, за глину, за мешки с песком.

Только я кончил говорить, как уже нашлись смельчаки-добровольцы, готовые нырнуть в Волгу, чтобы обнаружить промоину. Особенно настаивал бригадир Ахметьев:

— Товарищ начальник, разрешите!

Благородный порыв я оценил по достоинству, но ответил:

— Что за безрассудство! Еще не хватало человеческих жертв! С минуты на минуту должны прибыть водолазы...

Ахметьев резко махнул рукой, что-то сердито пробормотал, видимо, осуждая робкое начальство.

А тем временем Волга продолжала свою разрушительную работу. Вот уже обрушилась внутренняя часть перемычки.

Вот уже вода добралась до шпунта. Но шпунт закреплен двумя рядами металлических анкеров¹ и, по уверению специалистов, должен был устоять.

Гудение автомашин заглушило все остальные звуки. Сотни людей, образовав живой конвейер, сгружали с них камень и мешки с песком. Хотя разгрузка шла полным ходом, машины уже вытянулись с обеих сторон в длинные очереди.

Время шло. Уж сколько камня было сброшено в воду, а толку никакого: весь тысячетонный груз относило, отбрасывало, словно перышко, в стороны. Промоина расширилась. Два часа бились и ровным счетом ничего не достигли.

Пока мы безуспешно пытались разобраться, ложился ли на место, попадал ли в точку камень, старшина водолазной команды Сергей Милеант предпринимал четвертую попытку спуститься в Волгу с наружной стороны перемычки и определить, где же именно размыло. Милеант хорошо понимал, что это могло стоить ему жизни. Но другого выхода не было — стройка в опасности. Сергей видел, что происходило у бреши, убедился, что подходить к ней слишком близко нельзя: поток неизбежно затянул бы водолаза в проран. И Сергей прикрепил к себе дополнительный трос.

Водолаз погрузился в пучину, но вскоре снова появился на поверхности. Опять ничего не получилось. Отдышавшись, Милеант в пятый раз спустился под воду. Потянулись долгие минуты. Сотни глаз следили за сигнальным тросом. Наконец он начинает дергаться. Водолаз прохрипел в телефон:

— Нашел!.. Но меня начинает втягивать! Скорее поднимайте, скорее!

Едва освободившись от шлема, Сергей подробно описал нам, где находилась и как выглядела промоина.

Теперь «бомбардировка» стала вестись более прицельно. Но все равно камни летели словно в прорву, в бездонную пропасть.

— А может, лучше навалом сталкивать их бульдозером, — предложил кто-то.

Попробовали. Горы камня полетели в воду. Дело пошло намного успешней. Но вот бульдозерист не рассчитал, сорвался с кручи и угодил в реку вместе с машиной. Отчаянный парень чудом спасся, машина осталась под водой. Сейчас было не до нее, и мы решили вытащить бульдозер после аврала.

---

¹ Стальная связь, закладываемая в каменных стенах.

Аврал продолжался. Напряжение нарастало. Люди уже вручную кидали в Волгу мешки и рогожные кули с песком, тяжелые камни и глыбы глины. Да тут еще как нельзя кстати повернули к нам баржи, груженные камнем. Они следовали в Куйбышев, но, желая выручить нас, речники приняли на борт одной из барж наш бульдозер, который быстро обрушил ее груз на проран.

Солнце уже скрывалось за горизонтом, когда со стороны котлована на перемычку взобрался человек в мокрой одежде, сплошь перепачканной глиной.

— Ур-ра-а! — крикнул он. — Ути-хо-ми-ри-ли-и!

В этом победном крике было столько радости, что все на мгновение оторвались от работы, чтобы взглянуть на доброго вестника. Им оказался начальник сооружений левого берега Федор Иванович Резчиков.

Воды и в самом деле стало заметно меньше. Но Разин умерил наш восторг:

— Ни в коем случае нельзя успокаиваться! Продолжать в том же духе. Кидать и кидать! С Волгой шутки плохи.

Потом он прошептал мне:

— Иван Васильевич, как вы думаете? Похоже, что победили стихию?

Но окончательную победу мы одержали только к следующему вечеру, когда котлован был запечатан наглухо и в него не просачивалось больше ни капли воды.

* *
*

Стройка была разделена на районы, районы не столько территориальные, сколько «профессиональные»: район земляных работ, район укладки бетона, район арматурно-сварочных работ, район гидромеханизационных работ. Так выглядела на деле идея специализации коллективов. Каждый отвечал за свой участок, специфику и задачи которого знал досконально. Скажем, начальник первого бетоноукладывающего района Виталий Яковлевич Кан и главный инженер этого района Алексей Иванович Трегубов не сумели бы добиться такой слаженности на поточном бетонировании, если бы они занимались еще и земляными работами, и заготовкой арматуры. Но зато специализация требовала, чтобы на одном месте дружно работали по совмещенному графику не подчиненные друг другу группы. И уж кто-кто, а бетонщики к «чужой» арматуре относились со всей строгостью.

Великолепным организатором четкого взаимодействия районов, производств, участков был Кирилл Иванович Смирнов.

Помню, как он появился у нас. Строительство было в разгаре, когда в Ставрополь приехал новый начальник филиала «Гидропроекта».

Передо мной стоял высокий, стройный, моложавый, хотя и с проседью в пышных волосах, мужчина. Докладывал отрывисто и как-то очень уж официально. Ну, подумал я, наверное, сухарь, такого силком придется тащить на строительную площадку.

Однако, как это частенько бывает, первое впечатление оказалось ошибочным. В несколько дней Кирилл Иванович Смирнов облазил все участки, перезнакомился со всеми, вплоть до десятников и бригадиров. А у себя в проектном бюро заботился прежде всего о том, чтобы каждый инженер знал свое детище в натуре и не цеплялся за формулу, если жизнь опровергает эту формулу.

Через несколько месяцев Кирилл Иванович стал у нас, что называется, своим человеком, завоевал всеобщее уважение. И когда некоторое время спустя возник вопрос о кандидатуре на пост главного инженера работ правого берега, то как-то само собой эта должность досталась Смирнову. Он стал заместителем Александра Петровича Александрова. Очень хорошая вышла пара: властный командир-организатор, крупный хозяйственник и — вдумчивый ученый, тоже организатор, но плюс к тому еще смелый в новаторских решениях инженер.

Больше всего меня обрадовало то, что Кирилл Иванович, как только он стал главным инженером, решительно отверг некоторые проектные установки, разработанные в свое время им же самим, и предложил лучшие.

Бывали моменты, когда мы со Смирновым вступали в жаркие споры, но должен признать, что даже тогда, когда я оказывался прав, Кирилл Иванович помогал мне, заставляя глубоко обосновывать мои доводы. Да, с ним приятно было спорить — честность, искренность и никакой нервозности.

Чтобы не засиживаться на долгих кабинетных совещаниях, мы с Разиным почти ежедневно проводили своего рода «шагающие совещания», и чаще всего на правом берегу, у Александрова и Смирнова.

— Как спалось, Кирилл Иванович? — звонил, бывало, Ни-

колай Васильевич Разин Смирнову в восемь утра.— Когда разрешите к вам нагрянуть?

— Хоть сейчас, Николай Васильевич,— обычно следовал ответ.

Встречали нас хозяева берега где-нибудь на перемычке, на развилке дорог перед котлованом или у обрыва, куда приставал наш катер.

Перед тем как наведаться к своим коллегам, мы с Разиным запасались диспетчерскими сводками об укладке бетона за минувшие сутки. И Николай Васильевич, будучи в курсе дела, всматривался в Александра и Смирнова с видом хироманта-прорицателя, а затем спрашивал, обращаясь сразу к обоим:

— Да что это с вами стряслось, родимые? Выглядите вы нынче на тысячу кубометров хуже вчерашнего. Или мне только так показалось?

А Смирнов, которому лезть за словом в карман никогда не приходилось, отвечал в таком же шутливом духе:

— Мы с Александром Петровичем и в самом деле отощали, Николай Васильевич, очень плохо поужинали: нам тридцать вагонов цемента недодали.

Тут уж не до шуток. Я успокаивал и Разина, и Смирнова: показывал им диспетчерскую рапортничку — вагоны и баржи с цементом на подходе.

Александр обращался к Николаю Васильевичу:

— А обещанные вчера автокраны так и не пришли.

Разин мрачнел. Сказать, что исполнители подвели? Нет, ни в коем случае. Ведь обещал он, главный инженер. Николай Васильевич с досадой прятал в карман записную книжку. Я знал, что в ней были перечислены критические замечания в адрес строителей правого берега. Но было ясно: пока строители не получают обещанного, Разин не воспользуется этими записями. Такое уж у него было заведено правило.

— Ладно, посмотрим тридцатый блок,— предлагал он.

И «шагающее» совещание переносилось на тридцатый блок, над которым повис только что поднятый краном громадный стальной каркас...

* *

※

Дни становились длиннее. Радоваться бы теплу и свету, но теплынь обнажила на берегу остатки нашего постыдного «затоваривания» материалами и оборудованием, и меня грызло беспокойство: чем ближе к весне, тем трудней вывозить —

с дорогами плохо, нелегко придется водителям в весеннюю распутицу.

Еще больше тревожило приближение паводка. Никогда, кажется, мы так пристально и заинтересованно не следили за календарем природы, как в эту весну. Птичьи перелеты, лесные приметы, даже стариковские поверья служили нам ориентиром в тумане метеосводок.

В те дни встретился мне как-то на дороге общительный, словоохотливый старик. Он вел за руку девочку, должно быть, внучку и рассказывал ей о повадках лесных птиц. Завести разговор с таким человеком было нетрудно. Мой случайный знакомый оказался рыбаком. Всю жизнь он прожил на берегу Волги, в поселке Ширяево, на правой стороне. Рыбачил, чинил суда, баржи.

— Говорят, скоро разольется море у Жигулей, — сообщил мне потомственный рыбак. — Но нашу правую сторону море не потревожит — уж очень она высока и крепка, одним словом — Жигули!

Мой попутчик радовался, что стройка не повлияет на привычный уклад жизни, и рассказывал, какая у них там на правом берегу благодать.

— А сколько дней осталось до ледохода, когда ожидается, по-вашему, первая подвижка? — спросил я.

Старик подумал немного и уверенно сказал, что, по всей видимости, ледоход не заставит себя долго ждать: уж больно дружная весна.

— Читайте, — заключил он, — что тронется Волга этак суток через пятнадцать — двадцать.

Могу добавить, что мой случайный попутчик не ошибся...

Спросите любого из людей моей профессии, к чему в конечном счете сводится искусство гидротехника, и вы наверняка услышите в ответ: «Оно сводится к тому, чтобы главного врага строителя — воду — превратить в союзника и помощника».

Это действительно так.

Волжский лед всю зиму служил чем-то вроде естественной эстакады, и сейчас мы с тревогой наблюдали, как он темнел и покрывался трещинами.

Приближавшийся паводок торопил: надо было успеть на льду собрать и сварить три «нитки» огромного, во всю ширину Волги, дюкера — трубопровода. Землесосные снаряды будут летом гнать по этим трубам с левого берега на правый пульпу, намывать перемычку котлована гидростанции. А что-

бы не мешать судоходству, нужно было джюкер положить на дно реки. И сварщики работали, не считаясь со временем.

Не меньше паводка беспокоила распутица, бездорожье. Чтобы проверить состояние дорог и готовность транспорта, мы с Малыгиным выехали на трассу. Как ни плохо с дорогами, а гвардейская наша автоколонна везла и везла на лед железные звенья джюкера. А маршрут немалый — шестьдесят километров с гаком.

За селением Курумоч встретили первую колонну. Вел ее Федор Паньков. Короткая остановка. Пятиминутный перекур вызвал оживление.

— Доползут ли за день трубы к берегу? — спросил я Панькова. — Лицо его сразу стало серьезным, и вместо ответа он скомандовал: «По коням!». Неостывшие моторы вновь зарокотали, и машины, натужно гудя, пошли по трудной колее.

Затем мы обогнали колонну лесовозов со сборными домами. Передняя машина забуксовала. На помощь водителям пришли и мы с Малыгиным, навалились на кузов: «Раз, два, взяли!». Грузовик из последних сил перевалил через колдобину, я же получил в награду густую струю грязи.

— Это безобразие! — засмеялся Малыгин. — Мы не позволим обливать грязью руководство! Дайте-ка, Иван Васильевич, я вас маленько почищу, прежде чем привлечь к ответственности машину!

Уже в сумерках мы выехали на лед. Поздравили шоферов с победой, от души поблагодарили их за доставку третьей «нитки» джюкера.

На другой день главным был лозунг: «Все силы на сварку!».

Вместе с мастерами сварки в предмайское социалистическое соревнование включились строители всех специальностей. Коллектив взял на себя обязательство закончить подготовку к паводку, убрать грузы из зоны затопления и положить джюкер на дно Волги.

Тем временем фронт для земснарядов был подготовлен: как раз в эти дни закончилась отсыпка каменного банкета, и можно было намывать перемычку, был бы только песок...

Взрывы большой силы пугали обитателей леса. Красавцы лоси иногда выбегали на опушку и застывали, как изваяния, до следующего взрыва, а потом так же внезапно исчезали в лесной чаще. Это в жигулевских скалах рвали гранитные пласты. В Волгу уже было сброшено пятьдесят тысяч кубометров

камня, и подводная гряда протянулась на триста метров. Экскаваторы круглосуточно рыли отводящий канал для паводковой воды.

Лед доживал последние дни. На целый километр была прорублена майна во льду. Надо скорее опускать туда трубы, иначе ледоход сметет все.

Остался позади еще один тревожный день. Шли последние приготовления. И вот, наконец, последовала команда: «Приступить к опусканию дюкера!». Тросы натянулись как струны, трубопровод вздрогнул, и один его конец медленно сполз со льда. Два с половиной часа монтажники звено за звеном подтягивали трубы к проруби и осторожно погружали их в воду. Наконец раздался последний всплеск — весь дюкер был на воде. В этот момент земснаряды включили насосы, трубы наполнились водой и медленно ушли вниз. Потом водолазы доложили:

— Все в порядке!

Свою славную предмайскую вахту монтажники Пронин, Рябушкин, Козлов, Алешкин, электросварщики и газосварщики Чепуренко, Анисимов и Калинин провели так, что нормировщикам нелегко было подсчитать, сколько же норм выполнили эти отчаянные ребята. В среднем получилось что-то около десяти.

Я не запомнил дня, который был бы прожит без забот. Мы радовались, когда опустили в Волгу дюкер, а утром следующего дня нас уже донимала другая забота: выяснилось, что не хватает шоферов. А где их взять?

— Где их взять? — переспросил Малыгин. — Очень просто. Сделаем, как в Риге. Помните, Иван Васильевич, как нам удалось выйти из такого же положения?

Как же не помнить? Конечно, я помнил.

Решением Государственного Комитета Обороны я был назначен начальником строительства объектов Таллинского и Рижского морских оборонительных рубежей. На строительстве Рижского порта не хватало шоферов, и мы через газету обратились к трудящимся, рассказали о наших трудностях и попросили помощи. Отклик на наш призыв был такой, что мы обеспечили хорошими шоферами не только Рижский, но и Таллинский, и Кронштадтский порты. Добровольцы буквально засыпали нас заявлениями...

Почему бы и сейчас не прибегнуть к такому же средству?

В тот же день мы составили обращение и отправили его в редакции нескольких областных газет. Сразу же откликну-

лись сотни шоферов, трактористов, механиков. А тут еще наш учебный комбинат досрочно выпустил восемьдесят шоферов. Перед ним заранее была поставлена задача: сжать до минимума учебный график, уплотнить программу занятий, досрочно выпустить всю группу, дабы спасти сотни тысяч тонн материалов и оборудования, лежавших на берегах Волги, в зоне затопления.

Это предложение, помню, было принято будущими шоферами с восторгом. Один из учащихся, Шарафутдинов — уса-тый, смуглый человек лет пятидесяти — подошел тогда ко мне и сказал:

— Когда я еще жил в родной Татарии, у меня, подростка, была мечта стать шофером. Прошу это учесть, товарищ начальник. Скажите кому следует, чтобы мне дали самую большую машину!

— Обязательно учту, — ответил я. — Можете даже считать, что ваша просьба уже выполнена. Мы как раз получили большегрузные машины, МАЗы. Двенадцатитонная устроит вас?

— О, так она уже закреплена за мной, говорите? Двенадцатитонная? — и он поспешил поделиться сногшибательной новостью со своими товарищами.

На «горячие» участки двинулась армада машин. В рекордно короткий срок были вывезены первые сорок тысяч тонн материалов и оборудования из зоны затопления. Стал выполняться и план отсыпки каменного банкета под правобережную перемычку.

В конце марта, когда потемнел лед на Волге, а из воды показались контуры банкета, мне как-то попалась на размытой дороге встречная машина.

За баранкой сидел Шарафутдинов. Высунувшись из кабины, он крикнул во весь голос:

— Спасибо, товарищ начальник! Работаем! Отличная машина!

После этого прошло всего минут тридцать. Вдруг я увидел: люди бегут по направлению к Волге. Вид у них встревоженный.

«В чем дело?» — «Говорят, машина пошла под лед».

У меня заколотилось сердце от недоброго предчувствия.

Прибежал к берегу. Вокруг огромной полыньи хлопотали рабочие. В руках у них колья, доски, шесты. Все кричали, волновались. Неожиданно из воды показалась голова Шарафутдинова. К нему потянулись десятки рук. Он был спасен,

но вид шофера ужаснул меня. Посинел, никак не мог отдышаться, видимо, трудно было ему выбраться из кабины затонувшего МАЗа. Пострадавшему со всех сторон предлагали куртки и ватники.

У Шарафутдинова зуб на зуб не попадал. Он кутался в чужие телогрейки. И у него, совершенно ослабевшего, хватило силы сказать:

— Товарищ начальник, машина новая, жалко... Надо было скорость выключить. Иначе тяжело было бы ее из воды вытаскивать. Потому и задержался маленько...

Шарафутдинова отогрели и в моей машине отправили домой. А я подумал о том, с каким бесстрашием совершил шофер свой подвиг, и с какой прирожденной отвагой бросились выручать его друзья.

Этим-то и сильна дружба.

Когда-то мне самому довелось испытать, как верны и добры руки друзей.

Совсем еще юношей, в первый год работы на одной из московских строек, сорвался я с карниза восьмого этажа. Каким-то чудом удалось вцепиться в крайние выступающие кирпичи, и я повис на руках. Не успел крикнуть, позвать на помощь, как почувствовал, что свежая кладка ползет за мной. Еще мгновение — и я полечу вместе с карнизом вниз. И вдруг из проема показываются две руки. Они хватают в запястьях мои руки и тянут вверх. У товарища силенок, видно, мало, да к тому же он налег животом на свежую кладку, и она под ним тоже поползла, грозя увлечь вниз нас обоих. «Ну, все!» — подумал я тогда. И в этот миг в проеме показались еще две руки, и еще... Наконец третьему удалось укрепиться в проеме, и мы один за другим вползли на перекрытие.

Ради спасения одного рисковали жизнью трое...

Всякий раз, когда я думаю о дружбе, о чувстве локтя, о мужестве и товарищеской верности, я вспоминаю эти руки над пропастью.

* *

*

Близился Первомай. Коллектив Куйбышевгидростроя добился немалых успехов, готовясь к всенародному празднику. Пропустили наводок, проводили этого строгого нашего весеннего инспектора. Добежав до перемычки, река лениво поплескалась у ее свежих откосов и ушла в сторону. И в зоне затопления ничем не поживилась Волга: все успели убрать, не оставили ни щепки.

Всего полгода как мы начали строить, а то, пока немного, что нами было создано, выдержало первое соприкосновение с могучей рекой.

В предпраздничные дни вся стройка выполнила четырехмесячный план, а гидромеханизаторы даже дали два плана. Первым открыл навигацию на Волге флот нашего строительства. Кое-кто в связи с этим подшучивал, что-де у Министерства речного флота появился опасный конкурент. Поднял пары «Дмитрий Донской». Он привел баржи пароходов «Можайский», «Покрышкин» и «Кожедуб».

Что ж, приятно было отличиться в навигации. Хотя вроде бы это и не прямое наше дело. Но ведь кроме строительных дел существовало еще множество других. Мы, например, взяли шефство над двумя колхозами, чтобы помочь им провести посевную. Стройка выделила двенадцать автомашин, четыре трактора, послала лучших водителей.

В канун праздника Центральный Комитет комсомола наградил почетными грамотами сорок восемь лучших передовиков предмайского соревнования. В ответ на награду комсомолец-экскаваторщик Акимов довел выработку до двух тысяч кубометров грунта в смену при норме в пятьсот восемьдесят.

Все богаче становилась стройка знатными людьми. Постепенно о наших строителях узнавала вся страна. Им писали из Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Минска, Петропавловска-на-Камчатке, Владивостока. Слали письма и военнослужащие Советской Армии, главным образом военные моряки-балтийцы, с которыми мы поддерживали связь с самого начала строительства. Патриотические письма воинов зачитывались в обеденный перерыв в столовых, на пересменках.

На стройке работала целая армия агитаторов. Агитатором был каждый коммунист, каждый комсомолец. «Наглядной агитацией» служили живые люди: передовики ездили с участка на участок, раскрывали секреты своих достижений. На наши заводы и базы механизации приезжали регулярно и новаторы с куйбышевских предприятий...

Первомай мы отпраздновали широко и торжественно. Передовики соревнования фотографировались на фоне будущего гидроузла. Никогда, наверное, берега Волги не слышали столько песен и не видели такого веселья.

Июнь принес нам много новых побед. Почин сделал экскаваторщик Оленин. Он вынул первый кубометр грунта для перемычки под строительство нижних судоходных шлюзов. Такое событие отметили митингом.

В нем участвовали не только рабочие, но и жители окрестных сел и деревень. Бородатые старики стояли с озадаченными лицами. Еще бы! В этукую заваруху вовлекли спокойную и горделивую матушку-Волгу.

Долго ли подготовить все необходимое для митинга под открытым небом? Поставили рядом два грузовика, на один подняли стол, накрытый красным полотнищем, вот и можно начинать. Первыми выступали экскаваторщики и бульдозеристы. Они говорили о том, что их больше всего волновало:

— С этого дня мы твердо решили давать по полторы нормы в смену на механизм. Пусть запишут за нами такое обязательство.

— А мы вносим предложение: к первому октября, ну пусть к двадцатому или, на крайний случай, к Октябрьской годовщине выполнить подчистую годовой план строительно-монтажных работ с полной отсыпкой перемычки под нижние шлюзы.

Кажется, простые, обыденные слова, а как рукоплескали им участники митинга! Прозвучало такое громкое, такое раскатистое «ура», что какой-то пароходик издали откликнулся тремя веселыми гудками...

В тот же день на правом берегу, почти у подножия горы Могутовой, начали бить металлический шпунт в защитную перемычку у будущего котлована под здание гидростанции. Событие тоже значительное. Его, правда, ничем не отметили. Но настроение было праздничное.

Фронт работ все ширился. Соответственно увеличивалось число участков. Порой я не знал, куда пойти раньше. Хотелось побывать везде, посмотреть, как идет работа, поговорить с людьми, выяснить, что мешает им, что требуется предпринять. Телефон, конечно, вещь необходимая, но никогда он не заменит личного общения. Недаром народная мудрость гласит: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

* *
*

Мне надо было идти к строителям высоковольтной линии электропередачи. Они рубят в горах просеки и кладут фундаменты под опоры. Работа изнурительная. Ведь в таком деле ручной труд и физическое напряжение неизбежны. На кручи не полезешь с автопогрузчиком, не загонишь туда машину. Я хотел проверить, как обеспечивают строителей, не пита-

ются ли они всухомятку из-за нерасторопности отдела снабжения.

Обратно возвращался поздно. Ветер доносил со стороны котлована запах бензина и мазута. Ночь светлая, лунная, и если всмотреться вдаль, то в лощине между горой Могучевой и горой Отважной можно увидеть старое село Отважное с ветряной мельницей и горсткой покосившихся избышек. Причудливые силуэты землечерпалок и земснарядов напоминают допотопных чудовищ, вылезших из подводного царства...

Прошел я мимо мощных автосамосвалов и экскаваторов, грузовых машин и бульдозеров. Машинам тесно в огромном котловане. Со страшным ревом пронесились мимо великаны «МАЗ»ы.

Много машин у Куйбышевгидростроя; я это и раньше знал, но поздним вечером как-то особенно увиделся размах нашего дела, еще раз почувствовалось, что стройка — забота всей страны.

...Каждый день приносил с собой новые проблемы, тревоги, и — машины. Вступил в строй первый шагающий экскаватор. Этот землеройный гигант монтажники собрали за двадцать дней вместо тридцати. А теперь вот по новой ветке в Жигули должен был подойти первый поезд со стороны Сызрани.

По этому случаю строители соорудили деревянную арку, увитую алой лентой и хвоей. Пока состав еще не прибыл, начальник железнодорожного строительства Дмитрий Иванович Сентюрин спешил рассказать мне драматические подробности минувшей ночи:

— Пустили, понимаете, пробный паровоз с двумя вагонами, а полотно не проверили. Не терпелось, понимаете ли! И поезд сошел с рельсов. Хорошо еще, что никто не пострадал. Машинист отделался легким испугом...

Намучился же в последние дни Сентюрин! Хотя близится в некотором роде момент исторический, вид у начальника далеко не праздничный. Дней восемь подряд обитал он в лесу, ютясь в машине или в вагончике. Минуты, оставшиеся до прибытия состава, Сентюрин спешил использовать для бритья. Добыл у работниц зеркальце и орудовал самобрейкой.

Я пошутил:

— Когда же, наконец, Дмитрий Иванович железнодорожные строители научатся работать без штурмовщины?

А он, сдувая пену с самобрейки, ответил в таком же духе:

— Тогда, когда этому научитесь вы, гидростроители...

Издали донесся паровозный гудок. Этот первый в Жигулях гудок паровоза слился с восторженными голосами людей.

Поезд, замедляя ход, приблизился к платформе и остановился у арки.

После митинга, речей и поздравлений Дмитрий Иванович сунул мне в руки огромные портновские ножницы:

— Иван Васильевич, режь ленту!

Церемония открытия движения на нашей железнодорожной линии закончилась, и мы с Дмитрием Ивановичем поехали ко мне домой. Мы ведь старые друзья. Не один раз сходились наши пути на стройках. За обедом гость мой выпил с наперсток вина и тут же уснул.

* * *

*

В моем дневнике появилась еще одна запись: «Построена птицефабрика».

— Поскольку задание уже выполнено, нельзя ли технику нашу забрать? — спросил я директора фабрики Видманова.

Но у него появилась новая идея. Видманов повел меня по своим владениям и, показывая рукой на озера, поблескивающие среди пойменных лугов, воскликнул:

— Да вы только посмотрите, какое богатство! Как будто матушка-природа создала эти чудесные водоемы специально для нашей птицефабрики.

— Вижу, вижу, — согласился я. — Но при чем тут куры?

Но Видманов не унимался.

— Постойте, Иван Васильевич! Неужели вы забыли, что у нашей хохлатки есть родственница. Что, вспомнили? Ну конечно же, утка. Всякому известно, что утки любят воду. Для кого же, как не для них, приспособить эти озера!

И Видманов «высыпал» мне целый ворох цифр...

На обратном пути, в машине, я вспомнил его доводы и подумал, что в самом деле есть смысл создать на птицефабрике «утиный филиал».

Месяца два или три спустя Видманов позвонил мне. Голос у него веселый, торжественный:

— Алло! Это Иван Васильевич? Так вот, можете поздравить. У меня родилась... у меня родилось...

— С кем же вас поздравить — с девочкой или мальчиком?

Директор засмеялся:

— Стал бы я вас беспокоить по такому случаю. Первая курица снесла первое яйцо — вот что произошло!

Мне тоже стало весело, и я спросил:

— Какое же оно, крупное, ничего яйцо или так себе?

— Конечно же не замухрышка! — ответил Видманов. — Огромное. Честное слово! Вот привезу его вам, сами убедитесь.

И вскоре оно уже лежало на моем столе, первое яичко нашей птицефабрики. Правда, было оно не большое, однако и не совсем маленькое. Яйцо как яйцо!

Прошло немного времени, птицеферма начала преуспевать и на «утином фронте».

На мой вопрос, как поживают утята, Видманов постоянно отвечал:

— Лучше всех! Живут, растут, плодятся. Так и просятся на стол!

В те дни был коллективно разработан трехлетний план помощи колхозам — обязательства Куйбышевгидростроя перед сельским хозяйством области.

Позвонил в обком партии Михаилу Тимофеевичу Ефремову, проинформировал об этом.

— Молодцы. Как раз то, что нужно! — обрадовался он. — Давайте-ка завтра же на бюро.

Рано утром дружной бригадой на нескольких машинах поехали в обком. Приехали мы на бюро не первые: со всех концов области, со всех предприятий истроек съехались сюда добровольцы сельскохозяйственного фронта...

Вечером раздался звонок из Москвы. Спрашивали, как идут дела на гидроагрегатах. Доложил и услышал:

— Хорошо. А теперь скажи, как птичник поживает?

Быстро узнали, подумал. А иронизировать нечего:

— Во-первых, не птичник, а птицефабрика. Во-вторых, поживает она отлично!

КРЕПОСТЬ, ВЗЯТАЯ С БОЮ

— Пошел большой бетон! — Изобретение Антона Инякина. — Мировой рекорд перекрыт. — История с островом.

Долго готовились мы к генеральной битве — большому бетону. Два года подряд оснащали и проверяли армию, которой предстояло ринуться в наступление. Правда, наступление было особое: крепость надо было не сокрушить, а построить. Для сооружения этой крепости требовалось восемь миллионов кубометров бетона. И легко себе представить, на сколько лет хватило бы тут работы, не будь на вооружении у строителей бетонные заводы-автоматы, бетононасосные станции, виброхоботы и мощные бетоновозные эстакады.

Люди, привыкшие строить, всегда большие мечтатели. Еще не был готов котлован, а мы уже во сне видели — идет большой бетон! Ждал этого события коллектив долго и терпеливо. Ежедневно созывались диспетчерские совещания, на которых спорили, критиковали, предъявляли друг другу претензии, вносили предложения. В общем, шла подготовка к большому бетону. Каждое бурное совещание диспетчеров носило сугубо деловой и творческий характер. В этих спорах, проникнутых настоящей заботой о стройке, все было на виду, обо всем говорилось без утайки, честно и прямо.

Не охотник я выступать перед микрофоном, а вот с уважением относился к нашему коммутатору, к которому были подсоединены все главные районы строительства. Утром, когда я выслушивал рапорт главного диспетчера о том, сколько вынута грунта, сколько заготовлено арматуры и уложено бетона, разговор наш слышала вся стройка. И каждый руко-

водитель со своего поста мог вмешаться в разговор, подать голос с того места, где он находился. Тут уж никто никому не дал бы соврать. И ошибиться во время такой переключки было трудно: кто-нибудь тотчас же поправил бы.

К тому времени, когда пошел большой бетон, котлован являл собой поистине захватывающее зрелище. С обрыва, с гребня перемычки, с бетоновозной эстакады дно котлована представлялось гигантским муравейником. И не столько из-за множества людей, сколько из-за обилия техники. На стометровой глубине копошились экскаваторы, ползали самосвалы, суетились автопогрузчики. Днище и откосы были испещрены бесчисленными колеями.

Дно котлована долгие месяцы было рабочим местом, и люди устроились в этой громадной чаше с относительными удобствами: прикрылись от дождя навесами, обзавелись конторками, будками, сараями; выставили щиты с показателями соревнования, развесили плакаты, лозунги. Наверху, за шпунтовой стенкой и перемычкой, билась о каменную гряду Волга, а здесь, в котловане, было сухо, как под надежной крышей. На совесть поработали водопонизители. Это они отвели подпочвенные воды. Это они пробурили в три ряда по контуру котлована более трехсот шестидесяти артезианских скважин (а всего на стройке их было 776) и насосами выкачивали по тридцать три миллиона кубометров воды в месяц. На двадцать метров ниже уровня Волги стояли экскаваторы в котловане гидростанции!

Как-то я ехал на правый берег поздно вечером. Тьму разрывали молнии электросварки — это ширился «железный фронт» под бетон, варилась арматура, собранная в густые сетки, в крупные фермы и мощные блоки будущих фундаментов, бычков, стен. На эстакаде готовились принять первый бетоновозный поезд — огромные бады уже были погружены на железнодорожные платформы. Двадцать четыре виброхобота нацелились в разверстые блоки сооружений. «Скоро, совсем скоро», — подумалось мне.

И пришел день, когда на эстакаду, наконец, вышел первый поезд. Мне захотелось крикнуть: «Остановись, мгновенье!». Не знаю, что прозвучало тогда громче — гул восторга тысяч людей или грохот бетона, обрушившегося из бадей в бункеры и оттуда через виброхоботы — вниз.

Свершилось! Пошел большой бетон!

Какой-то парень в спецовке, заляпанной известкой, возмущенно сказал:

— Безобразие, товарищ начальник! Почему фотографов нет?

Ему, видно, тоже хотелось остановить, запечатлеть волнуемое мгновение.

За сутки было уложено две тысячи четыреста кубометров бетона. Много? Пожалуй, не очень, если учесть, что на всю станцию понадобится три и шесть десятых миллиона кубометров. Следовательно, для этого потребовалось бы полторы тысячи суток. Такого времени у нас не было. Следовало что-то придумать, чтобы ускорить дело. Над этой задачей бился весь коллектив.

Разгорелось соревнование. Бетонщики взяли новые социалистические обязательства. К ним присоединились машинисты мотовозов, крановщики, шоферы, рабочие карьеров...

Если рабочий берет обязательство, он тем самым и нас, руководителей стройки, ко многому обязывает. Чтобы машины не простаивали, надо вовремя обеспечить приток грузов, и тогда все шоферы будут заняты полный рабочий день. Чтоб крановщик не сидел сложа руки, нужно обеспечить его работой...

На одном из собраний в разгар ожесточенной критики по адресу механиков вышел на трибуну машинист крана Сергей Немасев и, подняв руку, сказал:

— Товарищи, прошу минуточку внимания...

До сих пор Немасева знали как молодого, не особенно разговорчивого крановщика, и только. Но тут, с трибуны он вдруг заговорил как настоящий хозяин, строгий и рачительный, от имени комсомольской бригады, которая, как выяснилось из его выступления, предварительно обсудила положение с кранами:

— У нас коэффициент полезного действия составляет в лучшие дни ноль восемьдесят четыре сотых. А почему, я хочу спросить, почему у нас планируют коэффициент использования крана всего только ноль семьсот сорок семь тысячных? На эстакаде одиннадцать порталных кранов, да два кабель-крана, да десять телескопических. С такой техникой можно горы свернуть! Теперь вспомним лучшие дни. Разве мы на пределе работали? Куда там! Еще хватало времени байки рассказывать...

Успокоив жестом развеселившихся слушателей, он продолжал:

— Минуточку, товарищи, минуточку. Я ведь еще не кончил. Моя бригада поручила мне сказать: надо перейти на по-

часовой график. Пусть каждый крановщик знает, что вот, мол, в такой-то час таскай арматуру, в такой-то — плиты-оболочки, а в такой-то — металлические закладные части.

Случилось так, что как раз перед выступлением Немасева кое-кто из организаторов бетонных работ требовал добавить на эстакаду кранов. Я отмалчивался, потому что не далее как накануне заместитель министра И. И. Дмитриев на мои просьбы ответил сердито:

— Вы, наверное, шутите, Иван Васильевич. У вас ведь триста кранов, целый лес, а вы еще просите!

Дельная речь Немасева пришлась мне по душе. Я стал искать глазами инженера Бориса Загородникова. Это ведь он вечно добивался новых механизмов.

Уже на следующий день, после статьи в нашей многотиражке, на стройке вошло в обиход новое слово — «немасевцы». Вскоре немасевский кран номер семь стал знаменитым. Его украсили огромным комсомольским значком, вырезанным из фанеры. Прошло совсем немного времени, и остальные крановщики добились тех же показателей, что и бригада Немасева.

Но тут начались другие неприятности: один за другим стали выходить из строя бетононасосы.

Мы нарадоваться не могли, когда получили их. По заводской документации насос способен гнать бетон на расстояние в четверть километра по сорок кубов в час, да и вверх подавать метров на сорок. А на поверку оказалось, что только за смену один из этих насосов создал целых три «козла» затвердевшей смеси. Трубы, где схватился бетон, приходилось резать, ломать. Рабочие только тем и занимались, что «препарировали» бетоноводы. Некоторые инженеры начали поговаривать о том, не лучше ли вообще отказаться от такой техники. Мой сын Борис, только что окончивший гидротехнический факультет и работавший на стройке, жаловался: «Это не бетононасосы, а кровососы!».

Борису я посоветовал не горячиться, а вечером поехал еще раз посмотреть работу бетононасосов, проверить, не сами ли мы виноваты. Мои предположения оправдались: специалисты ругали технику, не удосужившись вникнуть в причины неполадок. Что же выяснилось? Во-первых, смесь оказалась не той консистенции, во-вторых, неправильно были положены трубы. Лаборанты нашли новую консистенцию, механики по-новому смонтировали трубы — и насосы заработали безотказно. Они подавали бетон даже туда, куда не могли

достать ни телескопические, ни порталные краны. Мало того, наши инженеры Виталий Яковлевич Кан и Алексей Иванович Трегубов, создав целую насосную систему, организовали подачу бетона в три перекачки. А молодой инженер Франченко сконструировал для передвижной бетононасосной станции тележку и скип¹, после чего в технической литературе эти механизмы стали называться «Бетононасосы с приспособлением инженера Франченко». За первый же месяц мы уложили восемьдесят две тысячи кубометров бетона в рисберму и в фундаментные плиты.

Раз дело пошло веселее, дали нам на следующий месяц повышенный план — сто десять тысяч кубов. Стало жарковато. Поехал к бетонщикам.

И увидел вдруг — на эстакаду бежит народ. Что случилось?

Оказалось: беда! Бетонщик Пахомов орудовал лопатой у самого жерла виброхобота, из которого валом валил тяжелый, липкий бетон, и нечаянно ступил в густое, клейкое месиво, ступил и увяз. Парень пытался выволить ноги, да не тут-то было: его так и засасывало в бездонную гущу. Товарищи тщетно силились вытянуть Пахомова из страшной трясины...

Из конца в конец стройки прокатилось: «Человек в бетоне!». Остановили все. В двадцать рук взялись и мигом разгребли бетон. Откопали Пахомова, вытащили, перепуганного насмерть. Начальник участка стоял ни жив ни мертв.

До несчастья был один шаг. Это и Пахомову, и нам урок. Урок и грозное напоминание, что нельзя шутить с бетоном, заполняющим колоссальные блоки. С тех пор мы установили жесточайшие правила безопасности.

Простое не было. Круглосуточно гроыхала бетоновозная эстакада. Новые железнодорожные линии были загружены до предела. А в Яблоневом овраге, где брали жигулевский камень, все гремели взрывы.

Впервые они нарушили тишину горы Могутовой в морозное январское утро 1951 года. Тонны аммонита, заложенного в специально пройденных штольнях и шурфах, оторвали тяжелые глыбы скал и раздробили их на мелкие куски. Камень пошел в правобережный банкет. Предстояло добыть

---

¹ Металлический короб, нагружающийся и разгружающийся автоматически.

свыше пятнадцати миллионов кубометров камня. На пирамиду Хеопса, которую строили долгие годы десятки тысяч рабов, ушло около трех миллионов кубометров камня, а Куйбышевгидрострою понадобилось в пять раз больше!

Замечу кстати, что ни один кубометр не был добыт ручным способом. В каменных карьерах и на камнешебеночном заводе с самого начала действовали первоклассные механизмы. Там, где раньше в лесных чащах паслись лоси, выросли огромные механизированные карьеры и заводы, оснащенные по последнему слову техники, были проложены сотни километров дорог.

Не бывать бы большому бетону без этого могучего арсенала.

Надо сказать, что у нас блоки не обшивались деревянной опалубкой. Было введено важное для того времени новшество: вместо дощатой опалубки ставились железобетонные плиты. Мы называли их плитами-оболочками. Они срастались с бетонным телом сооружения, служа одновременно опалубкой и облицовкой.

В сентябре бетонщики уложили двести тысяч кубометров. Настало время удвоить темп. Но как удвоить, если на нашем пути вставал грозный противник? Этим противником была зима.

Людям холод не был страшен. Не привыкать. Великие стройки ведутся теперь в сибирской тайге, и идти им еще дальше — на Север, навстречу ветрам и вьюгам. И на Волге зима стоит почти полгода. Не выбрасывать же эти полгода из планов и графиков! Зимний бетон — вот главная проблема, которую необходимо было срочно решить.

И мы пригласили на стройку ученых, чтобы узнать, какие у них будут рекомендации на сей счет. Наша лаборатория накопила для научных работников множество сведений, проб, образцов.

Пока шли эксперименты, зима запорошила землю снегом, ударили морозы. На первых порах пришлось прибегнуть к самому примитивному средству — кутать бетонные блоки в одеяла. Каждое такое одеяло, весом в семьсот килограммов, подавали краном. Но одеяла эти легко воспламенялись. Брызнет, бывало, огнем сварщик — и пожар. Пожгли мы одеял немало и в конце концов решили, что не к лицу нам столь примитивные способы зимнего бетонирования. Тогда по совету ученых пустили в ход электропрогрев: ставили стержни электродов за плитами-оболочками и включали ток. После

этого пробовали применять еще газовые горелки или, лучше сказать, газовые грелки.

Оба способа отнимали много времени и доставляли немало хлопот. Все же темпы зимнего бетонирования круто возросли, так что на лето министерство дало нам удвоенный план.

Рекорд в двести тысяч кубометров был очень скоро перекрыт. Через некоторое время с помощью тех же средств — насосов, виброхоботов, самосвалов и транспортеров было уложено четыреста тысяч кубометров в месяц. Но и это достижение мы рассматривали как временное. Бетонных мощностей-то у нас — на двадцать тысяч кубометров в сутки...

Надо было многое пересмотреть и взвесить. Ведь поток бетона брал начало в карьерах, на камнедробильных заводах, продолжался в сотнях вагонов нерудных материалов и цемента, в чреве бетонных заводов-автоматов непрерывного действия. А что такое завод непрерывного действия?

Бетонную смесь бетономешалки перетирают и перемешивают непрерывно, так же непрерывно получая составные части — воду, щебень, песок, цемент — определенными дозами, через равные промежутки времени. Эту подачу производит автоматический дозатор, работающий с вибрационным питателем и весовым ленточным транспортером. Бетономешалки выдают в час до ста кубометров бетона. Такие заводы не нужны на стройках, где нет непрерывного и массового бетонирования. В условиях же крупного строительства только заводы-автоматы и могут удовлетворить нужды производства.

На этот путь мы и стали. Но, к сожалению, подчас давала о себе знать и первобытная технология. Стремительно шел конвейер и вдруг обрывался: разгрузка цемента производилась вручную. Работа тяжелейшая. Даже маска не спасала рабочих от едкой пыли.

Возникла необходимость подключить к конвейеру машину, которая бы разгружала цемент. О такой машине давно мечтали строители. И наш инженер Антон Яковлевич Инякин, человек кроткий и застенчивый, поставил перед собой задачу создать такую машину. Эта идея занимала и специалистов Ленинградского института проектирования дорожных и строительных машин. Они бились над ней несколько лет. А решил задачу Антон Яковлевич.

Пришел он ко мне в один прекрасный день и, как обычно, тихим голосом доложил:

— Машина готова к испытаниям.

Признаться, я не сразу вспомнил, о какой машине идет речь. «Что за машина? Какая машина?» Но спросить не решился, побоялся обидеть Антона Яковлевича своей забывчивостью.

Когда мы пришли на погрузочную площадку, все члены комиссии были в сборе. Собрались и механики с обоих берегов, и представители ремонтно-механического завода, и инженеры-строители. Взглянул я на машину и сразу вспомнил, для чего она предназначена. Неудач в этом деле было столько, что некоторые с сомнением поглядывали на машину: дескать, сколько лет люди ломали голову над этой проблемой, и вряд ли она под силу одному человеку...

А Инякин стоял в сторонке черный и худой, как бедуин. Потом он признался, что двое суток, предшествовавших испытаниям, не спал.

— Покажите, как действует ваша машина, — предложил председатель комиссии.

Инякин сел на место водителя. Машина подъехала к открытой двери вагона, загребла совком цемент и развернулась к бункеру. Члены комиссии бегали то к бункерам, то к вагону: механический грузчик работал! Работал отлично, пыли не было.

Инякин сиял. И каждому была понятна его радость...

Отныне по всему фронту бетонных работ восторжествовала механизация.

* *
*

Я был в партийном комитете, когда к секретарю пришел Николай Васильевич Разин и показал один из красочных проспектов, присланных «Гидропроектом»:

— Поинтересуйтесь, Александр Сергеевич. По-моему, тут есть над чем подумать.

— Любопытные сведения, — согласился секретарь парткома и, прочитав проспект, добавил: — А что, Николай Васильевич, не довести ли их до сведения агитаторов?

— Зачем? Чтоб они раструбили, как мы далеки от американского рекорда? — удивился Разин.

— Вот именно. Это я и имею в виду, — подтвердил Александр Сергеевич. — Чтобы они толково рассказали людям, как и почему мы далеки от американского рекорда укладки бетона. Мы в силах побить этот рекорд. Согласитесь, Николай

Васильевич, задача эта реальная. Мощностъ наших бетонных заводов — двадцать тысяч.

Разин задумался. Приближалась пятая годовщина Куйбышевгидростроя. Работы были в разгаре. Бетона требовалось много, но за бетонщиками дело не станет.

— Дело за арматурой, — раздумывал Разин вслух. — Если арматурщики сумеют готовить блоки под весь возможный бетон, несомненно, мы превысим мировой рекорд... Да, идея стоящая!

В те дни у нас на обоих берегах действовали арматурно-сварочные районы, железные арсеналы, как мы их называли. С арматурного завода на стройку шли груженые на платформы готовые армофермы огромных размеров, и арматурщики, случалось, уходили от двигавшихся по их пятам бетонщиков на несколько ярусов вверх. «Посуда» (так любили называть у нас готовые армоблоки) подавалась бетонщикам вовремя и по всему фронту.

В основных сооружениях ГЭС очень густа железная начинка. Достаточно сказать, что на каждые пятнадцать кубометров бетона приходится тонна арматуры. И это не просто пучки стержней, не просто сетки и каркасы, а сложные конструкции, то кольцевые, то конусные, то сводчатые, которые в бесчисленных комбинациях образуют гармоническое сплетение гигантского остова станционного здания с его спиральными камерами, кратерами для турбин, водоводами, донными лабиринтами.

До сравнительно недавнего времени арматурное хозяйство строители часто называли арматурным двором. На нашей стройке было бы смешно называть двором стройные корпуса арматурного завода с его мостовыми кранами, рольгангами автоматических линий, контактно-стыковыми сварочными агрегатами. Для сравнения скажу, что эти новые предприятия так же походят на своих предшественников, как нынешние мощные автобазы — на конные дворы.

Раньше говорили: «вязать арматуру», а сегодня в обиходе совсем другие слова. Сейчас мы говорим: «монтаж армоконструкций». Арматурный завод изготовляет почти весь остов сооружения. Эта несущая конструкция во время бетонирования заменяет леса и подмости. Как и повсюду в строительстве, здесь властно утверждает себя идея сборности, идея укрупнения монтажа. Не делать на площадке того, что можно сделать на заводе, — таково правило новой строительной технологии.

Слово «арматура» звучит как нечто легкое, ажурное. Между тем один готовый каркас весит до пятнадцати тонн и более, так что иногда такую махину перед погрузкой на платформу разбирают на несколько частей. Некоторые несущие армокаркасы доставляются на место бетонирования уже в светлой «одежде» плито-оболочек. И железобетонный «костюм», который служит сначала опалубкой, впоследствии остается на сооружении в качестве облицовки.

На Куйбышевгидрострое сложился замечательный коллектив арматурщиков-сварщиков. Бригадиром был Алексей Улесов, чья трудовая слава упрочилась у нас. Впрочем, об Улесове много писать не нужно. Он и без того известный стране человек. Кроме того, Алексей Александрович — автор интересной книги о своей жизни.

В те дни Улесов прославился как автор ванного метода электросварки. Сварщики стали пользоваться так называемыми «ванночками» — выгнутыми по форме стержня металлическими пластинками, подхватывающими и поддерживающими расплавленный электросварочным аппаратом металл. Благодаря «ванночкам» металл целиком шел на спайку стыков стержней, стали ненужными стальные накладки. В результате — большая экономия сварочного материала и времени.

Не раз приходил я к арматурщикам просто для того, чтобы полюбоваться, как колдовал над металлом Алексей Улесов. То, в чем он достиг совершенства, можно сравнить с микрометаллургией: в его «ванночках» происходил в миниатюре процесс электролитья...

Растущая техника дробит профессии. Если в старину строительная профессия делилась на две-три специальности, то теперь этих специальностей десятки и даже сотни. Арматурщик, бульдозерист, крановщик, скреперист, монтажник агрегатов — какую ни возьми специальность, она исключительно многогранна... И чем она многогранней, тем опытней и образованней должен быть работник, и особенно руководитель участка работ. Таким вот знающим и умеющим был бригадир Улесов.

Сдавался под бетон очередной блок на нижних шлюзах гидроузла. Это было в январе 1953 года. Продираясь сквозь щабобу арматурных стержней, я добрался к рабочему месту Алексея Александровича. Ясно было, что дела здесь, как всегда, шли хорошо.

Поздоровавшись, я сказал Улесову:

— Пусть теперь меня кто-нибудь попробует убедить, что

зимняя непогода заставит нас отступить, Алексей Александрович! Сколько вы за смену стыков варите?

— Двадцать — двадцать пять.

— А норма?

— Шесть.

— Значит, двадцать — двадцать пять при норме шесть, говорите. Ладно! Отбросим пятьдесят процентов — скидка на золотые руки и Золотую Звезду. Получается десять — двенадцать. Это как, реально для рядового сварщика? Две нормы?

Подняв голову, я увидел на арматурной паутине Марию Болдыреву — ученицу Улесова и повторил вопрос:

— А как ты думаешь, Машенька, реально или нет?

— Две нормы? — переспросила Болдырева и тут же ответила: — Конечно, реально, Иван Васильевич. По две с половиной даем!

Мне очень хотелось пожать руку электросварщице, но куда там, разве до нее дотянешься, и я только крикнул ей в морозную вышину:

— Так держать, Машенька!

— Есть так держать!

— А вы, Алексей Александрович, — попросил я Улесова, — выступите-ка в «Гидростроителе», поделитесь опытом, расскажите, что и в мороз не снижаете темпов работы.

Прошло дня три, увидел я в газете заметку Улесова. Интересная, острая заметка. При встрече решил порадовать Алексея Александровича добрым отзывом. Он смутился сначала, а потом с улыбкой сказал:

— Знаете, что я вам скажу, Иван Васильевич: наверное, во мне пропал журналист. Может, не поздно еще сменить держатель на авторучку?

Шутка шуткой, а в его словах была и доля правды. Он любил печать, гордился тем, что еще двадцать лет назад появилась его заметка в «Правде» и что числится ее рабкором.

Ну, а когда бетонщики решили превысить рекорд своих американских коллег, арматурщики не подвели. Как всегда, на высоте оказалась дружина электросварщиков Улесова. Они изо дня в день перевыполняли нормы, обеспечивая бетонщиков готовой арматурой.

Американский рекорд остался позади. В августе пришел день, когда по стройке разнеслась радостная весть: уложено шестнадцать тысяч пятьдесят кубометров!

Редакция нашей многотиражки организовала радиопере-

дачу, посвященную победе. Но нашлись скептики. Их не устраивало, что американский рекорд побит всего на пятьдесят кубометров.

— Что это за перевес? Годится ли, чтобы Америка наступала нам на пятки!

Однако уже на следующий день, накануне пятой годовщины Куйбышевгидростроя, было уложено девятнадцать тысяч пятьдесят кубометров. Тут уж и заядлые скептики развели руками: вот это да, вот это настоящий мировой рекорд! Так что пятая годовщина стройки стала для нас двойным праздником. Отметим его гидростроители как и полагается — митингом в юном Комсомольске-на-Волге, веселым гуляньем на берегах реки, концертами самодеятельности.

Празднуя, мы помнили, что в любое наше достижение внесли свой вклад, свою энергию и мысль бесчисленные труженики тысячи трехсот заводов, поставлявших нам оборудование, механизмы, материалы. В нашем празднике с полным правом могли участвовать и Ленинград, и Братск, и Красноярск, и Обь, и Каховка, и Волго-Дон, и Донбасс, и Урал...

* *

*

Уже больше месяца боролись мы за скорейшее окончание работ на перемычках. Это был самый важный для нас участок. Но, как назло, из-за технических неполадок на песчаном карьере ежедневно простаивали два экскаватора. Начальник же экскаваторного участка Чупахин свыкся с этим и, что совсем уж недопустимо, сам на карьер являлся через день.

Неважные показатели давали и дневные, и ночные смены.

По своему обыкновению, в трудную минуту я пришел к секретарю парткома за советом.

— А ты, Иван Васильевич, — посоветовал Мурысев, — перенеси строительный штаб на перемычку. Устрой там нечто вроде командного пункта...

И вот строительный штаб расположился на перемычке. Это маленький домик на полозьях с пристроенным к нему вторым этажом. Внешний вид неказистый. Но зато внутри полный порядок. Наверху мы разместили шесть солдатских коек, поставили тумбочки. Завели необходимую кухонную утварь: сковородку, кастрюли, электрический чайник. Не забыли запастись сахаром, чаем, печеньем. Разумеется, дома уютнее. Но здесь я все время был на переднем крае. Поначалу никак не удавалось уснуть под оглушительный шум. Но все

же привык, тем более что спать приходилось три, от силы четыре часа в сутки.

День в маленьком домике на полозьях начинался еще до рассвета. В такую рань секретарь управления Ангелина Васильевна уже складывала в папку заранее подобранные для меня и для главного инженера бумаги. Даже здесь, в этом домике на «курьих ножках», мы не могли избавиться от бумаг: всегда что-то надо было подписать, рассмотреть, утвердить.

Как бы там ни было, после нашего переезда на перемышку дела пошли веселее. Все недоразумения разрешались немедленно, совершенно отпала надобность в переписке и телефонных звонках. Надо было что-нибудь уточнить — шел и проверял, следовало дать указание — опять шел и разговаривал с нужным человеком.

...В один из тех до предела загруженных дней пошел я по щербатому льду к земснаряду Ивана Кулинича. Экипаж это был опытный: ребята приехали к нам с Волго-Дона. Собрал я в обеденный перерыв всю команду Кулинича, поговорил о почине бригады Мячева, которая призвала всех бороться за снижение себестоимости работ, — об этой бригаде я еще расскажу. Разговор получился деловой, конкретный. Оказывается, бригада Кулинича тоже имела свои выкладки, знала, где лежат копейки и рубли, и тут же взяла на себя социалистическое обязательство: несмотря на зимнее время снизить стоимость кубометра намытого грунта на двенадцать процентов.

Провожали меня ребята гурьбой. Кулинич на прощанье сказал:

— Слово свое сдержим, не сомневайтесь.

И сдержали. Бесперебойно шел у них зимний намыв. Перемышка была надежно поднята и укреплена.

Стройка в ту пору пестрела призывами: «Лучших шоферов — на перемышки!», «Прежде всего возить грузы для перемычек!», «Камень и щебень в первую очередь — перемышкам!», «До паводка во что бы то ни стало закончить перемышки!».

Общая протяженность перемычек — тринадцать с половиной километров. Работы — невпроворот.

А ведь были еще и другие заботы. Нужно было, например, смонтировать опоры для канатной дороги через Волгу, пока лед крепко.

Радовались мы, когда приехали к нам первые монтажники — Михаил Соболев, Борис и Иван Войтовы. Опытные, бы-

валые люди! Радовались мы и тому, что лед еще достаточно крепок. Правда, морозы могли бы быть помягче — все-таки наступил март. Нелегко монтажникам на ледяном ветру ставить опоры высотой в двадцать пять и тридцать метров.

Но монтажники не сплеховали. Вскоре тринадцать опор из девятнадцати уже были поставлены. Ускорило дело то, что монтажники применили хитроумную подъемную установку Бориса Войтова.

Пришел я к ним на лед, поздравил с успехом и хотел было уйти.

— Мы еще не все сказали, — остановил меня Соболев. — Учтите, товарищ начальник, через несколько дней мы упремся в Карцева. Нажмите на него!

Этим Соболев дал понять, что не готовы фундаменты для правобережных опор.

— Пожалуйста, поторопите их, — добавил Борис Войтов. — В марте надо нам рассчитаться с Волгой подчистую!

В марте монтажники и рассчитались полностью с Волгой. А в начале апреля совершенно неожиданно начался ледоход.

Там, где река была сужена почти наполовину, у правобережной перемычки создан ледяной затор.

Льдины накапливались, громоздились одна на другую, и порой казалось, будто Волга уже выдохлась, обессилела, что вот-вот она остановится и ледоход прекратится. Но куда там! Снова слышались далекие раскаты, потом они близились, превращались в оглушительный треск...

В другое время мы, может быть, любовались бы величественным зрелищем, как по весне всегда любят им тысячи жителей прибрежных сел и деревень. Но в те дни нас одолевала тревога: ледоход в любую минуту мог доставить немало хлопот, а может, и серьезных неприятностей.

К счастью, ледоход пощадил нас. На другой день засияло такое ослепительное и жаркое солнце, каким оно бывает только летом. По Волге плыли редкие уже льдины.

Мы бдительно следили за поведением воды. Ее прорыв в котлован грозил неисчислимыми бедами. Чтобы не быть застигнутыми врасплох, была создана «чрезвычайная тройка» по наблюдению за ходом паводка.

Я смотрел на Волгу. На самой середине реки высилась десятая опора. Основание ее, обнесенное тремя рядами шпунта, смахивало на громадную железную банку. Под защитой этой «банки» положен бетон в фундамент шестидесятиметровой мачты.

Много хлопот доставила нам эта опора. Осенью предстояло намыть на стремнине песчаный остров. Ближе к стремнине подтянули лучшие земснаряды, способные пересилить Волгу, то есть намывать грунт с такой интенсивностью и скоростью, чтобы бег реки — два метра в секунду! — не успевал его уносить.

Тогдашнему начальнику гидромеханизации Сергею Ивановичу Блохину не раз сообщали с реки, что среди бурной Волги уже показалась «земля» — основание опоры, напоминавшее островок. Но островок опять исчезал под водой. Едва земснаряды поднимали гребень основания опоры, как река смывала слабую верхушку.

Наконец Блохин позвонил мне:

— Приглашаю вас прогуляться по островку!

Правда, на такой территории не особенно разгуляешься — двадцать семь метров в ширину и тридцать два в длину. Но все же мы с Сергеем Ивановичем прошлись по твердому основанию будущей опоры.

— А что — остров как остров, — пошутил Сергей Иванович, — вы не станете возражать, если я предложу назвать его островом Достижений?

— Ладно, — согласился я, — пусть будет так, как вы предлагаете. Название красивое.

А сам с опаской посматривал под ноги: устойчива ли твердь, на коей стоим. Да тут еще на островок бульдозер с баржи перебрался.

— Зачем он сюда?

— А затем, — объяснил мне Сергей Иванович, — чтобы разравнивать камень, выгружаемый с барж.

За оперативность я похвалил, но бульдозер все-таки велел на всякий случай убрать.

— Да и сами давайте уйдем отсюда, — добавил я. — Уже семь часов.

Мы ушли. Увезли и бульдозер.

Утром стояли мы с начальником ставропольского филиала Гидропроекта Николаем Максимовичем Иванцовым на берегу, глядели, как свирепо атакуют наш искусственный остров тяжелые льдины, и вдруг порыв ветра сорвал с моей головы фуражку. Пока я гнался за ней, поймал и повернулся к Волге, остров исчез с глаз. Менее чем за минуту ледоход успел начисто срезать островок...

И строителям пришлось снова создавать основание для десятой опоры.

ТАК РОЖДАЛОСЬ МОРЕ

Чувство земли.— Требовательный подчиненный.— Парень с Волго-Дона.— Три секунды экономии.— Последний штурм.

Своей любовью к земле строитель сродни крестьянину. Среди строителей есть специалисты, которые ни в чем другом так не сильны и искусны, как в работе с землей. Это их страсть. Только постороннему может казаться: дескать, чего проще — копать землю! Нет, совсем не просто. Ее надо понимать, ее надо чувствовать, с ней надо уметь обращаться, знать ее свойства и повадки. Одна земля сама бежит в ковш, другая упирается, а третья поддается только взрыву. И к каждой нужен свой подход, чтобы зря ее не будоражить, а брать умеючи, с наименьшими усилиями.

За семь лет наши экскаваторщики переработали почти двести миллионов кубометров земли. Это целые горы. Известные всему Союзу экскаваторщики-миллионеры выросли на стройке — Евец и Коваленко, Лямин и Мячев, Клементьев и Зенкевич. У этих людей есть еще одна страсть — страсть к технике, к машине, которую они тоже и чувствуют, и понимают, и любят.

И те, кто лопатами рыл котлованы на Магнитке, звались землекопами. Но как огромна разница между ними и землекопами сегодняшними, без которых немислима ни одна стройка!

Мне часто доводилось наблюдать, как работал Михаил Юрьевич Евец. И всякий раз казалось, что не машина, а живое существо, повинувшись человеку, вполне осмысленно хватало добычу острозубой пастью. Надо обладать большим мастерством, чтобы с такой безукоризненной точностью на-

правлять ковш в нужное место, заставляя стрелу совершать скупые и плавные движения. Причем экскаватор работал почти бесшумно! Примерно так же управлял своим землеройным гигантом Лямин, немножко иначе — Коваленко. Он был порывистый, лихой, любил резкие и стремительные движения. Но — мастер, этого у него не отнимешь...

Тон всему отряду задавал наш главный землекоп Сергей Павлович Карцев, старый инженер и старый большевик. Я давно знал этого человека, много с ним работал.

Сергей Павлович трудился и на Черном море, и на Балтике, и на Севере. Здесь, на Волге, он стал типичным волгарем. Трудно было представить себе наши перемычки, наш котлован без Карцева, который был поистине вездесущ и всегда появлялся именно там и в тот момент, где требовалось быстрое и смелое решение.

Много славных страниц в трудовой биографии Сергея Павловича. В годы первых пятилеток он командовал тысячными армиями землекопов, огромными обозами грабарок. Если судить по численности «войска», которое он некогда возглавлял, то его, Карцева, вроде бы понизили в звании: раньше у него были дивизии, а теперь роты. Однако нынешняя техника, которой управлял Карцев, сильнее десятка его прежних армий землекопов.

Сергей Павлович расположил свой кабинет, свой командный пункт в маленькой, неказистой на вид конторе-будочке. В горячие дни это сооружение поставили на полозья. Контора так и двигалась по котловану следом за экскаваторами. Связисты едва успевали переносить телефонные провода. Выведенные из терпения, они грозились как-нибудь ночью, тайком, забетонировать у будки фундамент, чтобы Карцеву неповадно было таскать ее с места на место.

В передвижном «кабинете» Сергея Павловича постоянно стоял невероятный шум — столько людей набивалось там. От табачного дыма можно было задохнуться. Дымила и кирпичная печка. В конце концов из-за вечных передвижений будки печь развалилась. Тогда Карцев поставил железную времянку. Но дыма и угара не убавилось.

Уму непостижимо, как только хватало у нашего главного землекопа сил и здоровья выдерживать такое житье-бытье. Но ведь — выдержал...

Под стать Карцеву был и его главный инженер Ахмет Алхасович Биданок. Это был на редкость неугомонный и удивительно подтянутый человек. Какая бы ни была грязь в

котловане, на каком бы трудном участке он ни работал, я всегда встречал Ахмета Алхасовича бодрым, гладко выбритым и опрятно одетым. Своим примером он понемногу приучил к чистоте и самых чумазых экскаваторщиков.

Принято говорить: требовательный начальник. О Биданове я сказал бы: требовательный подчиненный. Ко мне, например, он неизменно приходил с новыми, подчас очень неожиданными вопросами или с настойчивыми и решительными требованиями.

Вот только один случай.

Когда мы занимались забивкой шпунта, Ахмет Алхасович явился ко мне с журналом:

— Посмотрите, Иван Васильевич, на Цимле при забивке шпунта применяли вибрацию системы инженера Цаплина.

Мне было очень некогда, и я сказал Биданову:

— Оставьте журнал, потом почитаю.

Дела закружили, и прочитать статью в тот день я не успел.

Утром Ахмет Алхасович перво-наперво спросил:

— Ну как, Иван Васильевич, насчет вибрации что-нибудь решили?

После этого он позвонил еще несколько раз и заставил-таки меня прочесть статью.

На другой день Ахмет Алхасович возник на пороге кабинета.

— Прочитал,— сообщил я ему, зная, зачем он пришел.— Мысль интересная.

— Ну и отлично! — оживился Биданов.— Надо срочно вызвать сюда Цаплина! Сцапаем его вместе с его вибратором, а?

Ахмет Алхасович не вышел, а пулей вылетел из кабинета.

Через два дня Цаплин был на стройке.

Но пришел момент, когда я увидел Биданова чуть растерянным и грустным. Дело происходило ночью, когда с наплавного моста перекрывали последний проран. Гремела музыка. В ослепительных лучах прожекторов двигались колонны машин, груженных бетонными пирамидами. У всех было радостное настроение.

Биданов молча смотрел на эту веселую суету.

— Что с вами,— спросил я.— Что-то испортило вам настроение?

— Да нет,— ответил Ахмет Алхасович,— скучаю.

Я не поверил своим ушам.

— Вам? Скучно?

Биданок повторил:

— Да, Иван Васильевич. Не вижу здесь теперь крупных земляных работ. Должно быть, пришла пора прощаться с Жигулями. А прощаться с родимыми местами всегда ведь не весело, правда?

Беззаветно влюбленный в свое дело инженер уехал потом на строительство Братской ГЭС. Я получал от него хорошие письма из Сибири. Он писал, что начинает привыкать к новым условиям, что скучать некогда. Одно из писем заканчивалось словами: «Весело там, где ново, там, где трудно, там, где дух захватывает от широты перспективы». Правда, первое время с жильем было неважно: их, пятерых инженеров, поместили в одной комнатухе. «Но ничего, растет рабочий городок, поднимаются один за другим новые дома. Я уже дал сигнал семье, чтобы собирали чемоданы».

Инженеры...

Присутствуя на первой технической конференции, которую созвал главный механик Левченко, он же докладчик, я заранее знал, как будет построена его речь. И не ошибся. Первая половина доклада состояла из примеров нерадивого ухода за машинами, вторая содержала бесчисленные рекомендации и указания, и только в конце несколько минут было уделено положительным фактам.

В самые трудные дни, при любых провалах, при самых мрачных показателях «светлым пятном», как правило, оказывался участок строительства перемычки для котлована шлюзов, которым руководил Павел Волков. Так было и сейчас. Произнесенные Левченко под занавес похвальные слова относились к Волкову. У него и копры на забивке шпунтов работали безукоризненно, и все восемь экскаваторов ежедневно перекрывали нормы... А самого Волкова даже и не было на конференции, он не отлучился с перемычки.

Котлован был для него и рабочим местом, и квартирой, и столовой.

С Павлом Волковым мы давние товарищи. Он кочевал со мной по стройкам не один год. Помню, как самозабвенно трудился Павел на строительстве причалов и мола Балтийского завода. И здесь, на Волге, после окончания рабочего дня жена не могла затащить Павла домой. Он спокойно выслушивал сердитые слова, и она, махнув рукой, несла ему ужин в котлован.

Волков постоянно что-то изобретал, прикидывал, рассчитывал. В котловане у него была дощатая, наскоро сколочен-

ная будочка с топчаном, жестяной чайник, мыльница и полотенце, тетрадки, линейка. Всем напиткам он предпочитал крепкий чай. Но и обжигаясь чаем, он был погружен в думы и часто хватался за карандаш...

После технической конференции я пошел в котлован. Там, как и ожидал, увидел Волкова. На мой вопрос, поужинал ли он, Павел рассеянно ответил:

— Что? Да, да, а как же! — И без всякого перехода инженер сказал: — Мы на месяц раньше срока кончаем отсыпку перемычки, шпунт уже поставлен, так что можно откачивать воду...

Но, высказав эту мысль, Волков тут же предъявил мне десяток самых категорических требований. И знаю, промедли я с чем-нибудь, он обязательно примчался бы в управление.

Как хозяин водил меня по котловану Волков. Глубокая чаша вытянулась и раздалась вширь. Павел даже подсчитал, что в котловане после осушения можно при желании собрать на митинг население Москвы. На огромном пространстве обнаженной земли экскаваторы рыли грунт. Рокотали, ревели, дымили сотни механизмов, двигались туда и обратно вереницы самосвалов. Пыль, дым, острый запах бензина и масла плыли над Волгой...

В те горячие дни у всех на устах были имена экскаваторщиков.

Два молодых машиниста — Василий Лямин и Василий Клементьев — завладели вниманием многотысячного коллектива: они показали невиданный ранее пример работы без единой минуты простоя. Две-три нормы в смену выполняли соревновавшиеся экскаваторщики. Но и это, утверждали они, не предел. Главное — справятся ли шоферы? Оказывается, и за шоферами дело не стало. Первым доказал это водитель самосвала Илья Костенко. Он вывозил за смену восемьсот кубометров грунта вместо двухсот пятидесяти по норме.

Почин перводовиков разросся в целое движение. Этим соревнованием жили и Карцев, и Биданок, и Волков, все без исключения командиры земляных работ, хотя их обычно лишь мимоходом упоминали в газетных очерках и радиопередачах, посвященных героям стройки.

В те горячие дни появился у нас землеройный флот — прибыли плавучие снаряды Волго-Дона. Вошел ко мне розовощекий красавец с роскошным чубом и черными, как антрацит, глазами и доложил:

— Михайлов, начальник земснаряда «Тысяча один», прибыл в ваше распоряжение!

Пригласил его сесть. Спросил, как дошли от Волгограда, как чувствует себя команда.

— Дошли неплохо, — ответил Михайлов, — только заковыка одна имеется: продовольственный магазин у черта на куличках. И поставили нас далеко, причалов нет...

— Ну, а еще что бы вы хотели мне сказать?

— А еще, — ответил он, — приглашаю вас встретиться с нашей командой.

Мне и самому было интересно познакомиться с людьми, посмотреть на поступивший к нам на вооружение новый земснаряд, и я согласился поехать сразу же.

Первое, на что я обратил внимание, — это идеальная чистота, царившая в любом уголке земснаряда. Все здесь сверкало, как на боевом корабле.

Пошел я в кубрики.

— В чем дело? — спросил. — Что невеселы, товарищи?

И тут я понял, почему Виктор Михайлов пригласил меня встретиться с командой земснаряда. Умный ход, ничего не скажешь: пусть, дескать, начальник строительства услышит о нуждах людей из их собственных уст.

Жалоб было много, и вполне справедливых. Вызвал я шофера и попросил немедленно привезти начальника ОРСа и заместителя начальника строительства по кадрам и быту. Не прошло и четверти часа, как оба были на земснаряде.

Выслушали они жалобы на плохое продовольственное снабжение и бытовое неустройство и сказали, что да, мол, нескладно получилось.

— Не только «нескладно получилось», — подытожил я, — а просто безобразно. Нам с вами надо извиниться перед строителями Волго-Дона, которые отныне будут работать у нас.

Начальник ОРСа и мой заместитель по кадрам и быту обещали навести надлежащий порядок в кратчайший срок. Они уехали, а я продолжал разговор. Перед уходом спросил Михайлова, когда коллектив земснаряда сможет приступить к работе.

— Нам сперва надо изучить карту забоев и карту подводных работ, — ответил он.

«Вот какие механизаторы пошли! Как заправский инженер разговаривает», — подумал я.

Через несколько дней земснаряд приступил к работе и

бесперебойно был в деле. Он по праву числился первым в нашей землеройной флотилии по всем показателям соревнования.

Порадовал меня Виктор Михайлов и тогда, когда я неожиданно увидел его в студенческой аудитории нашего института.

Во время перерыва я спросил:

— Что, случайно забрели на огонек? Или тема лекции заинтересовала?

— Почему забрел? — спросил в свою очередь Михайлов и с нескрываемой гордостью добавил: — Меня зачислили, студент я...

И на земснаряде Виктор чуть ли не по полсутки проводил, и вечерний институт успевал посещать, и дома изобретательскими делами занимался, и ни одного интересного технического совещания не пропускал. Везде успевал.

Как-то главный инженер гидромеханизационных работ Борис Карлович Липгарт дал задание Виктору Михайлову и его коллеге Виктору Хлюсту продумать схему так называемой двойной кубатуры. Они не только серьезнейшим образом продумали, но и прямо-таки блестяще выполнили задание. Если раньше при разработке выемки грунт сбрасывали куда попало, то теперь грунт посылался как раз туда, где намывалась плотина.

Производительность каждого агрегата увеличилась ровно вдвое. Новый метод быстро распространился. Его применили и на строительстве нижних судоходных шлюзов. Земснаряд разрабатывал там котлован, а песок, оказавшийся вполне подходящим для намыва перемычек, гнал по трубам вдоль левого берега к будущей нашей плотине. И еще несколько таких комбинированных выемок и намывов придумали гидромеханизаторы. Они умудрялись даже перегонять песок прямо на бетонные заводы.

Не один миллион рублей чистой экономии принесли стройке смекалка и находчивость Виктора Михайлова и Виктора Хлюста.

* *

*

Зимним днем (40 градусов!) шел я к экскаваторщикам. На вольном волжском просторе морозы еще злей, чем в любом другом месте, защищенном от бешеных ветров. В котловане работали экскаваторщики. Они сидели спокойно в своих кбинах, как будто и зимы не было, и не дул ледяной ветер

в каждую щель кабины. Правда, в кабинах установлены электрические печки, но тепла от них маловато.

На одном из землеройных гигантов алел лозунг:

«Две нормы в любую погоду!».

В те дни «Уральцами» управляли Лубенец, Лямин, Коваленко, Ермоленко, Мячев, Евец. Меня всегда тянуло к этим людям. Бывало, зайду в будку, где они обогревались, и застряну. Интереснейшие собеседники! Нередко возникал разговор, который к стройке не имел никакого отношения. Однако всякий раз мой приход экскаваторщики использовали для того, чтобы высказать претензии, обсудить наболевшие вопросы. И вот однажды самый молодой из них Владлен Мячев выложил на стол свои подсчеты.

— Как вы думаете, сколько стоит кубометр грунта? — спросил он меня. — Правда ведь, дороговато? Так почему бы нам, машинистам, не объявить соревнование за снижение стоимости выемки каждого кубометра?

Завязался чисто профессиональный разговор. Михаил Юрьевич Евец, который был тут высшим авторитетом, стал подсчитывать:

— Наполнение ковша — шесть секунд, поворот кабины и подъем — семь секунд, выгрузка — три секунды, обратный поворот кабины и опускание ковша в забой — шесть секунд... Время от времени необходимо пересматривать свои возможности, ни в коем случае не довольствоваться достигнутым, — заключил Михаил Юрьевич. — Давно ли мы считали двадцать пять секунд выдающимся достижением? А сейчас эту норму легко перекрывает любой машинист... Главное, чтобы ковш наполнялся без напора, чтобы глина в нем не уплотнялась, иначе она не полностью высыпается в кузов самосвала.

— И еще одно преимущество, — сказал Василий Лямин, — раз ковш наполняется без напора тонким слоем, то, значит, уменьшается давление на экскаватор, а это спасает машину от затопления на влажном основании и в топких грунтах.

Тут же, в беседе, определился еще один прием: совмещение подъема ковша с поворотом на выгрузку. Этот прием, собственно, уже был проверен на практике: он дает машинисту две секунды экономии.

...Трещали дрова в чугунной печурке, за тонкой дверью будки насвистывала метель. Я внимательно слушал экскаваторщиков. Слушал и учился.

Снова включился в разговор Михаил Юрьевич:

— Хорошо бы делать основание забоя на полметра ниже

поверхности дороги. Почему? А очень просто. Это даст возможность разгружать ковш на высоте трех с половиной метров в строго вертикальном положении и при полном опорожнении. Закрывать ковш должен одновременно с поворотом стрелы и в тот же момент опускаться в забой.

Таким образом, получалось еще три секунды экономии!

Кончился перерыв, и экскаваторщики пошли к своим машинам. Разговор заканчивался на ходу.

На другой день обязательства передовых экскаваторщиков получили широкую гласность. Бригада Мячева дала слово снизить стоимость выемки на десять процентов¹.

Обычно на большой глубине в котловане, в мокрых грунтах, на выемку тысячи кубометров требовалось примерно до одиннадцати кубометров леса: устраивался настил, чтобы экскаватор не увязал в трясине. И вот машинисты бригады Мячева обязались так бережно расходовать лес, чтобы сохранить еще пятнадцать копеек на каждом кубометре грунта. Если к тому же экономить смазочное масло и обтирочные материалы, то, по подсчетам Мячева, «отломатся» еще две копейки на кубометре.

По мнению бригады, слишком много средств расходовалось на текущий ремонт. Если сократить сроки ремонта, работать так, чтобы довести их до минимума, то можно будет выгадать еще три копейки с кубометра. И если бригада осуществит все задуманное, она ежеквартально сэкономит стройке тридцать восемь тысяч рублей...

Дотошный бухгалтерский подсчет, которым несколько дней кряду старательно и с увлечением занимался Владлен Мячев вместе со своей бригадой, очень мне понравился. Владлен ввел в своей бригаде такой порядок: каждый машинист обязан был до тонкостей знать весь экскаватор. Машинисты решили за три месяца получить дипломы машинистов первого класса, а помощники — дипломы машинистов.

Нельзя было не радоваться предложениям бригады Владлена Мячева. Я и радовался. Ведь почин мячевцев не был выдуман в канцелярии, как иногда бывает, он родился в самом производстве. Что получила стройка от этого почина? Снижение себестоимости кубометра выемки грунта даже на один процент при наших ста девяноста миллионах кубометров давало нам целое состояние.

---

¹ Если норма выполняется на 150%, стоимость кубометра понижается на 11%.

В ответ на почин бригады Владлена Мячева Василий Лямин предложил своим товарищам:

— Возьмемся перекрыть проектную мощность механизмов!

Строители откликнулись на призыв знатного экскаваторщика, обсудили свои возможности, взяли новые обязательства.

Василий Лямин выступил с основательной, очень интересной лекцией: «Как перекрыть проектную мощность механизмов».

Лектор ссылался на расчеты, знакомил аудиторию с таблицами и схемами, объяснял, чем вызвана его уверенность в том, что запас мощности механизмов велик, и что используем мы эту мощность далеко не полностью. Надо, подчеркнул Лямин, чтобы, во-первых, экскаваторщики боролись за экономию времени и, во-вторых, чтобы соблюдался четкий график взаимодействия с шоферами, чтобы грузовики не скапливались у экскаваторов, как подводы в базарный день у волжского парома.

Лямину дружно аплодировали. Потом, как и положено лектору, Василий ответил на вопросы. А после этого начались прения. Прения по лекции!

Первый же оратор «разнес» порядки на своем участке, досталось и начальнику:

— Возражений у меня, конечно, нет,— сказал он.— Я первый голосую «за». Но вот Лямин говорил о графике, о четкости в работе, взаимодействии. А какой тут график, если у нас само начальство смотрит на это сквозь пальцы...

Другие выступления также были конкретными, злыми и говорили о горячей заинтересованности людей, о поистине государственном подходе к делу.

В общем, лекция Василия Лямина имела большой успех. Я пожалел, что не мог досидеть до конца прений: надо было ехать принимать школы — четыре новых здания.

Первого сентября на улицах поселка Комсомольска зазвонили ребячьи голоса. Сели за новенькие парты ребяташки и в Жигулевске, и в Порт-городе.

Родителям не верилось, что за семьдесят — восемьдесят дней на пустом месте могут вырасти большие школьные здания. Но они выросли! Я заехал в одну из школ и навсегда запомнил фразу, выведенную детской рукой на новенькой доске: «Нам очень дорог наш молодой город». Я еще подумал

тогда, что вот, впервые поселок Комсомольск назван городом...

А через несколько дней коллектив отметил еще одно радостное событие: по левобережной железной дороге прибыл первый поезд на станцию Жигулевское море. Отныне стройка была связана с железнодорожной магистралью и на левом берегу.

Несмотря на дождь, собралось много народу. Должно быть, наш партком зачислил Василия Лямина в «штатные ораторы». Лямин и здесь произнес речь. Кстати, очень хорошую. Экскаваторщик сказал, что ему, делегату Всесоюзной конференции сторонников мира, выпала честь докладывать в Москве о славных делах строителей и что нет нужды доказывать силу нашего стремления к миру. Ибо такие гидростанции, такие моря, как будущее Куйбышевское море, создаются не для войны, а для мира, для блага и счастья людей...

* *

*

Шли последние приготовления к очередному и самому решающему наступлению на Волгу. Бетона осталось уложить не так много, но зато в самых различных местах.

Как любил говорить в ту пору начальник района Кан, бетонщики наступали уже не мощными отрядами, а в рассыпном строю. Гигантские камеры водосбросов, по которым мы прошли еще раз, были чисто выметены. Уходя, бетонщики разукрасили своды и стены — все равно уйдет под воду! — веселыми стишками и автографами. На самом верху кто-то умудрился вывести огромными буквами: «Шабаш!».

Государственная комиссия придирчиво осматривала все, что сделано, и требовала кое-где подлатать, кое-где замазать... Ее сопровождал целый «хвост» начальников районов, инженеров, прорабов.

Приемы и деловые свидания назначались в котловане. Всех нужных мне бетонщиков я без труда находил на эстакаде или на бычках.

Сейчас уже никто не жаловался на бетонные заводы: в смеси недостатка не было. Зато начались недоразумения с кранами: подъемные механизмы теперь были наполовину заняты монтажными операциями. Некоторые краны по несколько часов держали тяжелые металлические части, пока их крепили и сваривали. Иными словами, кран нес вахту в качестве подсобного такелажника. Это вызывало нарекания

бетонщиков, которым каждую минуту и в самых различных местах нужны были железные руки кранов.

— Скорей высвобождайте краны. Дайте нам свободу маневра, — требовали бетонщики.

Особенно напорист был смуглый крепыш невысокого роста, подтянутый и ладный. Имя Виталия Яковлевича Кана, обрусевшего корейца, так часто склонялось на стройке, что некоторые приезжие, запутавшиеся в марках наших бесчисленных механизмов, спрашивали, как расшифровывается столь популярное на стройке слово «КАН». Ведь они много раз слышали: «Встретимся у Кана», «Тут нужен Кан», «Как дела у Кана?», «Идите в район Кана...».

Вовсе не желая обидеть моего друга, скажу, что из всех начальников района Кан считался самым упрямым. Эта черта в его характере мне нравилась. Есть два вида упрямец — активные и пассивные. Один глух к возражениям и доводам, как гора Могутовая. Другой упрямится активно — с размаху бьет по возражениям и доводам, уверенный в своей правоте, наступая, доказывает и добивается своего. Упрямство Кана было именно таким.

— Сколько вам нужно времени, чтобы забетонировать до заданной отметки вторую секцию? — спросил я Кана.

— Дня четыре, если...

— Как понять ваше «если»?

— Этот вопрос адресуйте арматурщикам.

— За нами задержки не будет, — ответили арматурщики, когда я пришел к ним.

Сколько раз вывешивались «молнии»: «По вине тов. Кана срывается...», «Тов. Кан! Вы срываете...». Ни одного дела Кан не сорвал. Кстати говоря, не без помощи этих «молний», которые не оставляли равнодушным даже такого упрянца.

Кан как бы состязался со своим главным инженером Алексеем Ивановичем Трегубовым: кто дольше сохранит спокойствие. Чем горячей обстановка, тем невозмутимее были оба.

Я стал невольным свидетелем, как в самые напряженные дни Кан убеждал кого-то по телефону:

— Поверьте, дорогой мой, если вы двое суток домой не уходили, без обеда оставались, это очень плохо. А бородой вы не обросли? В нашем районе, между прочим, все нормально обедают, бреются и умываются. Да, да, уверяю вас. По виду человека можно определить, каково положение на объектах...

Тут Кан немножко «загнул». Отнюдь не все блистало в те дни чистотой. Чистота царила только в бетонных камерах, а чаши верхнего и нижнего бьефа были завалены горами строительного мусора. Пришлось создать чрезвычайный штаб по очистке котлована. Во главе этого «мусорного штаба», как его моментально окрестили местные остроловы, был поставлен Кунаковский, заместитель начальника работ правого берега. Он в тот же день подсчитал и доложил мне, что мусора накопилось... семьдесят тысяч кубометров!

«Мусорный штаб» собирался по несколько раз в день. Мы отдали в распоряжение Кунаковского все свободные машины, бульдозеры, скреперы.

...До затопления котлована оставались считанные дни. По всей стройке развернулось соревнование за почетное право участвовать в перекрытии.

Постройком тщательно изучал огромные списки лучших экскаваторщиков, шоферов, земснарядчиков. Председатель постройкикома в полной растерянности сообщил, что людей, безусловно достойных почетного задания, гораздо больше, чем требуется для перекрытия Волги.

— Как быть? — спросил он. — Одних шоферов с наивысшими показателями четыреста. Куда их столько? Отличников-бульдозеристов свыше пятидесяти, а нужно от силы десять машин.

Решили так: кому не достанется работы на перекрытии, тому, как и всем участникам штурма, выдадим памятные почетные грамоты.

И вот уже подали к опоре дебаркадер, где расположился штаб Резчикова. Тут же и наш с Разиным командный пункт. Тут же обосновались гидрологи, ведущие непрерывное наблюдение за режимом Волги.

Наконец были подтянуты к прорану звенья наплавного моста. Баржи и понтоны скреплены тросами, накрыты добротным дощатым настилом, к которому с обоих берегов спускаются забетонированные дорожки. Наступил торжественный момент — впервые в жизни, впервые в истории Ставрополя и Жигулей в этом месте Волгу можно перейти пешком с берега на берег.

Наплавной мост был весь расчерчен: как идти машинам, где останавливаться, где разворачиваться. Барьеры украшены флагами, лозунгами, плакатами. Над мостом висели гирлянды ламп. С железных переплетов мачты десятой опоры на мост нацелились прожекторы.

— Один, два, три, четыре, пять, шесть... — это на радиопузле проверяли работу динамиков.

И мы в который раз прикидывали, все ли сделано, нет ли каких упущений. Кажется, все готово. Приняли решение: завтра в девять утра начать затопление котлована.

Утро выдалось прохладное. Тысячи строителей пришли в котлован. Шли не торопясь, как идут по земле, с которой предстоит расстаться. Ведь сюда больше не ступит нога человека. А сколько здесь было пережито тревог, огорчений и радостей!

Выступления на митинге были короткими и взволнованными. К ним никто не готовился. Выступили Мурысев, Александров, начальники участков Червяков и Комиссаров, экскаваторщик Коваленко, шофер Болдин. Несколько слов сказал и я.

Все взоры обратились к нижней перемычке. Оставалось лишь сделать небольшую прорезь, чтобы вода хлынула и смыла оставшуюся, ничем больше не укрепленную насыпь. Как только к перемычке двинулись «Уралец» экскаваторщика Чеволдаева и «Воронежец» машинистов Фоканова и Терехова, все, кто был на митинге, бросились к противоположному откоосу котлована. Они забрались на гребень перемычки, плотным кольцом обступили экскаваторы. Едва Чеволдаев успел зачерпнуть ковш рыхлого грунта, как выбился и побежал из нижнего бьефа маленький ручеек. Всеобщее ликование, крики и смех прекратились, когда Александр Петрович Александров объявил по радио:

— Все по рабочим местам! Прошу всех покинуть котлован. Повторяю: всем покинуть котлован!

Когда котлован опустел, землечерпалка «Цюрупа» сделала несколько таких глубоких выемок, что вода пошла уже не ручейком, а широким потоком. Вскоре мутная пеннистая волна добежала до бетонных бычков гидростанции и устремилась в камеры водосбросов.

Главное было достигнуто. К вечеру вода заполнила чашу котлована и вышла в верхний бьеф. К утру уровень воды в котловане сравнялся с уровнем реки, и теперь, если сломать верховую перемычку, Волга не водопадом ринется к бетонным сооружениям, а потечет к ним смиренно, спокойно, что, собственно, нам и было нужно.

Приближалось второе, не менее важное событие. На наплавном мосту строители дожидались команды перекрывать Волгу. На высоком правом берегу лежали наготове огромные

запасы камня. Немножко ниже моста, на том же берегу — склад бетонных четырехгранных пирамид по десять тонн весом каждая. Приготовились «к бою» крановщики. Давно были готовы и ждали команды самосвалы с нашими, собственной конструкции площадками вместо кузовов.

Десятки корреспондентов центральных газет, кинооператоров и фоторепортеров терпеливо дежурили на наплавном мосту, боясь прозевать главные события.

Редакция нашей многотиражки выпустила несколько специальных листовок, зовущих на штурм Волги. И наша радиогазета, опекаемая приезжими писателями и журналистами, начала «штурмовать» Волгу.

Над Волгой звучали вдохновенные строки, посвященные строителю:

На его пути —
    пламенеть огням,
На его пути —
    голубеть морям,
На его пути —
    этажам расти,
На его пути —
    городам цвести.

Их автор — Николай Медведев, старший прораб наплавного моста, он же поэт, и он же диктор.

Наконец все было готово к перекрытию Волги, все, кроме верхней перемычки. Не так-то просто ее раскрыть. Глина, смешанная с камнем, которым мы усиленно крепили перемычку и мостили дорогу на ее гребне, не поддавалась экскаваторам. До чего уж опытен и силен в этом деле Михаил Евец, но и он по-черепашьи медленно, сантиметр за сантиметром, выгрызал стенку забоя. А срезать перемычку необходимо было под самый корень, чтобы не осталось ни малейшего переката.

Кое-как удалось с флангов выбрать грунт, но в середине, главным образом в том месте, где мы авралили во время прорыва, все держался крепкий каменный островок. Оставлять же его ни в коем случае было нельзя.

Заместитель министра строительства электростанций Иван Иванович Дмитриев провел специальное совещание: как расширить проход для волжской воды и убрать с ее пути все препятствия?

Совещание длилось долго. Было внесено много предложений, приняли одно: взять баржи, погрузить туда пять-шесть бульдозеров с самыми опытными, самыми смелыми машини-

стами, подойти к островку, и пусть бульдозеры срежут островок.

В одиннадцать вечера баржи с бульдозерами подошли к освещенному прожекторами островку. Высадившись, разделили его площадь на квадраты, и бульдозеры начали срезать грунт.

Мы все порядком устали, но никто не уходил. У Карцева от ветра слезились глаза:

— Ну и островок, дьявол бы его побрал! — чертыхался он.

— Видите, дело пошло: пятачок остался... Кстати, сколько времени? — успокоил его Николай Васильевич Разин.

— Ровно три.

— Что ж, надо оставить один бульдозер, а остальные — на баржу! — дал команду Разин.

На исчезающем острове остался самый отчаянный — Николай Балашов.

Я спросил его, сколько он еще сможет работать. И в ответ услышал:

— Пока бульдозер не всплывет...

Когда забрезжил рассвет, Балашов бороздил уже скрытый под водой остров. Машина была наполовину в воде. Выпрыгнув из кабины, Николай оказался по пояс в воде.

— Может, уже хватит? — крикнули с баржи. — Остановись, а то попадешь к Нептуну вместе с бульдозером!

Наконец Балашов утомился. С большим трудом погрузили машину на баржу.

Было уже совсем светло. Над срезанным островком едва заметно морщилась вода. Постепенно волна улеглась, и первый луч солнца упал на гладкое, ясное зеркало нового водохранилища.

* *

*

И вот пришел долгожданный час. Можно дать сигнал к штурму.

Замерли в ожидании водители мощных самосвалов и экскаваторчики. Решающий штурм был для нас одновременно и большим праздником. Автоколонны, расцвеченные флажками, выстроились вдоль берега, готовые ринуться в атаку. Крановщики «примеривались» к громоздким бетонным пирамидам, которые вот-вот должны были обрушиться в Волгу. А на горе с нетерпением ждала команды бригада Бориса Коваленко со своим экскаватором — «девяткой».

У въезда на мост толпился народ.

Присутствовали все, кто был свободен от работы, жены и дети строителей, многочисленные гости. Играл оркестр... Пришлось посторонних попросить с моста.

— Товарищу Урицкому подготовиться к приему бетонных массивов! — раздалось из репродуктора.

Начальник участка земляной плотины Урицкий флажком подал сигнал автоколонне. Первым от нее отделился самосвал Георгия Игнатьева. Знатный шофер удостоился высокой чести открыть наступление на Волгу. Кран подхватил пирамиду за железную скобу и легко поставил на рельсовую платформу самосвала. Игнатьев въехал на мост и, развернувшись, подал машину к самой кромке деревянного настила. Затем он плавно поднял платформу, пирамида скользнула вниз. Первый всплеск. Бетонная громада исчезла в пучине. Подошла к кромке следующая машина. За ней — третья, четвертая, пятая... Летели и летели в воду бетонные слитки.

А Волге хоть бы что. Она только отфыркивалась и спокойно поглощала пирамиду за пирамидой. На ее широкой и вольной волне наша «бомбежка» нисколько не отражалась. Не относил ли пирамиды течением? Решили бросать каменные глыбы меньшие и неопределенной формы, чтобы они скорее заполняли пустоты между пирамидами. Расчет оказался верным: когда снова стали бросать пирамиды, кто-то крикнул:

— Ухо показала!

— Ур-р-а-а! Ухо показала! — с восторгом подхватили сотни голосов.

Да, наконец-то одну пирамиду не поглотила глубина. Пирамида понеслась по течению кувырком и, тяжело перевернувшись с боку на бок, остановилась, высунув из воды овальную скобу, в самом деле похожую на ухо. Вот тут-то мы и увидели, как легко играла Волга десятитонными «гостинцами», как бесцеремонно швыряла их и относила течением.

«Ухо» показалось из воды, но до победы было еще далеко.

Мы утвердили график перекрытия, рассчитанный на срок восемь часов. Исходили при этом из опыта перекрытия Днепра, Свири, Камы и недавнего перекрытия Волги у Горького. Мы, однако, понимали, что нам придется тяжелее: ведь в нашем створе Волга и шире, и глубже, и напор воды значительно сильнее.

Кончилась смена. Но многие не уходили, всем хотелось поработать на перекрытии в решающие часы и минуты.

Гидрологи доложили, что скорость Волги у донных отвер-

стей усилилась. Хорошая весть! Значит, наш каменный вал уже направил часть потока к гидростанции. Но сплошной каменной гряды еще не было — только углы отдельных пирамид торчали из воды, как полузатонувшие бакены.

Волга бесновалась у бетонных преград.

Разин наблюдал за ходом работ, как за сражением. То и дело слышались его команды:

— Следить за равномерностью отсыпки камня!

— Усилить сброс пирамид к левой части протоки!

— Товарищ Саулиди! Почему водители превышают установленную скорость?

Все больше камня шло на фланги. Там уже стояли наготове бульдозеры, которые, как только поднимется каменная гряда, начнут выравнивать ее.

Вдруг до меня донеслись веселые крики. Это бригадир экскаваторщиков Борис Коваленко, которому показались слишком долгими интервалы между подачей самосвалов, в свободные минуты вывел кистью на большой белой глыбе камня:

«Привет судакам!»

На машину, принявшую в кузов «именной» груз, сразу нацелились десятки фотоаппаратов. Не для них ли, для приятелей-журналистов, придумал Борис это приветствие?!

По радио передавался уже третий выпуск радиогазеты.

У микрофона выступали шоферы, крановщики, гидрологи, экскаваторщики, наши гости — писатели Валентин Катаев, Федор Панферов, Антонина Коптяева.

Надвигались сумерки. И тут на мосту появился известный всей стройке повар Атаян. Целый день прошел, а в столовую к нему никто не явился. И Атаян вывел все свое кулинарное подразделение на «передовую»: девушки в белых халатах несли на мост тяжелые корзины и термосы.

Уже было сброшено больше тысячи пирамид. Волга покрылась пеной.

Теперь пирамиды только наполовину уходили в воду, и потому каждая взметала такой фонтан брызг, что и регулировщики, и все стоявшие на мосту то и дело принимали холодный душ.

К утру мы здорово промокли и продрогли, но ни заместитель министра Иван Иванович Дмитриев, ни первый секретарь обкома партии Михаил Тимофеевич Ефремов ни на минуту не покинули моста, как я ни уговаривал их пойти обсохнуть и согреться.

Часам к шести, когда совсем рассвело, четко обозначился гребень каменного банкета. Волга заметно приутихла. Сквозь расщелины пробивались лишь слабые ручейки.

Я посмотрел на часы. С начала перекрытия прошло девятнадцать часов. И на ручейки понадобится еще минут тридцать.

Спустя полчаса гидрологи подытожили:

— Девятнадцать часов тридцать пять минут!

Это вместо сорока восьми!

Ко мне подошел Разин:

— Выступите, Иван Васильевич, скажите что-нибудь перед микрофоном.

Я поблагодарил всех участников замечательной победы. И маленькое выступление закончил словами:

— А музыку не выключать! Давайте вальсы!

Перекрытие завершилось.

Утро 31 октября 1955 года застало рабочих за разборкой наплавного моста. Он сыграл одну роль, теперь ему предстояла другая: мост переправили к бычкам сороудерживающих сооружений, и там он послужил эстакадой для бетонщиков.

Пошли первые пешеходы с правого на левый берег и обратно. Начальник левого берега Антонов обнял начальника правого берега Александрова...

Утром на каменную гряду нацелились, как жерла крупнокалиберных орудий, трубы земснарядов. Через неделю, в канун Октябрьских праздников, над бывшим прораном уже возвышался гигантский земляной вал. В сутки земснарядчики намывали по триста тысяч кубометров грунта.

...Перед отъездом в Москву зашел проститься со мной и Разиным наш гость, профессор Михаил Михайлович Гришин.

— Вот что я вам скажу, товарищи,— сказал видный гидротехник.— Я был очевидцем волнующего парада, демонстрации мощи нашего советского гидростроения. Доставили мне, старику, радость. Спасибо!

* *

*

16 ноября 1955 года я записал в дневнике: «В восемь часов тридцать пять минут утра Николай Васильевич Разин дал команду закрыть донные отверстия и начать наполнение водохранилища».

Это и есть дата рождения Куйбышевского моря. Мы ложились спать и просыпались с одной тревожной мыслью: на

сколько прибыла вода. «А вдруг неверны расчеты? — опасались мы. — А вдруг нас подведет природа?»

«Комсомольск, 1-60». Этот телефонный номер гидрологов многим из нас, гидростроевцев, запомнился, должно быть, на всю жизнь.

— Алло! Алло! Товарищ Елфимов, как там наше море?..

Никого, кажется, так часто не вызывали, не разыскивали, не ждали, как начальника гидробюро, «главного жреца» нового моря Елфимова.

Однажды я заглянул к нему на работу.

Звонки раздавались непрерывно. Елфимов брал трубку и не спрашивая, кто звонит и зачем, отвечал:

— Семь!

У меня сжалось сердце: всего на семь сантиметров повысился уровень водохранилища. Чертовски мало!

Раздался очередной звонок, и я услышал негодующий голос:

— Когда же вы, черти, ветродуи, начнете работать по-настоящему? Где вода?

— Что вы ругаетесь? При чем тут мы, — отбивался Елфимов. — Поймите, не от нас же зависит прибыль воды. Мы только ее измеряем.

Волга скупилась на воду.

Обычно спокойный и уравновешенный Разин в те дни ходил сам не свой:

— Вода-то прибывает плохо. Что-то закапризничала Волга-матушка.

Мы опять и опять углублялись в расчеты, проверяли, не вкралась ли какая-нибудь ошибка. Но все было правильно. Причина крылась совсем в другом: осень выдалась сухая, с редкими дождями, да и горьковчане придержали воду в своем море.

Если бы сократить сброс воды в нижний бьеф, закрыть те отверстия, которые мы резервировали для Нижней Волги, то вода в нашем море прибавлялась бы значительно быстрее... Этот выход был связан с большим риском, но все же пришлось прибегнуть к нему. Мы решили отдавать вниз только полторы тысячи кубометров в секунду, как говорится, в обрез, то есть шли на то, чтобы Куйбышев, Саратов, Вольск, Волгоград и другие города с их фабриками и заводами временно снабжались минимальным количеством воды.

Трудно рассказать, что началось после этого. Дошло до того, что я стал прятаться от телефонных звонков.

— Поймите, наш водоразбор начинает высыхать, — бил тревогу директор одного из саратовских заводов. — Нельзя ли прикрыть клапан? Что ж вы молчите? Вода нам нужна. Дайте же воды!

Не помню уж точно, что я на это ответил, потому что тотчас же раздался другой звонок, еще более злой. На сей раз из Волгограда:

— Что вы там сделали с Волгой? Нам не хватает воды! Понимаете, воды не хватает!

За моей спиной стоял Николай Васильевич. Он после каждого звонка наклонялся ко мне и повторял одну и ту же фразу:

— Наберитесь мужества, ни в коем случае не уступайте!

Нам надо было продержаться еще несколько дней. Всего несколько дней!

И получилось, что на какое-то время мы с Николаем Васильевичем Разиным сделались самозванными распорядителями волжской воды.

Сигналы о нашем самоуправстве, конечно, дошли и до министра. Но он понимал, что не от хорошей жизни пошли мы на этот шаг, что нас вынудили чрезвычайные обстоятельства. И министр нет-нет да звонил:

— Товарищи, как с водичкой?

И вот в самый напряженный для нас момент Москва дала распоряжение открыть шиты Рыбинского, Камского и Горьковского морей. Как сказал Логинов, эти моря «подбросят нам несколько миллиардов кубометров воды». Дан приказ морям! Фраза, возможная только в нашей стране...

Министр успокоил нас:

— Продержаться осталось совсем немного. Вода подойдет к вам через несколько дней.

Это было сказано так, словно речь шла о прибытии теплохода, совершающего рейсы по определенному расписанию.

И действительно. Вода в море начала ежедневно прибывать на двадцать пять и даже тридцать сантиметров. Необычная это была картина. На дворе мороз, белым-бело до самого горизонта. И Волга, покрытая льдом, по-зимнему сурова. Но с каждым днем ширилось бурное половодье, сотрясая лед, заливая все ерики, воложки, заливы и впадины студеной водой. Ночью меня разбудил Елфимов:

— Иван Васильевич! В водохранилище уже накоплено столько воды, сколько нужно для работы первых двух агрегатов.

Я оделся и вышел на берег. Стоял и вспоминал свою первую ночь на Волге, когда мы с сыном в Ставрополе смотрели с берега на лунную дорожку, бегущую по воде.

Какую гигантскую работу осуществили строители за это время! Сколько труда положили на одно только «строительство дна» нашего молодого моря! Для того, чтобы вырубить триста тысяч гектаров леса, чтобы переселить полтораста тысяч человек с их избами, со школами, пекарнями и банями, с мастерскими и складами понадобилось двадцать тысяч рабочих. А чего это стоило! Только переселенцам на переезд и перенос жилья государство выдало триста миллионов рублей¹.

Не одни лесорубы и трактористы работали на будущем морском дне. Прежде чем эта местность навеки стала морским дном, сюда приехали археологи. Приволжская экспедиция Академии наук спешила провести раскопки. Ученые открыли неизвестные доселе стоянки наших далеких предков, городища и могильники в зоне строительства. Поблизости от села Хрящевки археологи обнаружили остатки зданий с куполами, даже следы водопровода и бассейнов для купанья, множество других памятников, свидетельствующих о высокой культуре людей, населявших приволжские просторы в отдаленные времена.

И теперь вся эта, исхоженная многими поколениями земля ушла под воду.

Все шире разливалось Куйбышевское море. Но в первых числах февраля гидрологи отметили некоторую убыль воды. Во что бы то ни стало нужно было закрыть затворы водосброса, чтобы не ослаблять напора на лопасти турбин двух уже действовавших гидроагрегатов.

За эту работу взялись опытные гидромонтажники бригады Ивана Кукаркина. Сам бригадир освобождал стропы опущенных затворов, стоя в водолазном костюме в ледяной воде. А ночью на такую же отчаянную работу вышла бригада Василия Серого.

Воду удалось задержать. И море снова начало расти в глубину и ширину. Нашими соседями стали деревни Ягодное, Русская Баровка, село Никольское. Из степных селений они превратились в приморские.

Иной раз люди подолгу задерживались на берегу, наблюдая необычные картины, возникавшие перед ними. Однажды

---

¹ По курсу того времени.

в весеннее воскресенье, когда тысячи строителей и жителей окрестных деревень любовались ледоходом с берегов и пролетов водосливной плотины, неожиданно раздались крики удивления. Среди огромных глыб льда плыл остров, покрытый кустарником. Огромный кусок земли оторвало вместе со льдом от лесистого берега, и казалось, что по реке плывет небольшая роща. В кустарнике, сбившись в кучу, топтались лоси, обезумевшие от страха. Плавающий остров медленно несло к быкам плотины. Было так жаль этих беззащитных, попавших в беду животных, что люди подбадривали их словами. Какой-то старый человек крикнул терпящим бедствие сохатым:

— В воду прыгайте, дуры! Скорее в воду!

А звонкий юношеский голос советовал лосям перепрыгнуть со льдины на льдину, пока не поздно:

— О чем задумались, скачите по льдинам, по ним и до берега доберетесь!

Молодая женщина, стоявшая ближе к берегу, не выдержала и заплакала, не отрывая глаз от лосенка на длинных тонких ножках, который замер в ожидании неизбежного...

Припаянная ко льду рожица была схвачена мощным течением и брошена на самый край страшного водопада. Остров сорвался в бездну. Все горестно ахнули. Но вскоре увидели плывущих к берегу лосей. Как пронесло их мимо бетонных рассекателей и водобоев?

— Спаслись! Спаслись! — ликовали и стар и млад. — На берегу! И махонький за ними поспешает!

Лосиное стадо скрылось в жигулевском лесу, а народ все обсуждал удивительное происшествие и радовался, что животные не погибли.

...В те дни я выслушал немало упреков: рыбаки сетовали на то, что плотина закрыла рыбе старые, привычные пути к местам нереста. Пришлось объяснять, что потери это временные и возместятся с лихвой. В водохранилище были выпущены мальки сазана, белуги, стерляди, осетра. И рыбаки, по подсчетам специалистов, должны будут вылавливать рыбы гораздо больше, чем раньше.

Гидроузел только на время нарушил привычную жизнь реки. Зато Волга обрела спокойный, устойчивый режим и уже не транжирит свои богатырские силы, как прежде.

А ВСЕ-ТАКИ ЭТО СЧАСТЬЕ!

Один день жизни.— Ленинградцы на Волге.— Страницы из дневника.— Есть 20-й агрегат!

С шумом и треском распахнулась дверь, и в спальню влетели сначала дочурка Ирина, а за ней ее трехлетний племянник и мой внук Вася, Борин сынишка. Пыхтя малыши забралась на мою кровать и нырнули под одеяло. Я знал, что вскоре войдет Ольга Яковлевна и с нарочитой озабоченностью в голосе спросит меня: «Ты не видел детей? Никак не могу найти их». И тут озорники с ликованием закричат: «Вот мы где!»...

Перед завтраком мы втроем — Иринка, Вася и я — делали зарядку. Маленькая тетя придирчиво следила за племянником, чтобы он, паче чаяния, не пропустил трудного упражнения. Бедняжка Вася старался изо всех сил и в конце концов поднимал крик на весь дом.

Так начинался день...

В погожие дни я шел на работу лесом. Великое это чудо — лес, особенно в пасмурный безветренный день. Торжественный покой леса и мысли набевал неторопливые и четкие. У меня было несколько облюбленных троп, по ним и ходил. И всякий раз лес виделся новым, не похожим на вчерашний. Если было в запасе время, я останавливался и вслушивался в тишину, а потом шел дальше. Но скоро лес оставался позади, и сразу же обступали дневные заботы...

Первым приходил ко мне главный диспетчер, к которому за ночь стекалась по бесчисленным каналам диспетчерской связи информация со всех участков огромной стройки.

Право же, приятно слышать хорошие новости. Но когда в тот день главный диспетчер Николай Алексеевич Башмаков нарисовал мне полную благодать, я засомневался.

— Неужели никаких «чп»? Неужели на всей стройке работа идет без сучка и задоринки?

Башмаков помолчал некоторое время, потом сказал:

— Нельзя сказать, что все так уж без сучка и задоринки. Недостатки, конечно, имеются. Были нарушения, но мы ликвидировали их своими силами.

— А какие именно?

— Не хватило электродов на сварочных работах.

— Когда это обнаружилось?

— В девять вечера. Через несколько часов электроды уже были на месте.

— А еще что-нибудь произошло?

— Из шестой и седьмой банок на бетонном заводе не шел цемент, и пришлось часа на три приостановить производство бетона.

— И это вы называете маленькими нарушениями?

Главный диспетчер промолчал.

— Николай Алексеевич, впредь пусть будет горькая правда, но правда. Раз и навсегда запомните это.

— Обещаю это вам, Иван Васильевич, — Башмаков вышел из кабинета.

«Что-то не договорил старший диспетчер», — подумал я и позвонил на правый берег. Оказывается, электродов не было до самого утра, а бетон не шел шесть часов.

Я поехал на объекты. Сначала на верхние шлюзы, на бетонную и земляную плотины. По дороге звонил с разных пунктов нужным мне людям, чтобы безотлагательно решать возникавшие вопросы.

Вчера мне жаловались, что столовую снабжают плохо пропеченным хлебом. И я решил поехать сначала на хлебозавод в Комсомольск, а потом уже заняться цементными делами.

Вместе с директором хлебозавода обошли цеха. Вроде бы везде полный порядок. Но в экспедиции я взял наугад еще горячую буханку, разрезал ее и воочию убедился, что хлеб сырой.

Директор созвал всех работников хлебозавода. После разговора рабочие пообещали, что сегодня же будут приняты меры и уже к вечеру пойдет хорошо пропеченный хлеб.

С хлебозавода направился в столовую.

Но разве за час-другой можно было разобраться в бесконечных цифрах калькуляций!

— Встретимся завтра, — сказал я на прощанье директору. — И не только с вами, но и с директорами и шеф-поварами всех наших столовых. Потолковать есть о чем.

Разговор предстоял серьезный: поступало немало сигналов о том, что качество блюд низкое, а цены высокие.

Через полчаса — шум и суতোлка управления. На столе скопилось куча телеграмм. Проверил, как идут поставки оборудования. Под рукой список заводов, с которыми необходимо было сегодня же поговорить по телефону. Тут и Свердловск, и Вольск, и Томск, и Новосибирск, и Москва, и Ленинград. Звонили и мне. И не только по делам стройки. Просили ускорить строительство МТС, напоминали о машинах, которые мы обещали колхозам, чтобы помочь им вывезти овощи. В приемной уже собрались посетители.

В тот день к нам приехали специалисты из Академии строительства и архитектуры: они решили помочь Куйбышевгидрострою в отделочных работах. Конечно, я с радостью принял такую помощь.

Вслед за этим последовал разговор со специалистами по монтажным делам ленинградского завода «Электросила». Ленинградцы всегда были нашими желанными гостями. Это все такой народ, что не просил, а предлагал, не с претензиями приезжал, а с намерением помочь. Мы знали: если с «Электросилы» или с Металлического — значит товарищи привезли что-то новое, интересное и полезное для стройки.

Сидели в приемной и посетители, пришедшие по личным делам. С ними беседовали мои помощники Яков Давидович Кауфман и Наталья Григорьевна Куприна. В необходимых случаях мои помощники направляли кое-кого ко мне, чтобы на месте решить важный, преимущественно житейский вопрос.

...В кабинет вошли сразу двое — юноша и девушка.

— Чем могу быть вам полезен?

Девушка подтолкнула локтем своего спутника — дескать, говори, стесняться нечего.

Парень бросил на девушку выразительный взгляд: не беспокойся, я и сам знаю, что сказать. Но свою просьбу эта пара изложила вдвоем.

— Понимаете, товарищ начальник, еще полтора месяца назад мы получили ордера на комнаты в городе Жигулевске. Вот...

Я взял ордер, прочел: улица Пирогова, восемнадцать, квартира четыре. На втором ордере указан тот же дом, но квартира другая — шесть.

— Ордера оформлены правильно. Может быть, мебели не хватает? В таком случае...

Но мои молодые посетители не дали мне договорить.

— Понимаете, мебель тут ни при чем,— объяснила девушка.— Дело в том, что дома такого не существует. Только еще стена кладется. А ордера, товарищ начальник, нам, видно, выдали, чтобы отвязаться от нас.

Я снял телефонную трубку и попросил соединить меня с «коммунальником» Соколовым.

— Вот так артист! — сказал я, услышав его голос.— Что ж ты, голубчик, выдаешь дутые ордера?

Но тут мои посетители заступились за Соколова. И шепотом попросили не ругать его: Соколов выдал ордера по плану строительства жилья, а строительство отстало от плана, поэтому и получилась неувязка.

Я пригласил Соколова приехать, посетителям же посоветовал отправиться домой и подождать результата.

Но молодой человек уходить не торопился.

— Мы,— кивнул он на свою спутницу,— побывали на собрании у строителей, на правах будущих жильцов послушали, что у них там происходит. Прораб в своем докладе сказал, что все хорошо, что освоено средств на сто двадцать два процента. Не знаем, может оно и так, но только дом опаздывает на полгода с лишним. Ну, мы там тоже, конечно, высказались в порядке прений.

Молодые люди, попрощавшись, ушли.

Приехал Соколов, и я напустился на него:

— Как случилось, что выданы ордера на несуществующие квартиры?

А он и не пытался оправдаться:

— Да, было такое дело. Поверил я клятвенным обещаниям начальника строительного участка. Это моя ошибка. Нехорошо получилось с ордерами...

Соколов ушел, а я сделал пометку в блокноте: «Завтра утром собрать всех строителей-коммунальщиков».

Если бы не визит молодых людей, я бы, может быть, так не спешил с этим совещанием. Но жизнь всегда подсказывает, за что следует взяться в первую очередь.

Приемная была уже пуста, когда пришел комсорг Анатолий Токарев:

— Я к вам не один, Иван Васильевич. Входите, ребята!

В кабинет вошли четверо. Комсорг объяснил, что это будущие супруги. Девушки приехали на стройку из Воронежа, а парни из Орла. Женихи — шоферы, а невесты — одна лаборантка, другая крановщица. Все четверо учатся в вечернем техникуме.

— Наверное, с жильем плохо?

— Вы почти угадали, Иван Васильевич, — ответил Анатолий. — Говорите же, ребята...

— У нас действительно неважно с жильем, — начал один из парней. — То есть жить есть где, но живем мы все врозь, в разных общежитиях.

— Предположим, вы отдельные комнаты получите, — сказал я, — а чем обставите их? Мебель-то у вас есть?

— Какая уж тут мебель!

Тут в разговор вступил Анатолий Токарев:

— Видите ли, Иван Васильевич, мы пришли, собственно говоря, пригласить вас на свадьбу, а попутно уж решить кое-какие вопросы в интересах молодоженов. Ну, скажем, предоставить им по комнате и помочь получить самую необходимую мебель.

Вызвал я заместителя по бытовым вопросам Семена Яковлевича Потапова:

— Товарищ Потапов, через четыре дня, в субботу, в клубе состоятся две свадьбы...

— Очень приятно, — сказал Семен Яковлевич, — подготовим клуб, обеспечим музыку, буфет и так далее.

— Это еще полдела. Выслушайте меня, пожалуйста, до конца. Свадьбу отгуляем, и мы с вами уйдем домой. А вот молодым идти некуда.

— Ситуация ясна. Надо до субботы раздобыть для молодоженов две комнаты. Так я вас понял, Иван Васильевич?

— И это еще не все. Надо и о мебели подумать.

— В рассрочку?

— Сейчас наведем справку...

Но не было на месте ни главного бухгалтера, ни его заместителя. Ну, решил я, что будет, то будет, и написал на заявлениях молодоженов: «Выделить мебель в рассрочку на двенадцать месяцев».

— На свадьбе увидимся! — сказал я молодым людям.

Не успели они уйти, как раздался звонок из Балакова, со строительства Саратовской ГЭС:

— Тебя Николай Максимович Иванцов беспокоит. Мы могли бы намного перевыполнить план выемки грунта, если бы ты, Иван Васильевич, пошел нам навстречу. Стройке до зарезу нужны дополнительно три экскаватора и десять десятитонных самосвалов. Будь у нас эта техника, мы взялись бы сделать миллион кубов.

Я подключил к нашему разговору с Иванцовым главного механика Куйбышевгидростроя В. И. Щукина и главного автомобилиста В. В. Кунаковского.

— Как добыть для саратовцев экскаваторы и самосвалы? — спросил я их. — Знаю, знаю, что трудно так сразу дать столько техники, но и откладывать нельзя. Дело общее...

— Хорошо, найдем, — пообещал Щукин, — вместе с Кунаковским обсудим этот вопрос и найдем.

Был уже пятый час, когда я поехал на бетонный завод. Затем встретился со всеми, кто был нужен мне в связи со строительством цементно-шиферного комбината на нашем правом берегу в Жигулях, с сооружениями порта, судоремонтного завода и завода цементного оборудования.

Около девяти часов возвратился на работу. Тотчас последовал звонок.

— Пап, ну когда же ты придешь? — спрашивала сердито Иринка.

Вышел на улицу. Сзади несколько раз просигналила машина. Оглянулся — на шоссе остановился новенький «Москвич». Нам удалось выхлопотать партию автомобилей для продажи нашим рабочим и инженерам. Заявлений тогда на мой стол посыпалось очень много.

— Садитесь, Иван Васильевич, подвезу, — пригласил Виктор Хлюст. — Это мой «Москвичок», обновляю!

Я поблагодарил его и отказался. Пошел пешком.

Поздним вечером вышли мы с Ольгой Яковлевной на берег. В сумерках тихо плескались волны, а на правом берегу светила огнями стройка.

И тут я вспомнил: а как там с бетонированием? Дома вызвал по телефону диспетчера правого берега. Он пожаловался, что опять два «козла» получилось в трубах бетононасосных установок — схватился бетон! Лаборатория недоглядела. Я взялся за телефонную трубку, но потом посмотрел на часы — и не стал звонить. Было одиннадцать.

Хотя Волга и покорилась, на нас она еще не работала. Теперь все усилия строителей были направлены на подготовку к пуску первых агрегатов. Мы хотели к Новому году дать ток во что бы то ни стало!

Наступила монтажная страда. На внешней сборочной площадке собрали статор. Впервые в монтажной практике его собрали целиком, чтобы затем в готовом виде доставить на место.

Один из самых искусных такелажников, Павел Черняев, взялся строповать этот небывалый груз. Машина порядочная, весит триста тонн. Но все-таки не в весе дело. (Рабочее колесо и ротор еще тяжелее.) Дело в размерах. Диаметр статора — семнадцать метров.

Не просто поднять статор краном да еще протащить в воздухе по громадному машинному залу! Но ленинградцы уже привыкли к подобным габаритам. Почти все эти стальные громады, комплекты удивительных механизмов и приборов, хитроумная автоматика — продукция знаменитой «Электро-силы» и Металлического завода. И шеф-монтеры, и мастера — из Ленинграда. И монтажники в большинстве — ленинградцы, но, правда, ленинградцы они «всесоюзные» — исколесили страну вдоль и поперек.

В те дни нам буквально не давал покоя руководитель монтажа турбин мой тезка Иван Васильевич Никифоров. Он страшно огорчался, если бетонщики хотя бы на два часа нарушали график.

— Будем верны своему слову, товарищи! — то и дело повторял этот в общем-то сдержанный и немногословный человек.

Иван Васильевич — мой ровесник. Впрочем, дружба наша обошлась бы и без этих случайных совпадений. Меня буквально покорила его удивительная работоспособность. Этот неутомимый труженик, в совершенстве владеющий искусством монтажа, прекрасно разбирался еще и во всех тонкостях профессии металлста, механика. Вершин такого мастерства может достичь только человек, который постоянно учится, неустанно усваивает новое.

Никифоров всегда был на людях и именно там, где он был необходим.

Был я свидетелем такого случая. Собрались четверо мон-

тажников. Один что-то рисовал мелом на листе железа, другой поправлял товарища, третий отстаивал свою точку зрения. В общем, шел спор по какому-то техническому вопросу.

Не прошло и минуты, как возле спорщиков появился Иван Васильевич. Я знал: раз он здесь, значит обязательно вяжется в разговор. И сразу неясный вопрос станет абсолютно ясным.

— Споры у нас полезные, — с гордостью сказал мне тогда Иван Васильевич. — Всем хочется сократить монтажный цикл и как-то компенсировать на монтаже отставание. Ваше, дорогой товарищ, отставание, строителей. Видите, мы всегда готовы выручить.

Мой тезка умолк на секунду и неожиданно закончил:

— Выручить — это да, но прощать — нет.

Упрек был вполне справедливый. Мы до того привыкли к добросовестной работе монтажников, что нарушали график без зазрения совести. Были уверены, что монтажники выручат, наверстают то, что упустили мы.

Но когда однажды мы сильно запоздали с бетонированием подкрановых путей в машинном зале, я не выдержал:

— Когда же это кончится, черт побери! Опять ставим монтажников в тяжелое положение! Мы украли у них восемь суток!

Главный инженер правого берега Алексей Иванович Трегубов взял меня под руку:

— Да успокойтесь, ради бога, Иван Васильевич. Это ж не кто-нибудь, а гвардия Никифорова! Она из любого положения найдет выход и добьется победы.

Но вот собрались Никифоровцы и начали ругать нас на чем свет стоит. Слушал я их и решил потихоньку ретироваться — до того совестно стало.

Но тотчас же услышал:

— Когда же прекратится это безобразие, товарищ начальник?

Я стоял молча. Что тут было говорить? Да, виноваты строители. Пришлось дать обещание наверстать упущенное.

Только я замолчал, как услышал голос старшего мастера Петрова, опынейшего монтажника.

— Так они и наверстают! — с усмешкой сказал он. — Да ни черта не наверстают, верьте моему слову. Давайте уже лучше, товарищи, с самого начала рассчитывать, что они задержат нас на двенадцать дней. Из такого расчета и составим свой график на эти дни...

Каждое слово било не в бровь, а в глаз.

Я пошел на командный пункт, вызвал диспетчеров. Расставили контролеров по всем участкам. Одно у меня к ним было требование: не подвести! Хоть раз для моральной реабилитации, что ли, выйти вровень с ударными подразделениями монтажников!

Решили с партийным руководством не только мобилизовать всех коммунистов, но и обратиться за помощью к молодежи.

Позвонил секретарю комитета комсомола:

— Прошу, товарищ Токарев, прийти ко мне с членами комитета.

Положил трубку и подумал: как можно вызывать к себе весь комитет?

Снова позвонил Токареву:

— Ко мне не надо. Я сам к вам приду. Соберетесь в половине пятого? Ладно, договорились.

Заседание комитета прошло по-деловому, активно.

Комсомольцы создали контрольные посты на всех участках. И они, эти посты, оказались на высоте. На девятый день мы развязали монтажникам руки. Петров ошибся в своем прогнозе. Но я был благодарен ему за критику. Она подстегнула нас.

В те дни заболел Иван Васильевич Никифоров. Я пошел навестить его, уверенный в том, что застану больного не дома, а в крохотной конторке на внешней сборочной площадке. Так и было. В тесной конторке стояла невероятная жарница. Стоило только взглянуть на Ивана Васильевича, чтобы понять, как он нездоров и как донимает его жара. «Человек обливается потом, кому пришло в голову так топить?»

И словно ожидая этого вопроса, Иван Васильевич объяснил, что он простужен, и монтажники решили не выпускать его целый день из конторки, а держать здесь, как в парилке, до тех пор, пока он «кости не отогреет».

Сижу возле хворого, а телефон все время звонит. Один раз трубку взял я:

— Это жена Никифорова. Ах, так это вы, товарищ Комзин? Вы-то мне сейчас больше всего и нужны. Я хочу вас попросить: нельзя ли устроить так, чтобы Ивану Васильевичу делали уколы в его конторке? Это совершенно необходимо! Домой ездить на уколы он не соглашается!

Пришлось серьезно поговорить с Никифоровым: работа —

работой, но со здоровьем шутить нельзя. Потом еще монтажники провели «разъяснительную работу».

И пришлось Никифорову лечиться по-настоящему.

* * *

*

Еще не кончился ноябрь, а на дворе уже лютовала зима. Зачастили снежные бураны. Они принесли с собой дополнительные трудности. Полным ходом шло сооружение линий высоковольтных передач, и строителям тяжело приходилось на морозном ветру. По горам, через овраги и реки пролегла сверхдальняя линия Жигулевск — Москва. Для надежности параллельно ей возводилась вторая.

На новой трассе предстояло установить свыше двух тысяч металлических и железобетонных опор. Линию на ближних участках: здание ГЭС — река Уса должны были прокладывать сами строители гидроузла. Эти ближние участки оказались самыми трудными. В горах пришлось заложить шестьдесят девять фундаментов под опоры, сделать два больших перехода: один через Яблоневый овраг, другой через реку Усу, причем опоры переходов были в два с лишним раза выше обычных.

После того как монтажники установили два трансформатора и начали выкатывать на площадку распределительных устройств третий, неожиданно обнаружилась трещина в фарфоровом изоляторе на четыреста тысяч вольт. Стали сообща думать, как выйти из этого положения с наименьшими потерями. На замену изолятора требовалось не менее трех суток. Но столько времени в нашем распоряжении не было.

— Беремся выполнить работу за сутки, — заявил Алексей Горемыкин от имени своей бригады.

Прежде чем сказать эти слова, бригадир электромонтажников долго советовался со своими товарищами, которые во всех трудных случаях действовали по мудрой поговорке: «Семь раз отмерь, один раз отрежь».

Бригада сумела так организовать работу, что ни одна минута не пропадала даром. Все было заранее продумано и учтено. Монтажники начали в восемь вечера и все сделали к четырем часам следующего дня. Бригада Горемыкина сдержала слово. Вместо двадцати четырех часов на операцию ушло двадцать.

Приближался Новый год. Над взлохмаченными снежными сугробами кружила поземка, ледяной ветер пронизывал на-

сквозь, и не было от него никакого спасения. И в такое вот утро бригаде Анатолия Чернышева поручили сделать так называемую врезку линии электропередачи в общую энергетическую систему. Монтажники восприняли это задание — включить линию электропередачи Куйбышевской ГЭС в общую энергосистему — как большую честь.

Верхолазы бригады Чернышева упрямо взбирались на отроги Яблоневой горы. В такую погоду высотникам обычно не разрешалось лазить на мачты. Но в дни, когда должен был дать ток первый агрегат, монтажники и не представляли себе, что можно ждать погоды!

Первым на мачту поднялся бригадир, за ним последовал коммунист Виктор Кривенцов, а за Кривенцовым — комсомолец Николай Попов и все остальные члены бригады. Они работали там, наверху, шестнадцать часов. Шестнадцать часов в снежной кутерьме, на заиндевевших мачтах!

Не уступали высотникам и монтажники, работавшие в машинном зале. Здесь тоже было трудно. Ведь машинный зал находился под открытым небом. В нем стоял адский холод. Но, несмотря ни на что, работа не останавливалась. В самые холода монтажники собрали и подготовили к переносу статор второй турбины. Когда же пурга совсем уже закрыла свет, главный инженер Рудник сказал такелажникам:

— Переждем. К вечеру, может, уймется.

Но пурга не унималась. И тогда к Руднику пришли Павел Черняев и крановщик Силкин. Пришли в его махонькую комнатку и стали уговаривать:

— Нечего нам погоды ждать, Абрам Григорьевич. Утихнет ли к вечеру — это еще бабушка надвое сказала. А время, знай себе, идет. Нет, ждать некогда. Вы лучше дайте нам команду, и мы мигом перенесем статор. Мы с Силкиным — народ северный, понимаете?

Главный инженер долго колебался. А потом решился.

— Идемте, ладно! — и вышел вместе с ними из неудобной, но теплой конторки.

В машинном зале все было готово. Двумя спаренными мостовыми кранами плавно подняли громадное колесо статора и понесли через всю сборочную площадку, через накрытый брезентом первый агрегат к кратеру второй турбины. Здесь статор бережно опустили и метко, не просчитавшись ни на сантиметр, посадили на свое место.

Позднее на досуге подсчитали, что статор собрали, пере-

несли и установили вдвое быстрее, чем было положено по норме.

Тем временем все шире разливалось рукотворное море. Первые затворы донных отверстий гидростанции были закрыты в конце ноября. Тогда и началось понемножку наполнение водохранилища. А сейчас уже затоплена обширная пойма. Сила воды, напорающей на бетон, возрастала. Это и нужно для пуска агрегатов.

В те дни я записал в дневнике:

19 декабря. Полностью кончили монтаж первого агрегата. Опущен в кратер ротор второго.

На первом агрегате начался монтаж возбудителя. Через несколько дней состоится пробная прокрутка, а потом — под нагрузку. Мороз все крепчает, и снег лежит на полу сугробами.

Арматурно-сварочному району дано срочное задание — изготовить легкий временный металлический шатер для первых агрегатов. Под этим шатром мы их и решили пустить.

Наступает пора открывать донные отверстия к первой турбине. Тяжелые затворы не поднимаются: примерзли. Четвероногий «козловый» кран с большим усилием вырывает затвор из пазов. Ну, теперь мы, кажется, не осрамимся, дадим ток к Новому году!

Вся страна ждет весточки с Куйбышевгидростроя. Снова съехались на стройку гости, корреспонденты, кинооператоры. Это не наплавной мост, залитый солнцем, где часами гуляли наши гости и члены семей строителей. Лютый холод. А в машинном зале, среди стынувшего железа, мороз кажется еще крепче.

22 декабря. При помощи телескопических кранов подняты затворы со стороны верхнего бьефа перед «наступающей водой». Вода заполнила спиральную камеру первой турбины.

23 декабря. В 20 часов 35 минут открыты лопатки направляющего аппарата: волжская вода начала вращать турбину. Пробный пуск на холостом ходу, так называемая прокрутка.

24 декабря. После холостой прокрутки в 5 часов 30 минут агрегат поставлен на просушку электрической части.

28 декабря. Уровень водохранилища поднялся на десять метров.

29 декабря. В 18 часов 18 минут первый агрегат включен в сеть!»

Приближалось знаменательное большое событие в жизни страны — открытие XX съезда партии. Мы напутствовали наших делегатов — секретаря обкома Михаила Тимофеевича Ефремова и экскаваторщика Михаила Юрьевича Евца:

— Скажите родной партии, скажите съезду, что в наступившем 1956 году куйбышевгидростроевцы дадут стране десять действующих агрегатов.

Это обязательство наш коллектив выполнил.

В приветствии, адресованном Куйбышевгидрострою, Центральный Комитет КПСС высоко оценил работу коллектива.

Об авангардной роли коммунистов на строительстве в тот решающий период рассказал в областной газете «Волжская коммуна» секретарь партбюро района № 1 по сооружению ГЭС П. Кадяев. Я сохранил этот номер газеты. Привожу выдержку из статьи Кадяева:

«...Закончив сборку четвертого агрегата, монтажники остановились: дальше блоки не были полностью забетонированы. В кратере среднего агрегата устанавливались лишь нижние узлы турбины. А монтажники требовали: «Давайте фронт работ!».

Коммунисты нашего района настойчиво изыскивали резервы, чтобы выйти из прорыва. Прежде всего было решено изменить технологию устройства перекрытий спиральных камер и последующих ярусов. Работы развернулись не на одном участке, а сразу по всему фронту... Инженер коммунист Алексей Иванович Трегубов предложил использовать детали из сборного железобетона для фундаментов, перекрытий и других агрегатных блоков. Бетонирование генераторной шахты теперь стали вести без деревянной опалубки. Вместо деревянных щитов мы стали применять металлическую облицовку.

Первым внедрял новый метод участок, возглавляемый главным инженером коммунистом Евгением Красотченко.

Постепенно сборный железобетон стал находить все более широкое применение, распределительные устройства и щитовые отделения сооружались из железобетона. Это помогло ускорить подготовку агрегатных блоков.

...В напряженном, ни на минуту не затихавшем ритме великой стройки на Волге, в ответственные моменты трудового сражения раздавался призыв:

— Коммунисты, вперед!

И коммунисты шли вперед, преодолевая любые преграды».

Очень напряженными были у нас сентябрь и первая половина октября 1957 года. Шесть оставшихся агрегатов нам предстояло подготовить к пуску за сорок пять дней. Так «кучно» мы еще не вводили в строй турбины. И не только мы. Подобных темпов не знала тогда ни отечественная, ни иностранная практика.

При этом никакой штурмовщины и гонки не было. Работа шла совершенно нормально. В те дни и недели монтажники уставали ничуть не больше, чем при пуске первых турбин. Работали быстро, но спокойно. Секрет заключался в том, что, идя от первого к двадцатому агрегату, монтажники обогатились огромным опытом. Высокая организация труда и четкий ритм уверенно приближали коллектив к долгожданному финишу.

Если в 1955 году мы оттягивали сроки пуска первых машин и несколько раз меняли время ввода в действие первого агрегата, то в 1957-м сроки сдвигались в обратном направлении. Полагалось пустить станцию на полную мощность 31 декабря, а мы решили, что вполне управимся к началу этого месяца. Потом коллектив взял на себя обязательство завершить монтаж к сороковой годовщине Октября. Спустя некоторое время коммунисты, проанализировав положение дел, предложили укоротить сроки монтажа.

— Мы вполне можем преподнести стране праздничный подарок не к седьмому, а к пятому ноября, — сказал тогда секретарь парткома.

Однако вскоре собрание партийного актива, учитывая возросшие возможности, обратилось к строителям с призывом: «Дадим последний агрегат 20 октября!». Но не прошло и двух недель, как на собраниях рабочих стройки был назван новый срок — 15 октября.

В машинном зале, на монтажной площадке, на стенах склада основного оборудования появились лозунги, призывавшие выполнить взятое обязательство. Рабочий, изображенный на большом красочном плакате, спрашивал, пристально глядя на каждого, кто заходил в машинный зал:

«А что сделал ты, строитель и монтажник, инженер и техник, чтобы 20-й агрегат дал промышленный ток к 15 октября?»

Пущен же был последний агрегат 14 октября, в 8 часов 20 минут вечера.

Свершилось то, к чему так стремились, чего ждали с таким волнением, чему отдали годы напряженного труда тысячи и тысячи строителей.

20-й, последний агрегат вступил в строй! Мерно пульсировало его могучее сердце. Больше суток мы — Разин, Смирнов, Никифоров, главный инженер Саркисов и я — не покидали здания станции. Машинный зал превратился в место паломничества. Сюда приходили и рабочие, известные всей стройке, и молодежь, только начинавшая трудовой путь. Приходили как на праздник, как на семейное торжество. Здесь каждый видел частицу своего труда, своих волнений и радостей. Ведь сколько пришлось пережить всем нам, прежде чем построились в ряд двадцать агрегатов, двадцать электрических чудо-богатырей.

В тот день все взгляды были устремлены на последнюю турбину, завершившую этот строй исполинов. Она была именинницей. И не потому ли знаменитый мастер «огненного шва» Алексей Улесов надел свой лучший костюм, явился сюда словно на именины? И не потому ли был такой сосредоточенный, торжественный вид у известного монтажника Петрова? Если бы мы не знали, как тяжело достались ему последние дни, — не поверили бы, что несколько суток Петров не покидал своего беспокойного поста.

С каждой минутой людей в машинном зале становилось все больше. Прибыли представители областных организаций, журналисты. То и дело вспыхивали ослепительные «блицы», щелкали затворы фотоаппаратов...

Мне казалось, что секретарь обкома с укоризной поглядывал на меня: мол, долго ли еще ты, Иван Васильевич, намерен томить гостей! Конечно, он и не думал укорять меня. Но мне почему-то было неловко и перед ним, и перед другими людьми.

А вот рабочие совсем не волновались. Похоже, что им было все равно, когда начнется торжественная часть — часом раньше или часом позже.

Из гостей же кое-кто все-таки волновался. Незнакомый молодой человек в модной шляпе бродил вокруг агрегата, бормотал что-то про себя, хватался ежесекундно за блокнот.

Я спросил, кто это, и услышал, что поэт и что к утру он должен передать в Москву репортаж в стихах — двести строк, не больше и не меньше!

В зале стало совсем тесно. Люди стояли, прижавшись друг

к другу. Но никто не переступил черту, за которой находились агрегаты.

Товарищи, отвечавшие за пуск турбины, не хотели ударить лицом в грязь и в который раз проверяли, все ли в порядке, нормально ли работают маслоопорная установка и системы ионного возбуждения.

Но в конце концов к нам подошел Михаил Арутюнович Саркисов — не озабоченный, не задумчивый, каким мы часто видели главного инженера станции, а торжествующий Саркисов. Обращаясь ко мне, он доложил:

— Все готово к включению двадцатого агрегата в сеть. Прошу вас как начинавшего строительство, а сейчас заканчивающего его, включить двадцатый агрегат.

То ли от волнения, то ли от радости, но я настолько растерялся, что стал отказываться от этой высокой чести. Кто-то из стоявших позади подтолкнул меня, и я, словно во сне, пошел и, оказавшись у колонки включения, взял из чьих-то рук ножницы и под громовое «ура» перерезал ленту. Услышав долгожданное гудение, зал взорвался аплодисментами. От возникшего шума не стало слышно машины, только видно было, как вокруг нее хлопочут фотографы.

Крышка турбины, огороженная стальным барьером, послужила мне импровизированной трибуной.

— Стоит ли сейчас говорить о том, сколько трудностей пришлось преодолеть, прежде чем наступил этот радостный час, сколько ночей недосыпали, как самозабвенно работали люди, — сказал я. — Об этом знают все. Партия учит нас не успокаиваться на достигнутом. Партия зовет нас вперед, к выполнению новых задач.

И я заговорил о планах и мечтах...

Все в этот вечер получилось очень торжественно. Но все-таки митинг был предварительный. Самое большое торжество еще предстояло. А пока что нас ждали некоторые огорчения.

Развернув на другой день газеты, гидростроители вместо обстоятельного отчета о вчерашнем митинге прочитали коротенькие заметки об этом событии, а вместо похвалы — странненькие критические замечания. Суть их сводилась к следующему: с чем поздравлять победителей, если машинный зал стоит без крыши?!

Через несколько месяцев состоялся второй митинг, и вслед за ним — самое большое торжество в Жигулях — официальное открытие Куйбышевской ГЭС.

У СЕБЯ И ЗА ОКЕАНОМ

*Визит американского сенатора.—
Под крылом самолета — Канада.—
Случай в Бостоне.— «Вам есть чем
гордиться».— Сегодня у нас экзамены!*

Как-то позвонили мне из Куйбышева: — Окажите гостеприимство, Иван Васильевич. На стройку едет американский сенатор Аллен Йозеф Эллендер из штата Луизиана, гидротехник по специальности.

— Это хорошо, что строитель гидростанций! — подумал я. — Будет о чем поговорить.

Сенатор Эллендер прибыл не один. Его сопровождал аташе американского посольства в СССР. Гость задержал мою руку в своей, заглянул в глаза, улыбнулся. Потом долго изучал карту гидроузла, подробно, со знанием дела расспрашивал об особенностях проекта, интересовался, сколько занято рабочих, автомашин, кранов, экскаваторов. Я отвечал подробно.

Постепенно сенатор и сам разговорился. Эллендер вспоминал эпизоды из своей инженерной практики на гидростройках Америки, рассказывал, как строились станции Гранд-Кули и Боулдер-Дэм. Рассматривая потом у меня в кабинете чертежи здания ГЭС, он проявил живой интерес к нашему сороудерживающему устройству.

— Очень, очень интересно, — сказал мистер Эллендер. — У нас в Америке таких сооружений нет.

Вероятно, американец не ожидал увидеть столько новшеств. Не особенно верил он, казалось мне, и в само существование нашей гидроэлектростанции, но сейчас, должно быть, убедился, что она существует и даже дает ток.

Тон беседы становился все доверительней и теплее. И Эллендер стал расспрашивать меня обо мне самом: сколько мне лет, какая у меня семья, чем занимаются дети.

Я рассказал коротко о себе и детях, похвалился, что есть у меня и внук Вася.

Из моего кабинета гость перешел в комнату, предназначенную для отдыха, перелистал там альбом и журналы, лежавшие на столике.

Я ожидал, что американский коллега попросит меня поехать с ним на гидроузел, а он вдруг сказал:

— Вы разрешите мне посмотреть дом, в котором живете?

— Пожалуйста.

— О, сколько зелени! И это ваш сад?

— Разумеется. Милости прошу.

Навстречу нам выбежали дети. Подхватив их на руки, я повел сенатора в дом. И здесь гостю, видимо, все пришлось по душе.

Из дома к ожидавшей нас машине мы вышли уже как старые знакомые.

— А вот и наш институт, — сказал я сенатору, когда мы проезжали мимо здания куйбышевгидростроевского втуза.

— Институт? — переспросил мистер Эллендер. — Разрешите, пожалуйста, осмотреть его.

Он вышел из машины и попросил переводчика прочесть, что написано на вывеске.

— А кто учится здесь? — спросил сенатор.

Узнав, что студенты в большинстве — рабочие и что их более тысячи, что днем они заняты на стройке, а вечером слушают лекции в аудиториях, американский сенатор воскликнул:

— Неужели? Я никогда не думал, что...

Эллендер не договорил и вошел с нами в институт, где ему пришлось увидеть еще немало интересного, судя по его многочисленным вопросам и восклицаниям.

Еще больше удивлялся сенатор на нижних шлюзах.

Осматривая гидротехнические сооружения, первоклассные шлюзы с их великолепной отделкой и безукоризненно действующей автоматикой, да еще с роскошным садом по соседству, он не знал, на что раньше обратить внимание. У Эллендера буквально разбежались глаза, и он подосадовал:

— Как жаль, что нельзя сфотографировать!

— Почему нельзя? Пожалуйста, фотографируйте себе на здоровье, сколько хотите, — предложил я.

— Что? Вы разрешаете снимать?

— Конечно.

Вооружившись фотоаппаратом, Эллендер стал фотографировать все, что попадалось ему на глаза: шлюзовые камеры, башни, дамбу, яблони, цветы. А я подумал: кто же это так дезинформировал мистера Эллендера, откуда его превратные представления о нашей советской действительности и, в частности, о Куйбышевгидрострое?

Но тут две симпатичные волжанки преподнесли гостю большой букет сирени. Это окончательно растрогало его. Он долго тряс руку начальнику шлюзов Конюшко и мне.

— Сфотографируйте, пожалуйста, меня с этим чудесным букетом на фоне шлюзов, — обратился он к одному из наших инженеров, протягивая ему свой аппарат...

Потом мы поехали в шлюзовой поселок. Заходили там в квартиры рабочих. В чьей-то кухне Эллендер попробовал, горит ли газ, а зайдя в ванную комнату, потрогал рукой белоснежную эмаль, кафель, открыл один и другой краны, чтобы убедиться, есть ли холодная и горячая вода. Умилялся забавным игрушкам в детском саду и большеглазым малышам, обступившим его веселой гурьбой.

На плотине гость долго молча смотрел на бетонную громаду с водопадами чудовищной силы, на клокочущую, бурлящую Волгу.

Стало темнеть. Я сказал сенатору, что если он еще сегодня хочет побывать на гидростанции, то следует поторопиться. Но ему трудно было оторваться от волжского пейзажа.

— Мне очень хотелось бы все обойти, но, к сожалению, мои шестьдесят семь лет не идут вровень с моими желаниями. Желания бегут вперед, а ноги едва плетутся, — пошутил гость.

Приближалось время его отъезда. На прощанье я подарил ему два альбома. Перелистав их, сенатор спросил:

— Разрешите ли вы некоторые из подаренных вами фотографий опубликовать в нашей прессе?

— Разумеется! Теперь они принадлежат вам, — ответил я. — Публикуйте. Пусть американцы посмотрят на наш гидроузел.

— Приезжайте к нам! Посмотрите и на наши стройки! — воскликнул сенатор Эллендер в ответ.

...Прошло совсем немного времени после его отъезда, и в Жигули приехали сразу десять сограждан Эллендера, руко-

водителей крупнейших, как нам сказали, энергетических монополий Америки во главе с президентом фирмы «Детройт Эдисон компани» Уолкером Сислером.

Заокеанские гости осматривали сооружения тщательно и неторопливо.

В машинном зале Уолкер Сислер спросил Михаила Арутюновича Саркисова:

— Скажите, мистер Саркисов, верно ли, что ваши агрегаты развивают мощность до ста тридцати тысяч киловатт?

В то время мы стояли возле двенадцатой турбины. Саркисов улыбнулся: ведь в Ставрополе и школьник знает то, в чем усомнился знаменитый американский энергетик. Но вслух сказал вежливо:

— Если вам угодно, могу продемонстрировать это на любой из наших турбин, ну хотя бы на двенадцатой, которую вы сейчас осматриваете.

И главный инженер дал команду:

— Открыть направляющие аппараты турбины номер двенадцать полностью!

Взгляд гостей устремился на прибор. Стрелка, повинуясь воле человека, поползла вверх. Одна шестизначная цифра сменялась другой. Мощность агрегата все возрастала: 118 тысяч... 120 тысяч... А ровно через семь минут турбина набрала мощность в 130 тысяч киловатт.

— Хватит! Достаточно! — воскликнул президент фирмы «Детройт Эдисон компани». — Я вам очень благодарен.

Он окинул взглядом огромный машинный зал:

— Господа, я и мои коллеги восхищены всем, что увидели и узнали. Возвратившись в Америку, мы с полным основанием скажем, что любая страна может гордиться таким сооружением, как Куйбышевская гидроэлектростанция...

Впоследствии мы не раз встречались с мистером Уолкером Сислером. Судя по его высказываниям у нас и в Америке, пребывание в Жигулях ярко запечатлелось в памяти Сислера. Каждое посещение советской страны этот уже пожилой человек, крупнейший энергетик, использовал для того, чтобы увидеть наши стройки на могучих реках, как бы далеко они ни находились.

* *

*

Пришлось и мне побывать в заморских краях. В Канаде и Соединенных Штатах Америки предстояли конгрессы гидротехников, и я был включен в состав советской делегации.

Моими спутниками были Александр Александрович Боровой, заместитель председателя технического совета министерства, и профессор Владимир Владимирович Стольников, начальник лаборатории Института гидротехники.

Как не обрадоваться такой новости! Во-первых, я уже порядком засиделся на одном месте. Во-вторых, и это естественно, во мне заговорила любознательность.

В наше время путешествие на другой континент проходит буднично и измеряется часами. Это раньше подобная поездка была событием, требовала времени и выносливости. А теперь: взрели моторы, самолет набрал высоту, и едва успели пассажиры свыкнуться с новой для них обстановкой, — под крылом Западная Европа. В Париже мы должны были сразу пересесть на другой самолет. Это не особенно радовало. Нам очень хотелось опоздать к ожидавшему нас лайнеру и лететь другим, который направлялся через сутки. И мы действительно опаздывали. Такой слух пронесся по салону.

Посмотрим-таки на Париж!

Но радость наша была преждевременной. В парижском аэропорту Орли мы услышали:

— Поторапливайтесь, поторапливайтесь, господа! Самолет на Канаду ждет вас.

...В час ночи заняли места в лайнере, следовавшем прямым курсом в Монреаль.

Ну, раз постигла такая неудача, мы попытались заснуть, хотя сон в самолете какой-то зыбкий, призрачный, все сквозь него слышишь и, кажется, даже видишь. Но я все-таки уснул и проспал Северный полюс, который, по словам стюарда, был почти что под крылом самолета.

Посмотрел в иллюминатор: ничего не видно, кроме облаков да белой равнины внизу, в просветах туч. И совершенно неожиданно возник под самолетом зеленый лес. До Канады — рукой подать. Это чувствовалось и по оживлению в салоне.

После завтрака нам предложили своеобразный десерт:

— Леди и джентльмены, окажите любезность и заполните анкету...

Ничего себе анкета — пятьдесят вопросов, не больше и не меньше! Но пришлось ее заполнять.

На высоте семи тысяч метров началась невообразимая болтанка. Стюард предложил пристегнуть пояса: проходили штормовой фронт.

Пролетели над горами, и вот уже внизу устье реки Свя-

тоге Лаврентия. Сидевший рядом канадец с гордостью показал на нее.

Пока самолет снижался и почти на бреющем полете шел над рекой, мы успели заметить немало гидротехнических сооружений, действовавших и строившихся.

Показался Монреаль. Город стремительно увеличивался, точно летел нам навстречу.

В аэропорту нас радушно встретили представители оргкомитета конгресса гидротехников. С первого шага по канадской земле мы ощутили атмосферу теплого гостеприимства. Настроение было отличным — и у хозяев, и у нас, гостей.

Дорога в отель обсажена стройными березами, которые напоминали нам Родину. Поселили нас в отеле «Куин-Элизабет». 42-этажное здание. Коробка из дюрала и стекла неплохо вписывалась в окружающий городской пейзаж.

Строитель, естественно, оглядывает свое будущее жилище прежде всего с профессиональной точки зрения. Осмотрел и я. В отношении экономичности все идеально: потолок комнаты я легко достал рукой; жилая площадь на троих — четырнадцать метров. Маловато, подумал, воздуха трем жильцам солидной комплекции. Попытался открыть форточку или окно, но меня остановила предостерегающая надпись: «Не пытайтесь открыть. Воздух в вашей комнате после включения кондиционирующей установки будет чище, чем на улице».

Что правда, то правда — установка хорошая. По желанию можно получить воздух любой температуры.

В комнате стоял телевизор с восемью каналами. Включили. Программа № 1: какой-то джентльмен убеждал пользоваться мундштуками, снабженными особым фильтром. Он уверял, что такой мундштук плюс сигарета «Кент» — настоящий клад для здоровья. Программа № 2: с экрана смотрела женщина, которую можно было бы назвать «мисс Косметика». Все, что она без устали расхваливала — губную помаду, пудру, крем, румяна, в изобилии было у нее на лице. На глазах зрителей «мисс Косметика» накладывала на себя румяна, крем и пудру, через минуту смывала их. И снова демонстрировала парфюмерию, только уже других фирм... Поворот ручки, и на голубом экране возник фрагмент третьей программы: в мрачном зале старинного замка бродило привидение с горящей свечой в руке. Призрак заглядывал во все углы. Голос диктора объяснил, что привидение ищет лучшее в мире туалетное мыло американской фирмы... Еще один щелчок, и в комнату вместе с цокотом копыт и пистолетными вы-

стрелами ворвалась кавалькада разъяренных ковбоев. Грохот. Крики. Клубы пыли... Мы выключили телевизор.

На следующее утро председатель оргкомитета конгресса мистер Паттерсон от имени канадского правительства пригласил нас на пуск первых агрегатов гидростанции, построенной близ города Корнуэлла, в сорока милях от канадской столицы.

Оказывается, перед пуском — совсем по-нашему — состоится митинг. Но проходил митинг совсем не по-нашему. Присутствовала в основном местная знать, и лишь где-то позади стояла небольшая группа рабочих.

Один из наших спутников объяснил, что станция строилась совместно с США и турбины вводятся в эксплуатацию тоже «пополам»: две на левом берегу и две на правом.

Мне понравилось, что гидростанция обходится без коробки здания. Здания вообще не было. Турбины закрыты металлическими колпаками.

Один из ораторов сказал, что Корнуэллская станция заложена почти одновременно с нашей Куйбышевской и что мощность ее чуть ли не такая же. Я, помню, подумал тогда: «То же самое, но только труба пониже и дым поуже!» Наша дает 2 миллиона 300 тысяч, пущена на полную мощность год назад, мы успели «накрутить» восемнадцать миллиардов киловатт-часов. Мощность же Корнуэллской ГЭС — 1 миллион 900 тысяч, и вводятся в действие лишь первые четыре агрегата...

Впрочем, потом оратор сделал оговорку: «Русские все же нас несколько опередили».

Надо отдать должное ораторам. Их речи были образны и полны патетики, особенно когда они говорили о том, что отныне река Святого Лаврентия будет служить символом сближения американского и канадского народов, символом дружбы, единства, мира и благоденствия. Что и говорить, ораторы прекрасные, с поставленными голосами. Я слушал их и вспоминал, как выступали на митингах рабочие Куйбышевгидростроя: красноречия было меньше, но сколько душевности в безыскусных речах! И как по-деловому кратко они были!

Конгресс начал свою работу. В полукруглом зале, вмещающем две тысячи человек, разместились представители пятидесяти семи стран. В случае, если народу прибавится, зал свободно вместит еще столько же слушателей — его стены раздвигаются.

Александр Александрович Боровой свой доклад сделал на французском языке. Напряженная тишина, воцарившаяся в зале, свидетельствовала о том, что делегаты слушают своего русского коллегу с большим вниманием. С неменьшим интересом была выслушана и речь Владимира Владимировича Стольникова, произнесенная по-английски. Мы с министром электростанций СССР Алексеем Сергеевичем Павленко говорили по-русски. Нас очень радовал большой интерес делегатов конгресса к советской гидротехнике и энергетике. Вопросам не было конца. А после демонстрации фильма «Победа на Волге» — о строительстве Куйбышевской ГЭС — в зале вспыхнула и долго не смолкала овация.

Встреча энергетиков всех континентов была плодотворной. Участники конгресса узнали о достижениях своих коллег, о том большом опыте, который накопили энергетики многих стран за предшествующие годы. Я пожалел, что на этом форуме не увидел сенатора Эллендера. Он себя плохо чувствовал и не смог приехать в Монреаль.

Время нашего пребывания в Канаде подходило к концу. Накануне отъезда я выступил по монреальскому радио.

В США мы отправились поездом. На вокзал ехать не пришлось: он оказался под нашим же отелем, в цокольном этаже. В вагоне было поистине вавилонское смешение языков — ехали поляки, австрийцы, югославы, французы, канадцы, американцы. Рано утром мы пересекли границу между Канадой и США. Нас ожидал буквально конвейер зрелищ. Удивительна Ниагара с ее исполинским водопадом! Здесь стоял такой оглушительный грохот, что мы едва слышали друг друга. Над водопадом сияло сразу несколько радуг. Зрелище необыкновенно красивое и величественное. Американцы показали нам и «достопримечательность» другого рода:

— Видите, вон там металлические глыбы и обломки железобетона?

Всмотрелись. Да, не повезло одной из гидроэлектростанций. Ее смыло бурным потоком, и мало что осталось от ГЭС и плотины. В клокочущей воде виднеются части двух мощных турбин, а чуть ниже — бетонные осколки такой величины, что с ними не могла совладать даже Ниагара, так они и остались лежать, обреченные на вечное купание в пенном потоке.

Полные впечатлений, мчались мы дальше в поездах и автобусах, как участники некой эстафеты. Но, странное дело, в Питсбург прибыли почти с часовым опозданием. Вот тебе

и Америка, а мы-то думали, что здесь сверхделовитость и сверхточность!

В Портленде нам показали странное сооружение из железобетонных кубов и волнистого оцинкованного железа. Оно очень смахивало на абстрактную скульптуру, особенно если смотреть издали. Оказалось, что это атомная электростанция. Защелкали фотоаппараты, зажужжали любительские кинокамеры. И я тоже сделал снимок в память о Портленде.

На следующее утро мы были уже в Нью-Йорке, а еще через день открылся конгресс, посвященный большим плотинам.

За час до начала нам объявили, что к участникам конгресса обратится с приветствием вице-президент США Ричард Никсон. И вот традиционная речь была произнесена и следовавшие за ней традиционные аплодисменты стихли.

В кулуарах ко мне подошел мистер Аверел Гарриман, с которым мы познакомились в Монреале. Тогда, на банкете в честь пуска Корнуэллской гидроэлектростанции, он так пышно представил меня собравшимся, что мне просто стало неудобно. «Сегодня, когда мы открываем одну из гигантских гидроэлектростанций, — сказал Гарриман, — среди наших гостей находится главный строитель самой большой гидроэлектростанции мира, Куйбышевской ГЭС, — мистер Комзин...»

Теперь Аверел Гарриман подошел ко мне и пригласил пройти с ним к вице-президенту.

— Мы познакомились с мистером Комзиным в Канаде, — сказал он, представляя меня Никсону.

— Очень приятно, — протянул мне руку вице-президент. — Мы с удовольствием покажем вам наши стройки — плотины и гидроэлектростанции. А знаете ли, — продолжал он, — в молодости я мечтал быть строителем-энергетиком.

— Очень приятно, — ответил я. И добавил: — Жаль, что вы не претворили в жизнь свою мечту. Ведь мы, строители, сугубо мирные люди. Призванные созидать, мы, возможно, больше чем кто-нибудь другой ненавидим войну. Строители главным образом заботятся о благе человека.

— О, да! Я с вами совершенно согласен! — воскликнул Никсон. — Но вы, однако, ко всему прочему, и поэт. — За сим опять последовали рукопожатие и улыбка...

На конгрессе по большим плотинам мы услышали немало интересного. Но еще интереснее были поездки на гидротехнические сооружения. Правда, несколько мешали бесчислен-

ные приемы и обеды. Однако встречи с коллегами, где бы они ни жили, всегда чрезвычайно полезны.

Мне было приятно встретиться на этом конгрессе с сенатором Алленом Иозефом Эллендером. В Нью-Йорке мы с ним вспоминали Жигули.

...Наша делегация совершила большое путешествие. Мы осмотрели знаменитую станцию Грэнд-Кули на реке Колумбия. Запомнилось, что у входа установлен счетчик, показывающий, сколько электроэнергии выработано на данный момент и сколько выручила за это компания. Странное впечатление оставил внешний вид станции. Это — коробка без окон, совершенно слепое здание. Вероятно, заказчик и авторы проекта исходили из того, что немногочисленный штат будет довольствоваться искусственным светом. Что касается меня, то я чувствовал бы себя неважно в такой коробке. Все-таки приятно, когда видишь солнышко, заглянувшее в машинный зал.

Побывали мы и на гидростройке. Там царил образцовый порядок. Ни лишнего шума, ни суетни. И еще мы обратили внимание на то, что здесь, как, впрочем, почти на всех других гидростанциях США, предусмотрены рыбоходы, рыбоприемники. Что хорошо, то хорошо. Есть чему поучиться у американских коллег. Станция мощностью в 800 тысяч киловатт строится такими силами: 1500 рабочих, 110 инженеров, шесть порталных кранов и два гусеничных. Бетон кладут трехкубовыми бадьями. А вот в смысле техники ничего нового или оригинального мы не увидели.

Митинг состоялся и на Грэнд-Кули.

В одном городе, запамятовал его название, мэр, подняв стакан воды, сказал:

— Пусть наша дружба будет так же чиста, как эта вода!

А в стакане у него плавали кусочки льда. Заметив это, я поднял свой стакан, в котором был кофе, и ответил:

— Пусть дружба наша будет так же чиста, как вода в стакане, который держит в руке господин мэр, но только без льда. И пусть эта дружба будет так же горяча, как кофе в моем стакане...

Дружные аплодисменты свидетельствовали о том, что договоренность на сей счет как будто бы была достигнута.

Запомнился мне город Бонневиль. Здесь гидростанция размещена в здании, напоминающем сарай. Но зато именно тут находится знаменитая лаборатория, в которой держат экзамен будущие гидроузлы...

Мы объездили много небольших городов. Картина в общем была везде одна и та же. И города все на один манер. В американской провинции горожане очень рано ложатся спать. В девять вечера на улицах уже не было ни души.

Когда мы вернулись в Нью-Йорк, руководитель нашей делегации Игнатий Трофимович Новиков сказал:

— Открывается международная конференция по тепловым электростанциям в Бостоне. Готовься к отъезду. Поедут с тобой еще два товарища. Ты, Иван Васильевич, возглавишь эту делегацию и если нужно будет — выступишь: расскажешь, как у нас строят тепловые электростанции.

Так мы оказались в Бостоне. Я встретил там нескольких знакомых, в том числе и Уолкера Сислера — президента фирмы «Детройт Эдисон компани». Он вел заседание.

Дневное заседание закончилось точно по регламенту, вечернее же сорвалось, не успев начаться. Неожиданно погас свет, и оратор, вышедший на трибуну, осекся и умолк. В зале, точно светлячки, засверкали электрические фонарики, замигали язычки пламени зажигалок и спичек. Был объявлен перерыв, который затянулся до следующего дня.

В отеле, где остановилась наша делегация, на одиннадцатый этаж пришлось идти пешком. Утром вставил в розетку вилку электробритвы — не работает. А уже восьмой час! Я еще подумал с досадой: «Долговато затянулась авария». Пошел по лестнице вниз. Спускался и думал: «Вот тебе и хваленая Америка! Ну, опоздал поезд — это случается. Но чтобы целый город был без электричества полсуток...» Встретил в холле встревоженного мистера Сислера. Осведомился, как дела. А он ответил: «Очень плохо!».

Я понял это «плохо» как «света еще нет и неизвестно, когда будет». Пожал плечами и сказал:

— Как же так! Разве Бостон — остров, окруженный океаном?

Мой собеседник улыбнулся, хотя ему было невесело:

— Мой дорогой друг, ваш вполне уместный вопрос напомнил мне, сколько я задавал вам вопросов, когда мы вместе путешествовали по вашей стране. Теперь я не стану больше спрашивать вас, зачем вы прокладываете высоковольтную линию на Урал. — Он не договорил и, махнув рукой, направился к лестнице.

Я понял моего коллегу: там, где существует бешеная конкуренция между капиталистическими электрофирмами, где

господствует частное предпринимательство, единая энергетическая система — дело едва ли возможное...

Через полтора года Советский Союз посетила большая делегация энергостроителей США во главе с министром внутренних дел Стюартом Юдоллом; в ее составе был и Уолкер Сислер. Возвратившись из путешествия по нашей стране, Юдолл заявил представителям советской печати:

— СССР, несомненно, находится впереди как в строительстве гидроэлектростанций, так и в передаче электроэнергии на дальние расстояния. Преимущество вашей страны в этой области состоит в том, что все энергетические объекты, вырабатывающие электроэнергию, связаны с потребителем и между собой.

То, чего не договорил президент фирмы «Детройт Эдисон компани» в холле бостонского отеля, ясно выразил американский министр.

Прошло некоторое время, и мистер Сислер по приглашению Министерства энергетики и электрификации СССР снова посетил нашу страну, на этот раз не в составе делегации, а один.

Перед отъездом на родину американский гость дал интервью советскому журналисту.

Ответы Уолкера Сислера были настолько интересны, что мне захотелось познакомить с ними читателей. Сказанное выдающимся энергетиком, председателем Исполнительного Совета Мировой энергетической конференции (МИРЭК), на мой взгляд, не нуждается в комментариях.

Хочу также заметить, что интервью было записано с согласия американского гостя на магнитофонную ленту и воспроизводится в точности.

Вопрос. Мистер Сислер, поддерживает ли ваша компания деловые отношения с нашей страной?

Ответ. Да, но эти отношения носят характер обмена информацией, опытом. Я неоднократно приезжал в вашу страну с делегациями американских энергетиков и столь же часто принимал советских — у себя дома. Такой обмен представляет для нас чрезвычайно большой интерес.

Вопрос. Нынешний ваш приезд к нам как-то связан с делами фирмы или больше с делами международной организации энергетиков?

Ответ. Я не первый раз в Советском Союзе, мне думается, что это уже шестой, а может, и более, начиная с 1958 года.

Я далеко не чувствую себя здесь чужим, и мне давно все знакомо и давно привычно у вас.

На этот раз я приехал по приглашению вашего министра энергетики и электрификации господина Непорожного, моего личного друга. Он является президентом Мировой энергетической конференции, а я — председателем Исполнительного Совета этой организации.

Я счастлив, что именно в Москве в августе 1958 года на международном конгрессе энергетиков меня избрали председателем Исполнительного Совета. Я рад, что мне выпало быть партнером вашего министра. Мы будем обсуждать текущие вопросы совместной работы организации энергетиков.

Но, помимо международных дел, у меня есть и дела своей фирмы, которые я хочу обсудить с вашими специалистами. Мы намерены рассмотреть возможности размещения некоторых заказов на приобретение электрооборудования.

В о п р о с. Каково, на ваш взгляд, техническое оснащение электроэнергетики Советского Союза, мистер Сислер?

О т в е т. Я думаю, что техническая оснастка электрификации в вашей стране отвечает самым высоким требованиям, выработанным мировой практикой. Мне кажется, насколько я знаком с постановкой дела в вашей стране, в ряде случаев вы являетесь передовыми в мировом развитии энергетики. Скажем, передача электроэнергии на большие расстояния — выдающееся достижение технической мысли.

Я много видел электростанций в Советском Союзе, дважды был в Братске: когда ГЭС только начинали строить и когда в основном она уже была построена. Вы удивительно много сделали за последние семнадцать лет. Это поразительные успехи.

В о п р о с. Каков уровень подготовки наших инженеров-энергетиков, по вашему мнению?

О т в е т. Я в большом восторге от ваших специалистов. Ваши инженеры отличные. Я видел их в Братске и в других городах. Я восхищен инженером Наймушиным, одним из создателей Братской ГЭС, мне приятно называть его личным другом. Сколько в нем силы, таланта! Он настоящий гидро-медведь! Ваши инженеры-энергетики, несомненно, могут занять свое место среди ведущих инженеров мира. Это люди высокой квалификации... Они хорошо знают, что делают.

В о п р о с. Мистер Сислер, знаете ли вы что-нибудь о тех трудностях, с которых начиналась электрификация в нашей стране после революции 1917 года?

О т в е т. Да, я ведь человек, как видите, немолодой и даже не средних, а преклонных лет. Когда произошла революция в России, я первый год учился в университете на механико-техническом факультете. В 1922 году я пришел в электроиндустрию и сам лично видел, какой она была в США. Россия в то время начинала почти с нуля.

Я хорошо знаю полковника Купера, бывшего технического консультанта на строительстве Днепрогэса. Когда он вернулся из России в тридцатые годы, то много рассказывал о том, с чего вы начинали, какой была ваша страна в тот первый период своего технического и социального обновления. Мне есть с чем сравнить то, что я вижу у вас сегодня.

Вот уже пятьдесят лет как я знаком с развитием энергетики всего мира.

Знаю, как специалист, развитие электроэнергетики в любой части мира. По первоисточникам знаком с развитием энергетики в вашей стране с 1941 года... Вы достигли больших успехов.

Именно это знание дает мне право поздравить вас. После огромных разрушений второй мировой войны вы выросли заново, удивительно выросли и продвинулись вперед.

В о п р о с. Слышали ли вы что-нибудь о роли Владимира Ильича Ленина в электрификации России, о том плане электрификации, который был составлен по его настоянию?

О т в е т. Да, я знаком с этим планом вашего великого соотечественника. Это был, несомненно, смелый план смелого человека, который понимал, что электрификация может явиться важной частью социальных изменений в вашей стране. Я много читал о первых годах электрификации России. Видел план электрификации на выставке в Москве. И думаю: то, что предложил ваш лидер в те далекие дни 1920 года, было очень важным для нации и для страны.

В о п р о с. Приходилось ли вам, мистер Сислер, слышать о разговоре Владимира Ильича Ленина с английским писателем Уэллсом?

О т в е т. Я не помню подробностей этого разговора, но книгу Уэллса о России читал и о встрече этих людей помню, и помню, что они говорили об электрификации.

В о п р о с. Мистер Сислер, с вашей точки зрения, чем бы вы могли объяснить столь твердую веру Ленина в возможность электрифицировать Россию в 10—20 лет и полное неверие Уэллса даже в успешное начало этих работ?

О т в е т. Я думаю, что это была очень хорошая мечта ва-

шего соотечественника и глубокая вера, что руки людей могут развить энергию, что только энергия, накапливаясь и реализуясь, дает прогресс, движение.

Человек, который мечтал о социальных изменениях своей нации, своей страны, не мог не мечтать о больших, крупных, мощных, развитых энергосистемах. Электричество таило в себе колоссальные возможности.

И развить эти возможности даже в такой бедной в то время стране, как Россия, развить, убеждая в этом людей, нацию, удлинив и укрепив руки народа, было не только мужеством, но и силой воли человека, который верил в мечту.

Я не знаю и, пожалуй, не могу объяснить поведение Уэллса и то, почему он не поверил Ленину.

Вопрос. Какие изменения, с вашей точки зрения, вызваны в нашей стране электрификацией?

Ответ. О, огромные, огромные изменения, и социальные, и экономические. Вы провели электричество в каждый дом всей вашей большой страны, вы предоставили возможность наслаждаться светом каждому человеку, в каком бы глухом месте он ни жил. Вы ввели энергию почти во все области жизни, в каждую фазу жизни.

Вы создали модель прогресса, модель развития. И эта модель должна быть изучена. Когда отсталая страна за столь короткий срок, за срок фактически одной человеческой жизни, становится высокоразвитой, передовой, когда отсталая нация уже не может называться отсталой, поскольку она владеет энергией, умом, достижениями, которые потребляет, использует весь мир, то в этом выражается и определенный прогресс всего человечества, достойный внимания и изучения.

Вопрос. Сколько электроэнергии производит весь мир?

Ответ. Весь мир производит более 4000 миллиардов киловатт-часов. Из них теперь уже чуть больше половины падает на долю двух стран: СССР и США. В мире нет равных им конкурентов, так далеко ушли они от общего уровня развития производства электроэнергии в других странах.

Вопрос. Разделяете ли вы точку зрения наших энергетиков, что строительство крупнейших в мире электростанций есть наиболее эффективный способ развития производства электроэнергии?

Ответ. При ваших темпах и в нынешних условиях — это единственный путь, который ведет к быстрому наращиванию мощностей, к прогрессу в сжатые сроки.

Ваша энергетика, по моему мнению, несмотря на огром-

ные достижения, еще вся в будущем. Ваши молодые люди могут еще много сделать для своей страны, воздвигая гигантские электростанции типа Братской. Тут есть чему поучиться и есть что перенять инженеру-энергетику из любой страны мира.

Вопрос. Сколь продолжителен по времени будет, по вашему мнению, моральный авторитет электричества как одного из ведущих видов энергии?

Ответ. Я считаю, что электросила — синоним прогресса. И будет оставаться этим синонимом еще долгие годы, прежде чем человечество освоит новые виды энергии.

Я спокойно смотрю на это будущее, без всякой скидки на свой возраст. Я чувствую, что еще молод духом, и хочу разделить с молодыми поколениями прогресс, который произойдет в ближайшие десять лет в электроэнергетике мира.

Я должен сказать, что влияние, оказываемое Советским Союзом на развитие мира, человечества, очень велико. Многие принципы, которые вы осуществляете в своей стране после революции, были заложены Лениным. У вас хватило сил и терпения следовать его принципам с большой тщательностью. Вам есть за что благодарить этого человека, великого человека нашей новейшей истории, и есть за что питать к нему самые добрые чувства...

Интервью подходит к концу, магнитофонная запись закончена. В заключение мистер Уолкер Сислер сказал:

— У вас все очень быстро меняется. Даже внешний вид Москвы и других ваших городов, где приходилось бывать, вызывает во мне всякий раз новое настроение, и, как энергетик, я хочу думать и надеяться, что колоссальный прогресс, который произошел и активно происходит в вашей стране, в какой-то степени обязан и электрификации.

* *
*

Началась защита первых дипломных проектов...

В тот день, дорогой для всего коллектива, я вспомнил, с каким удивлением и интересом сенатор Эллендер осматривал лаборатории филиала индустриального института, сколько вопросов задавал о вузе и вечернем техникуме. И хотя каждый из ответов был предельно конкретен, в глазах Эллендера нет-нет да и появлялись искорки сомнения.

Большой зал института заполнили строители. Восемьдесят два студента приготовились к защите дипломов. Вместе

с ними волновался весь зал: ведь сюда пришли друзья, товарищи и родные тех, которым через несколько минут предстояло сдать экзамен на инженерную зрелость. Волновались, естественно, и преподаватели. Крепкий я, кажется, человек, но и меня грешным делом слеза прошибла в те торжественные минуты.

С председательского места поднялся Кирилл Иванович Смирнов, торжественный и строгий. Он — председатель государственной экзаменационной комиссии.

Первым защищал проект Владимир Шапошников. Он, можно сказать, «потомственный» куйбышевгидростроевец — сын Николая Федотовича, бывшего главного инженера. Работал Володя механиком. Над дипломным проектом молодой человек трудился больше года и потому знал материал назубок, говорил уверенно, на все вопросы отвечал спокойно.

«Молодчина, Володя! — радовался я. — Отличный из тебя получится инженер. И как будет счастлив Николай Федотович, узнав об успехе сына!»

Владимира сменил Олег Крат. До Куйбышевгидростроя он работал на строительстве Волго-Донского канала. У нас он сразу стал прорабом на строительстве водосливной плотины.

Защищал Олег свой диплом тоже блестяще. Я слушал его и вспоминал, как работал этот, молодой еще, человек. Особенно отличился он на строительстве понура — покатога бетонного вала перед плотиной, смягчающего удары волн. Казалось, у Олега не было ни минуты покоя. Молодого прораба постоянно окружали такие же, как он, быстрые, неутомимые люди, вечно занятые и озабоченные.

Его участок всегда был на хорошем счету. Крата постоянно ставили в пример и если требовалось — посылали на помощь к другим.

Раздались громкие аплодисменты. Так ответил переполненный зал на заключение комиссии: «Отлично».

Настала очередь Сомова. Пока он развешивал чертежи, я успел перебрать в памяти мои встречи с этим юношей. Очень он изменился за год работы на стройке.

В пасмурный осенний день 1950 года в приемную вошел робкий, худенький парнишка.

— Какая у тебя специальность? — спросил я.

— Пока что нету никакой, — ответил он. — Какую дадите, такая и будет.

— Что ж, специальность дадим.

— Большое спасибо, товарищ начальник, — поблагодарил меня юноша, но уходить не торопился.

— Тебе что-нибудь нужно? Говори, не стесняйся. — Я показал ему на стул, приглашая сесть.

— Большое спасибо, — опять поблагодарил он. — Мне на подготовительные курсы в институт поступить охота. Хочу учиться без отрыва.

— Ладно, подумаем, — ответил я и, чтобы не забыть, сделал пометку в блокноте.

— Большое спасибо, товарищ начальник, — в третий раз повторил гость, но из кабинета не ушел.

— Вижу, у тебя еще не все. Ну, выкладывай скорее, чего тебе еще нужно кроме работы и учебы, жадный ты человек, — засмеялся я.

— Вот о чем хочу просить вас, товарищ начальник... Хорошо было бы, чтобы моя работа была поближе к курсам...

Настырность паренька мне понравилась, и я сказал в шутовском тоне:

— А если мы тебе курсы устроим поближе к работе, в обиде не будешь?

Будущий строитель «объявил» мне очередную благодарность и, нахлобучив кепчонку на вихрастую голову, ушел.

Олег поступил на стройку подсобным рабочим и спустя год выдержал конкурсный экзамен в институт. К тому времени он уже работал электриком. Когда мы случайно встретились, на мой вопрос: «Как живешь, Сомов?», — он неизменно отвечал: «Спасибо! Все в порядке!».

Ну, а о том, как Сомов выручил бетонщиков, когда на шестидесятиметровой высоте застряла тележка, как он добирался до нее в лютый мороз, я уже рассказал раньше.

Сомов защитил дипломный проект на «отлично», и я стиснул его в своих объятиях.

Я знал едва ли не каждого из тысячи семисот пятидесяти наших студентов и как начальник строительства, и как профессор института, где я к тому времени уже четыре года заведовал кафедрой. Мудрено ли, что к студенческому коллективу я привязался всем сердцем. Лекции читал с удовольствием, хотя временами и уставал от нагрузок. Ведь я был еще депутатом Верховного Совета республики, членом нескольких партийных комитетов, да и отцом семейства.

Но, читая лекции, откровенно разбирая со студентами промахи и ошибки, случавшиеся в нашей строительной практике, я и сам учился...

А перед экзаменационной комиссией уже стоял Юрий Райский. Он выступил с проектом Братской гидроэлектростанции, и Кирилл Иванович Смирнов объявил ему решение комиссии: «Отлично».

Затем защищала проект молодая женщина. Фамилии ее не назову.

Татьяна пришла ко мне в октябре 1950 года. В руках — сумочка-авоська с буханкой черного хлеба. Когда я усадил девушку и спросил, зачем пожаловала, она вдруг заговорила на незнакомом языке. Позвал своего помощника, пригласил еще кого-то из работников управления. К счастью, нашелся переводчик. Девушка оказалась латышкой. Она прочла в газете о стройке в Жигулях и решила, что ей непременно надо поступить к нам на работу.

Она слышала еще и о том, что на нашей стройке не просто работают, а работают, учась в техникуме или институте. И моя посетительница настоятельно просила принять ее на работу — раз и устроить в институт — два. Не больше и не меньше.

— А язык? — спросил я. — Как будете учиться?

Татьяна через переводчика ответила, что я забыл об очень важном обстоятельстве.

— О чем же я забыл?

Девушка объяснила, что она будет работать среди русских, в общежитие попадет опять же к русским, это и будет для нее школой русского языка. Таня рассказала, что она комсомолка, что в школе-десятилетке преподаватели ставили ей только хорошие и отличные оценки...

— Хорошо, — сдался я, — вас примут на работу и обеспечат общежитием. А вот с институтом придется немного подождать.

— Как подождать! — удивленно вскинула брови девушка.

Но узнав, что подождать — это значит набраться терпения и подготовиться к приемным испытаниям, она, счастливая, ушла из кабинета, забыв попрощаться.

Таня поступила подсобницей на строительство высоковольтной линии и поселилась не в общежитии, где было очень тесно, а в старой крестьянской бане. Поселилась вместе с двумя другими девушками. Спустя несколько месяцев я встретил ее на собрании слушателей подготовительных курсов. Она уже говорила немного по-русски. В студенческой же среде мне довелось увидеть Татьяну только через два.

Признаться, эта встреча огорчила меня. Уже студенткой

Татьяна вышла замуж, но вскоре муж бросил ее, и она оказалась с малышом в общежитии. Беда не приходит одна, и Татьяна тяжело заболела. Она пробыла в больнице около полугода. Но одинокой, как она сказала мне впоследствии, Татьяна себя не чувствовала. Ее подруги — девушки, живущие в общежитии, взяли на себя все хлопоты о ребенке и все время навещали больную. Малыш сразу обрел не то девять, не то одиннадцать «дежурных матерей», одинаково добрых и ласковых. Это удивительное дежурство продолжалось и после того, как Татьяна вернулась в общежитие и возобновила занятия в институте. Она получила от своих русских подруг неизмеримо больше, чем уроки русского языка: она познала безмерную щедрость сердечной заботы и участия.

Учась в институте, Татьяна делала большие успехи и на производстве, стала работать дежурным техником на эксплуатации высоковольтных сетей, а к моменту защиты диплома была уже дежурным инженером.

Члены экзаменационной комиссии внимательно слушали дипломницу:

— Полагаю, что основные принципы решения задачи электроснабжения строительной площадки гидроэлектростанции в условиях...

Еще в самом начале работы пристрастилась Татьяна к теме электроснабжения и ей посвятила свой дипломный проект.

Куда девалась экзаменаторская строгость Кирилла Ивановича? Его доброе лицо так и светилось радостью. Он первый поздравил Таню с замечательной победой.

Больше всех ликовали сидевшие рядышком на самых первых местах подруги Татьяны по общежитию. А у одной из них на коленях ерзал разморенный жарой четырехлетний мальчуган.

Конечно, нелегко далась маленькой женщине ее большая победа, но надо было видеть ее лицо...

Трудная биография была не у одной только Татьяны. Жизнь не баловала и других наших студентов. Но никто из них не смалодушничал, не сплеховал перед трудностями.

Тем временем перед экзаменационной комиссией предстал Валентин Арсентьевич Дьячков. С этим именем в моей памяти связан такой случай.

В ноябре 1951 года на стройку был доставлен земснаряд «Сталинградский-1002». С Волго-Дона прибыла команда. По просьбе комитета ВЛКСМ мы укомплектовали штат одними

комсомольцами. Я ждал сообщения о запуске мощного агрегата. Но вместо этого услышал:

— Мотор сожгли...

Помчался я туда сам не свой. У мертвого мотора бесполезно возились электрики.

Поразмыслили мы с товарищами и нашли выход. Сняли мотор с другого земснаряда, которому вступать в работу через три дня, а за эти три дня решили достать новый мотор. Но как? Не так-то это просто!

День, помню, выдался лютой. Буран с утра замел дороги. В помещениях целый день горел свет.

Так же пасмурно было и у меня на душе. Утром земснаряд должен начать намыв перемычки, а с харьковского завода нет сообщения о том, что мотор отправлен. В нашем распоряжении всего одна-единственная ночь. Вдруг зазвонил телефон, и я услышал в трубке далекий девичий голосок:

— Пришлите, пожалуйста, за мотором. Он уже здесь, на Куйбышевском аэродроме...

Легко сказать «пришлите». Машина застрянет в пути. Единственный выход — мотор доставить самолетом.

Я вышел в приемную и на мое счастье увидел нашего авиатора Валентина Дьячкова.

— Валя! — закричал я ему. — Лети в Куйбышев. Там на аэродроме возьми мотор и сразу же сюда! Понял?

Валентин Дьячков сразу погрузился и показал на окно:

— Понять-то я понял, Иван Васильевич, только лететь нельзя. Посмотрите, что на дворе делается.

— Согласен с тобой, Валя. Лететь действительно нельзя. Но нужно, понимаешь, нужно полететь. Иначе дело сорвем. На тебя вся надежда.

Натянул Дьячков на голову шлем и уже у дверей проговорил:

— Сразу бы так сказали, Иван Васильевич. Лечу. Только боюсь, воздушная инспекция у меня права отнимет... Но была не была, риск — благородное дело. — Он махнул рукой и скрылся за дверью.

Зимний день короток. Не успел я оглянуться — уже вечер.

Шагал я по комнате, на часы поглядывал. Вот уже пять пятнадцать, пять двадцать, половина шестого... Волновался все больше. Самолет у нас был не ахти какой, к ночным полетам не приспособленный. И аэродром: поле да будочка.

Не выдержал и позвонил коменданту.

— Вы насчет Дьячкова? Он прилетит в любую погоду. На фронте и не такое бывало...

Положил я трубку и услышал гул самолета. Ну и чертяка этот Валентин: над крышей пролетел, чтобы успокоить.

Мотор получили и в сорокаградусный мороз доставили его на земснаряд. К утру — точно по графику — команда начала намывать перемычку.

Прошло месяца три. И вдруг появился у меня в кабинете неожиданный гость — генерал в авиационной форме.

У генерала лицо доброе. Но сказал он вот что:

— Вы уж меня извините, пожалуйста, однако по долгу службы вынужден сообщить вам нечто неприятное. Я специально приехал сюда, чтобы поставить вас в известность, что ваш пилот Дьячков на год отстраняется от полетов. Прошу познакомиться с актом.

Взял я бумагу: «12 января 1952 года пилот Дьячков Валентин Арсентьевич, вылетев без разрешения авиаслужбы...»

Все было ясно. Дальше я читать не стал. Генерал был неумолим. Только через год Валентин снова сел за штурвал самолета. Его ранее ничем не запятанный послужной список был испорчен записью о временном лишении пилотских прав. Но в глазах строителей, да и летчиков, и начальства летного в том числе, он все-таки оставался героем, который выручил коллектив куйбышевгидростроителей...

Среди дипломников был и Виктор Михайлов.

Он появился на стройке тогда, когда буксир благополучно доставил на стройку первый земснаряд. Эту диковинную плавучую машину многие увидели тогда впервые.

В те дни готовился котлован под здание электростанции. Восемь миллионов кубометров земли нужно было вынуть из этого котлована. И хотя земснаряды предназначались для намыва плотины, возникла мысль: нельзя ли использовать их на выемке грунта? Это ускорило бы работы. И было решено: русловую часть котлована разрабатывать земснарядами, гидромеханизационным способом.

На первый взгляд мысль казалась интересной, смелой, оригинальной. Вместо осушения котлована, не дожидаясь окончания строительства перемычки, ввести в работу несколько земснарядов, брать грунт сотнями тысяч кубометров и посылать его отсюда на перемычку — кому не покажется дельным такое предложение?

Да, все вроде бы выглядело правильно. Но только выглядело. Получилось же совсем не так, как мы думали. То ли по

забывчивости, то ли по другим причинам, мы не продумали до конца это предложение. Инженеры за письменными столами намечали планы организации работ в котловане, определяли необходимое количество земснарядов, выясняли, сколько дней займет выемка земли и в какую часть перемычки следует ее направить. Никто не подумал о том, как будут действовать земснаряды в условиях тяжелых глин и суглинков, никто не удосужился заглянуть в геологические карты, не поинтересовался материалом геологических экспедиций. В общем, решили взять котлован на «ура». Это было нашей ошибкой. Но как же трудно мы ее признавали!

Одним из тех, кому поручили работать в котловане, как раз и был Виктор Михайлов. Он стоял передо мной навтыжку, когда я объяснял ему задачу. Приехав к нам с Волго-Дона, Виктор мечтал работать в Жигулях еще лучше, с еще большей доблестью, чем на той стройке. Он собрал коллектив земснаряда и после короткого обсуждения задачи доложил:

— Мы ждем команды!

Когда земснаряд приступил к работе, я взобрался на вершину целиковой перемычки, чтобы посмотреть на «поле боя». Несколько мощных земснарядов, расположившись по акватории, врезались в береговую кромку и в волжское дно, направляя пульпу в тело перемычки.

С неделю все шло хорошо. Потом работа застопорилась. Николай Федотович Шапошников, главный инженер, меня успокаивал: ничего серьезного, дело наладится, все продумано крепко-накрепко.

— Немножко не подходит фреза, на днях поставят новую, — говорил Шапошников. — Я уже дал указание снять часть экскаваторов и перебросить их на левый берег.

Но бодрые уверения главного инженера не могли рассеять тревогу. Собрали технический совет. Докладчиком назначили Михайлова.

Виктор вышел на трибуну, и я видел, как дрожали у него руки, когда он прикреплял к доске чертежи. Он доказывал, что гарантии успеха весьма относительны, и был глубоко уверен в своей правоте.

Шапошников возражал, защищая свою позицию.

Котлован оказался под угрозой. На береговом участке, на суше, в своей половине котлована экскаваторщики вот-вот должны были приблизиться к проектным отметкам. Рвались к финишу Бородин, Евец, Лямин. Мы знали, что неда-

лек день, когда бетонные заводы начнут выдавать первые кубометры продукции. А куда будем класть бетон — об этом серьезного разговора не было.

В сущности говоря, на заседании техсовета мы ничего не решили и разошлись, пропустив мимо ушей сомнения докладчика.

Виктор Михайлов не только одним из первых понял бесполезность земснарядов в котловане, но и стал повсюду решительно доказывать, что на правом берегу земснарядам делать нечего, что их нужно выводить на левый берег для работы на перемычке и на плотине, в песчаных грунтах.

Тут-то и разгорелся сыр-бор, попало Виктору и от главного инженера, и от комсомольской организации. А он от своей точки зрения не отказывался, с прежним упрямством доказывал, убеждал, писал, что земснарядам решительно нечего делать в котловане. Кончилось тем, что Михайлов ушел с этого участка.

Виктора заменил другой специалист, но кривая выработки продолжала падать. Земснаряды не брали глину.

Мы теряли дни. Обком партии с тревогой смотрел на создавшееся положение, и не без его нажима я вынужден был вмешаться в дела, создать авторитетную комиссию и в конце концов согласиться с Михайловым.

Земснаряды были выведены из котлована. Все там сделали экскаваторы.

Виктор Михайлов доказал нам тогда, как важно быть принципиальным, смелым и решительным, если ты убежден, что прав. Ведь он от правды не отступился.

Я внимательно следил за его жизнью и от души радовался успехам Михайлова в институте. Уже будучи студентом шестого курса, он как-то пришел ко мне:

— У меня к вам, Иван Васильевич, большая просьба. Я принес на ваш суд свои труды. Посмотрите, пожалуйста.

Виктор развернул один за другим добрый десяток прекрасно выполненных чертежей, эскизов и диаграмм — техническую документацию своего дипломного проекта.

...Через несколько дней после защиты дипломов ко мне в кабинет ввалилась группа выпускников. Они принесли коллективный снимок, на котором были запечатлены дипломники вместе с преподавателями. Я долго не мог глаз оторвать от фотографии.

СВЕТ ЛЕНИНСКОЙ МЕЧТЫ

*По голубому большаку России.—
У соратника Ильича.— Все остается
людям! — Несколько цифр для срав-
нения.*

Думал ли я когда-нибудь, что приеду сюда, на Волгу, в навсегда родные мне Жигули туристом? Но прошло десять лет после окончания строительства гидроэлектростанции, и вот я еду туда впервые не по служебным делам.

Из канала имени Москвы теплоход выходит в Московское море. Старинное село Иваньково и древний Углич светят в ночи огнями первых волжских гидростанций. Волга ведет нас дальше, и, как в сказке, невидимая рука раскрывает ворота Рыбинского моря, закрывает их за нами, мачтами гидроэлектростанций указывает путь к Горьковскому морю, где гостеприимный зеленый Городец уже распахивает шлюзы своего гидроузла. Мы плывем затем живописным руслом Волги вниз, мимо Чебоксарской гидроэлектростанции, а у Казани, под стенами кремля, нас подхватывает белогривая волна Куйбышевского моря. Камское устье...

Теплоход плывет к Жигулям.

Вот он, Куйбышевский гидроузел. Гора Могутовая и гора Отважная как бы расступились перед бетонными громадами, шагнувшими к Жигулям с левобережной поймы.

Открылись шлюзы, можно плыть дальше, к Саратову, где тоже построена гидроэлектростанция, к Волгограду, где поднялся над великой рекой самый грандиозный ее гидроузел — Волгоградская ГЭС имени XXIII съезда КПСС, к Астрахани, где тоже со временем поднимется во весь рост электрический богатырь.

Но мое путешествие заканчивается на Куйбышевском гидроузле, у Жигулей, где прошло восемь напряженных и счастливых лет моей жизни.

Высится здание гидроэлектростанции имени В. И. Ленина. И глядя на ГЭС, я вспомнил, как однажды, для сравнения, наши инженеры начертили контуры гидростанции и, соблюдая масштаб, наложили на них контуры высотного здания Московского университета на Ленинских горах и Исаакиевского собора. И оказалось, что университет всей своей громадой загородил лишь малую часть гигантской глазастой коробки ГЭС и только центральной башней со шпилем поднялся выше выводных мачт. А Исаакиевский собор скромно поместился у подножья МГУ.

Под схемой инженеры обозначили объемы этих трех сооружений:

4,5 миллиона кубометров,

2,6 миллиона кубометров,

310 тысяч кубометров.

...Перед гидроэлектростанцией, навстречу волнам рукотворного моря, выступает шеренга бычков сороудерживающего сооружения. К станции примыкает трехкилометровый вал земляной плотины. Дальше тянется на километр могучая бетонная водосливная плотина высотой с двадцатиэтажный дом. У левобережья триумфальными воротами на выходе из Куйбышевского моря стоят судоходные шлюзы. Дамба опоясывает головной порт. По гребню сооружений в зеленой аллее шоссе бегут через Волгу потоки машин. В обе стороны, в горы и степи, шагнули мачты линий электропередачи...

Дважды пришла в Москву Волга: сначала руслом канала, а с 1955 года — по проводам сверхдальней электромагистрали. Наша Волжская ГЭС имени В. И. Ленина трудится в полную силу. С момента пуска она выработала сотню миллиардов киловатт-часов электроэнергии. Она дает свой ток заводам столицы, железным дорогам Центра, предприятиям Поволжья и Урала.

Наши мощности идут в «общий котел» единой энергосистемы европейской части страны и вливаются в единую систему всего Советского Союза. Линии электропередач Волжской ГЭС имени В. И. Ленина и Волгоградской гидростанции имени XXIII съезда КПСС соединяются с сетями Юга, Урала и Сибири, и энергия Волги подается в Донбасс, в Прибалтику, на Алтай и пульсирует на тысячах заводов, шахт,

строек. Можно сказать, что великая русская река разлила свою силу по всей советской земле.

На двадцать восемь метров заставил человек подняться Волгу. Он заставил ее накопить пятьдесят восемь миллиардов кубометров воды. Нигде и никогда в мире еще не было такого искусственного водохранилища: шестьсот километров в длину и до сорока в ширину. Там, где на подходе к шлюзу в тот день плыл пароход, недавно лежал город Ставрополь. Город разобрали, погрузили на машины и отвезли за восемь километров к сосновому бору.

Теперь этот город называется Тольятти. Город помолодел и вырос, число его жителей давно перевалило за двести тысяч. Завод синтетического каучука, построенный здесь, пользуется всесоюзной известностью, а завод легковых автомобилей — один из крупнейших в Европе.

Незаметно на Жигули опустился такой же, как десять лет назад, синий августовский вечер. Но сколько огней прибавилось вокруг, сколько новых лампочек Ильича зажглось на волжском берегу!

* * *

*

Я знал, что на улице Осипенко в старом московском доме живет Глеб Максимилианович Кржижановский, знаменитый ученый, близко знавший Ленина, работавший вместе с ним над планом ГОЭЛРО. Много раз мне хотелось навестить этого человека, но, откровенно говоря, все не было повода, а просто так явиться считал неудобным. Наконец случай подвернулся: наш коллектив поручил мне преподнести Глебу Максимилиановичу памятный значок передового строителя Куйбышевской ГЭС. Это был счастливый повод познакомиться с другом и соратником Ильича, и к тому же я надеялся, что внимание куйбышевгидростроителей будет приятно Глебу Максимилиановичу.

Перед тем как пойти к Кржижановскому, я достал из заветной папки, где храню дорогие мне документы, письмо академика, полученное в числе других поздравлений в незабываемые дни пуска нашей ГЭС и перечитал его:

«Поздравляю славный коллектив строителей с досрочным окончанием величайшей в мире гидроэлектростанции.

Новое сооружение является огромным вкладом в дело дальнейшей электрификации нашей Родины по завету В. И. Ленина.

Еще в грозные послеоктябрьские 1919—1920 годы, в пред-

двери великих работ по плану ГОЭЛРО, Ленин думал о предстоящих работах на русских реках. В 1919 году Владимир Ильич неоднократно говорил со мною о возможности энергетического использования великой русской реки Волги. Как порадовался бы сегодня Ильич огням Куйбышевской ГЭС!

Пуск Куйбышевской ГЭС имеет огромное значение для мировой техники. Этот гигант по своей мощности перекрывает известную американскую гидроэлектростанцию Грэнд-Кули. Значение этого факта подчеркивается еще и тем, что Куйбышевская ГЭС сооружалась около семи лет, а станция Грэнд-Кули — более двадцати лет.

Гигант на Волге сооружен большим коллективом гидростроителей-героев, имена которых навсегда войдут в историю строительства коммунизма. В эти торжественные дни мы должны также поздравить и многие коллективы советских промышленных предприятий, которые вместе с гидростроителями ковали эту победу».

Я подумал о незабвенном Михаиле Васильевиче Закоре.

— Поверишь ли, Ванек, — сказал он как-то в мои давние комсомольские годы, — в жизни я никому не завидовал, а товарищу Кржижановскому завидую и не стыжусь в этом признаться. Выпало ему такое счастье! Дружить с Лениным, работать под его непосредственным руководством, участвовать в создании плана ГОЭЛРО...

В этих раздумьях и прошла дорога. Нашел нужную квартиру, позвонил. От смущения я не разглядел, кто открыл дверь и радушно пригласил меня:

— Проходите, Иван Васильевич, проходите. Глеб Максимилианович ждет!..

И я словно очутился в весеннем саду, полном птичьего гомона и щебета: сколько же тут клеток с птицами!

Из соседней комнаты вышел улыбающийся человек, хорошо знакомый по фотографиям. На плечах его легкая серая куртка. Шапочка надвинута почти на брови.

— Очень рад, что навестили старика, очень рад, — сказал он. А я тем временем боком прошел вперед, боясь задеть какую-нибудь из клеток.

Глеб Максимилианович смотрел на меня снизу вверх, как на гору, приглядывался, заходил то с одной, то с другой стороны, щурил светлые с затаенной смешинкой глаза. Мохнатые брови чуть затемняли их живой блеск.

— Да ты пригнись, а то я ведь не разгляжу тебя! — шут-

ливо сказал он, и мне показалось, что я давно знаком и с этим человеком, и с этим домом.

Пригнулся, но это все равно не устроило хозяина дома, тогда я очень осторожно опустился в ближайшее кресло и с ужасом почувствовал, что оно трещит подо мною.

— Какая у вас, однако, хрупкая мебель, — виновато заметил я, а Глеб Максимилианович воскликнул:

— Что ты, разбойник, делаешь: это же кресло Ильича! С тех пор, как он пил у меня чай и сидел в этом кресле, к нему никто больше не прикасался... И как только тебя земля такого большого носит!

Он подвинул мне другое кресло, а сам сел у огромного стола, заваленного книгами, чертежами, рукописями, папками.

— Ну, вот мы и познакомились, — сказал Глеб Максимилианович. — Значит, ты одновременно и начальник строительства, и профессор, заведешь кафедрой в институте. Это хорошо!

Старый академик внимательно посмотрел на меня, и можно себе представить, с каким душевным трепетом приглядывался к нему я, как вслушивался в каждое его слово. Ведь передо мной был соратник, ученик и друг Ленина.

За чаем Глеб Максимилианович спросил:

— Так дела на Волге хороши, говоришь? А Жигули как? Вот красотища-то, не правда ли! — глаза моего собеседника весело сверкнули. — Чудесные места! Особенно от Симбирска до Самары... Любимая моя Волга!

Глеб Максимилианович вдруг задумался. Такой вид бывает у человека, который вспомнил о чем-то очень важном.

А оказалось, что Глеб Максимилианович обратил внимание на кусочек сахара, оставленный мною на белоснежной скатерти. Поддел его ложечкой и положил обратно в сахарницу.

Я смутился. А Глеб Максимилианович заметил:

— Так делал Ильич. Наколет сахар кубиками, их — в стакан, а лишнее в сахарницу и закроет. И вовсе не потому, что у него не хватало сахара. Нет, просто выработалась железная привычка расходовать все экономно... Вот вы построили электростанцию, которая одна намного превышает мощности всех электростанций, которые по плану ГОЭЛРО намечалось построить за десять — пятнадцать лет... Ворочаешь миллиардами! Да, миллиардами! Экое слово... А рубли-то, копейки, поди, и не считаешь?

Я подумал, что действительно, ворочаем миллиардами и стараемся экономить, но хвалиться особенно нечем, могли бы лучше беречь народное добро. И уклончиво ответил:

— Учимся экономить, Глеб Максимилианович!

— И надо учиться. Ведь деньги-то нелегко достаются. Хорошо, что учитесь экономить. Да и вообще молодцы куйбышевгидростроители. Американцам нос утерли. Ведь одна ваша ГЭС вдвое мощнее всех электростанций старой России.

Кржижановский опять задумался.

— Помню, вечером двадцать шестого декабря девятнадцатого года я засиделся у Ильича, — стал рассказывать Глеб Максимилианович. — Обсуждали проблему топливного кризиса. Я обратил внимание Владимира Ильича на неисчерпаемые запасы торфа близ Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска. И вообще увлекся! Ушел домой, раздосадованный на себя за то, что отнял у Ленина так много времени. И вдруг поздней ночью приносят записку от Ильича:

«Необходимо обсудить вопрос в печати.

Вот-де запасы торфа — миллиарды...

Его легкость добывания...

Краткая суть экономической программы.

В случае надобности, запрягите Винтера, но давайте статью скорее»¹. Не предполагал я тогда, что беседа вызовет немедленные и серьезные последствия. Я просто не учел обычной активности Владимира Ильича. Он, если проявлял к чему-нибудь живой интерес, то немедленно переходил от слов к делу.

Глеб Максимилианович помолодел, рассказывая о Ленине. Видно было, что эти дорогие воспоминания доставляли ему огромную радость.

— Смотреть на явления жизни по-ленински, о, это — великое искусство! — воскликнул старый большевик. — Как-то я послал Ильичу статью об электрификации промышленности. На другой же день, двадцать третьего января двадцатого года, получаю письмо, и какое!

...Я знал чуть ли не наизусть это знаменитое письмо, в котором с предельной ясностью была выражена самая суть плана ГОЭЛРО. Тут за каждым словом стоял живой Ленин. Странное дело, Глеб Максимилианович говорил об известных мне вещах, а я каждое его слово воспринимал, как от-

---

¹ Статья «Торф и кризис топлива» была опубликована в «Правде», 1920, № 5.

кровение. Потому что каждое слово ленинского соратника было освящено беспредельной любовью к великому вождю.

Знал я и о том, что русская инженерная мысль давно работала над проблемой использования «белого угля» — энергии рек для нужд электрификации, что взоры многих обращались к Волге, к Самарской луке и что, в частности, эта идея захватила инженера Кржижановского в его молодые годы. Но когда об этом завел речь Глеб Максимилианович, я весь превратился в слух. Одно дело узнать об интересном факте из книги, а совсем другое — услышать о нем от участника события, очевидца, живого свидетеля того, что происходило полвека назад.

— Еще в первое десятилетие этого века я предпринял попытку осуществить идею создания гидроузла на Волге. Но кто мог меня поддержать в царское время? Монархическое правительство? Частное инженерное общество? Вот посмотри, какой отклик получила моя идея. — Глеб Максимилианович подошел к книжному шкафу и достал фотоотпечаток какого-то документа. — Первыми восстали против меня попы. Узнав про мою затею, епископ Самарский и Ставропольский спешно сострипал и направил в Италию графу Орлову-Давыдову донос. Слушай, что написал сей старец:

«Ваше сиятельство, призывая на Вас Божью Благодать, прошу принять архипастырское извещение: на Ваших потомственных исконных владениях прожектеры Самарского технического общества совместно с богоотступником инженером Кржижановским проектируют постройку плотины и большой электрической станции.

Явите милость своим прибытием сохранить Божий мир в Жигулевских владениях и разрушить крамолу в зачатии.

С истинным архипастырским уважением имею честь быть Вашего сиятельства защитник и богомолец Епархиальный архиерей, Преосвященный Симеон, Епископ Самарский и Ставропольский.

Самара, июня 9-го дня 1910 года».

Глеб Максимилианович дал мне документ, сел на диван и стал следить за тем, как я читал. Я чувствовал на себе его внимательный взгляд и думал: бог ты мой, сколько же видел и пережил этот человек! Каких исторических дел был свидетель и участник! На минуту представил себе, что в эту вот дверь входил Владимир Ильич Ленин...

И словно разгадав мои мысли, Глеб Максимилианович стал рассказывать:

— В девятнадцатом году за этим же столом сидел у меня Ленин. «Глебушка, ты вот все трубишь о Самарской луке. Вот тебе мандат и поезжай туда, посмотри, что можно сделать. Раньше там граф Орлов-Давыдов капризничал. Теперь графы нам не помеха». Взял я охранную грамоту, восемь красноармейцев и поехал в Самару по заданию Владимира Ильича. Надо сказать, в ту пору у нас уже имелись материалы изысканий, проведенных инженером Лукьяновым¹, и мне лишь оставалось своими глазами осмотреть район предполагаемого строительства. На трех лошадках верхом отправились мы из Самары по берегу Волги, вдоль по луке. Трудная была, но интересная миссия! По приезде я сделал доклад на заседании Совнаркома. Однако тогда время Волги еще не пришло...

Он взглянул на значок, который я ему вручил. Солнечный луч вспыхнул на голубой эмали. Глеб Максимилианович сказал:

— Да, тогда время Волги еще не пришло. Теперь ленинская мечта воплощена в жизнь. Спасибо тебе за значок. Это хорошая память о нашей встрече, о Волге, о Жигулях, о Куйбышевском гидроузле...

Затем Глеб Максимилианович стал размышлять вслух о ближайшем будущем Волги, о перспективах создания второй очереди нашего гидроузла на Усе:

— Да будет тебе известно, что первый вариант строительства, предложенный мною, был именно вариантом Усы, то есть тем, что сейчас в перспективе планируется второй очередью ГЭС. Строительство на Усе у деревни Переволоки нужно начинать. Я убежден, что не за горами время, когда северные реки Вычегда и Печора будут отдавать свои воды Волге и Каме. Вот тогда-то Волга-матушка сторицей отдаст то, что мы вложили.

— Подумать только, — продолжал Глеб Максимилианович, подойдя к карте, — когда свершится все, что задумано, в центре России у Жигулей будет гидроэлектростанция на три с половиной миллиона киловатт!

— Расскажи, пожалуйста, — попросил Кржижановский, — как работает станция. Только не надо подробностей. Кратко. А то, я вижу, ты человек увлекающийся.

Я рассказал, что к апрелю 1958 года Куйбышевская гидроэлектростанция выработала для народного хозяйства более

¹ Е. В. Лукьянов — видный русский энергетик.

двенадцати миллиардов киловатт-часов электроэнергии, причем большая часть этой энергии была передана центральным районам РСФСР и Москве.

Глеб Максимилианович посоветовал пристально наблюдать за работой турбин, чтобы при конструировании и изготовлении новых, еще более крупных агрегатов учесть замечания эксплуатационников.

Когда я сказал, что последние месяцы мы уделяли много сил и внимания отделочным работам, Кржижановский заметил:

— Да, конечно, вы мастера больших цифр, больших рекордов переработки земли, бетона. Но имейте в виду, что Куйбышевская гидроэлектростанция должна быть не только самой мощной, но и самой красивой. Со всей земли к вам станут приезжать смотреть на нее. Ведь это как бы визитная карточка нашей страны, нашего народа. Уж вы на последнем этапе не ударьте лицом в грязь!

И Кржижановский с чувством повторил слова, написанные им в поздравлении нашим строителям:

— Как порадовался бы сегодня Ильич огням Куйбышевской ГЭС!

Глеб Максимилианович рассказал, как узколобо, мелкопотребительски и, в сущности, безграмотно подходило к решению энергетических проблем России германское «Акционерное общество электрического освещения в Москве», где он служил.

— Кстати говоря, — сообщил Глеб Максимилианович, — эта моя служба в немецкой фирме была отличной ширмой, помогавшей мне избежать полицейского надзора. Главу фирмы интересовали только доходы, больше ничего. Встречаясь со мною, он постоянно повторял: «Запомните, господин Кржижановский, самое главное, о чем нам не следует забывать, это прибыль и еще раз прибыль. Наша фирма должна систематически получать не менее пятнадцати процентов от вложенного капитала».

Я выслушал рассказ Глеба Максимилиановича, и мне захотелось сказать ему что-то очень хорошее. Я, видевший Владимира Ильича только на киноэкране и на портретах, стал рассказывать Кржижановскому о том, какую роль сыграл в моей жизни Ленин. Я вспоминал о скорбных днях января 1924 года. Дымные костры в Охотном ряду. Бесконечную очередь у Дома Союзов. У меня от пронизывающего

холода деревенели ноги, и стоявший рядом крестьянин-сибиряк предложил:

— У нас с тобой, поди, нога одинаковая. Давай, парень, будем обувкой меняться, а то пока наш черед дойдет, одолеет тебя мороз.

И каждые полчаса мы забегали с ним в подъезд жилого дома и менялись «обувкой»: он надевал мои худые, разбитые башмаки, а я — его стоптанные, но теплые валенки.

Когда мы с этим крестьянином уже глубокой ночью проходили мимо гроба вождя, он вдруг отделился от очереди, положил что-то на краешек постамента между венками и, вернувшись, шепнул: «Оставил Ильичу свою партизанскую награду за Волочаевку». Сказал так и заплакал. Глядя на него, и я тогда не мог удержаться от слез...

По Ленинскому призыву тысячи и тысячи рабочих и крестьян пошли в партию, я, комсомолец, тоже подал заявление в партячейку и стал коммунистом.

Глеб Максимилианович, несмотря на то, что наша встреча затянулась, слушал очень внимательно и лишь изредка приговаривал:

— Говори, голубчик, говори...

И я рассказывал и рассказывал старейшему энергетiku о стройке, о бессонных ночах, которых было у меня немало, когда я узнал, что мне доверено руководство строительством Куйбышевской ГЭС, о том, как накануне вылета в район будущей стройки пришел на Красную площадь, к Ленину...

Когда я закончил рассказ, Глеб Максимилианович задумчиво сказал:

— Я знал живого Владимира Ильича...

Помолчал, добавил:

— А вот теперь мы идем к нему в Мавзолей.

...Два часа пролетели как мгновение. Прощаясь со мной, Глеб Максимилианович сказал:

— Передай всем строителям, партийному комитету мое искреннее, душевное спасибо за памятный значок. Великая благодарность всему коллективу за то, что он осуществил возложенное на него историческое дело...

* * *

*

Даже в самую страдную пору, когда шла подготовка к пуску последних агрегатов, гидростроители не забывали о своем долге строить по совместительству, строить то, в чем боль-

ше всего нуждалась страна, что намечалось к осуществлению в директивах партии.

При всей занятости основными работами на великой стройке, коллектив постановил: в придачу к электрическим мощностям дать стране и миллионные мощности по цементу. И вот уже врезались тремя ярусами в Яблоневый овраг корпуса нового комбината, вровень с жигулевскими кручами взметнулась ввысь первая заводская труба, заблестела на солнце новенькая железнодорожная линия.

Нам наступали на пятки сроки пуска шести последних агрегатов, а мы бросали все новые и новые силы в Саратов и одновременно закладывали заводы в Ставрополе, ради этого уклоняясь порой от «направления главного удара».

Несмотря на все трудности, свое обязательство — строить по совместительству — коллектив гидростроителей выполнял исправно. Были проложены сотни километров железнодорожных путей, и начали действовать наши железнодорожные станции Бетонная, Арматурная, Жигулевское море, затем появилась еще одна станция — Промышленная. Одна ее ветка шла на строительство завода синтетического каучука, другая — к заводу цементного оборудования и строительных машин, третья — к заводу сборного железобетона, четвертая — к строительству судоремонтного завода, пятая — к строительству электромашиностроительного завода. Туда, в степные просторы Заволжья, пошли наши тракторные и автомобильные колонны, грейдеры, бульдозеры, краны.

Прорезали степь асфальтированные шоссе. Со всех концов страны принимала грузы станция Промышленная.

Тогдашний председатель Госплана СССР И. И. Кузьмин однажды во время беседы вдруг спросил, знаю ли я что-нибудь о Курской магнитной аномалии, о том, какие там сокровища железных руд. Слово за слово. Незаметно завязался разговор на эту тему. Короче говоря, на другой день я уже не мог отрешиться от мысли о том, как много могли бы сделать наши «землеройные силы» для разработки рудников открытым способом. А Сергей Павлович Карцев, наш главный землекоп, услышав о КМА, стал бредить рудой. До того дошло, что, как-то встретив меня на стройке, Карцев сказал:

— Поверите ли, Иван Васильевич, «магнитные» сны вижу по ночам! Вот бы поехать потом туда!

Что ж, думал я, придет день, и мы скажем: «Прощай, Ставрополь, прощай, зеленый Порт-город! Прощайте, веселый Комсомольск и живописный Жигулевск!». Да, мы уйдем

отсюда. Но уйдем, сознавая, что рабочим будущих заводов отойдет в наследство все сделанное нами.

Ведь в конечном счете все остается людям, нашим, советским.

И неважно, где потом стали трудиться строители Куйбышевской ГЭС. Дорого было само это их желание — идти туда, где всего труднее и интереснее, где можно принести Родине больше пользы.

Впрочем, кто знает, мечтал я в ту пору, может быть, мы еще вернемся и сюда, в Жигули.

Сколько раз я ловил себя на этой мысли!.. Попаду, бывало, на водосливную плотину, посмотрю, какая лавина устремляется из ее проемов, непременно прикину: не поставить ли десяток турбин на водосбросах плотины? А когда оказывался в устье реки Усы, впадающей в Волгу немного выше гидроузла, то буквально видел новую, примерно такую же по мощности ГЭС... Удобнейшее место!

На карте видно, что тонкая змейка Усы берет начало почти у самой Сызрани. И если бы не узкий перешеек, она как бы замкнула Самарскую луку, выбегая из Волги и в Волгу же впадая. Издревле волгари плавали знаменитой здешней «кругосветкой». Из Сызрани они тащили лодки через переволок и шли по Усе в Волгу, к Самаре, по течению, а обратно, из Самары в Сызрань, — опять же по течению, так что можно было и не братья за весла.

Однако Уса уже не та, какой была раньше. Прежде Усу вброд переходили, а сейчас она разлилась, вспоенная Волгой. Куйбышевское море и ее подняло на двадцать восемь метров. Если кто, плывя на пароходе по громадному водному пространству, теряет теперь из виду волжские берега и тоскует по прежним пейзажам великой реки, воспетым поэтами и живописцами, пусть войдет на лодке в Усу, и он непременно воскликнет:

— Так это же Волга!

Если новая, полноводная Уса отделена узкой полоской земли от Волги в ее нижнем течении, то почему бы не прорыть в этой полоске русло и не использовать двадцативосьмиметровый перепад? Готова естественная перемычка, построить здесь станцию, и будет второй электрический гигант...

Нет конца человеческим мечтам, и хорошо, что нет. Еще и нам, и многим будущим поколениям предстоит строить и строить, переоборудуя нашу планету. И сегодня кто-то из

беспокойного племени строителей открывает дверь в рубленую избушку какой-нибудь Михайловки, Сосновки или Березовки, достает карты и чертежи, прикидывает — а какие заботы принесет ему завтрашний день... Разные заботы, большие и маленькие. Но в важном деле и маленькая победа — залог большой. Кто из моих друзей-строителей забыл о том, как создавался в нашем Комсомольске первый хлебозавод? Тогда хлеб нам возили из Куйбышева, и приходилось его распиливать пилой. И вот взял в руки мерзлый хлеб наш искуснейший пекарь дядя Костя и сказал монтажникам, которые уже трижды срывали (по объективным причинам!) пуск автоматической линии на хлебопекарне.

— Чего приуныли, ребята? Знаете, какие мы тут пышные хлеба будем печь? Какие булки, калачи, караваи? Пахучие, румяные, воздушные.

Старик говорил с такой убежденностью, что, казалось, вдруг пахнуло свежим, душистым хлебом. И ребята-монтажники, выслушав дядю Костю, остались в ночь и «добили» автоматическую линию. Строители вскоре получили свежий хлеб.

Этот простой эпизод на расстоянии во времени отнюдь не кажется мне пустяковым. Каравай хлеба на столе рабочего и пуск первой турбины в памяти — рядом...

* *
*

Канделябры со стеариновыми свечами стоят на рабочем столе в кремлевском кабинете В. И. Ленина. Они напоминают нам о том, в какой энергетической бедности жила Россия, когда великий вождь думал над планом ГОЭЛРО.

Документы тех лет красноречиво свидетельствуют, как скверно обстояло дело с электричеством даже в Москве.

С какой радостью прочел Владимир Ильич статью электрика Н. Н. Вашкова, в которой между прочим говорилось о том, что комбинация нескольких крупных станций могла бы дать Москве 10 тысяч киловатт. «Прошу сообщить, дала ли действительно, сколько именно и когда?»¹, — срочно запрашивал В. И. Ленин автора статьи.

Вот что значили в то время десять тысяч киловатт для столицы. Что же говорить о других городах России!

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 85.

В той же телефонограмме, адресованной Н. Н. Вашкову, Владимир Ильич интересовался еще и тем, «нельзя ли выделить особо более крупные станции, имеющие действительно промышленное значение, например, с числом киловатт в 1000 или такого размера, какие могут быть признаны крупными и имеющими значение для промышленности?»¹.

Тысяча киловатт! Теперь в нашей стране счет идет на сотни миллиардов киловатт-часов элетроэнергии. Мощность первой советской гидроэлектростанции — Волховской ГЭС, вступившей в строй в декабре 1926 года, составляла 58 тысяч киловатт. А наша Красноярская ГЭС в марте 1970 года, после включения десятого агрегата, достигла запланированной мощности — пяти миллионов киловатт.

Пятьдесят восемь тысяч и пять миллионов! Право же, это сопоставление может вызвать чувство изумления...

Однако и Волховская ГЭС в свое время поражала воображение. Для тех лет она была уникальным сооружением и по праву вписала одну из самых славных страниц в историю советского гидростроения. Волховстрой воплотил ленинскую идею электрификации страны. И как пророчество воспринимается сейчас статья в «Правде», посвященная вступлению в строй Волховской ГЭС. Газета писала:

«Советский Союз будет не раз открывать новые электростанции, еще более грандиозные, чем Волховская, более усовершенствованные, более мощные; будут торжественные собрания рабочих, и взволнованная толпа будет петь «Интернационал». И все же единственным, неповторимым, непревзойденным останется момент открытия Волховской станции... Может или не может быть осуществлено строительство социализма в СССР? Да! Вот в болотной глуши на берегу полупустынной реки засверкал тысячами огней изумительный по силе положительный ответ».

Основные положения ленинского плана ГОЭЛРО и сегодня сохранили свое непреходящее значение: опережающие темпы развития электроэнергетики, концентрация мощности электростанций, централизация производства электроэнергии и широкое использование местных топливных и водно-энергетических ресурсов.

Наряду с гигантскими ГЭС у нас построены круйнейшие в мире тепловые электростанции, такие, например, как Приднепровская и Конаковская ГРЭС мощностью в 2,4 миллиона

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 53, стр. 85.

киловатт каждая. Богатырями энергетики можно также назвать Змиевскую и Бурштынскую, Назаровскую и Славянскую ГРЭС. На очереди — еще более мощные станции. Одни из них проектируются, другие строятся. Энергетические мощности СССР растут год от года.

После Волжской ГЭС имени В. И. Ленина в 2,3 миллиона киловатт — первой отечественной гидроэлектростанции, побившей мировой рекорд, вступили в строй Волгоградская ГЭС имени XVIII съезда КПСС мощностью в 2,53 миллиона киловатт и такие исполины советской энергетики, как Братская ГЭС на Ангаре в 4,1 миллиона киловатт и Красноярская гидроэлектростанция на Енисее в 5 миллионов киловатт. Сегодня мощности электрических станций СССР в 130 раз превышают энерговооруженность России 1913 года. По выработке электроэнергии Советский Союз занимает сейчас первое место в Европе и второе в мире.

Огромные мощности сулят нам атомные электростанции, первая из которых была построена в СССР. Сейчас дают промышленный ток такие крупные станции, работающие за счет энергии атома, как Белоярская, Нововоронежская и Мелекесская, а на очереди — Билибинская, Шевченковская и другие. У атомных электростанций — великое будущее.

Впереди у нас непочатый край работы. И чем больше работы, тем больше радуются строители.

В СТРАНЕ ПИРАМИД И СФИНКСОВ

Хожу к друзьям.— Привыкаем к Египту.— «Мы построим Садр аль-Аали»¹.— Немного истории.— Советский проект признан лучшим!

Самолет медленно плыл в синеве неба. Сверху сияло солнце, внизу все было затянуто облаками, да и смотреть вниз не было никакого настроения.

Я летел из Москвы в Куйбышев в скверном настроении. В моем распоряжении было всего три дня. За эти три дня мне нужно было вернуться с семьей в столицу и оттуда улететь на место новой работы.

...Закончилось строительство Волжской гидроэлектростанции имени В. И. Ленина. Позади остались годы напряженного труда, бессонные ночи, неиспользованные выходные, пропущенные отпуска. Я порядком устал и впервые за последние годы собирался отдохнуть в Крыму или на Кавказе. Но последовал неожиданный вызов в Москву и предложение поехать в ОАР на строительство высотной Асуанской плотины.

В самолете я рассуждал про себя: «Человек ты немолодой, из комсомольского возраста давно уже вышел. И здоровье, надо прямо сказать, не первый класс, а поездка предстоит чуть ли не на экватор. Сколько можно таскаться по белу свету! Вот уже тридцать лет как ты по стройкам кочуешь...».

Потом невеселые мысли отступили: и чего это я раньше срока в старики записался? Всего-навсего шестой десяток пошел. Да и на здоровье нечего жаловаться. Конечно, устал. Зато плотина-то какая! Уникальная!

---

¹ Высотная плотина. Так арабы называли великую стройку на Ниле.

Приехал я домой, объявил новость домочадцам и отправился к Василию Михайловичу Клементьеву.

На Куйбышевгидрострое Клементьев был человеком знаменитым. Герой Социалистического Труда, искуснейший экскаваторщик. Таких экскаваторщиков я за все годы работы повидал немного: рассыпьте перед его машиной килограмм гороху, он этот килограмм своим четырехкубовым ковшом по горошинке соберет!

Клементьев и жена его обрадовались моему приходу. Ведь с Василием Михайловичем мы старые друзья. Но я все-таки заметил: Клементьевы постарелись. Потом он признался мне: «Я, Иван Васильевич, тут же смекнул, что не просто так ты пришел».

Гостеприимная хозяйка хлопотала вокруг стола. Мы с Василием Михайловичем завели разговор о том, о сем.

— А я, Василий Михайлович, назначение новое получил,— сказал я как бы между прочим, когда мы с ним вышли в сад.

Клементьев остановился.

— Куда?

— В Африку. В Египет. Высотную Асуанскую плотину строить.

Посмотрел на меня Василий Михайлович, улыбнулся:

— Эх, и хитрован же ты, Иван Васильевич! Нет, уволь, я уж наездился... И годы мои не те, чтоб опять в дорогу... да еще в Африку.

Я засмеялся. Подошла к нам и жена Клементьева. Узнав о моем предложении, заволновалась:

— Зачем нам ехать куда-то в Африку? Неужели снова сниматься с насиженного места? У нас здесь все есть — дом, сад, работа хорошая, товарищи, от людей уважение...

Клементьев присоединяется к мнению жены.

— Я, Иван Васильевич,— добавляет он,— помимо всего прочего, только что «Волгу» купил, получил права водительские... Нет, никуда я отсюда не поеду.

С тем я и ушел.

В тот же вечер совершил я еще несколько «заходов» к лучшим рабочим строительства — экскаваторщикам и бульдозеристам. И везде получил отказы. Особенно доставалось мне от жен. Они упрекали меня в том, что я не даю их мужьям, и без того людям беспокойным и непоседливым, прочно закрепиться на одном месте.

Домой вернулся ночью.

Рано утром меня разбудила жена:

— К тебе гость.

Оделся, вышел и увидел Василия Михайловича Клементьева.

— Извини, Иван Васильевич, что ни свет ни заря нагрянул к тебе. После твоего ухода мы с Настей вернулись к разговору про Африку. Покричали друг на друга. Но потом решили, что земля, конечно, далекая, жаркая, а все же... Нужна там электростанция. Короче говоря, записываюсь.

Вслед за Клементьевым объявились и другие добровольцы. И вскоре с группой лучших рабочих-механизаторов — Василием Клементьевым, Петром Артамоновым, Григорием Дузином, Николаем Куницыным и Василием Рылеевым — я вылетел в Каир.

* *

*

Признаться, мне и в голову не приходило, что когда-нибудь я буду стоять у подножия пирамиды Хеопса и даже смогу дотронуться до нее рукой.

Но вот ведь оказался у пирамиды, смотрел на нее и даже не очень удивлялся.

Вокруг расхаживали туристы, поблескивая стеклами солнцезащитных очков. Щелкали затворы фотоаппаратов. Сухопарая леди почтенного возраста восседала на верблюде, которого держал за поводья молчаливый бедуин в выцветшем одеянии.

Фотограф-араб то нацеливал на леди объектив старомодной камеры, то суетился возле надменного верблюда.

Леди улыбалась во весь рот, и ее фарфоровые зубы сверкали ярче солнца.

— Снимок пришлете в отель «Хилтон», — и леди сунула фотографу визитную карточку.

«Хилтон»... Это слово напомнило о том, что и мне пора возвращаться в Каир. Перед тем как сесть в машину, я еще раз бросил взгляд на пирамиды. Они четко вырисовывались на фоне светло-синего неба. Сфинкс бесстрастно смотрел сквозь дрожащее марево зноя на раскинувшуюся перед ним Ливийскую пустыню. Для него словно бы и не существовало беспощадного времени.

В ясные дни из окна моего номера на одиннадцатом этаже отеля «Хилтон» были отчетливо видны пирамиды Хеопса, Хефрена, Микерина. А внизу, совсем рядом, плескались коричневые волны Нила.

Постепенно я привык к египетскому пейзажу. Впрочем, «привык» — не то слово. Для меня, как, верно, и для любого инженера-гидростроителя, Нил и пирамиды — не просто экзотика. Глядя на Нил, я думал о том, какие неисчислимые энергетические ресурсы таит в себе эта величайшая в мире река. Пирамида Хеопса наводила на мысль о потенциальных возможностях народа, который в незапамятные времена, несколько тысячелетий назад создал столь монументальное сооружение. Даже теперь, в век небывалого расцвета науки и техники, не так-то просто было бы отшлифовать два миллиона триста тысяч каменных глыб, перевезти их и сложить пирамиду высотой в сто сорок семь метров. Подсчитано, что понадобилось бы более шестисот тысяч вагонов, чтобы перевезти столько камня.

Огромная цифра!

Но есть и еще большая: высотная Асуанская плотина по объему в семнадцать раз превысит пирамиду Хеопса!

В те дни на сердце у меня было беспокойно: начиналось обсуждение методов строительства будущего Асуанского гидроузла. Специальная Международная комиссия консультантов должна была рассматривать советские предложения, которые нам предстояло защитить.

Все говорило за то, что борьба инженерных идей будет ожесточенной. Мы уже знали, что представляют собой некоторые из наших иностранных оппонентов. Надеяться на их объективность не приходилось.

Накануне обсуждения в холле гостиницы я встретил профессора Страуба. Он был не один. По обыкновению этого художавого семидесятилетнего американца сопровождала его супруга, высокая худая дама.

После обычного обмена приветствиями он, американский эксперт, член Международной комиссии консультантов по рассмотрению проекта строительства высотной Асуанской плотины, спросил меня:

- Нравится ли вам, коллега, этот американский отель?
- Почему американский? — спросил я.
- О, разве вы не знаете, что «Хилтон» построен по американскому проекту и на американские доллары?
- Насколько мне известно, — возразил я, — отель строили сами египтяне и из своих собственных материалов. Они обошлись без иностранных специалистов и без вашей техники, это, между прочим, лишний раз укрепляет мою уверенность

в том, что такие искусные мастера сумеют построить и Асуанский гидроузел.

Наступило неловкое молчание.

Потом профессор Страуб сказал:

— Вы еще плохо знаете их, мистер Комзин. У арабов совсем другая школа.— Он взглянул на часы.— Впрочем, продолжим этот разговор как-нибудь в другой раз...

Настал решающий день. И до чего же мы волновались! Хотя каждый из наших гидростроителей был уверен в правильности советских предложений, никому не удалось остаться спокойным.

За завтраком Николай Александрович Малышев как бы невзначай спросил меня, по-волжски нажимая на «о»:

— Что с тобой, Иван Васильевич? Ты сегодня на себя не похож. С чего бы это?

Посмотрел я на него и ответил в том же духе, нажимая на «о»:

— И ты тоже, дорогой Николай Александрович, почему-то плохо выглядишь сегодня. Ума не приложу, какая тому причина...

Конечно, Николай Александрович волновался не меньше, чем я. Но внешне он был спокойным.

Чтобы скоротать оставшиеся до заседания часы, мы с утра побывали в каирском историческом музее, бродили по залам картинных галерей. Но забыть хоть на минуту о предстоящем заседании не могли.

Успешная защита наших предложений означала бы триумф советской гидротехнической школы.

В положенный час поехали мы в министерство по делам строительства высотной Асуанской плотины. Вошли в огромный кабинет доктора Хасана Заки. Малышев на ходу шутиво заметил:

— Ого, Иван Васильевич, этот кабинетик, пожалуй,точку побольше того, что был у тебя на Куйбышевгидрострое. Там у тебя в волейбол можно было играть, а здесь целое футбольное поле.

Доктор Хасан Заки увидел, что я рассматриваю высокий потолок и лепные карнизы огромного помещения, похожего больше на конференц-зал, чем на рабочий кабинет, и сказал:

— Не удивляйтесь, господа. Это кабинет бывшего заместителя председателя парламента при короле Фаруке. Для меня кабинет слишком велик. Я здесь временно, как только

комиссия кончит заседать, вернусь в свой маленький «офис» в Гизе.

Затем Хасан Заки сказал:

— Я глубоко сожалею, господа, но вряд ли нам сегодня удастся встретиться с членами международной комиссии. Я упустил из виду одно обстоятельство: сегодня воскресенье, и международные эксперты во главе с председателем комиссии профессором Карлом Терзаги отправились в церковь. К тому же еще не прилетел из Западной Германии Макс Пруэсс.

И, раскрыв папку, доктор Заки добавил:

— Ну, а пока, чтобы не терять даром времени, познакомьтесь с некоторыми вопросами, которые подготовили наши специалисты-арабы и инженеры-консультанты.

Мы привыкли видеть нашего египетского коллегу в бодром, хорошем настроении, а в тот день вид у него был грустный и озабоченный.

— Вас, думаю, не огорчит то, что я сообщу сейчас, — сказал доктор Хасан Заки, — ведь вы сами, очевидно, ожидаете критических выступлений международных экспертов.

И он рассказал, что некоторые члены международной комиссии серьезно критиковали советский проект.

Так, значит, вот кто испортил настроение нашему арабскому другу, подумал я.

Некоторые критические высказывания международных экспертов уже успели просочиться в печать. Эксперты безапелляционно выступали против строительства открытого канала и поддерживали первоначальный план направления вод реки по семи тоннелям. В интервью корреспондентам арабских и иностранных газет и телеграфных агентств они заявили, что готовятся опубликовать целый доклад, критикующий наши проектные предложения.

Однако эти речи не убедили ни опытного инженера Хасана Заки, ни его коллег. Специалист с огромным практическим стажем, участник многих технических экспертиз, Хасан Заки явно отдавал предпочтение нашему проекту. Правительство Египта доверило ему выбрать лучшее инженерное решение. И он выбрал его. Но удастся ли Заки убедить международных экспертов, консультантов в преимуществах русского проекта?

Мы отлично понимали всю сложность положения, в котором очутился Хасан Заки.

— Да, предстоит серьезное сражение, — сказал я, — и

очень важно не допустить, чтобы соревнование между различными инженерными школами переросло в политическую борьбу.

Доктор Хасан Заки понимающе посмотрел на меня, потом на Малышева и, заметно повеселев, заверил:

— Поверьте мне, дорогие друзья, все будет хорошо!

Хасан Заки и его единомышленники, египетские инженеры, долгие годы вынашивали заветную идею построить высотную плотину на Ниле и покончить с «водным голодом» в стране. Хасан Заки, Муса Арафа, Ахмед Саид и другие арабские специалисты — гидротехники и гидроирригаторы — давно предлагали воздвигнуть в верхнем течении Нила громадную плотину, которая позволила бы создать море пресной воды. Гигантское водохранилище разрешило бы извечную проблему планомерного орошения полей, избавило бы феллахов от многих бед и несчастий, порождаемых стихией.

— Сорок пять лет жизни отдал я изучению проблемы, — неторопливо рассказывал Хасан Заки, — как сделать, чтобы заставить Нил лучше служить нашему народу. Да что я!.. Из века в век, из поколения в поколение египтяне бились над этой жизненно важной проблемой. Как же мы должны радоваться сейчас, когда из мечты строительство Асуанской плотины становится былью! Воздвигнутая с помощью советских друзей плотина затмит славу египетских пирамид, которые тысячелетиями считались первым из семи чудес света.

Доктор Хасан Заки помолчал немного. Молчали и мы. В заключение наш друг сказал:

— Мы построим Садд аль-Аали! Обязательно построим! Это стало возможным благодаря сотрудничеству наших двух народов, искреннему чувству дружбы, которое питают друг к другу арабы и русские!

* *

*

Я часто вспоминал слова Хасана Заки, когда позднее ездил по Египту. Теперь я по-настоящему оценил всю справедливость слов моего арабского друга о значении Садд аль-Аали для его соотечественников, для страны поливного земледелия...

Разумеется, я знал, что Египет — одна из древнейших стран мира. Имел представление о его культурных памятниках и тысячелетних ирригационных сооружениях. К тому же, когда мы собирались в Каир, то основательно изучили проектные и изыскательские материалы о будущей плотине в

Асуане и о других, уже действующих гидротехнических сооружениях на Ниле...

Но одно дело узнать из книг, а совсем другое — увидеть своими глазами, да еще услышать такого страстного рассказчика, как Хасан Заки. Мой арабский друг читал мне целые лекции о культуре, истории и традициях египетского народа.

— Более пяти тысяч лет назад на нашей древней земле уже процветали ремесла и искусства, возводились такие сооружения, которые и современные зодчие считают чудом. История Египта — это летопись народных страданий... Какие только не вторгались на нашу землю завоеватели — персидские цари, фаланги Александра Македонского, когорты Октавиана Августа, крестonosцы, турки-османы. Турок сменили французские колонизаторы. А в 1882 году в Египет вторглись английские войска. С первых дней оккупанты установили во всех городах и селениях жестокий колониальный режим. Формально Египет продолжал считаться провинцией Османской империи, а по существу вся власть в стране принадлежала британскому генеральному консулу. Везде и всюду, в больших и второстепенных учреждениях командовали англичане...

Хасан Заки рассказал, что это засилье англичан с гневом и сарказмом описал русский естествоиспытатель Иван Николаевич Клинген, побывавший в Египте в конце XIX века. Все, что попадалось Клингену на глаза, было английским. Он видел «английские эскадры и бесчисленные английские торговые пароходы, английских жандармов на пристанях, английские войска в цитадели, английских подставных министров, многочисленных английских чиновников, английских директоров школ, английские магазины, английские моды, английские игры», и уж конечно на каждом шагу Клинген «слышал английский язык». «А что всего важнее, — писал далее русский ученый, — крупные английские капиталисты и ростовщики наводнили Египет, и с помощью вооруженной армии, которую содержат — как величайший курьез — за счет самих египтян, они поддерживают неизменно и во всем «английские интересы», все расширяя «меры гарантий» и «сферы влияния», от которых бедняжке-босоножке, полураздетому феллаху покажется скоро небо с овчинку»...

— Семьдесят лет английского владычества были семьдесятю годами бедствий и страданий египетского народа. Египет освободился от иностранных колонизаторов в 1952 году.

Но англичане и французы не могли примириться с потерей такого лакомого куса и начали интервенцию. Все прогрессивное человечество было на нашей стороне, — рассказывал египетский инженер. — Большую помощь оказал нам Советский Союз. Интервенция провалилась. Вскоре после революции 1955 года правительство Египта провело аграрную реформу, которая ограничила крупное помещичье землевладение. Если при хедивах — королях — и англичанах большая доля земли и воды находилась во владении помещиков, то теперь часть принадлежавших им земель передавалась феллахам. Как раз в это время надежд и социальных преобразований у нас с новой силой встал вопрос о сооружении мощной плотины, создании на берегу Нила одного из самых больших в мире искусственных озер.

— Историю гидротехнических сооружений на Ниле мы, арабы, делим на три периода, — продолжал доктор Хасан Заки. — Сто лет назад гидротехническим строительством на Ниле занимались французы «по праву порабитителей», после них такие сооружения возводили англичане «по праву силы», а сегодня Египет совместно с Советским Союзом будет возводить самое крупное сооружение на африканском континенте по своему собственному желанию и выбору египетского народа...

Во время поездок по Египту я убедился, что национально-освободительная революция 1952 года, о которой подробно рассказывал Хасан Заки, лишь частично улучшила положение феллахов. После аграрной реформы из двух миллионов семей безземельных и малоземельных крестьян только около двухсот тысяч получили возможность приобрести у государства небольшие участки земли — по два феддана¹ с выплатой их стоимости в рассрочку в течение сорока лет.

За последние десятилетия население Египта значительно увеличилось, а земельные площади, занятые посевами, остались почти прежними. Перед республикой возникли серьезные проблемы: надо было удовлетворить жизненные потребности населения, главным образом в хлебе, увеличить количество земель, которые можно орошать и культивировать под посевы, ликвидировать последствия колониализма, превратить республику в страну независимую и индустриальную, вполне самостоятельную в политическом и экономическом отношении.

---

¹ Феддан — 0,42 гектара.

В дни, предшествовавшие совещанию международных экспертов, арабская печать широко комментировала перипетии политической борьбы, которая шла вокруг будущей высотной Асуанской плотины.

Молодая республика, едва вставшая на ноги после стольких десятилетий колониального угнетения, нуждалась в финансовой помощи. Ее общали Соединенные Штаты Америки. Но по политическим мотивам это обещание было объявлено недействительным. Государственный секретарь США Джон Фостер Даллес созвал пресс-конференцию в Вашингтоне и заявил, что американское правительство решило не предоставлять Египту обещанный заем в 56 миллионов долларов для финансирования строительства Асуанской плотины. Сразу же после пресс-конференции Даллес демонстративно вызвал к себе посла ОАР в Вашингтоне и вручил ему письмо с отказом.

Почти то же самое произошло в Лондоне. Приняв в экстренном порядке посла Египта, заместитель министра иностранных дел Англии поставил его в известность, что «правительство ее величества аннулирует свое обещание о предоставлении египетскому правительству займа в 15 миллионов долларов».

Поспешил уведомить египетское правительство о том, что ему нечего рассчитывать на обещанный заем в двести миллионов долларов, и директор Международного банка реконструкции и развития Юджин Блэк. Кстати, Юджина Блэка мне дважды довелось видеть в Каире, куда он приезжал в качестве «змея-искусителя», суля правительству Египта обильную американскую «помощь».

Заокеанские и английские империалисты возлагали надежды на то, что под их нажимом Египет немедленно капитулирует. Но они просчитались. Арабы еще раз убедились в том, кто их друзья и кто их враги.

...Итак, поскольку международные эксперты молились, а один из них еще только летел в Каир, заседание Международной комиссии консультантов было перенесено на следующий день.

В понедельник утром я встретился с доктором Максом Пруэссом, с которым успел познакомиться сразу после его прибытия из Федеративной Республики Германии в Каир. Узнав, что я главный советский эксперт, он сказал, что хотел

бы поговорить со мной. Точно в назначенное время Пруэсс вышел из лифта и быстрым шагом направился в глубину холла, где я ждал его.

Высокий и по-военному подтянутый, он производил впечатление строевого офицера, надевшего гражданский костюм. На его лице розовело несколько шрамов.

— Мы с вами, можно сказать, дважды коллеги, — начал доктор Пруэсс, проводя рукой по лысеющей голове. — Вы строитель-гидротехник и я строитель-гидротехник, вы фортификатор и я фортификатор.

Во время наступившей паузы вдруг сработала моя память: фортификатор Пруэсс... Знакомая фамилия!

Память отчетливо воскресила Прибалтику в годы войны. И я словно услышал рокот беспокойного моря, гудение немецких самолетов и свист падающих бомб. Я был тогда начальником строительства береговых укреплений Таллинского и Рижского морских оборонительных рубежей. Да, несомненно, с герром Пруэссом мы уже встречались. Не лицом к лицу, как сейчас, а в качестве противников. Помнится, его фамилия мелькала в немецких сводках...

— У нас действительно родственные специальности, — согласился я. — Но о чем вы хотели со мной поговорить?

— О, моя беседа займет совсем немного времени. Но заранее прошу вас отнестись к тому, что я скажу, как к рекомендации друга и коллеги.

Я был готов внимательно выслушать любую речь моего собеседника. Но то, о чем он повел речь, явилось для меня полной неожиданностью.

— Я хотел вам сказать, — начал с расстановкой доктор Пруэсс, — что нам с вами нельзя забывать о вероятности атомных бомбардировок гидротехнических сооружений с воздуха. Ведь вы знаете, что это такое в военных условиях? — Он испытующе посмотрел на меня.

Я ответил, что вполне представляю себе, что значит бомбардировка при современном состоянии военной техники, но не понимаю, чем вызвана необходимость говорить сейчас об этом.

Пруэсс откинулся на спинку кресла и, посмотрев на чистое небо в прямоугольнике окна, продолжал:

— Чтобы вам стала яснее моя мысль, напомним вам одну английскую поговорку: «Чтоб купленные яйца сохранить, их в двух корзинах надобно носить». Не правда ли, замечательная поговорка? — Доктор Пруэсс внимательно взглянул на

меня.— Мне кажется... я думаю, вы согласитесь со мной, что гидростанцию при высотной Асуанской плотине следовало бы построить на левом берегу. В этом отношении я считаю проект англичан очень хорошим и правильным. Такое расположение в какой-то степени предохранит от опасности и уникальное сооружение гидростанции, и водорегулирующие сооружения, находящиеся на правом берегу, в случае воздушной атаки.

«Дружеский совет» доктора Макса Пруэсса, равно как и его забота о «друзьях-арабах», несколько озадачили меня.

— Извините меня, уважаемый коллега,— ответил я,— но ваше предложение представляется мне по меньшей мере странным. Ведь мы с вами находимся в стране, которая придерживается политики нейтралитета. Ну, а случись такое несчастье, как война, что может спасти Асуанскую гидростанцию от термоядерной бомбардировки? Какая разница, будет ли она находиться на правом или на левом берегу?

— Ну что ж, коллега,— доктор Пруэсс встал и протянул мне руку.— У нас еще будет с вами официальный разговор. Желаю удачи!

Узнав, о чем говорил Пруэсс, Николай Александрович Малышев сказал:

— Ну и хитер! Чувствуешь, куда он клонит? Атомной войной пугает... Но именно в этом его слабость. Значит, у него нет других аргументов против нашего проекта. Потому он и вел разговор только о месте расположения электростанции. Он хочет, чтобы мы хоть в одном уступили, хоть частично приняли английский проект о раздельном расположении водопропускных сооружений и электростанции.

...Наконец все иностранные эксперты были в сборе, и мы опять пришли в министерство строительства высотной Асуанской плотины. Но теперь кабинет Хасана Заки уже не казался просторным — столько собралось народу. Звучала арабская, английская, французская и немецкая речь. До нас долетали обрывки деловых разговоров, шутки, приветствия.

Только у доктора Хасана Заки опять был невеселый, озабоченный вид. Каждый из нас, советских экспертов, хорошо понимал, что творилось в душе у старого инженера. Мы верили в его объективность.

И вот заседание международной комиссии открылось. «Официальный разговор», как назвал предстоящее обсуждение советского проекта доктор Пруэсс, начался.

Первым обратился к нам профессор Страуб, имевший в

Соединенных Штатах Америки собственную гидротехническую лабораторию.

— Мне приятно, — сказал он, — видеть здесь русских коллег, с которыми я имел удовольствие год назад познакомиться в Нью-Йорке на конференции по большим плотинам. Надеюсь, вам, знатокам гидротехнического инженерного дела, понравилось у нас в Америке.

Мы поблагодарили профессора и выразили надежду, что он посетит СССР и мы с удовольствием покажем ему наши гидротехнические сооружения и новостройки.

После обмена любезностями начался разговор по существу.

Поднялся грузный Андре Коэн — владелец крупной гидротехнической фирмы, построивший за свою жизнь более десятка плотин в самых разных странах мира. Погасив улыбку, которая обычно не сходит с его лица, француз обратился к Малышеву со следующим вопросом:

— Скажите, каким камнем вы намерены насыпать тело плотины — сортированным или несортированным?

Малышев ответил, что окончательный выбор будет сделан в зависимости от лабораторных исследований.

— В лабораториях Гидропроекта, — уточнил он, — уже проведены большие опытные работы по замыву дюнными песками тела плотины из каменной наброски.

Председательствующий Карл Терзаги заметил:

— В лаборатории всегда все хорошо получается, уважаемый коллега. Но вы сами понимаете, что лаборатория — это не жизнь, мистер Малышев. Жизнь всегда вносит свои коррективы, и очень часто совершенно противоположные лабораторным рекомендациям.

Тут пришлось вступить в разговор мне.

— Господа, — сказал я, отвечая на реплику американца, но обращаясь ко всем, — лабораторные рекомендации для строительства Асуанской плотины разработаны в Москве, Ленинграде, Тбилиси и других наших советских гидротехнических центрах. Это отнюдь не отвлеченные исследования. Документация, приложенная к проектным предложениям, свидетельствует, что эти рекомендации являются результатом работ, проведенных в большом объеме.

Эксперты зашуршали бумагами.

— Хочу еще обратить ваше внимание на то, — подчеркнул я, — что ни одного объекта такого грандиозного гидротехнического комплекса, как высотная Асуанская плотина, совет-

ская сторона не оставит без тщательных предварительных исследований.

Затем началось обсуждение вопроса: сооружать тоннели или открытый канал и как их строить? Мы решительно отвергли строительство тоннелей и предложили вместо них построить открытый канал.

Молчавший до сих пор доктор Макс Пруэсс заметно оживился:

— Господа, я считаю, что пора от критики проекта перейти к его оценке в целом, — предложил западногерманский эксперт.

«Сейчас он повторит то, что сказал мне утром в холле гостиницы насчет левого берега», — подумал я. Но у доктора Пруэсса, оказывается, были припасены еще и другие возражения.

— Наиболее слабым местом в предложении советских коллег, — сказал он, — мне представляется решение о строительстве открытого канала, а не тоннелей, как это принято делать в большинстве стран Запада. Советские коллеги, очевидно, забыли о том, что канал нужно будет вырубать в крепчайшей скале. А это обойдется значительно дороже, чем строительство тоннелей. Русским коллегам, если они хотят быть по-настоящему деловыми людьми, нужно научиться считать деньги, особенно чужие...

Мы были возмущены бездоказательностью этого злопыхательского утверждения.

— Господа, одну минуточку, — не выдержал Николай Александрович Малышев. — Прошу вас ознакомиться с двумя документами. Вот они: это инженерно-экономический расчет строительства канала, а это расчет строительства тоннелей.

Бумаги пошли по рукам. Пруэсс нахмурился, читая их. Ему больше нечего было сказать. Возвращая документы, он тяжело опустил на стул.

— Есть ли теперь у кого-нибудь сомнения в финансовом преимуществе канала перед тоннелями? — спросил доктор Хасан Заки.

Все промолчали.

Воспользовавшись наступившей тишиной, Малышев продолжил:

— Считаю необходимым, господа, обратить ваше внимание и на то, что при строительстве канала упрощается само производство строительных работ. Десять миллионов кубометров камня, которые будут извлечены из русла будущего

канала, пойдут на сооружение тела плотины, что означает экономию в средствах и выигрыш в строительных материалах. Но самое главное — это фактор времени. Работы по сооружению канала могут быть начаты немедленно. А к строительству тоннелей нельзя приступить раньше, чем будет изготовлено и доставлено в Асуан специальное уникальное оборудование. Строить канал вместо тоннелей — значит выиграть год...

Стало ясно, что попытки создать на заседании комиссии обстановку недоверия к советскому проекту провалились.

Первое заседание закончилось.

На другой день все каирские газеты отмечали положительные стороны советского проекта.

Но накал инженерной дискуссии все возрастал.

Несколько недель не утихали жаркие споры в министерстве строительства высотной Асуанской плотины. Мировые авторитеты с редкой скрупулезностью обсуждали каждую подробность советских проектных предложений. Простота и выгодность этих предложений были очевидными. Однако западные эксперты упорно отвергали их. Они выполнили свое намерение, высказанное журналистам, и опубликовали доклад, критикующий проектные предложения советских инженеров. Но доклад не дал того эффекта, на который рассчитывали наши западные оппоненты, и в конце концов они вынуждены были сложить оружие.

Когда исход борьбы был уже ясен, председатель международной комиссии консультантов Карл Терзаги в заключительном слове признал новаторский характер советского проекта.

— Русские гидротехники, — сказал он, — безусловно имеют солидный опыт в строительстве больших плотин. Если их предложение о замыве под воду на глубину тридцати пяти метров каменной наброски тела плотины дюнным песком осуществится удачно, то это будет новым словом в мировой гидротехнической науке и практике...

* *
*

В проектировании этого крупнейшего гидротехнического сооружения с нашими, советскими гидростроителями соревновалось несколько иностранных фирм: английская «Александр Гибб», французская «Сугреа», западногерманская

«Хохтиф Дортмунд юнион». И все они потерпели поражение.

Во время всей дискуссии я с восхищением наблюдал за доктором Хасаном Заки. Насколько он оказался принципиальней и выше своих западноевропейских и заокеанских коллег! В выборе проекта этот многоопытный египетский инженер руководствовался исключительно здравым смыслом и интересами своей страны.

В общем, наша взяла!.. Когда я после заключительного заседания вышел из зала, первыми, как водится, меня атаковали журналисты. Их интересовало одно: исход решающей дискуссии. Подняв вверх руку, я произнес на ходу всего два арабских слова: «Куллю халас!»¹. Все поняли, что принят наш, советский проект.

Четыре дня спустя, 25 июня 1959 года, агентство Рейтер передало сообщение, в котором указывалось, что «Высший комитет по строительству Асуанской плотины принял главные советские поправки к первоначальному плану, которые предусматривают сооружение открытого канала вместо семи тоннелей для пропуска воды». А через день, 27 июня, каирская печать подтвердила это сообщение. «Президент Насер, — писали газеты, — произведет первый взрыв горных пород на месте строительства открытого канала. Это означает, что арабские специалисты приняли предложенный советскими специалистами вариант проекта строительства высотной плотины с открытым каналом».

Победу одержала советская инженерная школа.

* *
*

Сообщения печати и радио о том, что лучшим признан советский проект и что вместе с арабами плотину будут воздвигать советские гидростроители, были с радостью встречены во всем Египте. Слова «Садд аль-Аали» не сходили с уст египтян. Асуан, не успев еще родиться, стал символом новой жизни.

Эта буря радости обрушилась и на нас, членов советской делегации. От репортеров не было никакого спасения. Они буквально осаждали наших товарищей, на ходу ловили каждое их слово и незамедлительно предавали его гласности.

Спасаясь от настойчивых журналистов, мы иногда запирались в номере. Однако через несколько минут нас начинали

¹ Все завершилось!

донимать телефонные звонки. Правда, это были добрые, человечески приятные разговоры, но каждый день был загружен до предела, и порой просто не было времени отвечать на приветствия и добрые пожелания.

Советскую делегацию поздравляли с победой ремесленники и конторские служащие, портовые грузчики и садовники, писатели и артисты.

— С вами говорит шофер такси! — кричал в трубку взволнованный голос. — Я очень рад, что принят советский проект. Мечтаю работать на асуанской стройке.

После этого раздался звонок из оперного театра:

— От души поздравляем вас. Приглашаем всех на «Аиду». В кассе подготовлены для вас билеты.

Я читал когда-то, что премьера «Аиды» состоялась еще в 1871 году в Каире, что вместо декораций были настоящие пирамиды и сфинкс и что оперой дирижировал сам Джузеппе Верди. От имени своих товарищей я горячо поблагодарил администрацию театра за приглашение.

Буквально через минуту последовал новый звонок:

— Моя фамилия Егоров. Работаю агентом по доставке гравия, песка и гранита. Я эмигрант, но поверьте, безмерно рад за вас. Как далеко шагнула Россия!..

Стоило выйти на улицу, как нас тотчас же окружали незнакомые люди. Они пожимали нам руки и выражали каждому свою радость. Особенно растрогали меня чумазые мальчишки — чистильщики обуви: они наперебой предлагали нам бесплатно почистить туфли.

Мнение официальных лиц и арабских специалистов о советских предложениях по проекту выразил в своем заявлении, сделанном иностранным корреспондентам, министр общественных работ республики Муса Арафа.

— Мне, — сказал он, — не известен ни один проект инженерно-технического сооружения, который бы привлек такое внимание в мире, как проект высотной Асуанской плотины. Возможно, это объясняется грандиозностью проекта и его жизненной важностью для египтян, а также теми техническими условиями, которых до сих пор не было ни в одной стране. Я имею в виду создание искусственного резервуара воды в сто тридцать миллиардов кубических метров в сравнении с пятью миллиардами кубических метров воды за старой Асуанской плотинной. С этой точки зрения высотную Асуанскую плотину следует считать самой большой плотинной в мире в настоящее время.

— Идея проекта пришла к нам с революцией, — продолжал министр, — и сам проект представляет собою целую революцию. Его осуществление окажет огромное влияние на экономическое развитие нашей страны. Эксперты потратили многие годы. Многие страны соревновались в том, чтобы принять участие в осуществлении проекта в той или иной форме — либо путем разработки проекта, либо путем финансирования строительства, либо путем участия в самом строительстве. Наша цель состояла в том, чтобы обеспечить наиболее выгодное решение вопроса. В декабре 1958 года было заключено соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве с Советским Союзом в строительстве первой очереди высотной плотины. Это был первый шаг. Начались обмен мнениями с западными и советскими экспертами и изучение возможностей. Все это продолжалось до тех пор, пока мы не сравнили предлагаемые решения и не избрали наилучшие из них. Совершенно естественно, что обсуждение заняло много времени, ибо требовалось изучить все стороны проекта. Наконец наши дискуссии пришли к завершению, и, как вам известно, мы приняли советские проектные предложения, поскольку они наиболее выгодны как с точки зрения гидравлики, так и с точки зрения самого строительства...

Далее Муса Арафа рассказал корреспондентам об основных преимуществах проектных решений, предложенных советской стороной:

— Советский проект предусматривает сооружение открытого водоотводного канала на восточной стороне реки вместо предлагавшихся по первоначальному проекту семи тоннелей, а также сооружение каменной наброски с замывом песком и сокращение размеров плотины по поперечному сечению для большей экономии. Таким образом, проект представляет новую, революционную концепцию, и, кроме того, он революционен с точки зрения тех выгод, которые получит от него наша страна. Предложенные советскими инженерами изменения к проекту дадут возможность сократить расходы на строительство плотины на шесть миллионов египетских фунтов при осуществлении первой очереди и на шесть миллионов — при осуществлении второй очереди. Советский проект дает также возможность значительно сократить сроки строительства плотины.

В заключение министр сказал:

— Я пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить всех тех, кто помогал нам в изучении проекта и в подготовке к осу-

ществлению этого колоссального сооружения. Я хотел бы также выразить большую благодарность советским экспертам за те огромные усилия, которые они приложили вместе с нами в разработке и подготовке проекта...

Так говорил и думал Муса Арафа. Но нельзя, однако, сказать, что наш успех радовал всех и каждого. Попадались люди — к счастью, их было очень мало, — которые относились к нам с откровенной враждебностью.

Вскоре министр Муса Арафа устроил прием по случаю одобрения советских предложений по проекту.

Все здесь было так, как обычно бывает на подобных раутах. Гости не скупались на улыбки, говорили любезности. Но порой сквозь дипломатическую вежливость некоторых наших западноевропейских и заокеанских коллег прорывались нотки недоброжелательности и раздражения.

Рядом со мной и корреспондентом «Правды» Игорем Беляевым сидел профессор Страуб. Выпив медленными глотками виски, он вдруг сказал нам:

— Я отдаю должное вашему проекту, господа. Это в общем-то неплохой проект, но вы, кажется мне, не учли главной трудности, которая неизбежно возникнет на вашем пути. Да, да, господа, я в этом уверен.

Несколько понизив голос, Страуб продолжал:

— Вы забыли, с кем вам придется работать. Вряд ли сработаются ваши советские специалисты с арабами. Для того чтобы найти с ними общий язык, вам потребуются многие годы. Да, проект у вас неплохой. Но вы, господа, упустили из виду это серьезное обстоятельство...

Мы с Игорем переглянулись. Страуб снова налил себе виски и заговорил с кем-то другим. Беляев сказал мне:

— Вы подумайте только, Иван Васильевич, до чего договорился ваш уважаемый американский коллега. Как это похоже на подстрекательство! У господ международных экспертов остался один козырь: поссорить советских инженеров с египетскими. То же самое они, наверное, говорят арабам о наших специалистах.

Я рассказал Беляеву о том, что профессор Страуб уже завел однажды со мной разговор на подобную тему в холле отеля «Хилтон».

— Мистер Страуб сеет семена недоверия, — подытожил Беляев. — Но он зря старается...

ЕГИПЕТ НЕ ЗАБУДЕТ...

Прием в советском посольстве.— Вспоминаю своих друзей.— Событие № 1.— Волшебное слово «карлика».

С наступлением сумерек в советское посольство съехались государственные и общественные деятели, ученые, преподаватели Каирского университета, известные писатели, художники и журналисты. Это был ответный прием по случаю принятия нашего проекта. Разумеется, присутствовали и члены Международной комиссии консультантов.

Посол представил нашу делегацию гостям и поздравил нас с достигнутым успехом. Позднее в саду посольства ко мне подошел Карл Терзаги. Он был в благодушном настроении.

Прогуливаясь со мной по дорожкам сада, Терзаги начал вспоминать о днях, проведенных им на строительстве Севанского каскада, где ему довелось работать в качестве иностранного специалиста, а затем стал рассказывать о своей инженерной и педагогической деятельности.

— Чуть не забыл! Ведь вы обещали показать нам киножурнал о перекрытии Волги! — вдруг воскликнул Терзаги.

— Пожалуйста, — сказал я, — мы можем показать вам полнометражный фильм о Куйбышевском гидроузле.

Присоединился к просьбе американца и семидесятилетний Андре Коэн, представлявший Францию в международной комиссии консультантов. Узнав, о чем идет речь, экспансивный француз, глава крупной проектно-строительной парижской фирмы, сказал, что он сию минуту готов перенестись на берег Волги, так как изнемогает от египетской жары.

Часть посольского сада выходила прямо к реке. Когда под густыми кронами деревьев погасли электрические огни и на белый квадрат экрана хлынул яркий сноп света, наступила такая тишина, что слышно было, как во мраке плескался Нил. А через мгновение в ста шагах от него забурилась, заиграла непокорной волной Волга.

Трудно описать волнение, охватившее меня при виде волжских берегов. Я оставил там немалую часть своей беспокойной жизни. Да и только ли я? Для всего большого коллектива Куйбышевгидростроя Волга стала родной. А может быть, еще потому защемило сердце, что вдали от Родины особенно остро чувствуешь, как дорога тебе твоя земля?

На экране ожили эпизоды строительства и торжественного пуска Волжской ГЭС имени В. И. Ленина. Я увидел знакомые лица — инженеров, техников, экскаваторщиков, монтажников, электриков, шоферов. Теперь, со стороны, особенно поражали размеры созданного человеческими руками. Мне захотелось обнять друзей-товарищей, всех, кого я видел в нескольких шагах от себя, но которые находились в эту минуту за многие тысячи километров. Мог ли я там, на Волге, знать, что пройдет совсем немного времени, и мы с Артамоновым и Дузиком, Клементьевым и Куницыным, Коваленко и Рылеевым окажемся на берегах Нила, на строительстве высотной Асуанской плотины!

Новые кадры фильма — новые воспоминания. Вот на наш большой праздник прибыла в Жигули партийно-правительственная делегация. Мы встречаем почетных гостей. Они осматривают объекты стройки. Вот подъезжают к шлюзу. В камере шлюза — теплоход «Академик Менделеев». Пассажиры, стоящие на палубе, узнают руководителей партии и правительства и машут им соломенными шляпами, дачными панамы, платочками.

— Откуда и куда направляетесь? — спросил кто-то из гостей.

— Мы — педагоги, отдыхаем на Волге, — раздалось в ответ.

— Счастливого пути! — послышалось с берега.

Партийно-правительственную делегацию встречает начальник шлюзов Тимофей Конюшко в новенькой, с иголки, форме речника.

Он рапортует, что шлюзы уже вторую навигацию действуют безотказно, что за это время через них прошли миллионы тонн различных грузов.

Рапорт был выслушан с интересом. Последовало шутовское замечание: почему начальник шлюзов не доложил еще кое о чем, например, о замечательном фруктовом саде, зеленеющем в межшлюзье. Ведь он тоже — дело рук гидростроителей.

— Разве обо всем расскажешь в коротком рапорте, — ответил Конюшко, — обойти наши владения и то не просто.

А сад действительно великолепный. Под жаркими лучами солнца зреют яблоки, груши...

Гости направились дальше. Вот уже перерезана красная ленточка, и под шум аплодисментов они прошли на другую сторону шлюза. Осматривая земляную плотину, почетные гости заинтересовались, что мы попутно создали, кроме этого сооружения и садов.

— На левом берегу попутно построено восемь крупных заводов, — ответил я тогда, — четыре уже вступили в строй. Вся электромагистраль Москва — Иркутск оснащена ртутными выпрямителями, изготовленными на одном из этих заводов. Остальные выпускают машины, различное оборудование, цемент.

Мне задали еще один вопрос: сколько мы уже дали государству цемента?

— Около полутора миллионов тонн.

Гости развеселились:

— Вот это да! Ничего себе «попутно»!..

Начались самые волнующие кадры — осмотр и пуск последней турбины гидроэлектростанции, так сказать, официальный пуск.

С монтажной площадки, словно с капитанского мостика гигантского корабля, открывается вид на машинный зал. Двадцать мощнейших гидроагрегатов — по 115 тысяч киловатт каждый!

— Включить двадцатый агрегат, — отдал команду директор ГЭС.

Кинокадры запечатлели этот незабываемый момент.

...Ручка включения повернута.

Я вспомнил, как затаив дыхание я впился глазами в прибор, показывающий обороты турбины. Но стрелка словно приросла к нулю и ни за что не хотела сдвинуться с места. Нервничая, я считал про себя: «Раз, два, три, четыре... восемь... десять...». Рядом со мной стоял Кирилл Иванович Смирнов. Я прошептал ему:

— Почему не вертится?

И в это самое мгновение стрелка вздрогнула, и Кирилл Иванович, просяив, ответил:

— Пошла, Иван Васильевич! Слышишь, пошла!

Да еще как пошла: прибор показывал полные обороты!

Киноаппарат стрекотал, гости посольства смотрели фильм в полном молчании, а память развертывала передо мной одну за другой картины незабываемых дней.

...По радио передали Указы Президиума Верховного Совета СССР о награждении Куйбышевгидростроя орденом Ленина и о присвоении двадцати четверем строителям звания Героя Социалистического Труда — Михаилу Юрьевичу Евцу, Василию Михайловичу Клементьеву, Василию Федоровичу Лямину, Александру Сергеевичу Мурысеву, Николаю Васильевичу Разину, Николаю Александровичу Малышеву, Владимиру Борисовичу Марьясову, Сергею Сергеевичу Милеанту, Кириллу Ивановичу Смирнову... Пять тысяч восемьдесят рабочих, инженерно-технических работников были награждены орденами и медалями Советского Союза... В поздравлении партии и правительства говорилось:

«...Осуществляя заветы великого Ленина по электрификации нашей страны, на Волге создана крупнейшая в мире ГЭС мощностью 2 миллиона 300 тысяч киловатт, сооружение которой явилось делом всего советского народа.

С окончанием строительства и вводом в действие на полную мощность Куйбышевской гидроэлектростанции сделан еще один крупный шаг в деле создания материально-технической базы коммунизма, открыты новые возможности для развития производительных сил страны, повышения производительности общественного труда, условий жизни советских людей.

...Весь наш народ с чувством законной гордости воспринимает весть об окончании строительства и вступлении в строй Куйбышевской гидроэлектростанции.

Победа у Жигулей на Волге так же, как и многие другие достижения технического прогресса в нашей стране, показывает перед всем миром преимущества советского общественного строя, раскрывшего творческие силы народа — строителя коммунистического общества.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР выражают твердую уверенность в том, что коллектив строителей и монтажников Куйбышевской гидроэлектростанции, обогащенный опытом и знаниями, будет еще более плодотворно трудиться на новых стройках нашей страны...»

Затем по радио огласили еще один Указ Президиума Верховного Совета СССР, столь же обрадовавший и взволновавший меня, как и два предыдущих:

«Присвоить имя Владимира Ильича Ленина Куйбышевской гидроэлектростанции и впредь именовать ее Волжская гидроэлектростанция имени Владимира Ильича Ленина».

В ту ночь я не смог заснуть ни на минуту. Ходил по гидроузлу, заглядывал ко всем дежурным, опять и опять с безлюдного берега любовался нашей ГЭС, рукотворным чудом...

Закончился фильм, в саду снова вспыхнули электрические фонари. Гости советского посла кинулись к нам, пожимали нам руки. Мы как будто сошли к ним с экрана, как будто шагнули прямо с волжского берега на берег Нила. Я понимал волнение арабских гидростроителей и их соотечественников, присутствовавших на приеме. Мысленно они видели построенный и действующий Большой Асуан.

* *
*

Среди документов и сувениров, связанных с началом строительства высотной Асуанской плотины, в моем письменном столе хранится большая серебряная медаль, выбитая в честь закладки плотины 9 января 1960 года, — подарок президента республики Гамаль Абдель Насера.

Эта медаль с узорной арабской вязью всегда вызывает в моей памяти утро, когда взрыв необычайной силы потряс Нубийские горы. В небо взметнулась тяжелая темно-серая туча, на какое-то время затмившая солнце. Едва замерло гулкое эхо, осела пыль на горячую каменистую землю, как к месту, где только что высилась громада скалы, двинулся поток экскаваторов, бульдозеров и самосвалов. Вслед за машинами к горе гранитных обломков и щебня устремились сотни рабочих. В присутствии многочисленных гостей, приехавших сюда из Каира и соседних государств, строители вынули первые кубометры взорванной скалы.

Так в знойный январский день 1960 года арабские и советские специалисты начали строить у древнего города Асуана самое крупное гидротехническое сооружение на африканском континенте.

На другой день все арабские газеты поместили на первых страницах слова из речи И. Т. Новикова — главы совет-

ской делегации на торжественной церемонии, посвященной началу строительства Садд аль-Аали:

«ВЫСОТНАЯ АСУАНСКАЯ ПЛОТИНА БУДЕТ СООРУЖЕНА!
МЫ ЗАСТАВИМ ПРИРОДУ СЛУЖИТЬ ЧЕЛОВЕКУ».

Вечером мы с И. Т. Новиковым и советским послом в Египте были приглашены президентом Насером на ужин в его резиденцию.

Более двух часов длилась интересная беседа. Когда Игнатий Трофимович рассказал о перспективах энергетического строительства в СССР и о планах комплексного использования Волги, Днепра и Ангары, Насер, который все время внимательно слушал, спросил:

— Нельзя ли подумать о том, чтобы так же комплексно использовать Нил?

— С того дня, как вами был одобрен советский проект, — услышал он в ответ, — наши специалисты делают все, что только возможно сделать в этом отношении на практике.

На прощанье президент вручил каждому из нас по большой серебряной медали.

Через несколько дней И. Т. Новиков провел в Каире пресс-конференцию, ответил на множество вопросов. Один вопрос интересовал и арабских, и иностранных корреспондентов: согласится ли Советский Союз строить вторую очередь Асуанского гидроузла?

— Если правительство Египта обратится с таким вопросом к правительству СССР, то, по-моему, последует утвердительный ответ, — заявил И. Т. Новиков.

17 января каирское радио сообщило, что вечером будет передано важное правительственное сообщение. Едва на город опустились сумерки, как возле репродукторов собрался народ. В последние дни газеты столько писали о Большом Асуане и выступлении советского министра Новикова, что каирцы, несомненно, догадывались, о чем будет идти речь. В восемь часов вечера радио стало передавать послания, которыми обменялись правительства Египта и СССР.

В послании Гамаль Абдель Насера говорилось:

«...Наш народ, который в настоящее время ведет славную борьбу за развитие своей страны и поднятие своего жизненного уровня, чувствует большую признательность к каждому, кто протягивает ему руку помощи...»

С большой благодарностью мы отмечаем, что народ Советского Союза неоднократно подтверждал свою дружбу к

народу Объединенной Арабской Республики в его борьбе, будь то в национальной борьбе за независимость и сохранение этой независимости или в его больших усилиях по построению лучшей жизни для своих сынов...».

После небольшой паузы был передан текст послания Советского правительства. В нем говорилось, что советские люди с глубоким пониманием и симпатией относятся к усилиям арабского народа, направленным на подъем национальной экономики, на повышение своего благосостояния, и от всего сердца желают ему успеха в выполнении этой благородной задачи.

«...Советское правительство рассмотрело Ваше обращение и, руководствуясь желанием укреплять и далее дружественные отношения между нашими странами, выражает свое согласие принять участие в строительстве второй очереди высотной Асуанской плотины на началах, которые были согласованы в отношении участия СССР в строительстве первой очереди этой плотины...»

Заключительные слова послания были встречены на площадях и улицах Каира аплодисментами и возгласами одобрения тысяч жителей египетской столицы.

И снова в отеле «Хилтон» допоздна не смолкал телефон: знакомые и незнакомые люди выражали свою радость по поводу того, что весь комплекс Асуанского гидроузла будет вместе с египтянами строить СССР, и желали нам, членам советской делегации, всяческих успехов.

Судя по откликам зарубежной прессы, Запад никак не ожидал, что Насер согласится на участие Советского Союза в сооружении второй очереди Асуанского гидроузла. Стремясь одержать верх над своими западноевропейскими соперниками, Вашингтон делал ставку на сближение некоторых финансовых кругов Каира с финансовыми воротилами Уолл-стрита. Бонн возлагал надежды на предложенный им Арабской республике кредит. Международный банк реконструкции и развития надеялся привлечь внимание Каира соблазнительными посулами. Однако переговоры между правительствами Египта и СССР сорвать не удалось.

С единодушным одобрением отнесся к «событию номер один» египетский народ.

В те дни слова «Садд аль-Аали» стали самыми популярными у арабов, а мы, советские гидростроители, обрели в Каире еще больше добрых друзей. Некоторые из них, к нашему удивлению, не только знали, кем мы работаем на

стройке, но и называли нас по имени, словно старых знакомых...

Как-то вечером я вышел прогуляться на площадь Ал-Тахрир. Там на зеленой лужайке обычно собирались любители-штангисты. Желаящий помериться силами с кем-нибудь ставит на штангу тот или иной вес, а зрители заключают между собой пари — будет вес взят или нет.

Я пришел, как говорится, к шапочному разбору: соревнование уже заканчивалось. У штанги остался один плечистый араб, похожий на борца тяжелого веса. Он поднял штангу и обвел взглядом зрителей, точно спрашивая их: «Ну, кто со мной потягается?».

Но желающих не было.

«Надо бы встряхнуться», — решил я и подошел к штанге, не испытывая особой робости: в молодости мне приходилось заниматься гиревым спортом и теперь продолжаю «шлифовать» мускулы гантелями.

— Клянусь аллахом, это главный русский инженер Садд аль-Аали! — услышал я.

Зрители стали азартно заключать пари.

Я поднял вес. Мой соперник добавил еще десять килограммов. И этот вес я одолел. «Противник» добавил еще пятнадцать килограммов. Но тут он переоценил свои силы и не смог взять вес. Наступил мой черед. Поднял штангу на грудь и думаю: «Ну, Иван, держись! Не посрами землю русскую!». Осилел. Штанга оказалась у меня над головой. Трудно описать, что после этого началось... Воспользовавшись суматохой, поднятой болельщиками, я выбрался из толпы и быстрым шагом направился в гостиницу. Однако уйти незамеченным человеку моего роста трудно. За мной увязалась целая ватага мальчишек. Они пели песню, в которой часто повторялось слово «Садд аль-Аали». Маленькие болельщики следовали за мной до дверей отеля.

...Преклонение перед всем, что имело хоть какое-нибудь отношение к великой стройке на Ниле, было трогательным, но не было случайным. Арабы хорошо понимали, что даст им высотная плотина. Посевная площадь в Египте должна была увеличиться более чем на 1,3 миллиона федданов. В самую засушливую пору феллахам хватит воды для полива всех своих полей, и это обеспечит три устойчивых урожая в год. Национальный доход республики после сооружения Асуанского гидроузла возрастет примерно на 234 миллиона египетских фунтов в год. Асуанская плотина будет не только

самым грандиозным, но и самым рентабельным из гидротехнических объектов мира! Цифры эти знали и стар и млад.

Вот почему арабы и относились с таким уважением к тем, кто трудился на Саад аль-Аали, в частности, к нам, советским гидростроителям. Этим, между прочим, объясняется и тот факт, что первым арабским словом, которое мы хорошо запомнили, было «карака» — канал, котлован. Это слово служило нам как бы пропуском, паролем, открывавшим все двери.

В Африку мы приехали в обычной для московской зимы одежде. Стоял декабрь. В Египте стояла «жарища — страшное дело...». Надо было не мешкая купить или заказать легкую одежду.

Шофер Сабри Мухаммед повез нас экипироваться. В то время в Асуане было всего две пошивочные мастерские, и обе оказались завалены работой. Заказ можно было получить не раньше чем через две-три недели.

В одной из них Сабри с ходу завел с хозяином энергичнейший разговор, из которого нам было понятно только одно, повторяющееся с различными интонациями, слово «карака».

Это слово и на сей раз оказалось магическим. Владелец мастерской, его сын и закройщик, повторяя это самое «карака», тут же сняли мерки со всех нас, советских специалистов.

Прошло всего три дня, и мы получили костюмы из легкого материала. А ведь нас было двадцать девять человек.

Бывало и так. До предела переполненный автобус. Мы с трудом втискивались и говорили шоферу одно только слово «карака». Шофер приветливо кивал головой, а пассажиры, услышав, куда мы едем, сразу же уступали нам места у окон. Они хотели, чтобы советские специалисты по дороге на «карака» увидели как можно больше.

* *
*

Вечерами, возвратившись после напряженного дня в гостиницу, я принимался за газеты. Интересное это было чтение. Мировая печать широко комментировала сообщения из Каира. Особенно много откликов вызвали интервью нашего министра строительства электростанций И. Т. Новикова, данное им корреспондентам местной и иностранной печати, и соглашение между Арабской республикой и Советским

Союзом о строительстве второй очереди Асуанского гидроузла. Подавляющее большинство арабских газет встретило эти сообщения с энтузиазмом и расценило их как события первостепенной важности. Буржуазная пресса США, Западной Германии и некоторых других капиталистических стран скорбела об утраченном престиже. Всевозможные интриги, которые до самого последнего времени плели вокруг нашего проекта представители фирм, эксперты и консультанты из Бонна и других столиц «свободного мира», кончились крахом. Одобрив советские проектные предложения, а затем согласившись, чтобы СССР участвовал в строительстве и второй очереди Асуанского гидроузла, правительство ОАР тем самым внесло полную ясность в вопрос о том, с кем выгоднее сотрудничать.

В те дни хорошие вести, передававшиеся из Каира, взбудоражили не только Египет, но и всколыхнули всю Африку, весь мир.

О чем же писала тогда мировая печать, в том числе и пресса Арабской Республики?

Наряду с другими документами тех дней у меня сохранилось много газетных вырезок. Вот некоторые из них.

Комментируя заявление И. Т. Новикова о том, что Советский Союз сделает все, чтобы проект был осуществлен с минимальными затратами и в кратчайшее время, газета «Аль-Гумхурия» писала:

«Когда мы читаем заявление советского министра Новикова на пресс-конференции, посвященной строительству высотной Асуанской плотины, и когда мы рассматриваем различные предложения, начавшие поступать с Запада, особенно Эйзенхауэра¹, нам нельзя не вспомнить о том, что происходило пять лет назад. Мы тогда просили великие державы Запада и Международный банк реконструкции и развития предоставить нам заем для осуществления Асуанского проекта. Нам в этом отказали якобы потому, что проект неосуществим и что мы не сможем погасить долг. Теперь же, когда вопрос решен, до нас доходят вести, что Запад готов финансировать строительство второй очереди Асуанского гидроузла».

Газета «Аль-Ахрам» отмечала: «Советский министр говорит нам: «Многовековые чаяния арабского народа воплотятся в жизнь — вы покорите могущественный Нил во имя про-

---

¹ Имеется в виду заявление президента США Эйзенхауэра о том, что США готовы принять участие в строительстве плотины.

цветания вашей страны»... Соглашение¹ — еще одно доказательство возможности мирного сосуществования между странами с различными социальными идеями, убеждениями и целями».

Высоко оценила факт советско-арабского сотрудничества газета «Аль-Гумхурия-гаридад аш-шааб». «Начало строительства высотной Асуанской плотины, — писала она, — это не только символ нашего дальнейшего экономического и социального прогресса, оно знаменует также новый этап в развитии международных отношений... Это величественное, гигантское сооружение, которое будет возведено совместно с Советским Союзом и которое принесет нашему народу неисчислимые блага, являет собой прекрасный образец международного сотрудничества».

В таком же дружелюбном духе высказалась и «Иджипшн газетт»:

«Правительство СССР уже предоставило нам финансовую и техническую помощь для строительства первой очереди высотной плотины. Оно согласно принять активное участие и в строительстве второй очереди. Нет ничего необычного в том, что Советский Союз заинтересован в осуществлении проекта. Участие в воплощении такого монументального сооружения связано с определенным престижем».

В другой статье «Иджипшн газетт» писала:

«Никто, принимающий близко к сердцу интересы нашей страны, не может не приветствовать сообщение о том, что Советский Союз дал согласие участвовать в строительстве второй очереди высотной Асуанской плотины на тех же условиях, что и первой... Возможно, что со стороны западного мира мы услышим некоторую критику по поводу этого нового соглашения между Арабской республикой и Советским Союзом. Однако нет и не может быть никаких оснований для различного рода придирок. А если они все же будут, то мы должны рассматривать их как следствие не утихшей «холодной войны», недовольства Запада советским экономическим сотрудничеством с африканскими странами и антиарабской позиции, которую все еще занимают иные западные круги».

С «Иджипшн газетт» переключалась сирийская газета «Попюлэр»:

«Величественное сооружение, которое призвано сыграть столь важную роль в экономическом процветании нашей

¹ Соглашение между Египтом и СССР о строительстве второй очереди высотной Асуанской плотины.

республики, воплотится в жизнь благодаря щедрой, бескорыстной помощи Советского Союза. СССР обеспечит строительство плотины всеми необходимыми машинами и оборудованием, представит Египту без каких-либо условий политического или военного характера долгосрочный низкопроцентный заем в четыреста миллионов рублей. Кроме того, Советский Союз поможет нам создать свои национальные кадры специалистов, как он это сделал в Индии... Стремление сотрудничать всеми средствами во имя экономического прогресса развивающихся стран — яркое проявление доброй воли великого социалистического государства».

Правда, иные газеты, ратовавшие за сближение с Западом, и теперь еще пытались тянуть старую песню о «коммунистическом вторжении»: «Если Запад не пойдет им навстречу, — писал Халиль Хмайель, издатель газеты «Ле Жур», имея в виду развивающиеся страны, — они все больше и больше станут полагаться на советскую помощь».

Но мир был поставлен перед совершившимся фактом, и никакие ухищрения, никакие дипломатические выкрутасы уже не могли изменить положения вещей.

...Я мысленно вернулся к январским дням 1959 года, ко времени, предшествовавшему обсуждению советского проекта. Тогда вокруг строительства Асуанской плотины кипела острейшая борьба.

Правительство ФРГ предложило Арабской республике кредит в двести миллионов марок и официально заявило, что поездка Людвиг Эрхарда в Каир связана с переговорами о строительстве второй очереди Асуанской плотины. Нью-Йоркская пресса усиленно трубила о согласии Международного банка реконструкции и развития субсидировать это строительство.

Вот почему, как только в Каир прибыла наша советская делегация, западные державы буквально забили тревогу. Эрхард от имени правительства ФРГ в спешном порядке увеличил кредит Египту с двухсот до трехсот миллионов марок. Директор Центрального разведывательного управления США выступил с заявлением об угрозе советского проникновения в Африку. Едва американские газеты тиснули это заявление Аллена Даллеса, как слово взял сам президент Эйзенхауэр. На пресс-конференции в Вашингтоне он недвусмысленно дал понять, что США согласны участвовать в строительстве вто-

рой очереди высотной Асуанской плотины. Это была открытая попытка торпедировать переговоры советской делегации в Каире.

Ставка оказалась битой. Корреспондент американского агентства «Юнайтед пресс интернейшнл» Тейлор передал из Лондона, что «предложение Советского Союза, принятое Египтом, оставило Запад в дураках».

«Уолл-стрит джорнел» констатировал, что «не Запад, а Россия будет в течение ближайших лет связана с одной из наиболее разрекламированных строек мира». И свое сожаление по этому поводу «Уолл-стрит джорнел» еще объяснил тем, что «те, кто будет строить высотную плотину, завоюют симпатии нейтралистских стран и Африки и Азии».

Приблизительно так же комментировала итоги советско-арабских переговоров и крупнейшая американская газета «Нью-Йорк таймс».

«Если отбросить пропаганду, — писала она, — то остается несомненным одно: пока будет возводиться плотина, Советскому Союзу обеспечены тесные экономические связи с ОАР, по крайней мере на ближайшее десятилетие. Нельзя забывать еще об одном факте. Каковы бы ни были мотивы, побудившие Москву финансировать первые две очереди Асуанской плотины, эта помощь является осязаемым вкладом в большую проблему капиталовложений, в которых так нуждаются слаборазвитые страны».

Простые египтяне относились к нам с подкупающей сердечностью, и это было особенно дорого. Мне было интересно услышать мнение бизнесмена, и я спросил представителя деловых кругов Магди Хасанейна, как он относится к тому, что СССР будет строить Асуанский гидроузел.

— Прежде всего, — сказал он, — я рассматриваю помощь Советского Союза с точки зрения того, какую пользу она принесет нашей арабской промышленности и сельскому хозяйству. Большой заем, предоставленный нам Советским Союзом, даст нам возможность заложить прочные основы промышленного прогресса. И при этом мы не окажемся в угнетенном или затруднительном положении. Ибо будем расплачиваться теми средствами, которые у нас имеются, то есть хлопком и нашей местной валютой... Ну, а если говорить о сельском хозяйстве, то высотная плотина поможет ему достичь расцвета.

Разговаривали мы с господином Магди Хасанейном на балконе гостиницы «Хилтон». Я рассказал ему о разговоре

с американским гидроэнергетиком Страубом, который считал отель творением своих соотечественников.

Хасанейн улыбнулся, но глаза его оставались серьезными. Он спросил:

— Как вы думаете, справятся ли арабы с той трудной и сложной работой, которая ждет нас в Асуане? Конечно, строить мы умеем...

Магди Хасанейн показал рукой на величественные творения своих далеких предков. Пирамиды были видны отчетливо.

— Нисколько не сомневаюсь, что вы будете нашими хорошими партнерами на асуанской стройке, — ответил я. — Да, арабы умеют строить. Ведь вот этот отель до того понравился мастеру Страубу, что он готов был нацепить на него ярлык «Сделано в Америке». Ну, а пирамиды — нечто совсем другое. Их мог воздвигнуть только очень талантливый и очень трудолюбивый народ. Но они сооружались ради одного человека, а высотная Асуанская плотина даст миллионам людей и рис, и пшеницу, и хлопок, и дешевую электроэнергию.

Через два месяца мы снова встретились с господином Магди Хасанейном уже в Асуане. Великая нильская стройка произвела на него большое впечатление.

В тот день я встретил и доктора Хасана Заки. Он был построен.

— Посмотрите, что они пишут! — воскликнул он и протянул английскую газету «Ньюс кроникл».

Я захватил газету с собой. Вечером мы с Володей Мухиным, знатоком английского языка, вдвоем перевели статью, столь возмущившую моего арабского друга. Надо сказать, было от чего выйти из себя. Автор статьи все подвергал сомнению: и качество советского проекта, и устойчивость будущей плотины, и даже самую возможность воздвигнуть такое сооружение.

При первой же встрече со мной Хасан Заки спросил:

— Ну что? Прочитали статью?

Я пожал плечами:

— Вы сами знаете, уважаемый коллега, много ли в ней правды.

— Потому я и возмущаюсь, что ложь, — сказал старый инженер.

То был один из самых последних откликов реакционной буржуазной печати на «асуанские события».

ПЛОТИНА НАДЕЖДЫ

«Египет — это Нил». — По древним дорогам. — Контрасты Нубии. — Проекты спасения храма Абу-Симбел.

Как-то у нас выдалось несколько свободных дней, и арабские друзья предложили нам познакомиться с Египтом. Что и говорить, мы обрадовались перспективе увидеть страну, в которой предстояло жить и работать не один год.

Рассказ о своей поездке начну с Нила.

«Нил — это Египет, а Египет — это Нил», — говорят арабы. И действительно, не будь Нила, большая часть территории Египта была бы столь же бесплодной и пустынной, как Сахара. Нил — это жизнь для миллионов египтян: он их и кормит, и поит, и одевает. Арабы славят его в своих песнях, поминают в молитвах. И не только арабы.

Древнеримский поэт Альбий Тибул, живший в первом веке до нашей эры, восторженно писал: «Отче Нил! Благодаря тебе Египет никогда не сеет в жертву ливням и иссохшая былинка не склоняется там в ожидании милости Иова-дождетворца».

Но в Египте всего шесть миллионов федданов земли, пригодной для посевов, а все остальное — пустыня с редкими оазисами. Каждая пядь египетской земли орошена не только нильской водой, но и потом и слезами неутомимых феллахов. Из двадцати семи миллионов человек¹, населяющих страну, восемьдесят процентов — это крестьяне, земледельцы. Остальную часть населения составляют кочевники и городское на-

¹ К 1980 году население Египта, по прогнозам специалистов, достигнет 40 миллионов человек.

селение. В промышленности же всего занято около миллиона человек.

Неимоверно тяжел труд феллаха. Он работает от зари до зари весной и летом, осенью и зимой. Не знающие отдыха руки египетского крестьянина кормят всю страну.

Во время поездки, увидев потрясающую бедность, в какой живут люди на этой благодатной земле, я вновь и вновь думал, как справедлива древняя арабская пословица: «Игла одевает всех, а сама остается голой».

С каждым днем я проникался все большим уважением к египтянам. Дельта Нила изрезана каналами. Вода этих каналов орошает многочисленные поля, похожие с самолета на лоскутные одеяла. Со скрипом вертятся колеса-сакии, набирая черпаками драгоценную воду. Поблескивают на солнце мутные ручейки. Куда ни кинешь взгляд — везде копошатся люди. Одни стоят по колено в воде, возделывая крошечные рисовые поля, другие снимают урожай кукурузы, третьи косят сено, складывая его в аккуратные валки. Каждый занят, каждый трудится изо всех сил.

Для феллаха нет ничего дороже земли и Нила. Это единственные источники его существования. Это его богатство. Это главное богатство Египта. Не случайно в Нильской долине самая большая в мире плотность населения — на каждый квадратный километр приходится более восьмисот жителей. Скученность в египетской деревне невообразима. Домик лепится к домику.

Египетские крестьяне живут в небольших саманных хижинах. Такое жильё обходится недорого и доступно каждому. В строительных материалах недостатка нет. Надо только приложить руки: замесить глину, смешанную с мелко нарубленной соломой, и сделать из нее кирпичи для стен и плоской кровли. В досках нет надобности: пол земляной, а мебелью крестьянин не пользуется, у него даже нет стола.

Феллах экономит каждый дюйм земли для посевов. Но эта земля, если не дать ей нильской воды, станет быстро такой же бесплодной, как раскаленный песок пустыни. Вот почему в Нильской долине столько больших и малых каналов, столько сакий и шадуфов — своеобразных водочерпалок, которыми пользовались еще во времена фараонов. Сакии — большие колеса, увешанные глиняными горшками, и шадуфы — что-то вроде наших колодезных журавлей — придают пестрым квадратикам полей Нильской долины неповторимый колорит.

Приезжему иностранцу порой бывает трудно понять, что идет на полях — сев или жатва. Да, у египетского крестьянина вечная страда. Это вызывает и удивление, и восхищение: на своем клочке земли феллах ухитряется выращивать хлопок, рис, кукурузу.

Осматривая крохотные поля египетских крестьян, я думал о наших бескрайних землях, которые не охватишь взглядом, о колхозных нивах, что простираются на многие километры и при малейшем дуновении ветра волнуются, словно золотое море.

Когда взрывы стали сотрясать скалистые нильские берега, седобородые крестьяне с суеверным страхом прислушивались к отдаленному грохоту и гулу и повторяли: «Не прогневать бы Нил! Не навлечь бы несчастья...». Их страх можно понять. Много раз Нил приносил феллахам огромные бедствия.

В какой-то деревушке престарелый феллах не мог удержаться от слез, вспоминая о наводнении, которое произошло в 1878 году, когда он был еще ребенком. Я слышал полные драматизма рассказы о страшных засухах, обрекавших феллахов на нищету и голодную смерть. До сих пор жители Нильской долины не в силах забыть засуху 1913 года.

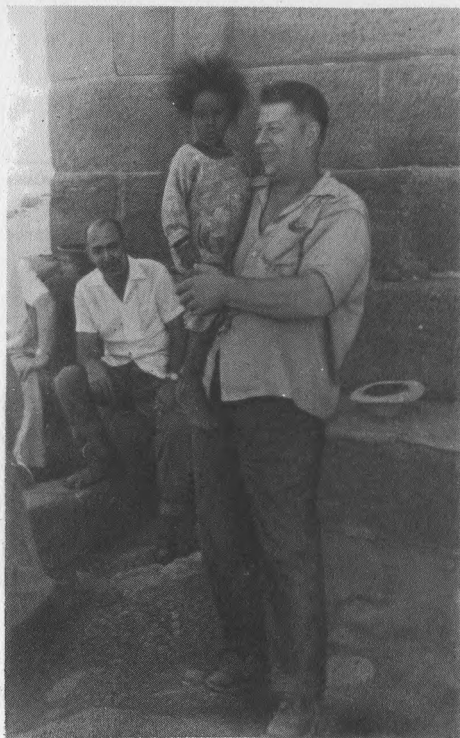
Египтяне с незапамятных времен пытались обезопасить себя от стихии. Еще задолго до нашей эры в Нильской долине строились ирригационные сооружения. Гигантская левобережная дамба для защиты западного района страны от паводковых вод была возведена около пяти тысяч лет назад. В те давние времена уже использовали озеро Биркет-Карун для накопления паводковых вод, которые могли бы понадобиться земледельцам во время засух. Учеными найдены папирусы, содержащие сведения о замере горизонтов вод Нила в 641 году до нашей эры и в последующие, бесконечно отдаленные от нас годы.

С самых древнейших времен система бассейнового орошения была господствующей в Египте. И только в XIX веке стали сооружаться магистральные каналы, а в XX столетии — плотины. Но проблема орошения земель и регулирования стока нильских вод не снята с повестки дня и сегодня. Напротив, я даже сказал бы, что именно теперь она приобретает особо важное значение. Те гидротехнические сооружения, которые уже были на Ниле, строились мучительно долго и слишком дорого обошлись египтянам. Достаточно сказать, что сооружение плотин в дельте Нила тянулось шестьдесят пять лет.

Египет
восторженно приветствовал
первого в мире космонавта.

Асуан.
Иван Васильевич Комзин
с маленькой асуанкой.

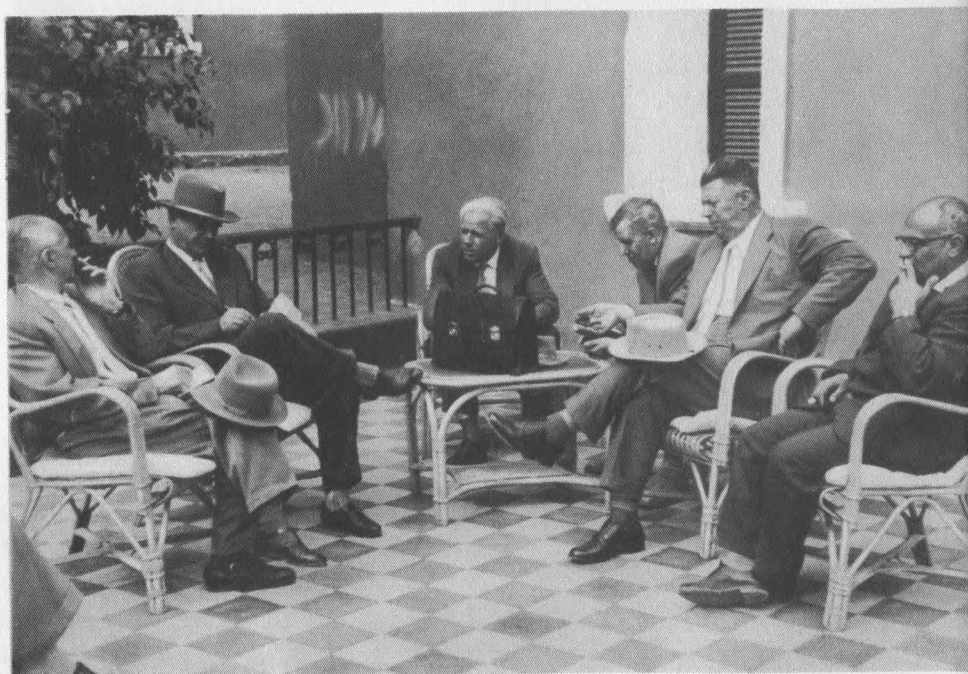

Гость Асуана, первый президент Сирийской Арабской республики Шукри Куатли и И. В. Комзин.

Сторож центральных материальных складов Али с неподдельной радостью встречал каждый новый эшелон грузов, прибывавших из Советского Союза.

Совещание за тридцать земель от родного дома...
Министр электростанций П. С. Непорожний (второй слева) и крупнейшие советские гидроэнергетики (слева направо): Р. П. Носов, Н. А. Малышев, А. Я. Кузнецов, И. В. Комзин, Л. Н. Мнацаканов.

Главный советский эксперт
на строительстве высотной
Асуанской плотины.
(1959—1962 годы).

В посольстве Египта
Ивану Васильевичу Комзину
была вручена высшая
награда республики — Золотая
Звезда с бриллиантами.

Для создания своей собственной текстильной промышленности Египет остро нуждался в дешевой электроэнергии. Но английским капиталистам нужен был дешевый египетский хлопок. И понятно, почему англичане не торопились строить гидроэлектростанцию у старой Асуанской плотины, и проектировали ее без малого тридцать шесть лет! Но когда тем же англичанам понадобилась электрическая энергия для своих предприятий горнодобывающей промышленности в Уганде, они быстро построили там гидроэлектростанцию мощностью в 150 тысяч киловатт. Даже водохранилища для регулирования стока реки Нил западноевропейские фирмы предлагали строить за пределами Египта — опять-таки для того, чтобы сохранить свое положение полновластных хозяев и наживаться на страданиях египетского народа.

Новая эра в истории древнего Египта и его великой реки наступила тогда, когда народ начал строить Садд аль-Аали. Отныне Нил будет приносить египтянам только свет и радость. И потому для сотен тысяч арабов гул асуанской стройки с самого начала звучал как победная музыка. Чувства своих соотечественников выразил в своем стихотворении египетский сказитель Талхин:

Построив на века Высотную плотину,
В цветущий сад мы превратим пустыню,
Мечты прекрасней станет наша быль:
Взметнется радугою водяная пыль,
И гул турбин гиганта-Асуана
Подобен будет гулу океана.
Араб и русский — сын страны Советов —
Возводят бастион могучий света.
И покоренный ими древний Нил
Их дружбой вечною соединил.¹

* *
*

Куда бы мы ни приезжали, повсюду египтяне встречали нас с радушием. С кем бы мы ни беседовали — с политическими деятелями или учеными, с конторскими служащими или учителями, с рабочими или феллахами, — все выражали признательность и благодарность Советскому правительству за бескорыстную помощь Египту и желали нам, посланцам СССР, успехов в строительстве Садд аль-Аали...

---

¹ Перевод с английского Б. Зорина.

Так было и в Александрии, втором по величине городе Арабской Республики Египет. Здесь мы долго осматривали порт. Он тянется на 30 километров вдоль живописного берега. Интерес наш не был случаен: ведь в этот порт будут прибывать все советские машины и оборудование, предназначенные для Сагд аль-Аали. Отсюда грузы пойдут на стройку по Нилу и по железной дороге.

О том, что Александрия очень красивый город, я знал из книг. Но он оказался намного прекрасней, чем можно было предполагать.

Гигантским амфитеатром спускается город к Средиземному морю. Его белые дома и изумрудная зелень отражаются в синей ленте канала Махмудийе и в лазоревой воде бухты. В Александрии соседствуют глубочайшая древность и сегодняшней день. Рим еще не достиг своего могущества, а Александрия уже была самым большим городом мира, с населением в миллион человек.

Прошли многие столетия, но город не утратил своей славы. И теперь на александрийском рейде стоят корабли под флагами всех стран света. Как и в давние времена, со стапелей александрийских верфей сходят морские, океанские и речные суда, только теперь они, конечно, отвечают требованиям современного флота.

Александрия сегодня — важный торговый центр страны, главный порт Египта. Порт располагает достаточным количеством разгрузочных средств, а это для нас, строителей высотной Асуанской плотины, имело, пожалуй, самое большое значение. Главное — чтобы не задерживались срочные грузы, которые уже начали прибывать из СССР. А грузы ожидалась немалые. Десятки тысяч тонн!

Затем мы познакомились с историческими памятниками Александрии.

Моторная лодка быстро доставила нас к небольшому каменному острову Фарос, расположенному недалеко от гавани. За каких-то десять минут мы из XX века попали в третий век до нашей эры.

Мы стояли у остатков стен знаменитого Состратского маяка — самого древнего маяка на земле, который по своей высоте превосходил пирамиду Хеопса.

Древние считали это грандиозное и необычное сооружение одним из семи чудес света. Маяк, построенный в 299—283 годах до нашей эры по приказу Птолемея Филадельфа, состоял из трех ярусов. Под куполом, увенчанным гигант-

ской статуей, находился своеобразный прожектор. Источником света служило пламя костра из смолистых сортов дерева. Луч света, отбрасываемого вогнутыми зеркалами, моряки могли видеть на расстоянии шестидесяти километров. Интересно, что маяк был снабжен специальным лифтом, доставлявшим на стосемидесятиметровую высоту обслуживающий персонал и горючие материалы.

Много веков надпись, выбитая на мраморном цоколе маяка, гласила: «Царь Птоломей — богам-спасителям, на благо мореплавателям». Но, как обнаружилось столетия спустя, истинный архитектор и строитель выбил эту надпись не на мраморе, а на застывшей извести, покрытой мраморной крошкой. Расчет его был гениально прост: годы и брызги морских волн сделают свое дело — известь отвалится, и тогда мир узнает настоящее имя зодчего, сотворившего седьмое чудо света, потому что под известкой была другая надпись, выбитая на мраморе. Так оно и произошло. Когда известь отвалилась, люди прочитали: «Состратус из города Кинда, сын Дексиплиана — богам-спасителям, на благо мореплавателям». С тех пор стали называть маяк Состратским — по имени его подлинного создателя.

Множество удивительных памятников седой старины в Александрии. Но история Фаросского маяка произвела на нас, инженеров, самое большое впечатление.

...По дороге из Александрии в Суэц и Порт-Саид мы посетили несколько арабских деревень. И здесь у феллахов такие же крохотные участки земли, как в Нубийской долине. И здесь земля обрабатывается мотыгой, сохой, редко — плугом. Феллахи с большим любопытством рассматривали наши машины — должно быть, современная техника мало коснулась здешних мест. Пока мы пробирались через узкие улочки к центру одного из селений, за нами тянулся длинный хвост звонкоголосых ребятишек.

Они сопровождали нас до «главной» площади, если так можно назвать более широкую часть улицы, на которой едва уместилось несколько наших автомашин. Да и вся деревня была, как говорится, величиной с пятак.

Как и в Нубии, дома феллахов стояли впритык. Во всем чувствовалась фатальная власть земли: ради своего маленького поля крестьянин готов пойти на любые жертвы.

Собравшаяся вокруг нас толпа состояла из одних мужчин и мальчишек. Женщины стояли в отдалении, молча наблюдая за происходившим.

Староста деревни повел нас в свой дом и, показав на широкую длинную скамью, пригласил сесть. В помещении, которое, по-видимому, служило передней, не было ни дверей, ни окон. Дверью служил проем в саманной стене, занавешенный пологом из парусины.

Феллахи сели рядом, по-восточному поджав ноги, и начался непринужденный, откровенный разговор. После первых же вопросов, заданных нам, мы поняли, что наши собеседники имеют самое туманное представление о Советской стране.

Вопросительно взглянув на нас, старый крестьянин, сидевший возле хозяина дома, сказал:

— Мы слышали много хорошего о вашей стране. Но Россия и Египет находятся далеко друг от друга и поэтому иногда до нас доходят, возможно, недостоверные слухи. Мы слышали, например, будто бы все русские не верят в бога и что им не разрешается молиться.

Другой феллах спросил:

— Скажите, это правда, что у вас не признают законного брака?

Разумеется, мы рассказали крестьянам обо всем, что их интересовало. Многое для них было откровением. Эти старые люди, которые жили в глуши и большую часть своей жизни провели на поле, газет не читали, и мало кто из них слушал радио. Но все они знали, что возле Асуана арабы и русские начали строить Асуанскую плотину, какой еще не было на земле. Слово «Садд аль-Аали» и для них звучало как самое главное: будет вода, будет и урожай, а будет урожай — будет жизнь.

Лучше других был осведомлен староста. В недавнем прошлом он служил в армии, участвовал в революции, которая свергла короля Фарука и изгнала иностранных поработителей. Когда беседа подошла к концу, староста не спеша поднялся со своего места.

— Кое-что о себе я уже рассказал вам по дороге сюда, в мой дом, — начал он. — Да, я о русских знаю немного больше, чем мои земляки. Знаю потому, что в последний год моей службы в армии сражался против наших заклятых врагов с оружием в руках, которое прислал арабам Советский Союз.

Он обвел внимательным взглядом своих земляков-феллахов и, повернувшись к ним, продолжал:

— В тысяча девятьсот пятьдесят шестом году русские помогли нам разгромить английских, французских и израиль-

ских агрессоров, пытавшихся отнять у нас Суэцкий канал, а теперь русские будут помогать нам строить высотную Асуанскую плотину, которая даст нам воду и новые земли для посевов.

Мы поблагодарили крестьян за гостеприимство и добрые напутствия и продолжали свое путешествие.

В Порт-Саиде компанию нам составил советский консул Игорь Георгиевич Орлов.

Порт-Саид! Как возмущались мы, советские люди, узнав о том, что интервенты безжалостно расправляются с мирным населением города. На фабриках и заводах Москвы проходили митинги протеста. Порт-Саид был у всех на устах. Я вспоминал об этом всякий раз, когда на улицах нам встречались молодые люди в инвалидных колясках, мужчины и женщины с багровыми шрамами на смуглых лицах, нищие, протягивавшие прохожим обрубки изуродованных рук. Кое-где среди новых домов еще чернели пепелища или развалины, напоминая о трагедии, пережитой городом в 1956 году.

Больше всего времени занял у нас осмотр порта. Арабы занимали здесь все командные посты, работали лоцманами, техниками и инженерами-навигаторами. А до революции все в порту находилось в руках англичан. Они считали, что без них арабы не обойдутся. Но, оказывается, прекрасно обошлись.

Нас любезно принял губернатор города. И в тот же день мы нанесли визит управляющему Суэцким каналом. Навстречу нам вышел могучего сложения человек с большими черными глазами и представился:

— Юнос Фатви.

В своем кабинете за чашкой кофе управляющий рассказывал нам о работе канала и порта, о людях, которых обучали советские лоцманы в самые трудные дни, когда английские и другие иностранные специалисты всячески третировали арабов и откровенно занимались саботажем.

— Вы, конечно, обратили внимание, что теперь у нас осталось совсем мало иностранцев, — сказал Юнос Фатви. — Только на некоторых участках еще работают русские, югославы, чехи и румыны. Но скоро и они вернутся домой. Должен сказать, что особенно хорошо нам помогали русские лоцманы. Здесь часто поминают их добрым словом.

Юнос Фатви подошел к окну, окинул взглядом огромное и шумное портовое хозяйство, повернулся к нам:

— Сами видите, мы вполне обходимся без англичан. План

грузоперевозок никогда не срывается. Одним словом, канал и порт работают без перебоев. Сейчас мы думаем кое-что переконструировать. Но это мы уже в состоянии сделать своими силами...

Приятно было услышать такие слова.

* *
*

С доктором Хасаном Заки я познакомился еще до того, как приехал в АРЕ. Мы встретились гораздо раньше — на Международной конференции по большим плотинам в Нью-Йорке. Утром я стоял в очереди за материалами пресс-центра. Позади меня заговорил по-арабски седой человек небольшого роста. Тот, с кем он беседовал, судя по внешности, тоже был арабом.

Подошла моя очередь. Получив пухлую пачку специальных изданий, я отошел в сторону и стал ее разбирать. Внимание привлекла красочная обложка. На ней была изображена плотина. «Асуан, Нил», — подумал я, не успев еще прочесть названия. И не ошибся.

В брошюре описывалась старая Асуанская плотина. Я присел в кресло и стал читать. Заметив, что книжка заинтересовала меня, худощавый араб подошел и сказал по-английски:

— Вижу, вы равнодушны к уникальным плотинам и, в частности, к Асуанской.

— Вы угадали. Хотелось бы узнать о ней побольше.

— Готов помочь вам.

Так состоялось наше знакомство. Позже этот приветливый и общительный человек познакомил меня со своим коллегой — доктором Селимом.

Они подробно прокомментировали фотографии, помещенные в брошюре, рассказали о том, как долго и мучительно трудно шло строительство старой Асуанской плотины.

— Жаль, что такая важная гидротехническая задача не решалась комплексно, — заметил я. — Целесообразно было, воздвигнув плотину, построить и электростанцию.

Доктор Хасан Заки только покачал головой и недобрым словом помянул англичан.

Мог ли я знать тогда, что через два года снова увижусь с доктором Хасаном Заки и продолжение рассказа о старой Асуанской плотине услышу из его уст в Асуане?!

Но все произошло именно так.

Был праздничный день: арабы отмечали День конституции,

принятой четыре года назад. После обеда доктор Хасан Заки и Ахмед Саид предложили пройтись.

Солнце жгло невероятно. Лицо мое было мокро, и я все время ощущал на губах соленые капли пота.

Египтяне, шедшие нам навстречу, смотрели на меня с сочувствием. Втайне я завидовал им: они привыкли, им жара нипочем, а мне, северянину, какво! Как часто в те недели и месяцы вспоминал я летний дождичек в родном Подмосковье, каким милым был издалика «серенький ситец» наших небес...

От Асуана до плотины, к которой мы направились, было три километра. С каждым шагом все громче доносился гул турбин гидроэлектростанции, возведенной недавно арабскими строителями. В этот ровный гул врвался гневный рокот реки, сдавленной базальтовыми утесами. Доносился рокот с первого нильского порога.

Мы подошли к старой плотине. Она облицована тщательно пригнанными гранитными плитами и напоминает высокую крепостную стену. Длина ее более двух километров. Ее сто восемьдесят затворов, возвышаясь над отверстиями водосбросов, напоминали поднятые руки; плотина как бы капитулировала перед богатырской мощью Нила. Опустит она «руки», и вода во мгновение ока смела бы плотину со своего пути. Из восьмидесяти четырех миллиардов кубических метров воды, сбрасываемой Нилом, тридцать два миллиарда бесполезно выливаются в Средиземное море, проходя мимо земли, веками жаждущей влаги. Пока старое Асуанское водохранилище — лишь капля в море, если принять во внимание, что еще предстоит сделать для полного решения проблемы ирригации в Египетской республике.

Мы постояли у плотины, прислушиваясь к шуму воды.

Доктор Хасан Заки сказал:

— Вы, несомненно, правы. Гидроэлектростанция могла быть построена давным-давно.

— Что же помешало этому? — спросил я.

— Видите ли, — ответил доктор Заки, — англичане и французы, уходя из Египта, сердито хлопнули дверью. Они думали, что без них гидроузел навсегда останется незавершенным: ведь тогда были заложены только первые сотни кубометров бетона в основание будущей электростанции...

Мы подошли к дому, где администрация строительства нового Асуанского гидроузла обычно устраивала приемы по случаю того или иного события.

Хасан Заки, показывая на скамью, вырубленную из асуанского гранита, спросил:

— Как вы думаете, сколько ей лет? А впрочем, зачем гадать? Эта скамья сама может рассказать о себе.

И действительно. На ее отполированной поверхности была высечена фраза на английском языке:

«Эта гранитная плита обработана в день окончания строительства Асуанской плотины.

10 декабря 1902 года».

Я обратил внимание на протянутую под галереей дома железную сетку и спросил, зачем она.

— Здесь когда-то жил представитель английской фирмы, приехавший на строительство плотины со своей женой, — пояснил Ахмед Саид. — У них было двое сыновей. Однажды старший из мальчиков перелез через перила и свалился вниз. Ему повезло, он остался жив, отделался тяжелыми ушибами. После этого случая и повесили сетку.

— Но данная история имеет еще и продолжение, и логический финал, — пошутил Хасан Заки, дополняя рассказ Ахмеда Саида. — Дети англичанина подросли и пошли по стопам своего отца. Когда был утвержден проект нашей высотной плотины, эти молодые люди приехали в Асуан предложить нам свои услуги. Но им пришлось обратно вернуться в Англию. Вы и ваши коллеги, мистер Комзин, перешли им дорогу.

* *
*

У строителей гидротехнических сооружений существует правило: походить по земле, которая навечно будет затоплена, внимательно взглянуться в нее, прежде чем она станет дном искусственного моря...

Небольшая группа советских инженеров вместе с Хасаном Заки и другими арабскими специалистами отправилась вверх по реке.

Отлески нильских волн дрожали на мокрых боках катера.

После сооружений старой Асуанской плотины нильские воды залили Нубийскую долину. Но в засушливые летние месяцы вода отступает, и Нубия открывает взору человека свои бесценные сокровища. Тому, кто не был здесь, трудно представить себе величие этих мест, потрясающую красоту архитектурных памятников, созданных древними египтянами.

Памятники Древнего Египта ошеломляют. Зодчие и вая-

тели, жившие здесь более сорока столетий назад, создали в Нильской долине незабываемые произведения искусства. Диву даешься, глядя на исполинские статуи фараонов, высеченные в скалах, на могучие изваяния сфинксов, выполненные из гранитных монолитов, на величественные храмы, поражающие своей оригинальной архитектурой и монументальностью.

Те, кому посчастливилось быть в Карнакском храме, уже не забудут этот памятник древнеегипетского зодчества. С восхищением рассматривал я центральные колонны Гипостильного зала, высота которых — более двадцати метров. Это колонны-исполины. Для сравнения скажу, что на срезе одной такой колонны мог бы разместиться сводный оркестр из ста музыкантов.

Еще более огромен храм Абу-Симбел, высеченный в скале на западном берегу Нила, в Нубии. Я стоял и думал тогда, что вот пройдет несколько лет, и это уникальное сооружение глубокой древности может оказаться на дне Асуанского моря. Прошли годы, волны искусственного моря плещутся в Нубийской долине. Но редчайший памятник культуры египетского народа спасен.

Я уже сказал, что, когда Нил входит в берега, Нубия, протянувшаяся примерно на 350 километров вверх по Нилу — от Асуана до Вади-Хальфы, открывает взору человека все свои исторические сокровища. И все же самое сильное впечатление на меня произвели не памятники, а тяжкие будни феллахов.

Тотчас после спада воды крестьяне начинали обрабатывать поля и буквально через пять-шесть дней вся узкая прибрежная полоса покрывалась зелеными всходами маиса, ростками фасоли, арбузов и лука.

Вода убывала, и нубийский феллах неотступно шел вслед за нею.

Наконец оголилась последняя полоска земли. Нил отступил, оставив на полях драгоценное удобрение — ил. Мешкать нельзя! В страдную пору дорогá каждая минута! И феллахи не уходят с поля...

Паводок на Ниле длится сто — сто пятнадцать дней, и эти три месяца, в сущности, кормят нубийского крестьянина. Ил, бесценный дар Нила, скопившийся на берегах реки, сделал землю плодородной.

Радость и надежды вселяло в сердца миллионов египтян строительство высотной Асуанской плотины. Однако многие

нубийцы жили в тревоге. Новое море, разлившись на сотни километров, должно было залить не только пахотные земли, но даже и прибрежные горы. Куда переселяться крестьянам? Куда им перетаскивать свою землю, которую на протяжении стольких тысячелетий оплодотворял нильский ил?

Вскоре после моего приезда в Асуан я стал невольным свидетелем разговора, который долго, очень долго старался забыть и не смог.

Как-то вечером мы с Хасаном Заки зашли поужинать в вагон-ресторан. Высокий старик нубиец с совершенно белой головой, поставив на столик заказанные блюда, пристально посмотрел на доктора Заки и вдруг начал что-то говорить, жестикулируя и хватаясь за голову.

Потом официант встал на колени и со слезами на глазах о чем-то умолял моего спутника. Переводчик так передал мне речь старика:

— Много раз я видел твою фотографию в газетах, злой и могущественный Хасан Аббас Заки, и наконец великий аллах смилостивился надо мной и послал мне тебя во плоти. Пощади же нас, не губи, не отнимай у нас последний хлеб!

Хасан Заки усадил плачущего официанта на свободный стул. Когда старик немного успокоился, мы угостили его чашкой кофе и услышали трагическую историю его семьи, историю, типичную для нубийцев, населяющих берега Нила выше Асуана.

— Я был еще мальчишкой, — начал он. — Семья наша состояла из двенадцати человек. В тысяча девятьсот втором году англичане построили плотину в Асуане, и по приказу короля нам велели переселиться в другое место. Если бы вы только знали, какой это был тяжелый труд! Шестьдесят дней без сна и отдыха мы спасали землю, которую копили, собирали и бережно сохраняли наши предки. Она кормила их и кормила нас. Мы тогда и не думали о доме. Что дом? Дом можно построить. А если потеряешь землю, где ее возьмешь? Мой престарелый дед, женщины и даже мы, дети, едва научившиеся ходить, — все переносили землю. Старшие носили ее в корзинах, мы, малыши, — в подолах своих рубашек. У всех была одна мысль: спасти землю, не дать ей погибнуть. Нам показали место, которое не будет затоплено, и мы носили ее туда. Но все-таки всей земли с нашего поля за два месяца мы спасти не могли: у нас не хватило ни сил, ни времени. Дом мы кое-как построили — старый остался под водой...

Нубиец замолчал, вытер красные от слез глаза и снова продолжал свои невеселые воспоминания:

— После переселения наступили тяжелые годы. Не успела оправиться наша семья, англичане вновь принялись надстраивать плотину. Мой дед к тому времени уже умер от горя и голода. И опять мы спешили перетаскивать свою драгоценную землю. И как в первый раз, мы не успели все спасти и снова голодали.

Старик задумался. Несколько минут мы молчали. Потом он закончил свой рассказ грустными словами:

— Прошло много лет, наша семья залечила раны. Я уже стал стариком. И вдруг горе еще раз свалилось на наши головы. Новая плотина опять затопит водой нашу землю и наши жилища. О, великий алах, куда же нам теперь бежать? Куда переносить нашу землю? Ты главный начальник, Хасан Аббас Заки, умоляю тебя, пощади нас!

Хасан Заки сказал официанту, что правительство будет переселять всех нубийцев в оазисы, поможет переселенцам деньгами и материалами, чтобы они могли построить себе жилища и освоить землю.

Но официант снова заплакал, повторяя одну и ту же фразу:

— Нил — наша родина, мы никуда не уйдем отсюда...

* *
*

Верхняя Нубия — это четыре тысячи лет истории, это музей под открытым небом, раскинувшийся почти на четыреста квадратных километров вдоль берега Нила.

Наш катер поднимался по Нилу, как по лестнице веков. Финиковые пальмы распластали над водой свои косматые кроны, и казалось, что они плывут. Храм Дакка вставал из воды, точно из бездны тысячелетий, и тоже, кажется, плыл нам навстречу. Чуть дальше у храма Вади ас-Себва мы увидели сфинксов.

Катер сбавил ход, но поднятые им волны все же захлестывали громадные изваяния. Вода стекала по их мокрому каменным лицам, задерживаясь лишь в глазных впадинах.

Кто-то крикнул:

— Смотрите, сфинксы плачут!

Действительно, тяжелые капли падали с гранитных век, вспыхивали на солнце...

Саад аль-Аали выдвинула перед Египтом и такую важную проблему: как спасти древнейшие памятники от затопления? Ведь если не принять мер, то всемирно известные памятники Абу-Симбел, Филэ, Дакка, Энеба, Калабша будут похоронены в новом Асуанском море; исчезнут навеки в водяной могиле и сфинксы, на которых мы смотрели в тот день...

Большинство храмов построено из прочного песчаника, добытого в древних каменоломнях Нубии, некоторые возведены из асуанского гранита. Но Абу-Симбел и некоторые другие храмы высечены в хрупком песчанике. Во многих местах их стены дали трещины и осадку. Перед правительством Египетской республики встала совсем нелегкая задача: во что бы то ни стало сохранить памятники, являющиеся культурным достоянием всего человечества. Одной и даже двум странам — Египту и Судану — это было не по силам. Страны обратились в ЮНЕСКО — Организацию объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры — и выразили готовность, в случае, если им будет оказана международная помощь, отдать другим государствам половину всех спасенных произведений искусства, в том числе и некоторые храмы Нубии.

В ответ на эту просьбу ЮНЕСКО учредила Международный консультативный комитет экспертов. Он должен был представить заинтересованным правительствам свои соображения насчет археологических раскопок и рассматривать проекты спасения храма Абу-Симбел и других памятников.

От управления строительства высотной Асуанской плотины принять участие в работе этого комитета пригласили меня и моего заместителя профессора Г. А. Радченко.

...Из всех замечательных памятников архитектуры, сохранившихся со времен фараона Рамсеса II (1317—1251 годы до нашей эры), Абу-Симбел, пожалуй, самый величественный. Этот пещерный храм — подлинный шедевр зодчества и ваяния той эпохи. Его высота — 33 метра, ширина — 38 метров, глубина — 65 метров. У входа в храм — четыре 20-метровых колосса, изображающих Рамсеса II.

Гигантские статуи обожествленного фараона как бы охраняют древнейшее святилище. Безымянный ваятель увековечил и двести детей Рамсеса II, изобразив их у его могучих ног.

Статуи подавляют своей монументальностью. Ширина лица каждой — 4 метра 17 сантиметров, длина носа — 102 сантиметра, уха — 1 метр 6 сантиметров, ширина глаза — 84 сантиметра, рта — 1 метр 10 сантиметров.

Внутри храм украшен хорошо сохранившимися барельефами. Тут и эпизоды сражения между египтянами и хеттами у стен Кархамиша, и битва при Кадеше в XIII веке до нашей эры, и сцены поклонения различным божествам, и бытовые картинки того времени.

Этот храм, сооруженный более трех тысяч лет назад, был погребен под песками пустыни двадцать столетий, и только в 1813 году его обнаружил швейцарец Иоганн Людвиг Бурхардт. Ради этого открытия ученый совершил паломничество в Мекку и принял мусульманскую веру, так как в начале XIX века ни одному европейцу не разрешалось подниматься по Нилу выше города Дерра, что находится в 240 километрах к югу от Асуана. Бурхардт, под именем Ибрагима Абдуллы, проник в те запретные места и в двухстах метрах от Малого храма Абу-Симбел увидел головы четырех колоссов, едва выступавшие из песка. Но только спустя 87 лет это величайшее творение искусства было «извлечено» из песчаной могилы, а для обозрения оно стало доступно лишь пятьдесят лет назад...

Осмотрев храм Абу-Симбел, мы исследовали остров Филэ с его величественным храмом Изиды и другими замечательными памятниками зодчества и ваяния. Нам предстояло выступить со своим заключением на одном из заседаний Международного консультативного комитета экспертов, которое вскоре должно было состояться в Каире.

Комитет рассмотрел тогда два проекта сохранения храма Абу-Симбел — французский и итальянский. Авторы французского проекта, представленного фирмой «Андре Коэн», предлагали соорудить громадную дамбу, способную выдержать напор шестидесятиметровой толщи воды нового Асуанского водохранилища, и таким образом оградить храм от затопления. Комитет отклонил этот проект из-за его дороговизны.

Совершенно иначе выглядел утвержденный впоследствии итальянский проект — простой и в то же время захватывающий по своей инженерной идее. Архитектор Пьетро Гадзола предложил распилить храм Абу-Симбел на отдельные части и крупными блоками — весом по 27—30 тонн каждый — поднять и собрать на месте, не затопленном водами поднятого Нила, водохранилищем, созданным высотной Асуанской плотинной.

Интересно, что на призыв ЮНЕСКО спасти храм Абу-Симбел, сделать все для того, чтобы он, как и тысячи лет назад, стоял на берегу Нила и навеки остался достоянием че-

ловечества, откликнулось восемьдесят одно государство. Горячее стремление инженеров многих стран спасти этот и другие уникальнейшие памятники Древнего Египта — великолепный пример международного сотрудничества.

В конце февраля 1961 года, незадолго до того, как правительство Египта одобрило решение консультативного комитета, я получил из Каира следующее письмо:

«Я был счастлив констатировать дух отличного сотрудничества, проявленный Вами на заседании комитета экспертов при изучении проектов спасения храма Абу-Симбел. Серьезные и эффективные усилия, приложенные Вами, а также научная объективность, которую Вы проявили, поистине заслуживает не только наших поздравлений и искренней благодарности, но и признательности со стороны всех тех, кто интересуется нашим художественным наследием.

Еще раз выражаю Вам горячую благодарность от имени нашего правительства и лично от своего имени.

Доктор *Сарбат Окаша*,
министр культуры
и национальной ориентации

Каир, 28. II—61 г.»

С ОТКРЫТЫМ СЕРДЦЕМ

Лучше один раз увидеть...— Египтяне в Волгограде.— «Удивительная метаморфоза».— В гостях у экскаваторщика.— Щедрый подарок друзей.

После того как мы побывали в Египте, в Советский Союз с ответным визитом приехали наши арабские коллеги. Они ознакомились со строительством Братской ГЭС, а затем совершили поездку по Армении и Грузии.

Доктор Хасан Заки, повидавший почти все крупнейшие гидроэлектростанции мира, заявил советским корреспондентам, вернувшись из Братска:

— Мы счастливы, что нам, арабским инженерам, предоставили возможность посетить величайшую стройку времени. Эта стройка оставила далеко позади то, что еще сравнительно недавно казалось пределом человеческих возможностей в области использования энергии рек...

Затем доктор Хасан Заки продолжал:

— Я должен вам сказать, господа, что есть много общего между Ангарой и Нилом, между строительствами в Братске и Асуане. Наш Нил, подобно вашей Ангаре, берет свое начало в большом озере. И мы и вы ведем строительные работы в необжитых, суровых местах, где термометр иногда показывает пятьдесят градусов: у вас — холода, а у нас — жары. Но у нас, арабов, работающих в Асуане, есть преимущество: мы строим не одни, а с помощью советского народа...

Затем делегация специалистов Египетской республики посетила два научно-исследовательских центра — в Москве и Ленинграде.

Под Москвой, рядом с речкой Сходней, наши гости увидели Ливийскую и Аравийскую пустыни, Нил с его гранитными скалистыми берегами, в том месте, где должна была возводиться высотная Асуанская плотина. Но то была всего лишь модель в одну сотую натуральной величины. Египтяне потом сказали мне: «Нас поразило главным образом то, что вид этого уголка нашей страны ваши специалисты воспроизвели с необычайной точностью».

Однако в тот момент арабы казались совершенно спокойными. Эту черту их характера я заметил еще раньше: несмотря на присущую им экспансивность, арабы умеют сдерживать свои чувства. Даже при обсуждении серьезных вопросов. Незадолго до поездки на Сходню члены делегации завели разговор о намыве плотины. Эта тема захватила каждого из участников разговора. Мы волновались. А профессор Сабри изредка перелистывал какую-то книгу, доктор Селим рисовал в блокноте, и его смешные рисунки ходили по рукам. Но нить разговора ни разу не оборвалась, выводы, которые сделали арабские специалисты, были резонными и конструктивными.

И у Сходни египетские гости то и дело перебрасывались веселыми замечаниями, а доктор Хасан Заки, сняв шляпу и отвесив «реке» низкий поклон, почтительно сказал:

— Здравствуй, батюшка Нил!

Эти слова он слышал от советских коллег на Асуанской стройке и теперь уверенно произнес их по-русски.

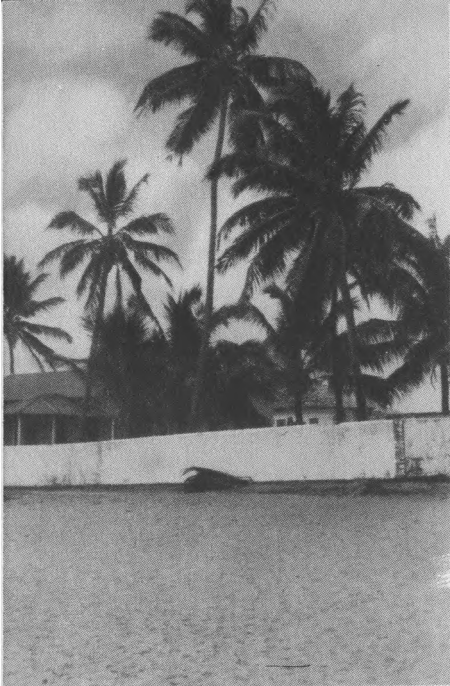
Хотя шутки так и сыпались, ни одна подробность, имевшая отношение к модели высотной Асуанской плотины, не ускользнула от внимания арабских специалистов. Об этом можно было судить по вопросам, которые они задавали.

Объяснения давали научные сотрудники лаборатории гидравлических исследований «Гидропроекта». Они продемонстрировали характер водного потока у будущей плотины, его силу при отсыпке камня в тело плотины от берегов в сторону фарватера Нила, величину скопления ила за телом плотины. Были продемонстрированы предполагаемые методы перекрытия реки и обсуждены связанные с этим проблемы, в частности водонепроницаемость каменной наброски плотины, способной удерживать сто тридцать миллиардов кубических метров воды большого Асуанского водохранилища.

Модель, как я уже сказал, была в сто раз меньше натуральной величины, но выглядела внушительно. Такой увидят но-

И. В. Комзин в Америке. 1958 год.

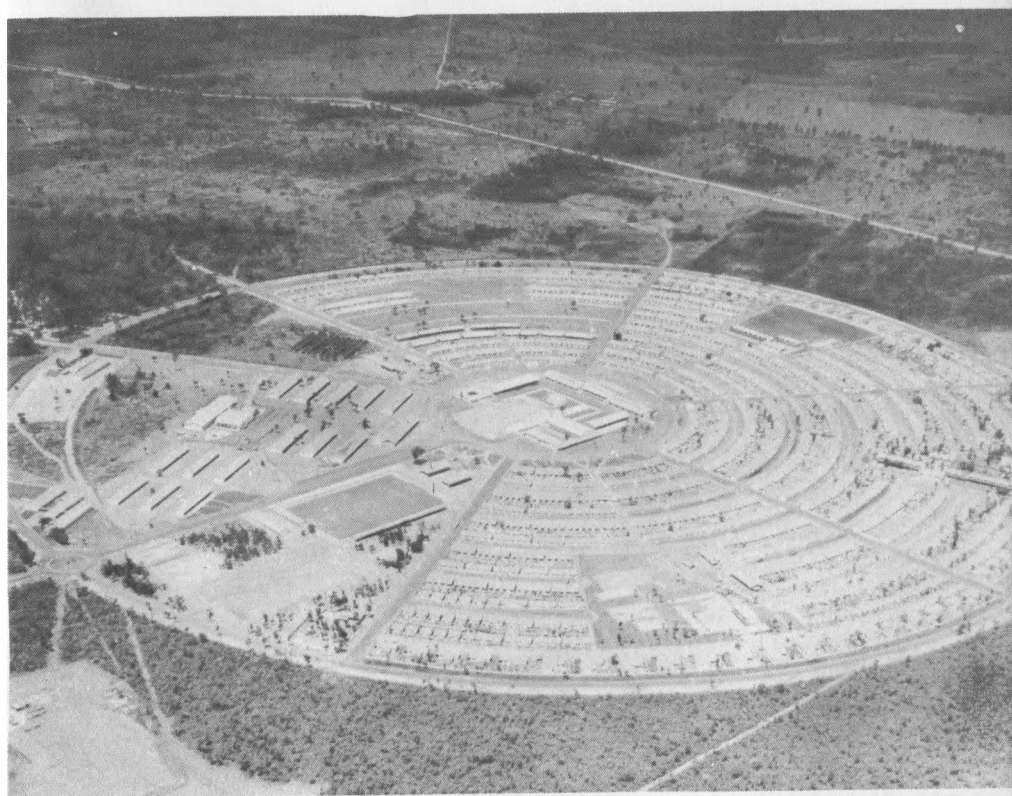
Бразилия. Снимок И. В. Комзина.

Советские энергетики
в Бразилии.
Слева от И. В. Комзина —
президент
республики Жоао Гуларт.

Бразилия. Вид с самолета
на один из городов,
построенных у гидроэлектростанции.

Вера Николаевна
и Иван Васильевич
Комзины. 1967 год.

Профессор Московского
инженерно-строительного
института
имени В. В. Куйбышева.

вую плотину воздушные путешественники из иллюминатора самолета.

Я хотел присоединиться к гостям, стоявшим по другую сторону модели, но плохо рассчитал прыжок, и под моей тяжестью обвалилась часть правого берега «Нила». Хорошо еще, что вода оказалась только до колен.

— Хотя вы и настоящий великан, а через «наш» Нил не могли перепрыгнуть,— сказал доктор Хасан Заки, помогая мне выбраться на сушу.

— Первая попытка не в счет, уважаемый коллега,— ответил я,— вот поработаем в Асуане, наберемся сил, обживемся там как следует, тогда, ручаюсь,— обязательно перепрыгнем.

Об этом шутовском диалоге мы с доктором вспомнили позднее, когда по стальным трубам пульповодов, шагнувших через Нил, уже было перекачано на правый берег более миллиона кубических метров песка. Наблюдая с левого берега за работой гидромеханизаторов, я сказал Хасану Заки:

— Как видите, доктор, мы с вами перепрыгнули через Нил...

Наибольший интерес вызвала у арабских гидростроителей та часть модели, где демонстрировался замыв каменной наброски плотины дюнными песками. Профессор Сабри, который у себя на родине считается одним из лучших специалистов по механике грунтов, сел на своего любимого конька. Никто из его коллег-арабов не задавал столько вопросов, сколько он. Но даже дотошный профессор Сабри ни к чему не мог придаться. К моему удивлению, скептиком оказался не он, а доктор Хасан Заки. Когда мы вышли на улицу и направились к машинам, Хасан Заки засомневался:

— Все, что мы видели сейчас, поистине прекрасно. Но как это будет выглядеть в натуре?

Взяв под руку старого инженера, Николай Александрович Малышев сказал Хасану Заки, что напрасно он сомневается, что все его сомнения окончательно рассеются, когда он побывает на строительстве гидроэлектростанций на Волге и Днестре.

— Там вы все увидите в натуре,— подчеркнул Николай Александрович.

А профессору Петру Степановичу Непорожному пришлось еще раз повторить то, что он уже не единожды говорил египетским гидростроителям:

— Имейте в виду, господа, прежде чем предложить вам

свой проект высотной Асуанской плотины, мы продумали все до мельчайших подробностей. Не только продумали, но и тщательно проверили в лабораториях.

* *
*

— Господа! Не удивляйтесь, почему нам так хочется вочию увидеть то, о чем мы знаем только по газетным сообщениям и техническим проспектам. Мы вам верим, но все же хотим «пощупать», увидеть ваши гидроузлы, так сказать, с близкого расстояния...

Так сказал когда-то доктор Хасан Заки, обращаясь к Н. А. Малышеву, Н. Н. Маслову и ко мне. Мы стояли на месте створа будущей Асуанской плотины.

— Сама природа создала это место для плотины! — воскликнул я тогда, любуясь бунтующей стихией. — Чем не днепровские пороги!

— Днепровские пороги! — задумчиво повторил Хасан Заки. — Я много слышал о них. Правда, это было давно. Тогда меня очень заинтересовал ваш Днепрогэс...

И вот теперь арабские гости «пощупали» наши гидроузлы, побывали на строительстве Волгоградской, Куйбышевской и Кременчугской ГЭС. И судя по реакции, то, что гости увидели на этих стройках, превзошло все их ожидания.

Когда мы приехали на Кременчугскую ГЭС, там велась укладка бетона в фундамент здания будущей электростанции. Эта трудоемкая и сложная работа вызвала особый интерес у арабских специалистов: здание ГЭС возводилось на скале, со скалой предстояло иметь дело и строителям Асуанской плотины.

Наши гости интересовались не только строительством. В момент их пребывания на стройке работали саперы: бульдозеристы нашли неразорвавшиеся снаряды. С грустью смотрели арабы на солдат, извлекавших из земли смертоносное наследие войны. Может быть, в те минуты они вспомнили изувеченный бомбами Порт-Саид? Наш последующий разговор был далек от строительных проблем, мы беседовали о войне и мире, об ответственности людей за все, что делается на планете...

Взволновал арабских друзей и Волгоград. Они посуровели, увидев Мамаев курган, и долго молча глядели на героический город. Давно ли он лежал в руинах, сплошь изрытый снарядами и бомбами?

— Это самый красивый город из всех, какие мне приходилось когда-либо видеть, — промолвил наконец Муса Арафа. — Даже трудно поверить, что здесь шли кровопролитные бои.

— Еще труднее представить, — сказал я, — что на каждый квадратный метр земли, где мы сейчас стоим с вами, враг обрушил более тонны металла в виде пуль, бомб, снарядов и мин. Мы находимся на самом священном месте города-героя — на Мамаевом кургане.

Как только я произнес эти слова, все члены делегации сняли шляпы и в скорбном молчании склонили головы. Муса Арафа достал из нагрудного кармана белоснежный платок и, нагнувшись, положил в него горсть земли.

— Я повезу это в Каир, — сказал министр. — Эту горсть земли я буду хранить как дорогую память.

Примеру Мусы Арафа последовали остальные члены арабской делегации.

— Осколок!

На ладони профессора Али Сабри лежал острый обломок металла, пролежавший в земле почти тридцать лет.

Осколок переходил из рук в руки.

Арабские гости начали руками разгребать землю. И каждый нашел грустный след войны — позеленевшую от времени гильзу или сплюснутую пулю. У меня на ладони лежали четыре осколка...

Затем мы были в музее обороны Волгограда. Пояснения давала женщина-экскурсовод. В ее гладко причесанных волосах блестели серебряные нити, но глаза этой статной, красивой волжанки светились гордостью, когда она рассказывала о героизме своих земляков, защищавших Сталинград. Ее взволнованный рассказ на безукоризненном английском покориł египтян.

Воспользовавшись паузой, Муса Арафа сказал экскурсоводу:

— Как чудесно вы рассказываете об этом героическом городе и его защитниках! Так может рассказать о Сталинграде лишь тот, кто жил здесь в военные годы.

— Вы не ошиблись. Я тоже защищала Сталинград, — сказала она и добавила: — Здесь воевал и мой отец.

Когда мы вышли из музея, Муса Арафа сказал:

— Наша страна тоже пострадала от интервентов. Конечно, не в такой степени, как ваша. Особенно сильно бомбили Порт-Саид. Там было очень много жертв.

— У нас в Волгограде есть улица имени Порт-Саида, — сообщила экскурсовод.

Гостей из Египта это глубоко тронуло.

— Обязательно покажите нам ее, — попросили они в один голос.

— Это совсем близко, — сказала наша спутница. — Сейчас свернем направо, и сразу же начнется улица имени Порт-Саида.

Широкий тротуар, по которому мы шли, был сплошь в солнечных бликах. Искрилась на солнце красавица Волга.

Показывая на яркую клумбу, наша спутница вспоминала:

— На этом месте был фонтан. Я перевязывала около него раненых...

И снова, как под Кременчугом, на ласковый мирный день набежала черная тень войны.

Вскоре мы повернули на улицу, которая почти вся была в строительных лесах. Но кое-где еще виднелись обугленные остовы зданий — немые свидетели самой великой из битв. От ее исхода зависела судьба человечества...

Мы находились на улице имени Порт-Саида.

Гости обнажили головы, тронутые братской солидарностью советских людей.

— Порт-Саид в Волгограде, — сказал профессор Али Сабри.

* *
*

Советские гидротехнические сооружения так заинтересовали наших арабских коллег, что они попросили разрешения вновь посетить их. На этот раз египетские инженеры хотели присутствовать при перекрытии Днепра у Кременчуга.

Из Харькова до Кременчуга мы по желанию египетских гостей ехали на машинах.

Был конец августа 1960 года. Стояла чудесная солнечная погода. Золотая осень встречала нас щедрыми дарами, мимо то и дело проносились грузовики с яблоками и грушами.

Первую остановку мы сделали в Полтаве. Этот город был хорошо известен нашим друзьям. Они попросили показать им исторические места Полтавской битвы и музей, где хранятся реликвии, рассказывающие о великой победе русских войск над шведами.

Наша «Волга» повернула к окраине города. Загорелый карглазый богатырь в голубой тенниске, сидевший за рулем,

с большим чувством декламировал строки из пушкинской «Полтавы»:

И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча.
Бросая груды тел на груды,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский — колет, рубит, режет,
Бой барабанный, клики, скрежет.
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон...

Муса Арафа, которому переводчик объяснил содержание прочитанного, сказал шоферу:

— Я не знаю языка, но вы читали с таким чувством и стихи настолько музыкальны, что я понял и без перевода: ваш великий поэт на редкость звучными словами изобразил картину знаменитой битвы. Вы, оказывается, не только шофер, но и превосходный артист.

— Нет, господин министр, я никогда не выступал на сцене. Я просто люблю поэзию, это моя слабость, — ответил смущенно шофер.

Я чуть не разоблачил «шофера» и совсем было решил познакомиться его с Мусой Арафа, но воздержался.

Машины продолжали свой бег по солнечным украинским шляхам.

Остановились у околицы небольшого села, утопавшего в садах. Все вышли из машин. Воздух был напоен речной свежестью. Муса Арафа помял в руках ком черной земли:

— Какое чудо! Какая земля!

Пока мы любовались окружающей природой, нас обступила шумная ватага мальчишек. Курносый хлопчик с белыми ресницами поднес Надие, дочери Мусы Арафа, букет полевых цветов. Другой поставил перед ней ведерко, доверху наполненное вишнями. Гости были в восторге.

В Кременчуг приехали поздно вечером. Мы боялись опоздать на перекрытие, а оказалось, что у нас в резерве целых два дня. Муса Арафа сказал мне:

— Давайте встанем завтра пораньше, ну, скажем, в семь, и вместе обсудим распорядок дня.

Рано утром, как условились, распорядок был обсужден и, с некоторыми дополнениями, единодушно одобрен всей делегацией.

После завтрака гости отправились на экскурсию по назначенному маршруту.

Всего за два-три года Кременчуг изменился до неузнаваемости. Создавая крупнейшие электростанции на могучих реках страны, советские гидростроители одновременно закладывают и строят новые города, меняют облик старых. Это стало прекрасной традицией.

Город красив и просторен. Продовольственные магазины, булочные, универмаги, школа, кинотеатр, почта, поликлиника... Гости с берегов Нила вели бесконечные записи в блокнотах. Они были полны впечатлений.

По просьбе гостей им показали детский сад. Увидев незнакомых людей, малыши, которые только что старались перекричать друг друга, вмиг затихли. Но уже через несколько минут между гостями и ребятами установились самые дружеские отношения.

Потом арабы зашли в булочную, молочную, побывали на хлебозаводе. Все было так захватывающе ново для наших гостей, так интересовало их, что мы вспомнили про обед, когда время уже приближалось к ужину.

На следующий день гости знакомились с подсобными предприятиями строительства. Ремонтно-механические и авторемонтные мастерские, бетонный, камнещебеночный и арматурный заводы — все было для наших коллег одинаково значительно.

Гости скрупулезно записывали объяснения, которые им давали строители Кременчугской ГЭС. Они не стеснялись задавать самые различные вопросы. Каждая из многочисленных бесед, возникавших в самых разных местах стройки, отличалась душевной теплотой и дружеской откровенностью.

— Это, кажется, вас зовут? — сказал мне Хасан Заки, показывая на один из скальных экскаваторов.

Я поднял голову и увидел улыбающегося Бориса Коваленко, который после Куйбышевгидростроя работал в Кременчуге. Высунувшись из кабины, он махал мне рукой.

Через минуту, передав экскаватор своему помощнику, Борис был возле нас. Поздоровавшись, он ласково похлопал ла-

донью своего богатыря — «Уральца» и сказал, глядя на гостей смеющимися глазами:

— Прошу любить и жаловать, мой лучший друг и товарищ.

— Смотрите! — воскликнул Муса Арафа, окинув удивленным взглядом могучую фигуру экскаваторщика. — Это же наш дорожный чтец-декламатор. Он же — шофер. Удивительная метаморфоза!

— Все это так, уважаемый коллега, — поддержал я его шуточный тон. — Позвольте внести некоторую ясность. Перед вами не шофер, а один из тех, кто возводил Волжскую ГЭС имени Ленина. Сейчас он — лучший экскаваторщик Кременчугской стройки. Придется вторично вас познакомить. Перед вами, господа, мой хороший друг Борис Коваленко.

Гости, смеясь, поочередно пожали Борису руку. Они горячо поблагодарили Коваленко, узнав, что он специально поехал встречать их в Харьков.

Арабы стали с любопытством рассматривать четырехкубовый экскаватор Коваленко и, увидев красные звездочки по обеим сторонам кабины, спросили, что они означают.

— Восемнадцать звездочек, нарисованных на правой стороне кабины, — объяснил Борис, — это восемнадцать месяцев работы нашей молодежной бригады на Куйбышевгидрострое. Каждая означает выполнение плана на сто десять процентов. А те двенадцать звездочек — это двенадцать месяцев нашей работы на строительстве Кременчугской ГЭС. И означают они то же самое.

Глаза Бориса Коваленко — карие, с золотой искринкой — светились гордостью человека, сознающего свою силу.

Интерес египетских гостей к герою двух великих строек был необычайным. Возле его экскаватора возникла маленькая пресс-конференция. Молодой советский рабочий охотно отвечал на вопросы министра Арабской республики и его спутников. О чем только они не спрашивали!

— Когда вы овладели специальностью экскаваторщика?

— Сколько вам сейчас лет?

— Каков ваш заработок?

— Как вам живется?

— Довольны ли своей работой?

— Какое у вас образование?

Борис ответил на все вопросы, за исключением одного — как ему живется.

— Вы хотите знать, как я живу? Приходите ко мне домой — увидите.

Гости, не задумываясь, приняли приглашение Коваленко. Я сказал Борису:

— Боюсь, ты ставишь свою жену в неловкое положение. Ведь она не готовилась к такой встрече. Все-таки восемь человек.

— Ну и что, Иван Васильевич! — ответил Коваленко. — А хоть бы и двенадцать было. Ты еще плохо мою жинку знаешь, если думаешь, что она лицом в грязь ударит.

Борис сказал несколько слов своему напарнику, и вскоре наши машины уже были в рабочем поселке. Остановились в тени ближайшего пятиэтажного дома.

Едва открыв парадную дверь, Борис крикнул раскатистым баском:

— Эй, хозяйюшка, принимай гостей!

Звонкое эхо прокатилось по лестничному пролету. Наверху открылась дверь, и мы увидели склонившуюся над перилами миловидную молодую женщину.

— Ох, Борис, Борис! — воскликнула она, всплеснув руками. И обратилась к остальным:

— Заходите, гости дорогие. Для всех у нас места хватит.

— Главное, ты не теряйся, хозяйюшка, — сказал Борис.

Он подошел к холодильнику и заглянув в него, изрек:

— Все в полном порядке. Будет пир на весь мир. Есть ряженка, есть и покрепче!

— Да что ты, Борис! — сказал я вполголоса. — И не думай угощать горилкой. Люди непьющие — религия запрещает. Надо уважать чужие обычаи.

Через минуту на столе появились бутылки с ряженкой и кефиром, пышная пшеничная паляница, коржи, разрезанный пополам пунцовый арбуз, краснощекие яблоки.

Гостям пришлось по душе ряженка. А вообще-то им понравилось все, и больше всего — радушие хозяев дома.

Пока мужчины вели разговор главным образом о строительных делах, между женой Бориса и Надией завязалась беседа. Оказалось, что обе они учительницы, и у них быстро нашелся общий язык.

Переводчик просто разрывался на части, помогая одновременно объясняться мужчинам и женщинам.

Пообедав, гости решили познакомиться с богатой библиотекой Коваленко. Это были в большинстве произведения художественной литературы, различные пособия по экскаваторному делу, в том числе и книга самого Бориса. В ней по-дытоживался опыт молодежной бригады Бориса Коваленко

на Куйбышевгидрострое, рассказывалось о ковше его собственной конструкции.

Когда я показал книгу Мусе Арафа и сказал, кто ее автор, он воскликнул:

— Вы опять подшутили надо мной, эфенди Комзин! Сейчас вы скажете еще, что он вовсе не экскаваторщик, а писатель. И я уже не удивлюсь...

Я ответил, что Борис не писатель, но что в нашей стране подобные факты не в диковинку: в Москве, например, живет электросварщик Григорий Люшнин, у которого вышло несколько книг, и он давно принят в члены Союза писателей.

А тем временем Борис достал из шкафа свою книжку и, сделав дарственную надпись на титульном листе, преподнес ее на память Мусе Арафа.

* *
*

Надо было видеть, с каким интересом наблюдали гости за перекрытием Днепра! С раннего утра они были на проране — участке, который в тот день находился в центре внимания всей стройки.

За ночь погода испортилась. Моросил мелкий дождь.

Подъезжали и подъезжали самосвалы к kloкочущей пучине, сбрасывали в нее каменные и бетонные глыбы. На одной из них — величиной с добрую скалу — было написано аршинными буквами:

«Привет судакам Днепра от бригады экскаваторщиков имени матроса Железняк!». Это Борис решил повторить свою шутку.

Когда доктору Хасану Заки перевели надпись и сказали, что бригаду возглавляет Борис Коваленко, он воскликнул:

— Как бы мне хотелось, чтобы эфенди Коваленко сделал подобную надпись на глыбе нашего асуанского гранита при аналогичных обстоятельствах! Только в нашей реке судаки не водятся. Придется написать «Привет нильским окуням!».

Наступил наконец и самый волнующий момент. Днепр устремил свои воды по новому руслу, к кременчугской гидроэлектростанции. Казалось, и природа обрадовалась этому событию. Из-за туч выглянуло солнце...

Вечером мы отметили еще одно событие — день рождения доктора Хасана Заки.

Едва гости расселись за празднично убранном столом, как открылась дверь и появилось сложнейшее кондитерское сооружение, украшенное арабским орнаментом из разно-

цветного крема. Но... сооружение так и осталось за дверью.

Пришлось выручать шеф-повара Александра Демьянова, который нес гигантский торт, — срочно открыть вторую половину двери. Это происшествие вызвало веселое оживление.

Сюрприз глубоко тронул наших арабских коллег. Каждый из них счел своим долгом пожать руку Саше Демьянову, от души поблагодарить его.

Провозглашая тост за дружбу и сотрудничество, Хасан Заки сказал:

— Все мы получили сегодня громадное удовольствие, став свидетелями покорения Днепра. Я верю в то, что в недалеком будущем и вы, наши советские коллеги, с такой же радостью воспримете перекрытие Нила. Я хотел бы дожить до этого счастливого дня...

Перед отъездом Муса Арафа спросил: не могут ли советские инженеры показать ему чертежи и расчеты, которыми они пользовались при подготовке к перекрытию Днепра.

— Мы вам не только их покажем, — сказал начальник строительства Григорий Иванович Строков, — но и подарим копии этих чертежей и расчетов, чтобы вы могли применить их на строительстве Большого Асуана.

Муса Арафа поблагодарил за столь щедрый подарок и еще раз подчеркнул, что поездка оказалась чрезвычайно полезной.

— На примере строительства Кременчугской ГЭС, — сказал он, — наша делегация ознакомилась со способами намыва плотины и перекрытия такой могучей реки, как Днепр. Эти способы будут применены на строительстве высотной Асуанской плотины.

...И вот мы едем обратно в Харьков. Опять за рулем своей «Волги» сидит Борис Коваленко.

— Нет ли у вас желания поехать в Асуан? — спрашивает его Муса Арафа.

Борис вопросительно смотрит на меня.

— Решай сам, не маленький ведь, — говорю я, а про себя думаю: «Кременчуг для тебя — пройденный этап, Боря. Что ж ты раздумываешь еще? Соглашайся».

И словно прочитав мои мысли, Коваленко ответил Мусе Арафе:

— Ну что же, я согласен, господин министр.

И протянул руку египетскому гостю.

САДАКА! КВАЙС! КВАЙС!¹

*Станция называется «Дружба». —
Мой друг Сабри. — Учители и ученики. — Гибель Бориса Коваленко.*

Мы начали обживать нильский берег, а в Москве, в институте «Гидропроект» крупнейшие ученые и проектировщики уже решали конкретные вопросы, связанные со строительством высотной Асуанской плотины. Меньше чем за год была проделана огромная работа. Ее по справедливости следует считать началом строительства Большого Асуана.

До отъезда в Египет многие наши специалисты-механизаторы побывали на заводах, где изготовлялось оборудование для Асуана. Бригада Бориса Коваленко проработала на Уралмашзаводе более трех месяцев. Борис и его товарищи вместе с уралмашевцами монтировали и испытывали уникальные четырехкубовые экскаваторы. Машины надо было приспособить к условиям Египта с его жарким климатом и крепчайшими гранитами нильского берега.

Нам хотелось с первых же недель во всю ширь развернуть работы на стройке, но сделать это мешали слабые электрические мощности старого Асуана. Разве могли четыре допотопных дизеля обеспечить энергией такое строительство! Ее едва хватало для города с двадцатитысячным населением².

---

¹ Дружба! Хорошо! Хорошо! (арабск.).

² В 1959 году и до конца 1960 года электрическая мощность Асуана исчислялась немногим более 1000 киловатт. В январе 1960 года строительство новой плотины должно было получить на первое время до 30 тыс. киловатт от заканчивавшейся строительством ГЭС у старой Асуанской плотины. Проектирование станции велось иностранными фирмами

Руководство Высшего комитета строительства Асуанской плотины было заинтересовано в том, чтобы как можно скорее начались гидротехнические работы.

— Начиайте хоть завтра, — повторяли мне ответственные лица комитета.

Я объяснил, что не хватает электроэнергии.

— Тогда, — последовал ответ, — мы хотим обратиться с просьбой к вам и через вас к Советскому правительству, чтобы нам доставили оборудование, которое не требует электрической энергии. Если вопрос будет решен положительно, то нам следует сейчас же начать обучение рабочих. К тому времени, как прибудет техника, они смогут овладеть специальностями.

Я сказал, что доведу эту просьбу до сведения Советского правительства и о результате сообщу, как только получу ответ.

Просьба была удовлетворена. В октябре 1959 года в Александрийский порт пришел теплоход «Камышин», доставивший в Египет первую партию советских дизельных кранов и экскаваторов. Учителями рабочих-арабов стали советские экскаваторщики и крановщики, люди с богатейшим практическим опытом, приехавшие в Асуан с берегов Волги и Днепра.

Забегая вперед скажу, что меньше чем через год вошли в строй турбины ГЭС, построенной у старой Асуанской плотины. В рекордно короткие сроки были смонтированы высоковольтные подстанции, оборудование для которых поступило из СССР. Началась сборка электрических экскаваторов Уралмашзавода и другой мощной строительной техники. На берегу Нила создавался плацдарм для строительства высотной Асуанской плотины.

Боле ста советских заводов выполняли заказы для великой стройки на Ниле. За многие тысячи километров от египетской земли наши проектировщики, инженеры, рабочие делали все, чтобы почетные заказы были выполнены в срок. Скоро в Асуан начало прибывать советское оборудование.

Чего здесь только не было! Поблескивали свежей краской новенькие дизельные и электрические экскаваторы, пяти- и

---

36 лет (с 1912 по 1948 гг.). В самый разгар строительства гидроэлектростанции, когда уже были закончены работы по выемке скалы из котлована и началась укладка бетона, строительство приостановилось из-за англо-франко-израильской интервенции. Молодая республика получила электрическую энергию от этой ГЭС несколько позже.

двадцатипятитонные самосвалы, буровые агрегаты, компрессоры, станки, трубы...

Первый поезд с советской строительной техникой встречало все население Асуана. У встречавших было веселое, праздничное настроение. У меня же скребло на сердце. И вот почему.

Когда мы, советские специалисты, приехали в Асуан, то сразу же поинтересовались, где и как будут разгружаться оборудование и материалы. На станции Асуан было мало запасных путей и тяжелых кранов. Да и везти громоздкое оборудование по узким и кривым улочкам древнего города не представлялось возможным: потребовалось бы снести много домов. Но руководителям министерства строительства асуанской плотины наши опасения не казались столь уж серьезными. Египетские коллеги надеялись, что разгружать платформы и вагоны можно будет на железнодорожной ветке химического комбината, который строила западногерманская фирма «Хохтиф Дортмунд юнион».

— Это почти вдвое ускорит доставку грузов, — уверяли нас арабские инженеры.

А вот что получилось на деле, после того как торжественно встретили первый поезд.

Самоходные машины — тракторы и самосвалы — мы выгрузили тут же, на станции, часть же вагонов с тяжелым оборудованием перегнали на железнодорожную ветку химического комбината.

Представители фирмы «Хохтиф» весьма любезно приняли нас и обещали дать краны для разгрузочных работ. Но прошло около двух недель, а разгрузка не начиналась. Пути маленькой станции были забиты платформами и вагонами, грузы из Советского Союза все прибывали. Каждый день мы напоминали представителям «Хохтифа» об их обещаниях. Они же в ответ предлагали выпить по традиционной чашке кофе и опять заверяли, что «завтра или послезавтра разгрузка обязательно начнется».

Стало ясно, что эти господа не собираются помогать нам. Напротив, они явно были довольны тем, что администрация строительства плотины попала в затруднительное положение.

Был не на шутку встревожен и Селим — начальник станции Асуан. Сквозь его тревогу временами проглядывала и откровенная радость: он понимал, что вся эта могучая техника в недалеком будущем преобразит не только его родной Асу-

ан, но и весь Египет. В нескончаемом потоке машин и механизмов с надписью «Сделано в СССР» этот пожилой человек, умудренный большим житейским опытом, видел проявление щедрой, бескорыстной дружбы великого народа.

Но вскоре Селим расстроился всерьез:

— Посмотрите, эфенди, сколько прибыло разных машин! — воскликнул он, приглашая меня жестом к окну.

Я взглянул в окно.

У начальника станции были все основания для беспокойства. Но утешать его я не мог, и потому сказал:

— Учтите, эфенди Селим, вам придется принимать еще очень много грузов. Надо быть готовым к этому.

— О, если бы вы только знали, как я радуюсь, когда вижу, что прибыло еще двадцать или двадцать пять платформ.

Начальник станции помолчал, потом добавил:

— Но меня ждут неприятности: за простой администрация налагает штраф, а я человек небогатый. У меня большая семья, эфенди, и, кроме жалованья, никаких доходов нет.

Надо было что-то предпринять, и я решил пойти с начальником станции к инженеру Ахмеду Саиду.

Выслушав меня, Саид бросил на Селима прищуренный взгляд:

— Думаю, что начальник станции сам найдет выход.

— Какой выход? Я не вижу никакого выхода! — взволнованно воскликнул Селим, замахав руками. — Все забито грузами для Садд аль-Аали.

Но выход был.

На другой день мы предложили арабам нарастить железнодорожную ветку — вывести ее в поле и там начать разгрузку.

Так и сделали. Но этого было мало. Дело в том, что наши, советские краны, которые могли бы снять с платформ тяжелое оборудование, еще плыли по Нилу километрах в шести-стах от Асуана. В лучшем случае они могли прибыть через восемь — десять дней.

Я начал с того, что созвал наших инженеров и рабочих — посоветоваться, что предпринять.

Предложений было много. Но вот поднялся Василий Михайлович Клементьев:

— Я прошу дать мне шесть наших механизаторов и десять рабочих-арабов, восемь автомобильных домкратов и пятьсот шпал. Дайте мне все это — и завтра к концу рабочего дня три экскаватора будут разгружены...

Василий Михайлович налил себе воды из графина и сде-

лал несколько глотков. Посмотрел я на Клементьева и подумал, что для таких людей не существует невозможного.

— А пока мы будем готовиться к этой операции, — продолжал он, — Дмитрий Алексеевич Слепуха возьмет под свое командование две бригады и приступит к монтажу еще двух экскаваторов с крановым оборудованием прямо на платформах.

Предложение это было не только смелым, но и рискованным. Зная, однако, что Василий Михайлович никогда слов на ветер не бросает, я согласился. Да и выхода другого не было.

Механики-арабы не верили, что можно без кранов снять с железнодорожных платформ с неспускающимися металлическими бортами машины весом в двадцать тонн.

Узнав о замысле Клементьева, на следующее утро ко мне прибежал приемщик оборудования Мухаммед Мурси:

— Домкратами разгрузить экскаваторы? Это совершенно невозможно!

Он вытер платком мокрое лицо и, переминаясь с ноги на ногу, добавил:

— Попробуем еще раз попросить кран у немцев. Они же видят из окна своей конторы, что так дело не пойдет, и, наверно, смеются.

Мурси смотрел на меня умоляющими глазами.

— Нет уж, дорогой друг, — ответил я. — На поклон к этим господам мы больше не пойдем. Наберемся терпения и подождем до вечера.

А вечером Мухаммед Мурси тряс руку Клементьева, поздравляя его с успехом.

Мухаммед был в восторге: русские обошлись без подъемных машин, они разгрузили три экскаватора и смонтировали два экскаватора-крана почти вручную!

А на третий день крановщики закончили разгрузку всего тяжеловесного состава.

Затор был ликвидирован.

Эти трудные дни послужили всем нам хорошим уроком. Была срочно запроектирована железнодорожная линия и промежуточная станция с подъездными путями, разгрузочными платформами, площадками для тяжеловесных грузов и крытыми складами.

Строителям железнодорожной линии пришлось преодолеть много трудностей. Трасса проходила по сильно пересеченной горной местности. И хотя дорогу строили тысячи людей, не верилось, что они так скоро закончат ее. Но арабы

работали для себя и на себя! Новая железнодорожная станция отлично вписалась в местный пейзаж. Город Асуан отныне был связан железной дорогой со строительной площадкой плотины.

— Как мы назовем новую железнодорожную станцию? — спросил я Ахмеда Саида.

— Надо придумать название! Но ведь нужно получить на это разрешение министра коммуникаций и связи...

— Переписка займет слишком много времени, — заметил я. — А грузам для Саад аль-Аали срочно требуется новый адрес.

— Вы правы, ждать придется не меньше месяца, — согласился Ахмед Саид. — Как же быть?

Я кратко рассказал арабскому коллеге, как на Куйбышевгидрострое деревенька Кунеевка была переименована в Комсомольск.

— Господин Саид, — предложил я, — давайте и в данном случае придерживаться принципа: «Сами строим — сами крепим».

— Ну что ж, — сказал Ахмед Саид, — я не возражаю.

Он посмотрел в окно, за которым работали арабы и русские, и сказал:

— Садака! Пусть так и называется наша новая станция.

* *
*

Верхушки пальм пылали, как огромные факелы, отражаясь в нильской воде.

Знойным вечером шел я по новой железнодорожной станции. Шел медленно, потому что на каждом шагу встречал знакомых, приходилось останавливаться: поговорить было о чем!

Бронзовые от загара и смуглые, почти черные лица. И не только у арабов. Наши тоже стали до того черными, словно век жили тут. Знаменитый крановщик Анатолий Ватолин помахал рукой из своей кабины. Он что-то кричал, но из-за шума я не мог слышать ни слова. Точно так бывало и на Куйбышевгидрострое, где Анатолий заслуженно слыл лучшим крановщиком. Он и тогда что-то кричал, а получалось как в немом кино. Разве стройку перекричишь!

Разгрузка шла полным ходом. Вместе с Ватолиным на четырех кранах работали арабы, его ученики. Они и крановщики, и умелые такелажники.

Разгружать в сутки 25—30 вагонов — дело трудное. Одна-

ко крановщики справлялись. А ведь совсем недавно эти худощавые смуглые парни пришли из пустыни. Вчерашние феллахи быстро стали квалифицированными рабочими, и можно было дивиться как их сообразительности, так и неумемному желанию поскорее освоить дело.

Я подошел к начальнику станции:

— С сегодняшнего дня ваша станция будет называться Садака.

Пожилой араб приложил руку к сердцу и сказал:

— Садака! Это замечательно!..

Наш разговор случайно услышал оказавшийся рядом сторож центральных материальных складов строительства. Ему около семидесяти, но он еще достаточно крепок и подвижен.

— Садака! — с гордостью воскликнул он и жестом показал, что нужно повесить вывеску с названием станции.

Надо было видеть, какую радость вызывал у старика каждый новый эшелон грузов.

Назавтра, проезжая мимо складов, я спросил его:

— Что нового, папаша Али?

— Нового много. Целое богатство за ночь привалило.

Я вышел из машины. Али поднялся с ящика, заменявшего ему скамейку, и повел меня к новым грузам. Их, действительно, стало намного больше.

— А что в этом ящике? А что вон в том контейнере? Надо же мне знать, что я стерегу!

Я ответил на все его вопросы. На лице старого араба светилась неподдельная радость. Он гордился тем, что прибывало столько важных грузов, что он узнавал о них из первых, можно сказать, рук...

После того как новая железнодорожная станция получила имя, слово «Садака» зазвучало в Асуане чаще, чем какое-либо другое. Я слушал его и думал: давно ли первая группа советских специалистов сошла на перрон асуанского вокзала? Прошло полгода, и вот уже двести советских людей трудятся на Асуане. Инженеры — геологи и проектировщики, инженеры — горняки и взрывники, экскаваторщики, бульдозеристы, электрики, механики. Все они не только энергично взялись за работу, но, что самое главное, сразу нашли общий язык с египтянами. Переводчиков на стройке всегда не хватало. Многие из советских специалистов быстро выучили наиболее ходкие арабские слова и, к удивлению местных жителей, начали объясняться с ними — пусть еще недостаточно бегло — на их родном языке.

Египетский инженер Фарид воскликнул однажды:

— Двадцать пять лет работаю на различных объектах, но такой стройки, как Садр аль-Аали, еще не встречал!

Прежде чем принять какое-либо важное решение, Фарид всегда советовался со своим советским коллегой Журновским. Валентин Журновский был моложе Фариды, но он прошел такие «университеты» гидростроительства, как Куйбышевская и Волгоградская ГЭС. И Фарид неизменно получал исчерпывающие ответы от русского учителя. Египтянина несколько не тяготила разница в возрасте.

С первого дня строительства Садр аль-Аали арабские инженеры работали в тесном содружестве со своими советскими коллегами. В проектно-конструкторском отделе можно было часто видеть склонившихся над чертежом Бориса Колчина, Сабри Ситки и Самира Кемиля. На другом конце стройки можно было увидеть приблизительно такую же сцену: инженер Борис Качанов беседовал с рабочими Хусейном Мухаммедом Абдель Уршу и Альдо Омато, посвящал их в «секреты» своего мастерства.

Как-то встретился мне по пути Махмуд Саид. Спрашивать, как идут у него дела, я не стал: веселая улыбка свидетельствовала, что отлично. Он кивнул курчавой головой, я помахал рукой. Куда он торопился, было ясно — к своему учителю. Неподалеку его дожидался В. П. Никичев. Прошло несколько месяцев, и Махмуд Саид стал самостоятельно работать на мощном 15-тонном кране-трубоукладчике.

Инженеры Абдель Али, Юсеф Фараг, Али Мухаммед Селим, Закария Абдель Гади аль-Кады, как и многие другие, мечтали о том, чтобы к концу строительства Садр аль-Аали быть такими же мастерами, как их советские коллеги. «Русс тамам», — повторяли они. Это означало: «Русские — превосходные мастера своего дела».

Всеобщую симпатию и любовь снискал на стройке Василий Клементьев. Обладая неистощимой природной смекалкой и умением выжать все возможности из любой машины, Клементьев виртуозно управлял экскаватором и краном, бульдозером и компрессором, подвижной электростанцией и буровым станком. Василий Михайлович к тому же был наделен не так уж часто встречающимся даром мгновенно находить общий язык со своими подопечными. Его не смущало, что подчас ученикам не хватало образования, что вместо подписи они ставили отпечатки пальцев. Его не смущали их промахи в учении, неизбежные на первых порах. «Василий

хороший учитель», — говорил каждый араб, которому приходилось хотя бы один раз иметь дело с Клементьевым.

Пожилой бригадир Мухаммед Али в разговоре с Василием Михайловичем как-то сказал:

— За свою жизнь я видел много всяких строек. Работал не один десяток лет и у англичан, и у французов. Мои руки управляли разными машинами. Ваши машины крепкие, добротные. Но ваши русские парни еще лучше. Они не только с большим терпением учат наших молодых рабочих и стариков своему искусству, но и относятся к нам по-человечески, с уважением.

О том, как ценили египтяне уважительное к ним отношение, свидетельствует такой маленький эпизод.

Как-то утром я сел в машину вместе с корреспондентом «Правды» Игорем Беляевым и сказал шоферу Сабри одно лишь слово: «Карака». Машина помчалась к котловану водотоводящего канала. До него было метров двести, когда мы с Игорем Петровичем увидели, как над отвалами породы то и дело появляется стрела четырехкубового экскаватора.

Наша машина съехала на обочину. Мы все трое вышли и невольно залюбовались работой «Уральца».

— Кто же это работает? — спросил Беляев и тут же сам себе ответил: — Наверное, кто-нибудь из наших — Рубец или Дузик.

— Нет, нет! Это не Рубец и не Дузик, — воскликнул Сабри, у которого очень острое зрение и который в лицо знает всех лучших механизаторов.

— Эфенди Сабри, — заметил я, — по-моему, это все-таки Дузик.

На лице Сабри появилась широчайшая улыбка, и он радостно закивал головой:

— Да, да, господин профессор. Это, конечно, Дузик.

Чтобы решить спор, мы пошли к экскаватору. В кабине сидел молодой араб. Игорь Беляев стал его фотографировать, а я повернулся к Сабри и, покачивая головой, сказал:

— Разве у Сабри плохое зрение и он не может разглядеть, что его товарищи арабы стали работать не хуже советских механизаторов?

— Нет, — ответил Сабри. — У шофера Сабри зрение совсем не изменилось, но когда господин профессор называет его «эфенди», Сабри слепнет от радости.

...В один из особенно жарких дней, когда термометр пока-

зывал 50 градусов в тени, на стройку приехал корреспондент газеты «Аль-Ахрам».

— Мне хотелось бы взять интервью у одного из ваших знатных рабочих, — обратился он к стоявшему поблизости советскому инженеру. — Это займет совсем немного времени.

— Пожалуйста, рад помочь вам, — сказал инженер. — Вот как раз сюда идет человек, который может вас заинтересовать.

Подошел Герой Социалистического Труда Дмитрий Алексеевич Слепуха.

Русский и араб пожали друг другу руки, представились.

— Скажите, нравится ли вам Асуан и что вы хотели бы передать читателям нашей газеты? — обратился корреспондент к советскому рабочему.

Дмитрий Алексеевич посмотрел на вечно ясное небо знойного, но благодатного края и сказал:

— Асуан мне нравится. Нравятся люди, живущие на этой древней земле. А вашим читателям я прошу передать следующее: пусть дружба наших двух народов всегда будет такой же безоблачной и светлой, как небо над Садд аль-Аали!..

Так думал и чувствовал каждый советский человек, работавший на египетской стройке.

Слов нет, первое время нам было трудно. Донимала жара. Непривычными были для нас и угрюмые скалы, и выжженная солнцем пустыня. Но когда в Асуан пришли рабочие и на берегу Нила зазвучала арабская и русская речь, когда загудели автомашины и, грохоча гусеницами, поползли по неровной каменистой земле тяжелые тракторы и бульдозеры, на душе стало веселее. Рождалась новая стройка, и все вокруг наполнилось жизнью. И вскоре, захваченные работой, мы привыкли к этому краю.

* *
*

В Асуане у меня с каждым днем прибавлялось друзей. Собственно, «прибавлялось» — не то слово, потому что почти все, с кем я общался на асуанской стройке, становились моими друзьями.

Одним из верных моих товарищей стал шофер Мухаммед Сабри.

На всю жизнь запомнился мне случай, который положил начало нашей дружбе. Произошел он в январе, в один из особенно душных дней.

...У нас, в средней полосе России, в то время крутила поземка, о которой я вспоминал с тоской. Здесь же воздух был раскален, носились вихри желтого песка, мелкого, как пудра. На моих глазах под ним исчезало асфальтированное шоссе. В тот день я воочию убедился, что пустыня, если дать ей волю, может стереть с лица земли не только дороги, а и селения, и реки, и даже города.

У нас, в России, вдоль железнодорожных путей устанавливаются деревянные щиты только на зиму, а здесь без них нельзя обойтись круглый год. Песок страшнее снега. Каждый овраг и каждая впадина черных гранитных скал заполнены мельчайшим песком. На обочинах ноги вязли в нем, как в рыхлом снегу...

В трех километрах от Сада аль-Аали спешно строился Асуанский аэродром. Я должен был осмотреть небольшой завод, который снабжал строителей аэродрома бетоном и решил поехать туда.

Нубийская пустыня, точно раскаленная печь, обдавала обжигающим дыханием. В тени было плюс 50 градусов.

Сабри стоял возле темно-голубой «Волги» и с тревогой вглядывался в сизую безжизненную даль:

— Я бы не советовал сейчас ехать, эфенди профессор. Надвигается большой хамсин...

Я знал, что хамсин — это сильнейший ветер, дующий из глубины пустыни. Но рассказы арабов о его чудовищной силе считал преувеличением.

Посмотрев вдаль, я не увидел ничего, кроме океана песчаных волн, терявшихся в лиловой дымке. И небо казалось совершенно обычным. К тому же мне непременно надо было попасть на аэродром, он имел важное значение для всей стройки. Частые поездки по железной дороге из Асуана в Каир и обратно отнимали у всех нас слишком много времени.

— Все-таки поедем, эфенди Сабри, — сказал я. — Ехать-то сушище пустышки.

— Ну что ж, поедем, — согласился Сабри. — Может быть, удастся проскочить.

«Волга» помчалась по новому шоссе. И вот, когда мы находились почти у цели, машину вдруг качнуло, с силой отнесло к краю дороги, и только искусство шофера предотвратило аварию. Сабри плавно сбавил скорость и затормозил. Машина остановилась у опрокинутого деревянного щита, метрах в пятидесяти от аэродрома.

Когда мы вышли на шоссе, я едва устоял на ногах под уда-

рами горячего ветра. Лицо словно обожгло крапивой, на зубах закрипел песок. Небо сделалось зловеще темным, багровое солнце едва просвечивало сквозь пелену пыли. На аэродроме не было ни души. Ветер поднимал над пустынным полем клубы песка и строительного мусора.

— Идет великий хамсин, — со страхом сказал Сабри.

Над пустыней колыхалась гигантская черная завеса.

На нас обрушился новый шквал ветра, и Сабри, мгновенно сдернув с себя длинную рубаху-галабею, закутал ею мою голову. Мы упали на землю.

Я обливался потом, задыхался от духоты и жары, но терпел, понимая, что иначе нельзя.

Так мы лежали, пока не утих ветер. Тогда Сабри снял с моей головы галабею, и я зажмурился от яркого света. Солнце сверкало в голубой бездне неба. И только вдали бушевал хамсин — черное пламя пустыни.

Но как все изменилось вокруг за несколько минут! Исчезло шоссе. Наша «Волга» увязла в песчаном сугробе по самый кузов. Из темно-голубой она стала белой.

Я крепко пожал руку шоферу.

— Спасибо тебе, эфенди Сабри. Если бы не ты, я задохнулся бы или ослеп от этого проклятого песка...

На обратном пути Сабри стал вспоминать о том, сколько раз пришлось ему пережить встречи с хамсином. Я попросил его рассказать о себе. И вот что услышал.

С детства Сабри помогал своим родителям-феллахам. Накопив немного денег, отец отправил сына-подростка в Александрию — хотел, чтобы Сабри приобрел специальность. Сабри поступил в авторемонтную мастерскую, где его не столько обучали ремеслу, сколько заставляли убирать гараж и чистить машины. За работу ему ничего не платили. Он получал от хозяина за свой труд чашку кофе, кусок соленой брынзы да тарелку бобов с оливковым маслом.

— Но я все-таки выучился, — с гордостью сказал Сабри.

Я слушал его и думал: многим арабам уже принесла добро будущая плотина, и как это хорошо, что строим ее мы, советские люди...

* * *

*

Арабы — древние и очень искусные строители. Но работа на Садд аль-Аали на первых порах оказалась для них непривычной. Многим пришлось начинать с азов. Приезжавших на стройку рабочих поражали ее невиданные масштабы, привле-

кали новые специальности. Арабы стремились стать монтажниками высоковольтных сетей и подстанций, компрессорщиками, бурильщиками, экскаваторщиками... Замечательные мастера кирпичной и каменной кладки, потомки безымянных ваятелей и каменотесов, чье чудесное искусство пережило тысячелетия, пришли на Садд аль-Аали, чтобы сесть за штурвалы и рычаги машин, способных заменить тяжелый труд сотен и тысяч людей.

Привыкших к ручному труду египтян надо было научить конструировать и сваривать пакеты металлической арматуры современными машинами, водить самосвалы, укладывать в смену сотни кубометров бетона. Надо было привить каждому строителю навыки быстрой, слаженной и четкой работы. Целой армии людей предстояло перейти от ручного, индивидуального труда к механизированному, коллективному. Советские механизаторы прекрасно справились со своей ролью учителей. Василий Клементьев, Дмитрий Слепуха, Иван Чеволдаев, Николай Свитнев, Петр Шаршов и другие известные наши механизаторы обучили немало людей на берегах Волги и на других стройках. Но на родине было гораздо легче, там переводчиков не требовалось. А здесь нам переводчиков не хватало: одни еще находились в пути, другие только собирались приехать. Однако ждать было нельзя. Уже прибыли первые три эшелона с оборудованием — скальными экскаваторами, большегрузными автомобилями, компрессорными станциями, буровыми станками. Я решил обсудить создавшееся положение с механизаторами:

— Что будем делать, товарищи?

Все молчали. Чеволдаев изредка вздыхал, положив пудовые кулаки на колени. Стул отчаянно скрипел под тяжестью этого великана.

— Так что же мы будем делать? — переспросил я.

Первым поднялся Чеволдаев.

— И зачем только, Иван Васильевич, ты затеял этот разговор? — с досадой сказал он. — Будто тебе неизвестно, как мы в таких случаях поступали на Волге? Дело ясное. Для начала нужно набрать толковых парней-аравов, которые видели технику и имеют о ней некоторое представление. Такие ребята поймут нас с полуслова. Им только надо наглядно показать, что к чему. Помнишь, Иван Васильевич, как Василий Лямин за два месяца научил двенадцать человек управлять «Уральцем»? Вот я и беру на себя обязательство подготовить нескольких арабов.

Обрадованный словами Чеволдаева, я снова обратился к присутствующим:

— Может, у кого еще какие соображения будут?

Один из моих помощников скептически заметил:

— Да разве можно такое применить здесь, в Асуане? Как мы станем учить людей, не располагая даже плохонькой аудиторией? Разве можно серьезно говорить об учебе, пока не будет переводчиков, пока мы не получим достаточно учебников и наглядных пособий на арабском и английском языках? Нужно добиться, чтобы арабы всем этим нас обеспечили, иначе ничего не получится.

Чеволдаев порывисто встал. Видно, хотел возразить, но, махнув рукой, тяжело опустился на стул.

Слово взял Василий Клементьев:

— Пока солнце взойдет, роса очи выест. Пока дадут переводчиков, построят классы да учебниками снабдят, пройдет не один месяц. А время на пятки наступает. Я поддерживаю предложение Чеволдаева и беру на себя такое же обязательство.

Собравшиеся дружно поддержали Клементьева.

Но Василий Михайлович еще не кончил говорить. Он поднял руку, призывая к тишине, и продолжал:

— Мы сюда приехали не только работать, но и передавать людям свой опыт. Многие арабы мечтают научиться управлять советской техникой. Чеволдаев прав: такие парни поймут нас с полуслова.

В общем, согласие было достигнуто. Вскоре к экскаваторщикам присоединились автомобилисты, к автомобилистам — крановщики.

Учеба началась. Я присутствовал на одном из первых занятий. Проходило оно под открытым небом. Вместо парт — глыбы гранита, вместо доски — черная, отполированная хамсином скала, вместо наглядных пособий — автомобиль «МАЗ-325», который стоял тут же, поблескивая свежей краской. Рядом были разложены детали рулевого управления, карбюратора, воздухоочистителя.

Урок шел так. Учитель поднимал одну из этих деталей, называл ее несколько раз по-русски, а потом просил назвать по-арабски. Вся аудитория громко скандировала арабское название, и «педагог» торопливо записывал его в тетрадь.

Так арабы начали знакомиться с советским двадцатипяти-тонным самосвалом.

Месяца через два я опять попал на центральную автобазу.

«Педагоги» и «студенты», к моему удивлению, уже довольно сносно объяснялись между собой. Когда наш товарищ неправильно называл на арабском языке ту или иную деталь самосвала, египтяне хором поправляли его. А если случалось, что учитель допускал слишком уж грубую погрешность и неправильно строил предложение, на автобазе раздавался дружный хохот — смеялись и русские, и арабы.

Столь же оживленно и с неменьшим успехом проходили занятия экскаваторщиков и компрессорщиков, буровиков и электриков. Там, где не было скал, доску заменял обыкновенный песок. Компрессорщик или электрик, объясняя урок, чертил схему на песке, а арабы перерисовывали ее в свои тетради.

Правы были Клементьев и Чеволдаев. К тому времени, когда приехали переводчики, автомобилисты, да и рабочие других специальностей, успели сдать первые экзамены. Одни арабы превосходно освоили советские самосвалы и автокраны, другие стали самостоятельно управлять дизельными и электрическими экскаваторами с малой емкостью ковша.

В те давние годы, когда мне пришлось работать в Турции, на стройках мы создали русско-турецкий текстильный словарь. Этот опыт пригодился и в Асуане. Мы составили не один, а несколько арабско-русских разговорников: строительный, гидротехнический, токарный и слесарный. Они нас и выручали.

Надо сказать, что с тех пор, как на берегу Нила развернулось строительство гидроузла, древний арабский язык обогатился целым рядом новых слов.

Приведу пример. На арабском языке всякая передвигающаяся машина, будь то автокар или мотокар, называется одним и тем же словом «араба». Араба — и автомобиль, и железнодорожный вагон, и велосипед. С нашим приездом в лексиконе работавших на строительстве арабов появились такие слова как «Волга», «Москвич». Раньше инженер-араб, вызывая из управления главного советского эксперта легковую машину, говорил: «Будьте добры, пошлите арабу на такой-то объект». Но вскоре арабы стали подавать такую заявку: «Пришлите, пожалуйста, Мухаммеду Саиду на третий участок «Москвич»-арабу».

Я не раз слышал в разговоре арабов слова «Бузулук» и «Уралец».

Каждый из наших специалистов следил за тем, чтобы производственное обучение шло без помех. Видя, как заботятся

о своих учениках русские инженеры, заместитель министра по делам строительства Асуанской плотины сказал на одном из совместных совещаний арабских и советских специалистов:

— Мы впервые видим такое отношение к делу со стороны иностранцев. Так поступать могут только люди, которые пришли к нам с чистым сердцем и открытой душой. Мы видим, что вы искренне хотите нам добра и стараетесь как можно быстрее передать нам свои знания и свой опыт. Наш народ будет вечно благодарен вам...

Я подумал тогда, что со временем асуанская стройка станет крупнейшей кузницей арабских кадров. Ведь всего год назад доктор Хасан Заки советовался с нами, какой из иностранных фирм поручить монтаж высоковольтных подстанций правого и левого берегов: итальянской или западногерманской. Мы тогда порекомендовали доктору Заки создать свою, национальную фирму и с помощью советских специалистов приступить к монтажу. И вот 24 декабря 1960 года египетского инженера Хамада назначили начальником высоковольтной подстанции правого берега строительства. В этот день чувствовали себя именинниками и советские инженеры Грох, Лазарев и Муравьев. Это они вместе с арабскими коллегами успешно провели монтаж подстанций и высоковольтных линий, которые шли в забой к электрическим экскаваторам.

Монтаж распределительной подстанции мощностью в несколько тысяч киловатт, дающей энергию на строительные площадки левого берега, тоже был осуществлен не иностранной, а арабской организацией. Но это важное в жизни стройки событие прошло уже незаметно: такого рода факты стали будничными.

На наших глазах рос рабочий коллектив Асуана. Уже в 1962 году четыре с половиной тысячи арабов работали здесь станочниками, слесарями-монтажниками, мотористами, экскаваторщиками, крановщиками, перфораторщиками, крепильщиками, арматурщиками. Большую группу арабов обучили наши энергетики: около двухсот рабочих получили специальность монтажника-электрика, многие стали электромонтерами.

Не обходилось, конечно, и без курьезов. Велик был интерес арабов к советской технике. Увидев новую русскую машину, они так и тянулись к ее рычагам, особенно молодые люди. Что порой из этого выходило — судите сами.

В один из выходных дней позвонил мне инженер Кудрявцев:

— Иван Васильевич, кто-то из новичков устроил карусель на экскаваторе.

— Что за карусель? В чем дело?

— Да мне, Иван Васильевич, самому только что позвонили. Сказали, что какой-то египтянин, которого несколько недель назад зачислили для обучения, запустил экскаватор, крутится без конца и кричит что-то.

Через несколько минут я был на месте происшествия.

Оказалось, молодой рабочий Нахас Мурси привел утром своих приятелей к одному из экскаваторов и с видом знатока начал рассказывать им о том, какая это удивительная машина и с каким удовольствием он управляет ею. Конечно, сразу же посыпались вопросы. И тут кто-то из парней усомнился в том, что Нахас сладит с такой махиной. Арабы — народ горячий. «Не веришь? Ну так смотри!» — с этими словами юноша забрался в кабину и запустил мотор.

Я застал такую сцену: кабина экскаватора бешено вертелась по кругу, а Нахас, нервно передвигая рычаги, пытался остановить ее. Толпа, привлеченная столь необычным зрелищем, неистово кричала и... аплодировала. Но потом, видя, что лицо Нахаса выражает испуг, люди начали торопливо расходиться, чтобы не стать свидетелями катастрофы.

Выручил молодого рабочего из беды инженер Кудрявцев. С риском для жизни он остановил экскаватор.

Нам долго пришлось уговаривать администрацию строительства не наказывать строго Нахаса.

— Конечно, Нахас нарушил правила, — убеждали мы арабских коллег. — Но жаль потерять будущего механизатора: Мурси способный ученик. Ну а то, что произошло с ним, послужит серьезным уроком не только для Нахаса.

Был и такой случай.

Когда на асуанском строительстве появились наши двадцатипятитонные минские самосвалы, рабочие-арабы встретили их с большим любопытством. Египтян особенно интересовало, сколько тонн может практически увезти одна такая машина. И вот однажды молодые парни прицепили к МАЗу еще две такие же машины, наложили на каждую двадцать пять тонн груза и посадили в кабины по пять ничего не смысливших в технике молодых людей.

Этот странный поезд случайно попался мне на глаза, когда я возвращался со строительной площадки. Две последние

машины шли на буксире с выключенными моторами. Я сначала подумал, что они испортились. Но шумная ватага арабских мальчишек, бежавших за самосвалами и восторженно махавших руками, навела меня на невеселую догадку. У меня тревожно сжалось сердце, когда машины, набирая скорость, начали подозрительно вихлять, а впереди, метрах в двухстах, был очень крутой спуск.

«Разобьются, черти!» Я велел Сабри остановить «Волгу», выскочил из нее и попытался догнать головной самосвал. Но Сабри опередил меня. Быстро оценив ситуацию с шоферской точки зрения, он вскочил на подножку первого самосвала и, просунувшись в кабину, резко затормозил. Это было как раз вовремя: машины остановились подле спуска.

Когда Сабри подвел ко мне главного виновника, выяснилось, что шофер хотел похвастаться перед своей невестой, на какой мощной советской технике он работает.

— Ну и дурень же ты! — отчитал его Сабри. — Знаешь, что ты мог натворить? Ты мог бы вывести из строя сразу три самосвала, и погибли бы все твои пассажиры.

Когда обступившие нас зрители узнали, к чему это могло привести, на шофера посыпались гневные слова.

— Да что с него спросишь? — заметил один из пожилых людей. — Если он еще попробует сыграть такую шутку, то навсегда останется ему женихом!

И еще...

Шел я как-то по строительной площадке и вдруг увидел: к огромной глыбе гранита, обмотанной тросами, прицеплен «МАЗ». Шофер под свист многочисленных зрителей пытался сдвинуть с места машину вместе со скалой весом примерно в 180 тонн. Я попросил его выключить мотор и объяснить, в чем дело. Смутьившись, араб сказал:

— Мой знакомый водитель работает на двадцатипятитонном немецком самосвале на строительстве химического комбината. Он говорит, что советские самосвалы плохие, слабосильные. Мы поспорили. Я решил доказать, что русские машины ничуть не хуже, а лучше западногерманских.

— Где этот ваш знакомый? — поинтересовался я.

— Да вот он стоит.

Я подошел к виновнику спора и спросил его:

— Откуда вы взяли, что западногерманские самосвалы сильнее советских?

Парень, покраснев, ответил:

— Это обер-мастер Мюллер сказал, начальник гаража фирмы «Хохтиф».

— Давайте условимся, — предложил я, стараясь говорить громче, чтобы мои слова услышали все стоявшие вокруг. — Вы идете в свой гараж и возвращаетесь обратно на немецком самосвале, захватив с собой обер-мастера Мюллера. Я предлагаю пари: если вы или Мюллер немецким самосвалом сдвинете эту скалу, я сяду за руль советского самосвала и поставлю ее обратно на прежнее место.

Шофер почесал в затылке и после продолжительной паузы пробормотал:

— Нет, пожалуй, не стоит мне ввязываться в такое пари.

Арабы засмеялись и разошлись по своим рабочим местам, отпуская едкие шутки в адрес обер-мастера Мюллера.

Но в общем-то таких эксцессов было мало.

Арабские строители все больше убеждались, что русская техника, если в совершенстве владеть ею, никогда не подведет.

Когда я видел совместную работу наших и египетских специалистов, то порой вспоминал, как мистер Страуб пытался уверить меня в том, что «русские никогда не срабатывают с арабами». Я убежден, что американский инженер взял бы свои слова обратно, если бы посмотрел, как дружили русские и арабы, с каким уважением относились они друг к другу.

Василий Михайлович Клементьев проработал на строительстве Садд аль-Аали два года. Здесь, как и на Волге, он быстро стал знаменитым человеком. И вот Клементьеву предоставили отпуск. По стечению обстоятельств я должен был лететь с ним в одном самолете.

Провожать Клементьева на аэродром пришла целая толпа египтян. Самолет немного запаздывал. Василий Михайлович извинился перед друзьями, отвел в сторону напарника по машине, которому он передал на время отпуска своего богатыря — уральский скальный четырехкубовый экскаватор. И я услышал, как Клементьев говорил другу:

— Послушай, Азиз, что я хочу посоветовать тебе. Когда будешь перегонять машину в новый забой, смотри хорошенько за поворотным механизмом стрелы, закрепляй его намертво. И дорогу во время перегона выбирай ровную, чтобы больших уклонов не было. Перейдешь в новый забой, обращай особое внимание на трос заслонки ковша и следы, чтобы мотор не перегревался.

Абдель Азиз достал из кармана блокнот и все записал.

Объявили посадку, египтяне один за другим подходили к Клементьеву, жали ему руку.

В каирском порту в ожидании лайнера мы решили зайти в бар. Сидели, тянули через соломинку прохладительный напиток.

И вдруг Василий Михайлович вскочил как ужаленный:

— Вот голова садовая! Ведь я забыл сказать Азизу, что на склад вчера запасные части пришли. Выписать бы ему надо пару комплектов тормозных деталей, а то, чего доброго, случится поломка...

Уже в самолете Василий Михайлович спросил:

— Иван Васильевич, ты когда думаешь обратно?

— Недели через три.

— Пожалуй, я тоже с тобой подамся, — сказал Клементьев. — Ты мне дня за два до вылета пришли телеграмму.

— У тебя ж двухмесячный отпуск, — удивился я. — Ты ж два года дома не был.

— Да, соскучился я по дому, — вздохнул Василий Михайлович. — Только беспокоюсь за Азиза. Не запорол бы Азиз машину. Его тогда могут запросто со стройки попросить.

Клементьев задумался на несколько секунд и продолжал:

— Странное дело, Иван Васильевич. Казалось бы, чужая земля эта Африка. Зной, пески, камни. А стала привычной, близкой. Потому, видно, и тянет на нильский бережок. Понимаешь, тянет.

— Мне-то понятно, Василий Михайлович. А помнишь, как я тебя уговаривал вместе со мной в Асуан ехать?

— Да, было такое дело, — сказал он, — но согласишься, что не всякий вопрос до корня можно разглядеть в один миг. О чем я тогда думал? Пожалуй, о себе лично. А ведь тут, как говорится, большая политика. Египтяне в одиночку Нил свой никогда бы не запрягли. У нас же в этом деле большой опыт. Арабы — памятный народ. Я убедился: они не забывают, кто к ним со злом приходит, а кто с добром...

Такой же доброй славой, как Клементьев, пользовался на стройке и Борис Коваленко. Его ученики-экскаваторщики души не чаяли в своем учителе.

Коваленко быстро освоился с новыми, необычными условиями, сдружился с людьми, такими же, как он, работающими парнями. Ему пришлось по душе их любознательность и неутомимость. С первых же дней смуглолицые, приветливые египтяне привязались к Коваленко как к брату. Доброе, от-

звичное сердце Бориса всегда было открыто для людей. Он всем, кому только мог, помогал в трудную минуту, страшно переживал, когда кто-нибудь из местного технического персонала кричал на рабочего. Малейшая несправедливость выводила его из себя.

Как-то вечером, когда мы после работы возвращались с ним в поселок, Борис сказал:

— Иван Васильевич, ты обратил внимание, какие здесь есть худые дети? Они мало едят, и не потому, что у них нет аппетита. Одному мальчонке дал я бутерброд, так, знаешь, молниеносно слопал...

Этого мальчика звали Рамаданом. Вскоре он привязался к Борису, как к родному отцу. Коваленко решил усыновить Рамадана.

Как-то я увидел Бориса в окружении его арабских товарищей. Был обеденный перерыв, и друзья укрылись в тени. Я подошел и услышал немыслимую смесь русских и арабских слов, которая сопровождалась оживленной жестикуляцией.

Борис говорил о Рамадане, о том, что двое сыновей у него уже есть и они будут рады, когда он привезет третьего мальчугана, курчавого и черноглазого.

Арабы хором поддакивали Борису и смотрели на него с обожанием.

Коваленко не только обучил своему ремеслу четырех египтян, вчерашних феллахов. Он добился, чтобы администрация перевела экскаваторщиков и рабочих-арабов других специальностей на сдельную оплату труда. Зарплата их значительно увеличилась.

К сожалению, недолго пришлось Борису поработать на строительстве высотной Асуанской плотины. Его одолела тяжелая желудочная болезнь. Видимо, сказались нерегулярное питание, сухомыткa. Болезнь прогрессировала. Нужна была квалифицированная медицинская помощь, которую Коваленко мог получить только на Родине. И пришлось Борису ехать домой на поправку. На аэродроме его плотным кольцом окружили новые друзья. Египтяне желали своему другу полного выздоровления и скорейшего возвращения в Асуан.

— Дорогие мои, я обязательно вернусь! — повторял Борис. Для каждого у него нашлось теплое, задушевное слово. Перед тем как сесть в самолет, он протянул мне руку:

— До скорого свидания, Иван Васильевич!

— До скорого, Борис!

Но свидание это не состоялось. Самолет, на котором Борис летел домой, потерпел аварию...

РАДОСТНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Молодость древнего города.— Те ли это места? — Будни советской колонии.— Становимся старожилами.— Дорогой наш человек Юрий Гагарин...

Древние египтяне считали безоблачное голубое небо Асуана священным обиталищем богов. В одной из легенд даже утверждается, что в Асуане никогда не заходит солнце и что отсюда оно льет свой свет на всю землю.

Солнце, конечно, здесь заходит, но палит оно беспощадно. На небе редко когда появляется облачко. Пожилые асуанцы говорили мне, что на своем веку не видели дождинки и о дожде знают понаслышке.

Да, здесь много солнца, даже слишком много. И в этом смысле Асуан вполне оправдывает свое название (в переводе на русский — «город солнца»).

Но какой суровый ландшафт представился нашим глазам, когда мы впервые оказались в районе створа будущего гидроузла! Кругом скалы и скалы. Ни деревца, ни кустика. Лишь кое-где желтели пятна дюнного песка, занесенного из Сахары ветром.

Я глядел тогда на голые горы и думал о том, как преобразится эта земля лет через восемь — десять. Будет воздвигнута одна из величайших в мире плотин, мечтал я, заплещется самое большое на земле искусственное море, и вечерами над Нилом, как над нашей Волгой, запоыхает зарево электрического света. Пальмовые рощи отразятся в воде ирригационных каналов; до самого горизонта протянутся изумрудные, золотистые и белоснежные квадраты рисовых, пшеничных и хлопковых полей...

Прошло не так уж много времени — три с лишним года, а стройка уже внесла в асуанский пейзаж существенные коррективы.

Исчезли палатки и шалаши, в которых ютились первые рабочие. На месте временок вырос благоустроенный поселок. Уже через семь месяцев после нашего приезда в Асуан была закончена первая очередь жилищного комплекса Саад аль-Аали. Строители плотины получили восемьдесят девять каменных домов, несколько столовых, открытый павильон для демонстрации кинофильмов. Много радостных минут доставляло молодежи футбольное поле, на котором матчи проходили не менее бурно, чем на больших стадионах.

Поражала энергия, с которой египтяне строили поселок. Работа шла круглые сутки. На глазах вырастали все новые и новые дома. Это одинаково радовало и арабов, и нас, советских людей.

Да и как было не радоваться счастливым переменам! А радостью всегда приятно поделиться, тем более с теми, кто работает бок о бок.

Шел я вечером по поселку. Вдруг остановил меня каменщик Мухаммед Шафэ. Он только что пришел со стройки, и его лицо, изборожденное глубокими морщинами, лоснилось от пота. Старик ласково гладил белую стену дома, возле которого стоял.

— Поверите ли, эфенди инженер, впервые за тридцать лет работы живу под своей крышей, у меня никогда не было собственного угла. — Хрипловатый голос потомственного каменщика дрожал от волнения. — Я встаю утром, открываю кран и пью чистую, прохладную воду. Я умываюсь, когда встаю, умываюсь, когда прихожу обедать, умываюсь, когда ложусь спать. Воды столько, что не хочется с ней расставаться.

Мне понятны были чувства Мухаммеда Шафэ, я пожал ему руку и от души поздравил с новосельем.

У другого дома я встретил Махмута Османа. Этот, тоже немолодой уже человек, восемнадцать лет проработал у иностранных подрядчиков плотником, хлебнул немало горя.

— Эфенди инженер, видите ту пещеру, — показал он на отверстие, чернеющее в скале. — В этой норе я прожил полгода. Мне еще завидовали: у многих и такого жилья не было. Вы ведь знаете, эфенди инженер, сколько рабочих изнывало от жары в брезентовых палатках. Теперь, слава аллаху, мы живем по-человечески.

Рабочие-арабы чувствовали, что о них заботятся, что они строят дома не для кого-то, а для себя. И каждый трудился с неослабевающим воодушевлением. Не потому ли темпы строительства поселка так бурно нарастали? На берегу Нила все явственнее обозначались контуры нового города, самого молодого на древней египетской земле.

Сотни туристов приезжали посмотреть, как на дикой, издревле мертвой земле поднимался удивительный город.

Пришлось мне как-то быть свидетелем такой сцены. Наш невозмутимый сторож Ахмед в страшном волнении доказывал что-то человеку в пробковом шлеме и в шортах. Высокая чалма вздрагивала на голове Ахмеда, галабей развевалась, словно от ветра.

Собеседник сторожа оказался корреспондентом иностранного еженедельника. В руках у него была кинокамера. Он намеревался запечатлеть остатки палаточного городка, но старый араб убеждал его не делать этого.

— Прошу вас, эфенди, перейдите через дорогу, — настаивал Ахмед. — Снимите наш новый поселок. Пойдемте со мной, эфенди, и я покажу вам, где я теперь живу. А палатки фотографировали уже много раз...

На старости лет Ахмед обрел то, о чем раньше и мечтать не смел. Ему хотелось, чтобы об этом узнал весь мир.

Вот что значили для арабов новый город и Садр аль-Аали.

Надо было видеть, как торжественно отмечали жители Асуана вторую годовщину великой стройки. Горожане вышли на улицы с плакатами и лозунгами. Древний город ликовал.

Строители Садр аль-Аали несли огромный макет гидроузла.

На празднике присутствовала группа гостей из СССР, приглашенных правительством Египта. Советская делегация во главе с И. Т. Новиковым участвовала в официальном открытии двенадцати построенных предприятий и других объектов стройки.

Во время осмотра кислородного завода министр строительства плотины Муса Арафа заметил:

— Теперь у нас есть свой кислородный завод. А всего лишь год назад мы вынуждены были покупать кислород у бельгийца — владельца газового завода в Каире. Баллоны приходилось доставлять на самолете за тысячу километров...

В тот день был сдан в эксплуатацию и завод металлических конструкций. Чтобы построить его, понадобилось взо-

рвать скалу и переместить около шестидесяти тысяч кубических метров гранита.

Потом советские гости поехали в город. Торжество закончилось большим фейерверком в честь Сада аль-Аали. Глядя на пылавшие в небе разноцветные огни, на иллюминированные здания, я думал о том, как изменился этот город за два года.

Асуан, которому две тысячи лет, молодец на глазах. Убогие жилища из грубого камня и глины шли на слом. На их месте возводились современные красивые здания. Главная улица, протянувшаяся вдоль берега, застраивалась многоэтажными жилыми домами. Был сооружен замечательный плавательный бассейн, велось строительство здания для филиала Каирского университета.

Город славился теперь не только благоуханными розами и могилой Ага-хана, который в истории известен был тем, что каждый год в день своего рождения преподносил собственной персоне столько золота, сколько весил сам. Теперь это был город, пробудившийся от векового сна, город, устремленный в будущее.

Другими стали и жители Асуана. Население города почти удвоилось. Прибывали все новые и новые рабочие, возвращались в родные места те, кто раньше вынужден был покинуть Асуан и уйти на поиски заработка.

* *
*

...Наступила весна. Март, а ртутный столбик термометра не опускался ниже плюс 38 градусов по Цельсию. Зноем дышала пустыня, подступавшая к самой стройке. Жарко было и в забоях, где работали советские механизаторы. Бронзовые от загара, они крушили своими «Уральцами» асуанский гранит.

В Асуане цвели сады. Цвело все, что только может цвести. Среди густой листвы пламенели розы. Асуан — славный город. Он мне нравился. Одно плохо: слишком далек от родных мест.

Тогда, к марту 1963 года, строители высотной плотины давно уже взяли первые рубежи. Они вынули из котлована водоотводящего открытого канала более девяти миллионов кубических метров крепчайших гранитов.

На Западе мало кто верил, что в первое же время будут взяты столь высокие темпы, а потом — что мы сумеем удер-

жать эти темпы. Но мы их не снизили. Там, где три года назад хаотически громоздились скалы, теперь были видны водоотводящий и водоподводящий открытые каналы.

В 1959 году я писал в дневнике:

«Мрачные черные скалы кругом. Никакой растительности. Внизу — коричневая лента Нила и никаких, конечно, пальм на его угрюмых берегах. Ни одной яркой краски вокруг. Только на левом берегу кое-где желтеют пятна дюнного песка».

В те дни я однажды в шутку написал родным: «Быстрее отвечайте на мои письма. Не заставляйте напоминать об этом. Иначе мой голос окажется гласом вопиющего сразу в двух пустынях — Ливийской и Аравийской».

Спустя три года я стоял на берегу Нила и думал: «Те ли это места? Тот ли это берег?».

Все преобразили человеческие руки.

За тылами стройки, там, где ровными рядами выстроились дома рабочего поселка, зазеленела на нильском берегу пальмовая роща. Много труда и стараний приложили советские и арабские строители и члены их семей, чтобы появилось это зеленое чудо. Землю пришлось возить издалека. Прежде чем посадить деревья, ее тщательно удобряли илом, поливали. Так частица пустыни была превращена в маленький оазис.

Засияли электрические огни по обоим берегам Нила. Отблески прожекторов, осветившие стройку, бликами заиграли на длинных стрелах экскаваторов, на ветровых стеклах самосвалов, на скалах, до зеркального блеска отполированных ветрами тысячелетий.

Более чем на пятьдесят километров протянулись отсюда асфальтированные дороги, соединяющие стройку с аэродромом и новыми поселками.

Попробовал я как-то обойти пешком то, что создали строители в течение трех лет, и уже на полпути почувствовал усталость. Так много выросло зданий. Центральные склады и базы горюче-смазочных материалов, компрессорная станция, кислородный, авторемонтный, ремонтно-механический, бетонный, камнещебеночный заводы...

Время торопило. И потому станки подчас пускались в ход раньше, чем каменщики успевали возвести стены. Порой рабочие мешали друг другу. Но что было делать! И мы, и наши арабские коллеги хорошо понимали: самое дефицитное на строительстве — это время. Ведь, в сущности говоря, не так уж далек был день, когда опустятся затворы на водорегули-

рующем сооружении и на планете появится еще одно рукотворное море.

На четвертом году своего существования стройка чем-то напоминала поле сражения. В раскаленном воздухе стоял немолчный гул. То и дело раздавались предупредительные свистки, а вслед за ними гремели взрывы, и Нубийские горы повторяли их протяжно и гулко. Шла трудовая битва.

С площадки открытого водоотводного канала армия строителей шагнула в самый Нил.

Строители Сагд аль-Аали уже выдержали несколько серьезных «контратак», предпринятых стихией. Паводок на Ниле в 1961 году был необычайный. В последний раз столь высокий уровень воды наблюдался, по свидетельству асуанских старожил, семьдесят лет назад. Расход воды в створе составлял двенадцать тысяч кубических метров в секунду. С такой яростной силой нес свои воды Нил.

Паводок, вызванный ливневыми дождями в горах Эфиопии, создал массу дополнительных трудностей, помешал развернуть целый ряд строительных работ. Тем не менее наши гидромеханизаторы закончили сооружение верхней перемычки открытого канала в рекордный срок — за тридцать девять дней. Они уложили в перемычку полмиллиона кубических метров песка, переброшенного по пульпопроводу с левого берега Нила. В эти напряженные дни и ночи завершилось также строительство двух причалов.

Нельзя не воздать должного нашим друзьям-арабам. Во время паводка они показали себя умелыми организаторами, способными в нужный момент сплотить коллектив и направить его усилия на решение неотложных задач.

Специалисты знают, сколько сил и энергии нужно приложить, чтобы подготовить все необходимое для сооружения гидроузла, да еще такого, как Асуанский. Тылы строительства — вот что на первом этапе решало успех дела. Понимая это, и арабские, и советские инженеры стремились максимально сократить сроки проектирования подсобно-вспомогательных объектов.

Сложность заключалась в том, что объем проектных работ был огромен, а времени — в обрез. Сначала дело шло туго: ведь раньше все проектные и изыскательные работы велись только иностранными фирмами или их египетскими филиалами. Но все постигается опытом, и созданная по нашей рекомендации первая проектная организация в Асуане быстро набрала силы. Ее возглавил энтузиаст строительства

высотной плотины арабский инженер А. Хабиб. Заместителем Хабиба, по обоюдному согласию, был назначен советский инженер Л. Каратаев. Энергии этих людей можно было позавидовать. Работавшие под их руководством египетские и советские инженеры Ибрагим эль-Кир, Л. Каратаев и другие усовершенствовали целый ряд деталей проекта. Они, например, предложили более рациональное размещение верховой перемычки водоотводящего канала, что позволило почти вдвое сократить сроки работ и уменьшить объем перемычки. Много новшеств, упростивших проекты ремонтного и авторемонтного заводов, внесли инженеры Абу Гаваль и Д. Дедушкевич. Вдвое сократили сроки проектирования внутренних высоковольтных линий инженеры Азиз Хамар и Митрах.

Уже тогда можно было с уверенностью сказать, что проектная организация в Асуане со временем, несомненно, перерастет в государственный проектный институт Египта.

* *

*

Как жили в те годы на египетской земле советские люди? Вначале очень стесненно, но через год-другой положение изменилось. Наши белокаменные городки раскинулись на левом и правом берегах Нила, в пустыне. Да, и в пустыне. Но у каждого инженера и мастера-механизатора была теперь двухкомнатная квартира со всеми удобствами, включая и устройство для кондиционирования воздуха. Стала работать столовая, где можно было недорого и вкусно поесть. Вечерами в клубе демонстрировались новые кинофильмы, давались концерты художественной самодеятельности. Здесь же каждый мог взять книги в библиотеке, посмотреть свежие газеты и журналы, доставленные самолетом из Москвы.

В русских поселках на асуанской земле жить становилось все удобнее. Приятно было видеть, как по утрам шли в школу дети или как после работы толпы болельщиков устремлялись на стадион. А ведь совсем не просто было, например, открыть в поселке первую школу. Поначалу ее классы пустовали. Учеников можно было по пальцам пересчитать.

— Напрасно ты, Иван Васильевич, доказывал, что надо строить школу, — укоряли меня на первых порах некоторые. — Сейчас сам можешь убедиться: учить-то некого.

На это я неизменно отвечал:

— Подождите! Будет кого учить преподавателям нашей школы. Поймите, устраиваться нам здесь, в Асуане, нужно не

на год и не на два, а надолго. Нечего сидеть на чемоданах и считать, сколько еще дней остается до возвращения домой. Построим плотину, гидроузел — тогда и будем готовиться к отъезду. Надо обжиться здесь как следует, а там и жены с детьми приедут...

Все это подсказывала логика вещей. И действительно, через год в школе было уже около семидесяти учащихся. Число их все время росло. Пришлось даже открыть филиал советской школы на правом берегу, во втором русском поселке.

Постепенно наша небольшая колония в Асуане увеличилась и за счет маленьких советских граждан. Малыши, родившиеся у супругов Кулыгиных, Мухиных и других великолепно чувствовали себя на африканской земле.

А потом мы сыграли и первую свадьбу.

В свое время, когда я приглашал старых товарищей и совсем незнакомых людей поехать со мной на асуанскую стройку, потребовалась нам секретарь-машинистка. Я предложил поехать в Египет Ане Карасевой, которая работала в канцелярии министерства строительства электростанций.

Конечно, Аню очень увлекла эта перспектива. Но родители Ани решительно воспротивились намерению дочери.

— Ушам своим не верю! — воскликнула Анина мама после того, как я коротко изложил ей цель своего прихода. — Куда вы вздумали увезти нашу дочь? В Африку! В пустыню! И слышать не хочу! — в голосе женщины звучало отчаяние. Она смотрела на меня с откровенной неприязнью. — Подумали ли вы, уважаемый Иван Васильевич, что дочери моей пора выйти замуж, что она, может быть, уже невеста? Нет! Нет! Она никуда не поедет!

Отец Ани разделял мнение матери. И тогда умная, находчивая девушка сама подсказала мне тактический ход, которым я и воспользовался без промедления.

Очередной разговор с матерью Ани я как раз с этого и начал:

— Вы говорите, что Ане пора подумать о будущем. Но уверяю вас, что ваша дочь найдет свое счастье именно в Асуане. Вы и представить не можете, что за прекрасные ребята едут на эту стройку! Какие специалисты!

В конце концов родители дали согласие на отъезд дочери.

На первых порах девушке трудно было свыкнуться с необычными условиями, особенно с асуанской жарой. Но в нашей советской колонии царила такая атмосфера товарищества и дружбы, все были так захвачены работой, что невзго-

ды и трудности переносились легко. А в конце концов и мой «прогноз» оправдался: Аня сказала, что решила выйти замуж.

— Поздравляю!

— Спасибо, Иван Васильевич. Но поздравлять еще рано, — ответила она. В голосе ее явственно сквозило беспокойство.

— Почему? — удивился я. — Не огорчайся, Анечка, свадьбу мы справим на славу.

— Дело не в свадьбе. Как мы поженимся, вот вопрос. Ведь здесь нет загса.

Я рассмеялся:

— Нашла о чем печалиться! Был бы жених, а загс найдется.

Надо сказать, что жених, Толя Дунаев был одним из лучших советских специалистов на нильском берегу.

Мне ничего не оставалось, как поехать с молодыми в Каир, где их брак зарегистрировали в консульском отделе советского посольства. А на другой день мы сыграли такую свадьбу в поселке, что всем она запомнилась надолго.

Во второй раз я поздравил Аню, когда у нее родился сын, один из первых «асуанцев» в нашей колонии. И это семейное событие было отмечено всеми весело и торжественно.

* *
*

Каир ждет первого в мире космонавта Юрия Гагарина!

Эта весть в равной мере обрадовала и строителей плотины, и жителей древнего Асуана. Рыбаки и ремесленники, земледельцы и пастухи, убеленные сединами старцы и безусые юноши, пожилые женщины и совсем еще молоденькие девушки, все были уверены: раз космонавт посетит Каир, его следует ждать и на асуанской земле.

В Каир полетели сотни писем от асуанцев. Почтальоны приносили их в советское посольство целыми пачками. Писали рабочие и феллахи, учителя и школьники. Я часто бывал в посольстве, читал эти письма. Некоторые из них переписал себе в дневник, так они мне понравились. В одном из писем говорилось:

«Привет тебе, звездный брат!

Говорят, что, когда ты проносился над землей, твой космический корабль был похож на сверкающую звездочку. Потом мы увидели твою улыбку в газете, и нам так захотелось посмотреть, какой ты в жизни. И вот наша мечта осуществ-

ляется. Скоро мы обнимем тебя на берегу Нила, на асуанской земле».

В каждом доме готовили подарки. Девушки вышивали цветы лотоса, мальчишки мастерили модели космических кораблей. Садовники отбирали лучшие сорта роз для встречи дорогого гостя.

Удивительна и трогательна была любовь простых людей Асуана к первому космонавту. Они видели в Гагарине доброго посланца мира, посланца великого народа.

В те дни праздничное настроение царило, конечно, и в нашей советской колонии. Мы гордились подвигом Гагарина, гордились нашей советской Родиной и с нетерпением ждали приезда Юрия Алексеевича. Нашу колонию посетил губернатор Асуанской провинции, инженер по профессии, Эззат Саяма. Он приехал, чтобы посоветоваться, как лучше встретить Юрия Алексеевича Гагарина.

И вот оно наступило, долгожданное утро.

Задолго до прибытия самолета на аэродром пришли тысячи людей, чтобы встретить человека, чей легендарный подвиг взбудоражил весь мир, и выразить ему благодарность за слова приветия, которые он передал из космоса свободолюбивым народам Африки.

Девушки, одетые в пестрые праздничные платья, держали в руках большие букеты цветов. Шустрые мальчуганы прижимали к груди трепещущих голубей. Седые старики в тюрбанах и длинных галабях щурили глаза, прикрывая их ладонями, морщинистыми, как кора вековых деревьев. Стайка советских ребят в алых галстуках затаила дыхание в ожидании космонавта.

Донеслось гудение мощных моторов. А когда колеса самолета коснулись бетонной дорожки, люди, стоявшие впереди, не выдержали, побежали к нему.

— Ура Гагарину! Ура звездному брату! — скандировали тысячи голосов.

Арабы заранее выучили эти русские слова и сейчас, размахивая разноцветными флажками, старались перекричать друг друга.

Знакомый всем по многочисленным портретам, космонавт сошел по трапу, замахал обеими руками ликующей толпе, улыбнулся неповторимой улыбкой...

Как только Юрий Алексеевич ступил на землю, десятки дружеских рук подхватили его и понесли к трибуне.

Шквал рукоплесканий и приветственных возгласов стих

лишь тогда, когда к гостю подошел губернатор Эззат Салама. Он крепко пожал руку первому герою космоса, поздравил его со счастливым прибытием и сказал:

— Мы рассматриваем ваш бесстрашный полет в космос как символ стремления советского народа к достижению всеобщего мира и лучшей жизни на всей земле. Мы бесконечно счастливы встретить вас в Асуане, в нашем растущем городе-строителе...

Губернатор вручил Юрию Гагарину подарок жителей древнего города — стальную кольчугу, которую много столетий назад носил один из героев — защитников Асуана.

— Эту кольчугу примите как дружеский дар города, как высокую оценку вашего героизма и как выражение нашей радости по поводу вашего прибытия к нам.

Юрий Алексеевич поблагодарил асуанцев за подарок и сердечный прием. Он сказал, что будет счастлив побывать на самой великой стройке Африки.

Слова советского космонавта утонули в новом шквале аплодисментов и приветственных возгласов на арабском и русском языках:

— Садака! Садака! Дружба! Дружба!

— Ур-ра Юрию Га-га-ри-ну! Ура Со-вет-скому Со-юзу!

Над аэродромом взвились выпущенные на волю голуби. Вслед за ними взмыли тысячи разноцветных шаров...

Немало труда стоило губернатору провести гостя к машине. Множество рук тянулось к Гагарину. Каждый желал заключить его в свои объятия.

Наконец кортеж двинулся с аэродрома в город. На всем пути следования по обочинам дороги стояли толпы. Египтяне восторженно аплодировали герою, бросали в его машину венки из живых цветов.

Машины двигались со скоростью пешехода, а иногда и вовсе останавливались. Особенно долго пришлось задержаться возле женской гимназии.

Гимназистки старших классов проявили трогательную изобретательность: они легли на мостовую, преградив путь машинам. Как только автомобили остановились, девушки молниеносно поднялись с земли и бросились к открытой машине Гагарина. Осыпая русского гостя лепестками роз, они поочередно пожимали ему руку, а потом принялись целовать космонавта.

— Вот это перегрузка, — улыбался Гагарин. — Даже в космосе таких не было...

С большим интересом осматривал почетный гость великую стройку на Ниле. Вначале давал пояснения я, а потом рассказ о Садд аль-Аали продолжил губернатор Эззат Салаяма, который до назначения в Асуан был первым заместителем министра индустрии Египетской республики.

— Из двадцати шести тысяч плотин в мире, возведенных из железобетона, камня или песка, — с увлечением влюбленного в свое дело инженера рассказывал советскому космонавту Эззат Салаяма, — самый большой будет наша высотная Асуанская плотина. По типу и размерам к ней приближаются американская плотина Денвер на реке Колорадо, плотина Мибуру в Японии и плотина Серпансен в Швейцарии. Однако емкость водохранилищ этих плотин, вместе взятых, составит лишь одну треть емкости водохранилища Садд аль-Аали. Количество же электроэнергии, получаемое от них, не достигнет и тридцати процентов мощности нашей будущей электростанции.

Видя, с каким пристальным вниманием его слушает гость, губернатор с воодушевлением продолжал свой рассказ:

— Чтобы вы лучше представили себе, насколько уникально это сооружение, скажу, что вода, которая будет собрана перед высотной Асуанской плотиной в новом, самом большом на планете искусственном пресном море, смогла бы покрыть все возделываемые на земном шаре поля слоем в десять сантиметров. Дешевая электрическая энергия Садд аль-Аали позволит нам не только полностью обеспечить потребности промышленности и сельского хозяйства республики, но и экспортировать ее ближайшим соседям... Иностранцы корреспонденты и туристы часто спрашивают меня, что даст высотная плотина нашему народу. — При этих словах губернатор сделал широкий жест, как бы желая охватить рукой всю раскинувшуюся перед ним стройку. — Высотная плотина избавит страну от губительных засух и наводнений. Но плотина не только поможет нам регулировать воды Нила, она создаст резервы пресной воды, которые позволят оросить новые земли. Ведь до сих пор посевная площадь в Нильской долине не увеличилась. Она почти такая же, как сорок лет назад, когда население Египта составляло шестнадцать миллионов. А сегодня нас — двадцать семь миллионов. Высотная плотина позволит отвоевать у пустыни около двух миллионов федданов. И это еще далеко не все. Садд аль-Аали даст в два раза больше электроэнергии, чем ее вырабатывают теперь все электростанции страны, вместе взятые. Можете

представить, какие великие блага принесет это нашему народу в будущем. Национальный доход республики возрастет на двести тридцать четыре миллиона египетских фунтов в год...

Кто-то из присутствующих спросил:

— Не отразится ли на плодородии земель Нильской долины то, что перед плотиной будет задерживаться ил?

— Да, мы действительно потеряем некоторое количество ила, — ответил губернатор. — Но эта утрата не идет ни в какое сравнение с той пользой, которую наш народ получит от электростанции. Кстати, печать Западной Европы и Северной Америки поднимает очень много шума на сей счет. И мне хочется спросить людей, раздувающих эту проблему: разве плодородие их земель находится в какой-либо зависимости от такого рода удобрения? К тому же перед плотиной осядет лишь тот ил, что мы, арабы, называем «сомовым», то есть в котором прячутся сомы, остальной пойдет на поля. Дешевая электрическая энергия позволит нам полностью обеспечить сельское хозяйство страны искусственными удобрениями и даже экспортировать их...

Юрий Алексеевич Гагарин увидел, с каким энтузиазмом работают арабы и их советские коллеги, с каким уважением относятся друг к другу, как верят в успех общего дела.

— Вот это и есть наглядный пример мирного сосуществования стран с различным социальным строем, — сказал космонавт, делясь со мною своими впечатлениями о стройке.

Он посмеялся, когда кто-то из инженеров рассказал ему о том, в какое нелепое положение попал представитель шведской тоннелестроительной фирмы «Сантаб».

Подобно многим своим зарубежным коллегам, этот господин не верил, что советские специалисты справятся с крепчайшим асуанским гранитом. Он был убежден, что рано или поздно министерство строительства плотины вынуждено будет позвать на помощь его фирму. Выжидая этого момента, швед безвыездно жил в Асуане несколько месяцев и ни с чем уехал домой.

А дела на стройке шли как нельзя лучше. Во время пребывания у нас Юрия Алексеевича Гагарина многотысячная армия тружеников Саад аль-Аали работала уже в три смены. Трудовой азарт, а вместе с ним и темпы работ все нарастали. Незадолго до «гагаринских дней» к нам прибыло новое пополнение со скальных разработок Криворожского горнообогатительного комбината. Приехали известные в нашей стра-

не специалисты — инженеры А. Топко и С. Милешкин. Не теряя ни одного дня, они взялись за дело. Одновременно начали применяться новые буровые агрегаты. Все это позволило достичь рекордной цифры: из котлована канала ежемесячно вывозилось более 300 тысяч кубических метров камня.

По совету русских коллег главный инженер водоотводящего канала Амин Айвар Шериф учредил ежедневное премирование за лучшие трудовые показатели. Среди арабских рабочих развернулось соревнование за звание лучшего строителя Садр аль-Аали. Вместе с ростом производительности труда повышалась и заработная плата рабочих.

Такой предстала перед первым разведчиком космических высот великая стройка на Ниле.

...В записи, которую Юрий Гагарин оставил в книге почетных гостей Асуана, он выразил глубокую благодарность всем жителям города и труженикам Садр аль-Аали за теплый прием, пожелал рабочим, инженерам и техникам новых трудовых побед.

Юрий Алексеевич обладал удивительным даром сердечного общения с людьми, умел слушать любого собеседника с таким доброжелательным вниманием, что мгновенно располагал к себе каждого. Юрия Алексеевича просто невозможно было не полюбить всем сердцем.

Космонавт уехал, а разговоры о нем не утихали на стройке еще много-много дней...

Дорогая память осталась у меня — книга Юрия Алексеевича «Дорога в космос» с его дарственной надписью. Перечитывая ее иногда, я словно слышу голос этого милого человека, вижу живой блеск его голубых улыбочивых глаз. На титульном листе он написал: «Ивану Васильевичу Комзину — соиздателю великих сооружений в память о первом космическом полете и великой стройке на Ниле».

И еще — мне было очень приятно увидеть в его статье «Погоны на наших плечах», опубликованной в газете «Красная звезда» 22 февраля 1968 года, свое имя в числе тех, кто, по словам автора, «отдает свой талант, знания, опыт служению своему народу». Эта статья появилась в печати за месяц с небольшим до трагической гибели Юрия Алексеевича. Гибели, в которую невозможно было поверить и все-таки пришлось поверить...

ДОРОГИ, ДОРОГИ...

Возвращение на Родину.— «Тихая» министерская жизнь.— Еще раз об Асуане.— Бразилия: встречи и впечатления.

Шло совещание, на котором обсуждались итоги строительных работ за 1962 год. Во время перерыва доктор Хасан Заки обратился ко мне с просьбой:

— Мы просим вас срочно поехать в Советский Союз и побывать на заводах, выполняющих заказы для Саад аль-Аали. Не смогут ли они на полтора-два месяца раньше намеченного срока изготовить самосвалы, буровые станки и оборудование для автоматизированного бетонного и камнещебеночного заводов? Вы сами понимаете, насколько все это важно для нас именно сейчас, когда темпы строительства плотины все убыстряются.

Вскоре я был на Родине.

В те дни в Москве проходил Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир. Трудно передать мое волнение, когда я получил приглашение выступить на конгрессе... Я рассказал посланцам мира о великой стройке на Ниле, передал слова старика-нубийца: «О плотине этой мечтали поколения». Закончил я свое выступление словами о том, что, вопреки стараниям поборников «холодной войны», сотрудничество между народами Египетской республики и Советского Союза — лучшее доказательство справедливости ленинской идеи мирного сосуществования стран с различным государственным и социальным строем, что только общими усилиями можно было решить такую сложную международную техническую проблему, как строительство высотной Асуанской плотины...

Я вышел на улицу в радостном возбуждении, шагал и думал о заботах ближайших дней, о том, что нужно сделать для Асуана. Я не знал тогда, какая большая беда войдет в мой дом. А она пришла. Внезапно тяжело заболела Ольга Яковлевна. Жена была в таком состоянии, что покинуть ее я не мог. Мою просьбу — дать мне возможность побыть с ней — удовлетворили. Я остался в Москве и теперь делил свое время между больницей и заботами об Асуане.

Жизнь шла своим чередом. На асуанскую стройку досрочно отправлялись все новые и новые машины и механизмы. На строительстве Днепродзержинского гидроузла проводились опыты по замыву песком каменной наброски плотины. Для ознакомления с этими опытами, проводившимися в полевых условиях, максимально приближенных к натуре, и лабораторными исследованиями в СССР прибыли Муса Арафа, доктор Хасан Заки, профессор Али Сабри и другие арабские специалисты. К сожалению, встретить египетских коллег я не смог: в этот день умерла моя жена.

Несчастье потрясло меня. Тридцать лет рядом был верный, терпеливый и все понимающий друг, а теперь его не стало. Одиночество было нестерпимым. Потребовалось время, чтобы хоть сколько-нибудь прийти в себя. Спасали работа и друзья, которые, словно сговорившись, не оставляли меня одного, приносили с собой ворох забот и рассказов.

О поездке арабских гостей по стране и их впечатлениях мне рассказали товарищи из «Гидропроекта» и института гидротехники имени Б. Е. Веденева.

Наши арабские друзья вновь убедились, что для любого дела, касающегося Сада аль-Аали, — большого или малого — советские проектные и научно-исследовательские организации стремятся выбрать наиболее правильное и рациональное решение.

Десять дней спустя после приезда в Москву египетских гостей был подписан протокол о конструкции тела плотины, методе ее возведения и необходимом оборудовании. К этому времени на Волге, в районе Волгограда, завершились производственные испытания самопрокидывающихся барж для доставки камня к главному объекту — плотине.

Игнатий Трофимович Новиков, министр строительства электростанций, сообщил, что президент Насер за заслуги в строительстве высотной Асуанской плотины наградил меня Высшим орденом республики 1-й степени. В посольстве Еги-

петской республики состоялся прием, на котором Муса Арафа по поручению президента вручил мне эту награду.

Я поблагодарил за оказанную честь и сказал, что Высший орден республики — это награда не только моя, а всего славного коллектива строителей Садд аль-Аали и что эта награда также — свидетельство торжества ленинского принципа мирного сосуществования...

Хорошие вести доходили до меня с асуанской стройки.

Друзья писали мне большие письма, присылали местные газеты. В октябре 1963 года газета «Аль-Ахрам» сообщала:

«Работы на строительстве высотной плотины идут исключительно успешно. План проходки нижней половины тоннелей в сентябре был перевыполнен в полтора раза. Монтажники смонтировали 1530 тонн металлоконструкций при задании в 1191 тонну. Уже начался монтаж огромных затворов водоприемников. Их ширина — 6,5 метра, высота — 100 метров».

Вновь назначенный министр строительства высотной Асуанской плотины Сидки Солеман в интервью, данном корреспонденту газеты «Аль-Ахрам», заявил:

— Сооружаемая при дружеской помощи Советского Союза первая очередь строительства Асуанского гидроузла будет закончена точно в назначенный срок — к 15 мая 1964 года.

Узнал я из газет и о том, что уже началось переселение жителей из районов, где в недалеком будущем разольется асуанское море.

И еще одна добрая весть пришла в те же дни из Каира: за высокие показатели, достигнутые в труде, указом президента Насера была награждена медалью 1-й степени «За заслуги» группа русских и арабских рабочих — строителей высотной Асуанской плотины. Среди них были Григорий Дузик, Владимир Харкин, Анатолий Антонов, Владимир Колесник и их бывшие ученики — арабы Салах Ибрагим, Мухамед Осман, Сукри Намар, Мухаммед Махмуд, Ахмед Абдурахман и Мешвили Нур.

Я хорошо знал каждого из наших награжденных экскаваторщиков. Самому «старому» из них, Анатолию Федоровичу Антонову, было в то время тридцать шесть лет, а самому молодому, Владимиру Колесникову, и двадцати пяти не минуло. Колесник — комсомолец, до Асуана работал машинистом экскаватора на строительстве Кременчугской ГЭС. Коммунисты Харкин, Дузик и Антонов тоже стали мастерами своего дела на больших советских стройках.

Египетская стройка продолжала оснащаться могущественной советской техникой. В октябре 1963 года рабочие и инженеры Волжского центрального ремонтно-механического завода закончили выполнение почетного заказа для Сада аль-Аали. По проекту института «Гидропроект» были изготовлены и отправлены в Асуан три уникальные плавучие установки для уплотнения грунта при сооружении плотины. Каждая из них весила 165 тонн. Крупнейшие предприятия Советского Союза соревновались за досрочное выполнение почетных заказов.

Как-то я перебирал документы и письма, и попалась мне в руки многотиражка Куйбышевгидростроя. Сразу вспомнился обычный для Асуана знойный день. Шел по стройке. Жарища, ни одной спасительной тени. Вдруг увидел: Василий Клементьев машет мне рукой, зовет.

— Иван Васильевич, ты посмотри, как нас с тобой расписали!

И Клементьев протянул мне газету.

То был праздничный номер газеты, посвященный Дню строителя. Под заголовком «Друзьям в Египте» многотиражка напечатала шуточные стихи:

Труд «египетский». Эпитет
Этот вовсе не пустяк.
В старых книгах про Египет
Знали мы примерно так:
Синий полог небосклона,
Воздух зноем напоен,
В саркофагах фараоны
Спят нетленным вечным сном.
Сфинксы, полные обиды...
Плачет нильский крокодил...
На седые пирамиды
Засмотрелся старый Нил...
Вот и сведенья иссякли,
Их я выложил сполна.
Неизвестно, нынче так ли
Эта выглядит страна.
Может, новые обиды
Сфинкса странного гнетут?..
Пирамиды, пирамиды!
Вот египетский где труд!
... Здесь гудят теперь машины,
И царей дивится прах:
Асуанскую плотину
Строят люди на песках.
И из всех из них заметней
Те, с кем путь наш был один, —

Эскаваторщик Клементьев,
Инженер Иван Комзин.
Убегал от покоя
(Ведь строитель век в седле!),
Два советские Героя —
На египетской земле.
Синий полог небосклона,
Воздух зноем напоен...
Что им!.. Ветер Волго-Дона
Освежает их вдвоем.
А когда туманы злые
От чужой ползут земли,
Согревают их родные
Вековые Жигули...

Письма тогда приходили к нам в Асуан не только с Волги. Вся Родина следила за работой и жизнью своих посланцев на берегах Нила. Тысячи незнакомых советских людей желали нам успехов и от души радовались тому, что рука об руку с арабами Асуанскую плотину строят граждане СССР.

Весь мир знал о гигантской стройке на Ниле. Асуан посещал каждый, кто только приезжал в Египет.

Как-то в беседе со мною постоянный член Высшего комитета строительства плотины доктор Сабри сказал:

— На всей земле люди говорят о Садд аль-Аали. Это современная Мекка арабского Востока. Сюда совершают паломничество...

* *
*

Оставив работу в Египте, я начал подумывать о «тихой заводи». Пусть временной.

Петр Степанович Непорожний в один из дней вызвал меня, и я услышал:

— Мы вас, Иван Васильевич, выдвигаем на пост начальника Главного управления гидроэнергетического строительства. Что вы на это скажете?

— Я рассчитывал на более спокойную должность. Мечтал поработать в одном из институтов.

Непорожний не согласился с тем, что пора мне в «тихую заводь».

Несмотря на то, что надежды на отдых, хотя бы и кратковременный, окончательно рухнули, из кабинета министра я вышел в бодром настроении. Ну, думал я, это не стройка. Все-таки больше времени буду работать в кабинете, да и по вечерам свой английский совершенствовать...

Очень скоро я убедился, сколь наивны были мои представ-

ления о работе в министерстве. Через несколько дней меня снова вызвал к себе министр.

— И долго вы еще думаете отсиживаться в кабинете? — спросил он. — Подумайте, Иван Васильевич, сколько неотложных дел. И со строительством гидротехнических объектов кое-где дела неважны, а главные сложности — с объектами большой химии¹. Одним словом...

Одним словом, мне все стало ясно. Я поехал туда, где требовалось мое присутствие. Точнее не поехал, а полетел. Летел и думал, что уже забыл, когда в последний раз в поезде ездил.

Буквально неделю назад планы мои были — в Крым, к морю. Отправился же совсем в другую сторону: Саратов, Нижне-Камская ГЭС, Волгоград, Астрахань, Куйбышев, Волго-Ахтубинская пойма — строительные объекты гидроэлектростанций и предприятий большой химии.

Командировки. Командировки. Командировки...

Я как-то подсчитал: только 15 процентов времени находился в министерстве, а остальные 85 — в разъездах.

Вскоре я понял, что эти поездки приносят пользу и мне самому. Я видел много интересного, знакомился с замечательными людьми.

На берегах Волги один за другим поднимались исполины большой химии. Куйбышевские и волгоградские гидростроители сооружали гигантские химкомбинаты синтетического каучука, фосфорной кислоты, заменителей жиров и другие крупные предприятия. Коллектив строителей Саратовской ГЭС, как говорится, без отрыва от производства возвел здания огромного комбината искусственного волокна. Строители Нижне-Камской ГЭС «попутно» дали стране несколько химических заводов синтетического каучука, минеральных удобрений и других ценных продуктов.

Разумеется, выявлялось и много недостатков, недоделок, упущений. Но большая работа без трудностей не бывает.

Мало, очень мало было у меня свободного времени. С самолета на самолет. С объекта на объект. Но все же Саад аль-Аали не выходила у меня из головы. Часто я думал о великой стройке на Ниле. Вспоминал своих товарищей — инженеров и механизаторов, вспоминал арабских коллег.

Каждая добрая весточка с нильских берегов вызывала у

---

¹ Гидростроители попутно сооружали объекты большой химии. Это и имел в виду министр.

меня волнение. Да и работая начальником Главгидроэнерго-строя, до предела загруженный неотложными делами, я не мог забыть об Асуане — прикипел сердцем к этой стройке, которую оканчивали без меня... Все наши «асуанцы», приезжавшие в отпуск, обязательно заходили ко мне — и Александр Петрович Александров¹, и Георгий Александрович Радченко, и Игорь Владимирович Моисеев, и многие-многие другие. Каждый был самым дорогим, самым желанным гостем. И любая, казалось бы, незначительная подробность об Асуане бесконечно трогала.

Я и сейчас берегу старый номер «Правды» со статьей журналиста Анри Аллега. Она дает очень правдивую и искреннюю картину нашей жизни в Египте:

«Сквозь пелену раскаленной пыли, поднимающейся слева и справа от дороги, среди огромных красноватых и серых скал я искал первые признаки «советского присутствия»: экскаватор, бульдозер, бетономешалку, подъемный кран. Но из всех этих орудий техники поначалу я ничего не увидел. Однако то, что я заметил сразу, имело столь же глубокое, сколь и внушительное материальное значение: среди двух кварталов современных домов, возникших в пустыне, — три малыша: девочка с белыми, словно украинская пшеница, косичками и два маленьких мальчика, без сомнения тоже русских. Они голышом играли на солнце и, похоже, привыкли уже к ослепительным лучам солнца и к обжигающему ветру пустыни в тысячах километров от родных домов, от бабушек...

Неожиданно возникла гигантская стройка или, точнее, ее аванпосты. Вдоль железнодорожного пути и шоссе сотнями выстроились огромные ящики. На этикетках значилось: адрес отправления — Советский Союз, место назначения — Асуан.

Сколько я увидел здесь ультрасовременных машин для бурения, водооткачки, бетонирования! Невольно я вспомнил сцену из одного советского фильма. Там был молодой большевик, которого односельчане направили к Ленину, с тем чтобы он помог получить несколько десятков килограммов гвоздей, необходимых для продолжения начатого строительства. Страна, где простые гвозди были редкостью, ныне строит самые могучие в мире плотины...»

---

¹ Александр Петрович Александров заменил меня на великой египетской стройке.

Читая эти строки, я вспомнил мои юношеские годы, вспомнил, как по поручению Михаила Васильевича Загора ездил в Москву за бревнами и гвоздями и сколько я намучился, пока достал их и привез в Перерву. Да, в те годы обыкновенные гвозди были редкостью, а теперь мы строим гигантские гидроэлектростанции, могучие атомные ледоколы, запускаем в космос ракеты, доставляющие наши космические лаборатории на Луну, на Марс и Венеру...

Чтобы не возвращаться больше к великой стройке на Ниле, расскажу о том, что же представляет собой один из крупнейших в мире — Асуанский гидроузел.

Сбылось то, о чем веками мечтали феллахи, во что так горячо верили посланцы советской страны, приехавшие в Египет, чтобы рука об руку с арабами воздвигнуть на века высотную Асуанскую плотину, весь грандиозный гидротехнический комплекс.

Ни моя преподавательская работа (я профессор Московского инженерно-строительного института), на которую я перешел после Главгидроэнергостроя, ни общественная деятельность и связанные с ней частые поездки по Союзу и в зарубежные страны не мешали мне пристально следить за ходом строительства Садд аль-Аали. Меня, думаю, можно понять. Ведь нам довелось начинать в Асуане с «нулевой отметки», преодолевать трудности организационного периода и три с лишним года шаг за шагом закладывать основы будущего гигантского гидроузла, перенося их с кальки проекта на нильский берег с его топографически сложным профилем и крепчайшими скальными породами.

Уже в конце декабря 1968 года Асуанская плотина поднялась выше прибрежных скал и навечно соединила берега Нила, отстоящие друг от друга более чем на полкилометра.

Вот огромное белое здание гидроэлектростанции с нависшими над ней металлическими опорами, трансформаторами, воздушными кабельными пролетами, железобетонным водоприемником. Покоренный Нил, втиснутый в каменное русло водоотводного канала, с яростным шумом вырывается теперь из-под здания ГЭС.

К десятой годовщине советско-египетского Соглашения Асуанская гидроэлектростанция выработала полтора миллиарда киловатт-часов электроэнергии. А за счет воды, накопленной в искусственном море, Египет получил восемьдесят пять миллионов египетских фунтов дохода, что в нашем денежном исчислении составляет около ста семидесяти миллионов рублей.

Наступил 1970 год, и Асуанская плотина достигла проектной отметки — 111 метров над дном реки. Рукотворное море разлилось на сотни километров к югу.

На 1 января 1970 года, с момента пуска первых турбин, ГЭС выработала три с половиной миллиарда киловатт-часов электроэнергии, сделав весомый вклад в энергетический баланс республики. Мощность ГЭС достигла тогда 1 миллиона 575 тысяч киловатт. А сейчас мощность Асуанской электростанции — 2 миллиона 400 тысяч киловатт. В средний по водности год она дает более 10 миллиардов киловатт-часов дешевой электроэнергии.

Мачты высоковольтных линий шагнули из Асуана в глубь страны и пересекают территорию республики с юга до севера. Асуанскую электроэнергию получают Каир, Александрия и другие египетские города и села. Об этих мощных линиях уже сейчас можно говорить, как о важной предпосылке электрификации всего Египта.

Уникальный гидротехнический комплекс на Ниле еще не был полностью готов, а народ Египта уже ощутил первые блага, которые ему принес Садд аль-Аали, особенно после того, как 15 мая 1964 года был перекрыт Нил и родилось новое море, и позднее, когда в декабре 1967 года была поставлена под напряжение первая линия электропередачи.

Египтяне убедились, что высотная Асуанская плотина избавит страну от губительных наводнений и засух. Осенью 1964 года плотина спасла Нижний Египет от катастрофического паводка. А три года спустя, когда феллахам угрожало страшное бедствие от засухи, их поля вдосталь напоило Асуанское море. Оно же дало возможность перевести около 240 тысяч гектаров земель с бассейнового орошения на круглогодичное. Это означает, что феллахи тех мест будут вместо одного получать два, а то и три урожая в год. Еще больше благ принесет египтянам Садд аль-Аали в будущем.

Закончив работу, возвратились на родину советские специалисты. В разгар строительства их было немногим более двух тысяч, а в начале 1970 года вместе с эксплуатационниками наших в Асуане осталось около двухсот человек. Раз в десять уменьшилось и число египетских строителей, их считывалось около трех тысяч.

— Когда из Асуана уезжала очередная группа советских семей, — писал журналист П. Демченко, — египтяне принесли им цветы и прощальные подарки. А по поселку все разноси-

лись слова полюбившейся нашим строителям песни «Журавленок»:

Хоть та земля теплей, а Родина милей,
Милей, запомни, журавленок, это слово...

Я и сам помню, как часто тосковали мы по Родине, по серенькому дождливому дню, березам на косогоре, как часто вспоминали Жигули... Но все же в Асуане все мы оставили частицу своей души, оставили много истинных друзей.

Знаменательно, что гигантский гидротехнический узел на Ниле был готов к торжественному открытию в 1970 году, когда прогрессивное человечество отмечало столетие со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Это и глубоко символично, потому что высотная Асуанская плотина — живой, яркий пример плодотворного сотрудничества двух народов.

Внимание всех приезжающих в Асуан привлекает необычный по своему художественному решению памятник-монумент, сооруженный по проекту двух московских архитекторов Н. В. Омельченко и П. П. Павлова. Он представляет собой огромный — высотой в 64 метра — цветок лотоса, выполненный из железобетона. На каждом из пяти его лепестков высечены имена наиболее отличившихся строителей Сада аль-Аали. Отражаясь в искусственном море, лотос словно плавает на его поверхности, радуя глаз изяществом и законченностью форм, присущими подлинному произведению искусства.

Пройдут века, а памятник все будет напоминать грядущим поколениям о самоотверженном труде арабов и русских, создавших совместными усилиями уникальнейший гидротехнический комплекс на Ниле.

* *
*

В очередное рабочее утро меня вызвал к себе министр. — Иван Васильевич, мы получили от государственной энергетической организации Бразилии «Электрообраз» приглашение посетить их страну. Бразильцы хотят, чтобы наши специалисты ознакомились с энергетическими ресурсами рек Сан-Франсиску и Парана и высказали свои соображения о возможностях их использования.

Петр Степанович Непорожний улыбался, понимая, что дальнейших объяснений не требуется. Он пожелал мне и моим коллегам — Николаю Александровичу Малышеву и Дмитрию Михайловичу Юринову — счастливого пути.

Снова начались сборы в дорогу. На этот раз в Южную Америку. За окном стояло серое, дождливое утро, несмотря на то, что с календаря опадали уже декабрьские листки. Я задумался в ожидании машины.

— Как хорошо, Иван Васильевич: на дворе опять дождик идет. Хорошая примета перед дальней дорогой, — взглянув в окно, сказала наша старушка няня Устинья Дементьевна, прожившая в нашей семье не один десяток лет. Она была глубоко убеждена в этом, я и не старался ее разубедить. — Помнишь, Иван Васильевич, когда ты на строительство в Куйбышев уезжал и когда в Асуан собирался, дождик тоже накрапывал... Смейся, смейся, а я верю в эту примету. Раз в ненастье уезжаешь, обязательно вернешься в добром здравии.

— А я вовсе не смеюсь.

Велики современные скорости, но велики и пространства на нашей матушке-земле. Это из космоса она кажется маленькой, как говорят космонавты. А из иллюминатора трансконтинентального лайнера — она большая...

Впереди тысячи километров воздушной трассы. Впереди совсем незнакомая страна Бразилия.

Рядом со мной сидел мой старый испытанный друг и товарищ Николай Александрович Малышев. На крутой лоб упала серебряная прядь. Светлые глаза устремлены на тонкие синие жилки, что извиваются на географической карте карманного атласа. Это бразильские реки — Парана, Сан-Франсиску, Амазонка...

Несколько посадок и взлетов, и мы оказались в Рио-де-Жанейро.

Встречали нас в аэропорту представители фирмы «Электробраз». Последовала серия традиционных вопросов, вроде: «Как самочувствие?», «Не утомило ли вас воздушное путешествие?», «Впервые ли вы в Бразилии?», «Каковы ваши первые впечатления о Рио?». И серия подобных же традиционных ответов: «Чувствуем себя превосходно», «Мы несколько не утомились, уважаемые сеньоры», «Да, в вашей стране мы впервые», «Каковы наши впечатления о городе? О, чудесный вид открывается на вашу столицу с высоты птичьего полета!»

Собственно, пока впечатлений еще не было. Были картины, которые рисовало нам воображение: ведь каждый из нас что-нибудь да читал об этой экзотической стране. Может быть поэтому, когда мы проезжали по пестрым, шумным ули-

цам и площадям города, многое показалось знакомым. Четыре цвета преобладали здесь над всеми остальными — голубой, синий, зеленый и белый: небо, океан, пальмы и... белые брюки прохожих. Как тут было не вспомнить Ильфа и Петрова! И пока я находился в Рио-де-Жанейро, нет-нет да приходили на память веселые строки любимых сатириков. Но скоро и нам пришлось, спасаясь от нестерпимого зноя, надеть белоснежные штаны. Таким образом, в столице Бразилии прибавилось несколько «белых пятен». Вскоре мы мало чем отличались от коренных жителей Рио, тем более что успели загореть. И неудивительно: здесь было двадцать шесть градусов тепла, а вода в океане казалась подогретой.

Поместили нас на Кобакабане, в отеле-небоскребе, у самого подножия которого плещется Атлантический океан. Из глубины лоджий, создававших благодатную тень, открывалась живописная панорама города и просматривались океанские дали, сливающиеся на горизонте с матовой синевою небосвода. Но времени любоваться этой красотой совсем не было: день был расписан буквально по минутам.

Деловые встречи начались с визита к президенту фирмы «Электробраз» Пауло Фичеру и его компаньонам.

— Мы искренне хотим сотрудничать с вами, русскими энергетиками, — сказал после официального обмена приветствиями сеньор Фичер. — Будем рады, если ваш приезд явится успешным началом наших деловых контактов.

На другой день, сообщив о прибытии делегации советских энергетиков и приеме, оказанном им главой фирмы «Электробраз», бразильские газеты подчеркивали, что радушие, проявленное в официальных кругах к русским гостям, вполне закономерно. «Заинтересованность Бразилии в установлении контактов с Россией, — отмечали комментаторы, — заметно возросла после того, как советские геологи открыли в нашей стране месторождение нефти».

Через три дня нас принял президент республики Жоао Гуларт.

— Именно таким я и представлял себе укротителя Волги и Нила, — сказал он, окинув меня внимательным взглядом. — Помню вашу фотографию в журнале «Лайф»¹. Приятно по-

---

¹ Речь идет о фотографии, которую американский журнал «Лайф» поместил в репортаже своего корреспондента об асуанской стройке (в номере за 15 августа 1960 г.). Мне запомнился откровенно раздраженный тон подписи под этим снимком: «Главный русский на строительстве Асуанской плотины — гигант со здоровенными руками».

знакомиться... Мы пригласили вас, чтобы посоветоваться, можно ли на Паране построить гидроэлектростанцию. А если можно, то где именно в районе Сети-Кедас¹, какие трудности связаны с этим и во что это обойдется. Короче говоря, необходимо совместно обсудить все «за» и «против», узнать ваше, специалистов, мнение.

— Мы готовы выехать в район Сети-Кедас и после тщательного ознакомления с ним высказать наши соображения, — ответил я.

Президент предоставил в наше распоряжение свой «воздушный автомобиль» — двухмоторный самолет, и мы вылетели к створу предполагаемого строительства.

Внизу проносились сплошные джунгли — девственная, первозданная природа. Кстати сказать, необжитых пространств в Бразилии множество; территория страны огромна, а заселенных, освоенных районов сравнительно мало.

Приземлились на небольшом аэродроме и пешком пошли к берегу реки, так как остальной путь предстояло совершить на катере. Вдруг до нас донесся странный шум. Сквозь просветы в зелени мы увидели небольшой пароход у противоположного, парагвайского берега и обнаженных до пояса людей, взбегавших по трапу с ящиками на плечах. Погрузив их на палубу, грузчики возвращались обратно на берег и через некоторое время снова появлялись из прибрежных зарослей с такой же поклажей. Плеск воды, приглушенные голоса, птичий разноголосый свист... Все это напомнило сцену из сочинений Фенимора Купера! Но несколько гулких выстрелов, прогремевших совсем близко, мгновенно возвратили меня к реальности.

Видимо, кто-то из команды парохода заметил нас и подал сигнал опасности.

— Контрабандисты! — воскликнул один из наших бразильских спутников. — Надо немедленно повернуть обратно. Эти бандиты способны на все...

Не успел он закончить последнюю фразу, как опять раздался выстрел. Мы отошли назад, в глубь леса.

— Ну, а теперь подождем с полчаса, — предложил тот же бразилец. — Вспугнутые контрабандисты сейчас уплывут, и путь к Сети-Кедас будет открыт.

---

¹ «Сети» по-португальски — семь, «кедас» — водопад; имеется в виду район семи водопадов на реке Парана.

Судя по спокойствию бразильских коллег, происшествие их нисколько не удивило. Видно, такого рода эпизоды — обычное явление в этих краях.

Вернувшись минут через тридцать на прежнее место, мы никого не увидели на парагвайском берегу. Таинственный пароходик точно испарился.

Наш катер шел по быстрине, с трудом преодолевая сильнейшее встречное течение. С нетерпением ждали мы встречи с Параной. И дождались. Правда, место «свидания» оказалось на редкость беспокойным: из-за оглушительного грохота воды объясняться мы могли только жестами.

Трудно было оторвать взгляд от окружавшей нас красоты. В том месте, где река образовала естественную пограничную линию между Бразилией и Парагваем, русло на протяжении четверти километра стиснули скалистые базальтовые берега. Здесь с высоты пятидесяти метров низвергался мощнейший водопад. Поблизости от этой горловины бразильцы и предполагали построить гидроэлектростанцию мощностью в 20 миллионов киловатт — самую крупную на планете.

Что представляет собой этот район реки Параны? Окруженный тропическими лесами, он начинается с небольшого индейского поселения Порту-Гуайра и простирается до населенного пункта Порту-Мендес, расстояние между которыми составляет приблизительно семьдесят километров. Природа создала здесь прямо-таки идеальные условия для сооружения гидроузла. Перепад уровней воды здесь более ста метров, и, значит, реальная возможность построить электростанцию мощностью примерно около двадцати миллионов киловатт и с годовой выработкой в 75—80 миллиардов киловатт-часов. Одновременно каждый гидростроитель не мог не увидеть еще одну заманчивую возможность — создание гигантского искусственного моря с запасом пресной воды в десятки миллиардов кубометров! Бразилии с ее пока что недостаточно сильной национальной экономикой, которая к тому же контролируется иностранным капиталом, такое сооружение могло бы дать огромные материальные выгоды.

Несмотря на обильные и разнообразные природные ресурсы, эта самая большая в Южной Америке страна напоминает скованного гиганта. Недра Бразилии таят в себе золото, уран, нефть, железную руду. Они ждут изыскателей, геологов. Не тех, которые приезжают из США, а своих, кровно заинтересованных в экономическом развитии родной страны. Или, по крайней мере, из таких государств, чьи отноше-

ния с другими странами основываются на принципах взаимного уважения и бескорыстной дружеской помощи. Ведь факт остается фактом: американские геологи отрицали наличие нефти в недрах Бразилии, а советские изыскатели обнаружили крупные ее запасы!

Сооружение такой электростанции под началом «Электробраза» ознаменовало бы новую эпоху в промышленном развитии страны, что, впрочем, хорошо понимали наши бразильские коллеги и государственные деятели. И президент Жоао Гуларт не случайно уделял этой проблеме столько внимания, думал я.

При следующей встрече с главой государства оказалось, однако, что наши взгляды по некоторым важным вопросам резко расходятся.

Вернувшись в Рио после рекогносцировки района предполагаемого строительства гидроузла на Паране, наша делегация суммировала все полученные данные, воплотив их в цифры и конкретные выводы. Они легли в основу доклада, с которым я, как глава делегации, должен был ознакомить президента республики.

Поначалу все шло гладко. Жоао Гуларт внимательно выслушал доклад и мнения советских экспертов. Некоторые наши выкладки, относящиеся к техническим расчетам, он брал на заметку, делал какие-то записи в настольном блокноте. Было ясно, что последнее, решающее слово остается за ним. Но каким оно будет, мы, естественно, не могли знать.

Ждать, однако, пришлось недолго. Когда с технической стороной дела было покончено, президент вышел из-за стола и, прихрамывая, подошел к карте.

— Благодарю вас за столь подробную информацию, — сказал он. — Ваши инженерные выкладки и расчеты дают ясное представление о том, что может дать республике гидроузел на Паране. У меня есть лишь одно возражение. Вы предлагаете построить станцию на паритетных началах с Парагваем. Но, поймите, это совершенно отсталая страна, зачем ей такое количество электроэнергии?!

— Но, господин президент, ведь строительство плотины между двумя берегами с проходящей границей в центре реки диктуется чисто техническими и инженерными соображениями, — в свою очередь возразил я. — А если даже предположить, что электроэнергию получит и Парагвай, то будет ли это в ущерб вашей стране? Право же, Бразилия не понесет никакого материального убытка. Напротив...

— О нет, зачем столько электроэнергии Парагваю, отсталой сельскохозяйственной стране? — стоял на своем президент Гуларт.

Я попросил разрешения закончить начатую мысль и сказал, что река Святого Лаврентия, как известно, тоже является границей двух государств, однако там станция расположена на обоих берегах и это не то что накладно какой-нибудь из стран, а прямо-таки выгодно.

И еще я привел в качестве примера Асуанский гидроузел, искусственное море которого будет достоянием не только египетских феллахов, но и земледельцев Судана.

— Египет ровным счетом ничего не потеряет от того, что и на его, и на суданские поля потечет вода из Асуанского моря, — сказал я. — От этого не только будет польза сельскому хозяйству обоих государств. Помимо всего прочего народы названных стран обретут самое дорогое — дружбу и мир во взаимоотношениях друг с другом... Мне ли, господин президент, убеждать в этом вас, человека передовых, прогрессивных идей?

— Благодарю вас, господин профессор, за комплимент. Но открывать дискуссию по совершенно ясному для меня вопросу мы не будем. — Гуларт встал и, посмотрев на советских экспертов, продолжал: — Нет, нет, то, что вы предлагаете, совершенно неприемлемо для нас. Вот посмотрите, что предлагают наши, бразильские инженеры. Задача решается очень просто. — Он опять подошел к карте и обвел карандашом район будущего строительства ГЭС.

— Мы отделим Парану от берегов Парагвая каменной набросной дамбой и на протяжении этих семидесяти километров осушим берег парагвайской земли. Парана потечет за дамбой... Правда, остроумно? — заключил президент.

Наступила напряженная тишина.

Чтобы как-то разрядить атмосферу, Гуларт сменил тему разговора:

— Надеюсь, господа, мы еще встретимся с вами и продолжим беседу. Ну, а в оставшееся до следующей встречи время прошу воспользоваться нашим гостеприимством и совершить поездку по стране. Думаю, вам будет интересно посмотреть наши стройки...

Сопровождали нас в поездке представители фирмы «Электробраз». Мы побывали с ними на Фурнас, Трес-Мариас, Паулу-Афонсу и пяти остальных гидроэлектростанциях, строившихся и одновременно частично эксплуатировавших-

ся. Почти все они не имели водохранилищ и работали на протоке, что весьма неэкономично.

— Силы природы следовало бы использовать лучше, — советовали мы бразильским коллегам, — нужно создавать водохранилища. При этом мы ссылались на наш и зарубежный опыт, рассказывали о каскаде гидроэлектростанций с водохранилищами на Волге, Днестре, Ангаре и других русских реках.

Слушая нас, бразильцы изумлялись, наши достижения казались им фантастическими.

И в университетских аудиториях было то же самое. Стоило кому-нибудь из нас заговорить о размахе советского гидроэнергетического строительства, как на лицах слушателей появлялось выражение недоверия...

В городе Сан-Паулу члены местного инженерного общества попросили меня выступить с лекцией об энергостроительстве в СССР. Лекция состоялась в одной из аудиторий университета. Для подавляющего большинства слушателей то, о чем я говорил, было откровением. Но они вели себя спокойно, готовясь лишь, судя по раскрытым блокнотам, атаковать меня вопросами. А вот некоторые присутствовавшие на лекции бросали с мест злопыхательские реплики.

Но я пропустил эти выпады мимо ушей, уверенный в том, что через несколько минут ретивые оппоненты будут посрамлены: я прихватил с собой цветной документальный фильм «Плюс электрификация» с дикторским текстом на испанском языке. Мы обычно показывали его после наших лекций, и он производил поистине потрясающее впечатление, особенно на техническую интеллигенцию. Так произошло и на этот раз. Во время демонстрации фильма голос диктора не раз тонул в шуме аплодисментов.

Кстати, об американских специалистах в Бразилии. Их здесь много. И прибегают к их услугам не от хорошей жизни. Бразилии не хватает своих национальных кадров. Да и откуда им быть, если в год нашей поездки лишь семь процентов государственного бюджета отводилось на народное образование и по уровню грамотности самое большое государство Латинской Америки занимало одно из последних мест на континенте...

* *
*

Во время поездки была у нас встреча, о которой я хочу рассказать.

В одном бразильском городке, рассеченном пополам автомагистралью, нас ждал сюрприз. Проезжая мимо ничем не примечательного домика с палисадником, мы обратили внимание на вывеску:

«Дорогі друзі!

Заходьте до нас поснідати!»

Так и повеяло милой Украиной от этих слов. Если в знаменитой светловской «Гренаде» автор удивляется, «откуда у хлопца испанская грусть», то нас, пожалуй, еще больше удивило, откуда в самом сердце Бразилии эта корчма, приглашавшая путников на языке Тараса Шевченко зайти пообедать.

Есть нам не хотелось, но любопытство взяло верх, и мы решили принять приглашение, обращенное ко всему проезжему люду.

Навстречу нам вышла полная, круглолицая женщина с большими карими глазами и приветливой доброй улыбкой.

— Заходьте, будь ласка,— сказала она в ответ на наше «Здоровеньки булы», позаимствованное у Тарапуньки, поскольку никто из нас украинским языком не владел.

Узнав, что мы из Советского Союза, хозяйка буквально расцвела.

— Знайомтесь, це мій чоловік,— сказала она, представляя нам своего мужа — бармена. Он стоял за буфетной стойкой, опершись на костыль.

Инвалид одобрительно кивнул и что-то сказал жене по-испански.

— Добре, добре,— ответила она и, усадив нас за один из столиков, побежала на кухню, откуда скоро вернулась с полной миской дымящихся галушек.

Мы пообедали, завязался разговор, и хозяйка рассказала нам печальную историю своей жизни. Она родилась на Днепропетровщине. Ей едва исполнилось четырнадцать лет, когда гитлеровцы угнали ее в Германию. Девочка, выросшая на советской земле, стала батрачкой в имени немецкого бюргера. Перед самым концом войны ей удалось бежать. Сперва она попала во Францию, потом в Италию. В Риме девушка познакомилась с поляком, который тоже вырвался из немецкого плена. Они поженились и, накопив немного денег, уехали в Бразилию.

И вот теперь живут вроде бы ничего, но только оба тоскуют: она — по Украине, он — по родной Польше. Столько лет прошло как отбушевала война, а тоска не унимается. Но

родина для них — недостижимая мечта. Легко ли начинать жизнь сначала, сниматься с четырьмя детьми с насиженного места, оставить дом, все, что заработано тяжким трудом за многие годы...

Умолкнув, она вытерла глаза кончиком косынки. Потом успокоившись сказала:

— Як що будете на Україні, будь ласка, сорвіть листочек з тополі, та пришліть мені у конверті. Дуже дячна буду вам...

Муж ее, выйдя из-за буфетной стойки, тоже сказал нам несколько прощальных слов...

Машина была уже далеко, когда я, оглянувшись, увидел, что они все еще стоят у своего домика и машут нам вслед...

Десять тысяч километров на самолете, четыре тысячи на автомобилях и несколько сот километров на катере — такой путь проделала наша делегация, посетив двенадцать штатов Бразилии. Мы не только ознакомились со строительством и проектированием гидротехнических сооружений, но и увезли с собой незабываемые впечатления о талантливом и добро-сердечном бразильском народе.

Да, мы увидели много интересного.

Джунгли, анаконды, диковинные птицы и еще более диковинные бабочки — все это было. Но и экзотику, и все прочие красоты, которые окружали нас, затмили собой могучие, своенравные реки, способные взволновать любого гидро-строителя-энергетика. Амазонка, Сан-Франсиску, Парана... Какой колоссальный энергетический потенциал таит в себе каждая из этих рек! Подлинная жемчужина мировой гидро-энергетики Парана равна по стоку четырем Волгам. Ведь она могла бы давать вдоволь энергии не только Бразилии, но и Аргентине, и Боливии, и Парагваю, и Уругваю.

Но суждено ли засверкать бесценной жемчужине? Быть ли Паране электрической? Только будущее ответит на эти вопросы.

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Страницы былого.— Севастополь и Таллин.— О чем напомнила газетная заметка.— Судьба Верхильо Льяноса.— Тысяча километров дружбы.

В этой главе я хочу рассказать о нескольких страницах своей жизни и о нескольких встречах, оставивших след в сердце и в памяти. В рассказах нет последовательности, но, повторяю, все, о чем будет идти речь, словно зарубки на моей жизни...

* *
*

Проснулся я от того, что кто-то сопел у самого моего лица. Что за черт! Отбросил капюшон спального мешка и увидел глаза лайки, уставившейся на меня с подкупающей собачьей преданностью. Пес словно просил прощения, что разбудил так рано и, лизнув мою щеку, отскочил в сторону во избежание возможных неприятностей.

Я неохотно поднялся. Лайка склонила набок лохматую голову и внимательно следила за каждым моим движением. И как только я открыл дверь, собака первой вырвалась на мороз, на волю.

— Что-то вы сегодня малость заспались, Иван Васильевич! — крикнул мне мой товарищ Поддубко. Он обтирался снегом и от пронизывающего холода то кряхтел, то подбадривал себя веселыми выкриками, будто находился на верхнем полке в парной бане.

Я тоже начал обтираться снегом и поймал себя на том, что помимо своей воли издаю такие же странные звуки и при этом еще исполняю нечто похожее на неизвестный ри-

туальный танец. Из походных домиков выбежали остальные участники нашей небольшой экспедиции и присоединились к любителям «арктической» утренней физзарядки. А собаки, образовав круг, расселись, точно зрители в цирке...

Так обычно начинался день в нашем лагере на исхлестанном ледяными ветрами клочке земли у самого устья Обской губы.

Не один десяток километров измерили мы своими ногами, продвигаясь в свирепые морозы и в пургу вдоль берега Оби. Мы искали наиболее удобные места для судоремонтного завода, предназначавшегося для Северного морского флота. Это строительство имело тогда особо важное значение.

Закончив работу, экспедиция вылетела дальше.

Над Баренцевым морем разыгрался шторм.

Самолет отчаянно болтало, но пассажиры были спокойны: за штурвалом сидел знаменитый полярный летчик Иван Иванович Черевичный. В разгар болтанки радист принес мне телеграмму. Она состояла всего из нескольких слов, но, как выяснилось в ближайшие же сутки, означала новую страницу в моей биографии строителя. В телеграмме говорилось: «Срочно возвращайтесь Москву. Вознесенский».

Я рассчитывал, что, явившись к первому заместителю Председателя Совета Министров, отчитаюсь о работе, проделанной экспедицией в Заполярье. Но Н. А. Вознесенский сразу же протянул мне бланк со штампом Государственного Комитета Оборона и довольно большим текстом. Внизу я увидел подпись И. В. Сталина.

— Сначала прочтите вот это, — сказал Николай Алексеевич.

Я прочел. Запечатлелось в памяти начало: «Город русской славы Севастополь лежит в руинах. Надо принять меры к быстрейшему его восстановлению...».

— А что нужно делать мне? Какова моя задача? — спросил я, возвращая документ.

Вознесенский сказал:

— Вам необходимо немедленно вылететь в Севастополь, подробнейшим образом ознакомиться с обстановкой и состоянием города. Через пять-шесть дней вы должны представить доклад, в котором содержались бы наметки проекта восстановления города и гидротехнических сооружений.

— Но к кому мне надлежит обратиться по прибытии в Севастополь? Кто начальник строительства? — поинтересовался я.

— Это пускай вас пока не волнует, — заметил Николай Алексеевич. — Кандидатура рассматривается сейчас в Центральном Комитете.

На следующее утро ко мне домой приехал фельдъегерь и под расписку вручил пакет. В нем лежала выписка из документа, в которой говорилось, что я назначен начальником Управления при Совете Министров СССР по восстановлению города Севастополя.

Так нежданно-негаданно в мою жизнь вошел легендарный город.

Когда я приехал в Севастополь, строительные работы в нем уже начались. Город лежал в руинах. Лишь названия улиц, площадей, бульваров да кое-где уцелевшие памятники говорили о его былом величии. Только море осталось таким же, как и до войны, то голубое, то лазорево-серебристое, оно «блистало гордою красой»...

В город вернулись некоторые из моряков-черноморцев — те, кому довелось участвовать в обороне Севастополя с первого дня войны. Среди них был и назначенный начальником штаба флота Николай Ефремович Басистый — бывший командир крейсера «Червона Украина».

Крейсер этот считался в предвоенные годы одной из самых сильных боевых единиц на Черном море.

Я познакомился, а потом и подружился с Николаем Ефремовичем. Как-то Басистый заговорил о своей жизни, и я узнал, что впервые в Севастополь он приехал, возвратившись из Испании, где под именем Хуана Монтеро помогал республиканцам громить фаalangистов. А в июне 1941 года первыми по вражеским самолетам, появившимся в севастопольском небе, ударили зенитные пушки «Червонной Украины», первым принял бой корабль под командованием Басистого...

До войны Николай Ефремович жил на Красноармейской улице. В один из дней он рассказал о своем возвращении в Севастополь:

— Дом наш был наполовину разрушен и смотрел на безлюдную улицу пустыми глазницами окон. С трудом я пробрался в заваленный каменными обломками коридор. Переступил порог квартиры, где двадцать второго июня сорок первого года меня застала военная тревога. Пол был засыпан штукатуркой, осколками стекла, обрывками обоев, которые шелестели на ветру...

Я слушал Басистого и думал: в городе было где разгуляться ветру! Из шести тысяч четырехсот двух жилых домов

пять тысяч триста семьдесят девять гитлеровские изверги превратили в развалины и пепелища.

Все испоганил, до неузнаваемости изуродовал враг. Ни единого деревца не увидели на Малаховом кургане советские воины, вступившие в Севастополь. Снизу доверху курган был покрыт воронками от бомб и снарядов. На месте, где находилось здание знаменитой панорамы обороны Севастополя 1854—1855 годов, чернела гряда развалин. Даже святыню города-воина — памятник затопленным кораблям — не пощадили гитлеровские вандалы.

Я знал историю Севастополя, знал, что с давних пор этот старинный русский порт славился своими гидротехническими сооружениями. Их начали строить еще при адмирале Ф. Ф. Ушакове известные мастера и инженеры того времени. Эти редкостные сооружения, искусно вписанные русскими умельцами в естественный береговой рельеф бухт, собственно, и предопределили будущее Севастополя как военно-морской базы.

В порту я увидел хаотическое нагромождение взорванных блоков, свай, гранитных плит, искореженных металлических конструкций. Казалось, потребуются не один десяток лет, чтобы восстановить все, что с такой продуманной беспощадностью разрушили оккупанты. Было ясно: нацисты рассчитывали навсегда вычеркнуть из жизни и порт, и военно-морскую базу.

Несколько дней я ходил и ездил по городу. В сердце все росла неутрахающая боль — так страшна была картина разрушенного города и невозполнимы потери встреченных мной местных жителей.

Блокнот за блокнотом заполнял я цифрами, которые потом легли в основу доклада, подготовленного мною для ЦК. Разумеется, один я не справился бы за несколько дней с таким трудоемким делом. Большую помощь оказали мне руководители партийных и советских организаций, жители Севастополя — энтузиасты, взявшиеся за восстановление города.

В ЦК меня прежде всего спросили:

- Каково ваше впечатление о Севастополе?
- Сложное, — ответил я. — Но ясно: город поднимется из руин.
- Значит, положение не безвыходное?
- Ни в коем случае!
- Какие вопросы вы наметили поставить перед Управлением?

— В первую очередь градостроительные...

В ЦК положительно отнеслись к этой идее:

— Новый Севастополь должен быть похож на город будущего.

Через две недели, выступая на собрании молодых строителей Севастополя, я рассказал о результатах моей поездки в Москву, о том, чего ждет от нас Центральный Комитет партии.

— В сущности, нам предстоит построить новый город, — подчеркнул я. — Надо смотреть правде в глаза — очень много трудностей придется преодолеть. Но вам ли, молодежи, паковать перед ними!

Я рассказал собравшимся, что по пути в Севастополь заехал в Запорожье, увидел там на стройках много интересного, такого, что следовало бы перенять, взять на вооружение севастопольцам. В то время руководил строительством в Запорожье В. Э. Дымшиц. Мне доставила большую радость встреча с ветераном Магнитки. На собрании я говорил и об этой встрече с Вениамином Эммануиловичем, и о том, как когда-то строился чудесный город Магнитогорск, как велик был энтузиазм его молодых строителей.

— Ничего, что вы пока еще не обладаете достаточным опытом, — заключил я. — Лиха беда начало. Двадцать тысяч ваших сверстников из сорока восьми областей Советского Союза изъявили желание участвовать в восстановлении Севастополя. Вся страна смотрит на вас и верит, что вы, ее посланцы, оправдаете надежды народа.

На собрании было решено отправить на Украину, для изучения опыта запорожцев, большую группу наших рабочих, инженеров и техников. Эта поездка оказалась на редкость плодотворной. Посланцы наши освоили новаторские методы труда лучших строителей Запорожья и сделали их достоянием севастопольцев. Дело у нас пошло заметно веселее.

Больше двадцати лет прошло с того времени. Некоторые имена и факты позабылись. Но не так давно я вновь побывал в Севастополе, и оказалось, что память хранит многое, очень многое...

Он раскинулся передо мной во всей своей непередаваемой красе, белокаменный город-герой, город, который, подобно сказочной птице Феникс, возродился из пепла.

Любуясь им, я вспоминал тех, с кем здесь работал в трудные годы. Вспоминал слова одной из самых активных участ-

ниц восстановления Севастополя Софьи Дмитриевны Алмазовой; я когда-то записал их в дневник:

— Нас, восстановителей города, порой упрекают в не-объективном, пристрастном отношении к нему. Но что поделаешь, если Севастополь и в самом деле так хорош. Хорош, если смотреть на него с Сарматского холма, с моря и с воздуха. Хорош ранним утром, когда поднимается туман над бухтами, хорош днем, когда солнце заливает белые камни домов, хорош ночью...

Только человек, по-настоящему влюбленный в Севастополь, мог найти такие задушевные слова. Да и каждый из многих тысяч людей, восстанавливавших город, был одержим такой же проникновенной любовью к нему.

Я ходил по улицам и бульварам, проспектам и набережным. Каждое новое или реконструированное здание имело свою историю, которая могла бы послужить сюжетом для волнующего рассказа.

Исторический бульвар. Панорама. Смотрел я на это красивое сооружение, «воскресшее из мертвых», и вспоминал, сколько энергии и сил потратила Варвара Владимировна Граббе, под чьим руководством оно реставрировалось, прежде чем севастопольцы вновь увидели свою Панораму.

Лишь опытные строители, знатоки старой архитектуры, мастера каменной кладки могли бы справиться с трудностями этой работы. И такие мастера нашлись.

Однажды к Варваре Владимировне пришли трое пожилых уже людей. Они оказались потомственными камнетесами.

— Услышали мы, что дело не ладится у вас, — сказал один из них, Григорий Григорьевич Сафронов, — и явились к вам на подмогу.

— Не смотрите, что старики, — добавил другой, Абрам Филиппович Казаков, — ремесло свое не забыли.

— С молодыми еще потягаемся, — поддержал товарищей третий, Савелий Николаевич Филин, — а может, и научим их кое-чему.

Варвара Владимировна приняла их на работу. Прошло совсем немного времени, и весь город узнал о том, что «старцы» выполнили норму на 500 процентов. Таким трудовым рекордом гордилась бы лучшая молодежная бригада! Чудо-камнетесы сдержали слово: не только сами отлично работали, но и над новичками взяли шефство, умело, с душой обучали их своему редкостному мастерству...

Многое напомнил мне и кинотеатр «Победа». Сколько труда, стараний, любви вложено в это великолепное здание! Пятьдесят женщин-домохозяек во главе с бригадиром Полиной Ивановной Велиховской строили его по проекту С. Д. Алмазовой. Строили долго, десять лет. Но зато этот кинотеатр украсил бы любой город страны.

Побывал я в троллейбусном парке на горе Матюшенко, заглянул в один из детских садов на Новороссийской улице, долго рассматривал превосходный комплекс Инфекционной больницы. Все эти сооружения возводились под наблюдением и при активном участии Зинаиды Чернявской, Галины Горбенко и Аиды Сухановой, выпускниц Московского инженерно-строительного института, где я теперь работаю. Я, помню, еще подумал: как, в сущности, тесен наш большой мир.

Был я, конечно, и в порту. Глядел на причалы, пирсы и другие гидротехнические сооружения, вспоминал тех, кто восстанавливал их: инженеров Рекетова, Зайцева, бригадира Меснянкина, механика Кожина, гранитчика Братакова...

Память сохранила не все имена, но осталось в сердце героическое время и братство людей, воодушевленных общей целью — помочь Родине восстановить легендарный город.

Вернулся я в гостиницу, достал из чемодана старые блокноты, которые захватил с собой. Читал записи, сделанные в разрушенном городе, и думал: «Неужели это все было?». Теперь, как и до войны, утопал в зелени деревьев Малахов курган. Поблескивали в лучах заходящего солнца боевые корабли на севастопольском рейде... Все, как было, нет — все даже лучше, чем было. Но какой ценой заплатил наш народ за сегодняшний мирный день!

Вернувшись домой, я обнаружил среди пришедшей корреспонденции бандероль. Бывают же такие совпадения! В бандероли оказалась книга «Море и берег» адмирала Николая Ефремовича Басистого с дарственной надписью автора.

* *
*

Малый театр. В зале звучит русская и эстонская речь. Открылись Ленинские дни науки Эстонской ССР, и ученые Москвы встречаются со своими коллегами из братской республики.

Мне приятно присутствовать на этом торжестве. С Эстонией у меня связано несколько лет жизни. Нелегких лет, опаленных войной.

Я смотрю на моих эстонских друзей, перекидывающихся шутками, по-праздничному веселых, и от души радуюсь вместе с ними. Им есть что рассказать москвичам, чем поделиться. И в области использования главного природного богатства республики — горючих сланцев, и в области исследования и синтеза биологически активных веществ, и в области физики твердого тела. Каждое новое открытие эстонских ученых имеет практическое значение, помогает развитию промышленности и сельского хозяйства республики, ее экономики...

Звонок возвестил о начале торжественного заседания. За столом президиума я увидел своих знакомых — Арнольда Тынувича Веймера — президента Академии наук ЭССР и Арнольда Викторовича Коопа — министра высшего и среднего специального образования.

Один оратор сменял другого. С трибуны раздавались слова приветия, обращенные к гостям, и ответные речи эстонцев, полные искренней теплоты. Наступил и мой черед выступить.

Вышел я на трибуну и, честно говоря, на какое-то мгновение забыл все то, что хотел сказать с этой трибуны. Но вот встретился взглядом с Арнольдом Тынувичем и понял, с чего начну свое выступление.

...Таллин горел. Фашистские самолеты бомбили порт. Резкие удары зениток сливались с лязгом танков и рокотом автомашин, покидающих город. А у обочины дороги, ведущей на Нарву, стояла старая женщина и, обращаясь к проходящим мимо воинам, повторяла:

— Землю берите! Землю с собой берите! Не уходите без земли, родные!..

Бойцы брали из ведерка землю и, на ходу пряча ее, догоняли своих.

Я остановил «виллис» и тоже взял горсть эстонской земли.

Об этом я и рассказал эстонским ученым. И словно вновь увидел горстную фигуру старой женщины.

— Горсточка вашей земли принесла мне счастье, — продолжал я. — Как видите, фашистская пуля не взяла меня. Я вернулся с Красной Армией в Таллин и приступил к восстановлению порта, разрушенного гитлеровцами до основания. Арнольд Викторович Кооп и Арнольд Тынувич Веймер, конечно, помнят, как все это было. Как рабочие Таллина, зная о том, что мы испытываем острую нужду в строительных материалах, помогли нам раздобыть клинкер, который

после перемола превращался в первосортный цемент. Как самоотверженно трудились отряды строителей-добровольцев, расчищая груды еще дымящихся развалин в порту. Как ликовал город, когда в возрожденный Таллинский порт вошел первый корабль...

— Я вижу, Арнольд Викторович задумался, — продолжал я. — И он, и товарищ Веймер, мои старые друзья, ничего не забыли. В те дни они возглавляли высшие органы партии и правительства республики. Они хорошо помнят, пожалуй, лучше, чем кто-либо другой, и горечь военных невзгод, и радость, которая пришла вместе с избавлением от фашистского ига. Радость вновь обретенной свободы. Радость победившей жизни. Радость созидания.

— Дорогие мои друзья! Дорогие коллеги и товарищи, — сказал я в заключение, — нас, москвичей, радуют замечательные успехи, достигнутые вами, учеными братской республики. Но лично мне было особенно приятно узнать и о том, что эстонские хлеборобы вырастили на своих скупых пахотных землях самый богатый в Прибалтике урожай зерновых. Как же надо любить, беречь, лелеять свою землю, чтобы она отозвалась столь щедрыми дарами!..

Пока гости находились в Москве, я еще не раз встречался с ними. Они были очень довольны приемом, который оказывала им столица, и всем, что им довелось здесь увидеть и услышать.

Полные впечатлений, мои друзья с увлечением рассказывали о том, как сердечно их принимали в горкоме партии, на заводе имени Владимира Ильича, в Академии наук, в какой торжественной обстановке вручали Золотую медаль ВДНХ СССР — награду республике за успехи, достигнутые в различных областях науки, сколько радости доставила каждому встреча с героями космоса в Звездном городке.

Но, по общему признанию, самое большое впечатление оставило у всех посещение Горок Ленинских:

— Словно у Ильича в гостях побывали...

А у меня, как напоминанье об этой встрече, хранится памятная медаль в честь 25-й годовщины освобождения Советской Эстонии.

* *
*

Однажды, просматривая газету, я обратил внимание на небольшую заметку, в которой сообщалось, что на промысел

в дальний антарктический рейс вышла китобойная флотилия «Слава», возглавляемая капитаном В. И. Ворониным.

Капитан Воронин, известный полярный мореплаватель... и я вспомнил, как в 1945 году судьба занесла меня в Германию.

...Берлин. Наш «оппель» мчался в Карлсхорст, в штабквартиру советской военной администрации. Ехали мы втроем: Александр Александрович Афанасьев, Николай Васильевич Новиков и я. В Карлсхорсте нас ждал маршал Василий Данилович Соколовский, главнокомандующий группы советских оккупационных войск, возглавлявший советскую военную администрацию в Германии.

Прибыли точно в назначенное время, и маршал принял нас сразу же.

— Вот это, я понимаю, компактное подразделение, — сказал он весело, — три активных штыка, не больше и не меньше. Ну что ж, побеждают ведь не числом. Главное — сделать все для того, чтобы высшим судьей в тройственной комиссии была честность, чтобы ни один из партнеров не нарушал правил. За этим надо следить в оба.

Беседа с маршалом продолжалась недолго, но мы, члены тройственной комиссии союзных войск антигитлеровской коалиции по разделу трофейного технического флота, получили ясное представление о том, как нам следует действовать, чтобы наша страна полностью получила свою законную долю. Наша миссия усложнялась тем, что некоторые трофейные немецкие корабли начали таинственно исчезать — исчезать, чтобы, вероятнее всего, через определенное время вновь появиться, но под другим названием, когда тройственная комиссия закончит свою работу и апеллировать будет не к кому. Именно это имел в виду маршал Соколовский, призывая нас глядеть в оба.

Получив необходимые полномочия, мы вылетели в Лондон.

В английской столице все еще живо напоминало о миновавшей войне. Гитлеровцы обстреливали город самолетами-снарядами, и некоторые улицы лежали в развалинах. Руины жилых домов местами были прикрыты красочными рекламными щитами. Кое-где развалины были убраны и разбиты скверы, кое-где шел ремонт зданий.

Город был наводнен военными, попадалось много женщин в солдатской и офицерской форме. С самого утра у продовольственных магазинов выстраивались длинные оче-

реди. Хлеб и другие продукты первой необходимости отпускались по карточкам. В те трудные дни, когда и в нашей стране еще действовала карточная система, лондонские докеры сгружали с советских кораблей муку для своей столицы.

И сегодня мне хочется напомнить об этом: Россия делилась с союзником хлебом, которого и у нее самой было в обрез. Мы были свидетелями того, как восторженно встречали английские женщины, старики и дети теплоход «Белоостров» с удовольствием...

После первого же заседания тройственной комиссии нам стало ясно, что рассчитывать на объективность наших английских и американских коллег не приходится. Решение, казалось бы, самых простых вопросов, не нуждавшихся в серьезном обсуждении, нарочито затягивалось различными формальными процедурами. Союзники всячески старались затянуть решение основной задачи, которая стояла перед нами, представителями советской стороны: получить десять судов китобойной флотилии.

В гавани стояло головное судно — матка. А куда девались китобойцы? Кто увел их?

Американцы недоуменно пожимали плечами. Англичане твердили, что они ничего не знают. Но мы кое о чем догадывались. Заседавшие в комиссии генералы и адмиралы союзных войск заметно смутились, когда мы объявили о своем решении выехать в Ливерпуль.

Наши предположения оправдались. В заливе, недалеко от ливерпульского порта, мы обнаружили восемь полузатопленных китобойцев. Еще двух недостающих так и не удалось найти.

Представители советского торгового флота занялись обнаруженными судами, и пока тройственная комиссия оформляла протокол о передаче их СССР, китобойцы уже были на плаву. Вскоре они своим ходом пошли к нашим берегам.

Впоследствии эти китобойцы вместе с флагманом и составили основу китобойной флотилии «Слава», первым капитан-директором которой был легендарный мореход Владимир Иванович Воронин.

Поездка в Лондон навсегда запомнилась мне и потому, что мы посетили Хайгетское кладбище. Там похоронен Карл Маркс, его жена Женни Маркс, их маленький внук Гарри Лонге и верный друг семьи Елена Демут.

Я купил у цветочницы букет алых гвоздик и положил у надгробия.

Мы стояли молча, и я думал о человеке, который силой своего ума перевернул мир, определил ход человеческой истории. И еще думалось о том, что в жизни этот человек ничего не хотел для себя, но как много он желал для тех, кто держал на своих плечах этот сложный и трудный мир, трудом создавал его богатства. Маркс видел свое счастье в том, чтобы сделать счастливыми других, и потому, сколько бы веков ни прошумело еще над землей, имя его не будет забыто.

Осматривая памятники, среди которых было немало настоящих произведений искусства, я набрел на старика. Он поливал цветы на небольшом прямоугольнике земли, окаймленном невысокой каменной оградой. На надгробной плите никакой надписи не было.

Поздоровавшись со стариком, я спросил:

— Не скажете ли вы, кто здесь похоронен? Неужели у человека, чей прах покоится в этой могиле, не было имени?

— Имя у него есть, оно известно всему миру, — ответил служитель. — Но похоронен он не здесь. И вообще нигде не похоронен: его прах выстрелили из корабельной пушки. Такова была последняя воля Фридриха Энгельса.

— Но в таком случае при чем тут эта могила?

— Не вы первый задаете мне такой вопрос, — сказал старик, закурив московскую сигарету, которой я его угостил.

— Этот участок земли купил кто-то для мистера Энгельса незадолго до его смерти. Вот я и присматриваю за ним. Уход за могилой тоже был оплачен...

Это была символическая могила, но она имела отношение к Фридриху Энгельсу, и я не мог уйти, не оставив у безымянной плиты букет гвоздик. Потом я узнал, что в одном кладбищенский служитель ошибался: прах Энгельса не выстрелили из пушки. Четверо ближайших друзей Энгельса, выполняя его последнюю волю, отвезли урну с прахом на две мили от берега и опустили ее в море. Насколько достоверна история с могилой — не знаю. Легенда же существует.

Когда я вернулся в Берлин, у меня выдалось несколько свободных часов, и мне захотелось побывать в тех местах, где я жил и работал четырнадцать лет назад...

Прежде всего я отправился на Виктория-Луизенплац, улицу, с которой было связано столько воспоминаний. Здесь, в доме старого доктора, мы прожили с Ольгой Яковлевной и маленьким Борисом несколько тревожных месяцев.

От респектабельного особняка остались жалкие руины. В каменной нише ворот, искореженных снарядом, чудом уце-

лела только садовая лейка. «Сколько человеческих жизней унесла война, навязанная миру фашистами, — подумал я, — эта синяя эмалированная лейка не получила и царапины и осталась стоять там, где ее оставил хозяин... Живы ли герр Вольфганг и фрау Шарлотта? Провели ли остаток дней в изгнании или, схваченные фашистским патрулем на границе, умерли в концлагере?»

Побывал я в тот день и на Кайзервильгельмштрассе, где когда-то буянили фашистские молодчики, и на площади, где в промозглый декабрьский вечер пылал костер из книг, и на улице, по которой незадолго до гитлеровского путча двигались колонны берлинских рабочих, а над ними колыхался лес красных знамен.

На Александерплац я не смог опуститься в метро: оно все еще было затоплено. Я пошел к зданию бывшей рейхсканцелярии. В железобетонных бункерах там провели последние дни Гитлер и его приспешники. Здесь их настигло возмездие.

...Когда я возвращался в гостиницу, то увидел отряд юношей и девушек с лопатами на плечах. Они шли по мостовой, четко чеканя шаг. Это направлялись на восстановительные работы дети новой Германии, внуки Эрнста Тельмана.

* *
*

Познакомился я с Верхильо Льяносом еще в Жигулях.

— Иван Васильевич, к вам группа испанцев, — доложила как-то секретарь Люба.

— Испанцы? Туристы, что л.

— Да нет, наши, советские испанцы.

Их было шестеро. Смуглые, черноглазые, молодые. Познакомился с каждым в отдельности. Испанские фамилии: Льянос, Кортес, Родригес... Правда, у одного имя исконно русское — Иван. «Должно быть, Хуан», — подумал я, крепко пожимая руку испанскому тезке Ивану Кортесу.

Каждый из испанцев получил в Жигулях работу по специальности.

Я расскажу об одном из них — о Верхильо Льяносе.

Верхильо окончил Уральский политехнический институт, получил диплом инженера-гидротехника, и я направил его на строительство верхних шлюзов, что вполне устраивало молодого специалиста. Он был так доволен, что на радостях поблагодарил меня по-испански и по-русски.

Работал Верхильо отлично. Вскоре его приняли в партию. ...Случилось мне быть в гостях у Николая Герасимовича Кузнецова. Этот всеми уважаемый человек в Великую Отечественную войну был Народным Комиссаром Военно-Морского Флота. Адмирал отмечал день рождения, я был приглашен на вечер.

В гостеприимном доме Кузнецовых собрались видные представители армии и флота. Был Семен Михайлович Буденный, были другие известные военачальники. На вечере действовал неписанный закон войскового товарищества, царила атмосфера исключительной непринужденности во взаимоотношениях между людьми различных чинов и рангов.

Я знал, что адмирал флота Николай Герасимович Кузнецов прожил интересную жизнь, что, ко всему прочему, он еще способный литератор, автор нескольких книг и прямо-таки удивительный рассказчик. Знал и о том, что он воевал в республиканской Испании под именем дона Николаса.

Зашел разговор об испанских событиях, и я спросил адмирала, что же ему больше всего запомнилось из тех трудных времен.

— Что больше всего запомнилось? — повторил адмирал мой вопрос. — Да, собственно говоря, все запомнилось. Я расскажу вам о случае, который не имеет прямого отношения к боевым действиям.

Адмирал заговорил, и окружающие притихли, словно перенеслись в далекий уже год и стали свидетелями происшедших событий.

...Кузнецов, он же дон Николас, стоял на мостике корабля, который готовился отойти от берега. Уже были отданы швартовы, когда неожиданно на одной из узких приморских улочек раздалась беспорядочная ружейная стрельба и почти одновременно показалась двухколесная повозка с мулом, который несся по направлению к морю. Николай Герасимович поднес к глазам бинокль и увидел: на повозке лежал мужчина. Бежавший за мулом босоногий мальчишка размахивал руками и что-то кричал, должно быть, взывал о помощи. Все стало понятно, когда из-за угла выскочила группа фалангистов, стрелявших на ходу по беззащитной цели.

Командир корабля тотчас приказал открыть пулеметный огонь по фашистам и распорядился спустить на воду шлюпку с шестью вооруженными матросами. Минут через двадцать мужчина и мальчик, его сын, уже были на борту корабля. Пока судовой врач оказывал помощь отцу, его сынишка

сидел на руках у Николая Герасимовича и никак не мог прийти в себя от пережитого страха. Он крепко обнял за шею «дона Николаса» и не собирался, судя по всему, с ним расставаться.

Конец этой истории я услышал от Николая Герасимовича в другой раз.

Мы гуляли с адмиралом в лесу близ Барвихи, и я напомнил ему об испанском мальчике.

— Все кончилось как нельзя лучше, — сказал мой собеседник. Отец и сын в том же, 1938 году, были доставлены в Одессу и вместе с другими испанцами, спасшимися от франкистского террора, остались жить в Советском Союзе.

— Славный мальчуган был Верхильо! — заключил адмирал. — Я привык к нему, как к родному. До самой Одессы он не отходил от меня...

— Верхильо?!

— Почему это вас так удивляет? — осведомился Николай Герасимович. — Да, мальчика звали именно так.

— А фамилию вы запомнили? — спросил я.

— Конечно запомнил, — ответил адмирал, — Верхильо Льянос.

— В таком случае я его хорошо знаю. Он работает инженером на Куйбышевгидрострое. Как-то мы с ним разговорились, и он сказал, что его отец был командиром интернационального батальона в республиканской Испании.

— Если так, то это, несомненно, тот самый Верхильо. Ошибки тут быть не может, — уверенно сказал Кузнецов.

Нет, Гамлет не прав, утверждая, что «порвалась связь времен», подумал я. Пути людские в конце концов сходятся, и подчас прошлое совершенно неожиданно для нас сталкивается с настоящим.

На стройке шел обычный трудовой день. Пришел я к себе в кабинет и услышал от Любы:

— Вас просили позвонить в министерство.

Я позвонил и услышал:

— Готовьтесь, Иван Васильевич, встречать гостью из Испании. Самолет прибывает в Куйбышевский аэропорт.

Назвали мне день и час.

Вызвал я Верхильо, сообщил новость.

Льянос рассказал, что мать его — ведущая актриса Мадридского королевского театра и что только это обстоятельство в свое время спасло ее, жену воина-республиканца, от франкистских застенков...

Три следующих дня Верхильо жил ожиданием предстоящей встречи. Вместе с ним волновались и его друзья, которые вечерами привели в образцовый порядок домик и сад своего товарища.

Наконец наступил день приезда испанской гостии. Среди встречавших был и я. С трапа сошла женщина необыкновенной красоты. Ее иссиня-черные волосы, уложенные в высокую прическу, были тронуты сединой, отчего голова казалась увенчаной серебряной короной.

Не стану описывать встречу матери с сыном.

Десять дней провела мать в гостях у сына в Жигулях. И все десять дней умоляла его поехать с ней в Испанию. Рассказывая мне об этом, Верхильо очень волновался. Я понимал его. Два чувства боролись в Льяносе: любовь к матери и любовь к своей второй родине. Верхильо знал, что никто не будет чинить ему препятствий, если он захочет возвратиться в Испанию, но на просьбы матери отвечал молчанием. А накануне ее отъезда прибежал ко мне и сказал, что твердо решил остаться навсегда в Советском Союзе.

Проводили мы мать нашего товарища, как и встречали, сердечно. Я глядел на нее и поражался тому, как может измениться человек за столь короткий срок. Мать Верхильо казалась постаревшей на десять лет...

Недавно я узнал, что Верхильо Льянос работает главным инженером одного крупнейшего управления, и что до этого он был на Кубе, где возглавлял строительство самой мощной в республике тепловой электростанции.

Узнал я об этом от него самого, случайно встретив Льяноса в Министерстве промышленного строительства.

* *
*

...У меня в руке легкое, изящное кольцо, отливающее серебром. Как-то попробовал я надеть его — с трудом налезает на кончик мизинца. Я не любитель ювелирных украшений, но это носил бы. На внутренней его стороне выгравировано: «Сделано из обломка сбитого американского самолета». Маленькое колечко напоминает о большом мужестве народа.

Колечко подарили мне в Ханое, когда делегация советского Комитета солидарности стран Азии и Африки посетила выставку «25 лет Демократической Республики Вьетнам».

Возле одного из павильонов, в котором были выставлены для обозрения всевозможные военные трофеи с каиновым клеймом «Сделано в США», лежала гора металлического лома — остатки вражеских самолетов, сбитых в ханойском небе огнем зенитной артиллерии и ракетами. После осмотра юбилейной выставки мы побывали в мастерской, где рабочие превращали дюралюминиевые обломки американского происхождения в кастрюли, кружки, тарелки и другие предметы домашнего обихода.

Мы уже собирались уходить, когда один из мастеров оторвался от работы и, подойдя, сказал мне что-то.

— Он говорит, что хочет сделать вам небольшой подарок, — перевел сопровождающий нашу делегацию заместитель председателя Вьетнамского комитета солидарности стран Азии и Африки товарищ Хоанг Бак.

Остальное в переводе не нуждалось.

Мастер, небольшого роста человек с молодежавым смуглым лицом, снял со своего пальца кольцо и протянул его мне.

Я поблагодарил вьетнамского друга и в свою очередь преподнес ему значок с изображением В. И. Ленина. Мы показали друг другу руки.

Атмосфера искренней дружбы, уважения, симпатии сопровождала нас на протяжении всей поездки по вьетнамской земле.

Мы встречались с государственными и общественными деятелями, партийными руководителями и учеными, писателями и воинами, рабочими и крестьянами — и всюду встречали искреннее радушие. Товарищ Хоанг Бак показывал нам достопримечательности Ханоя, директор Хайфонского порта товарищ Ле Ван Конг поинтересовался, не желают ли советские гости осмотреть порт, и тут же сам вызвался быть нашим гидом. Директор рыбоконсервного завода товарищ Фам Ван Хуан водил членов нашей делегации по цехам восстанавливаемого предприятия, рассказывал о трудовых делах коллектива и его планах на будущее. В провинции Куанг Нинь начальник управления угольно-добывающей промышленности товарищ Фам Хо Ань повел нас в шахтерский поселок, где все говорило о недавней трагедии: на каждом шагу здесь чернели воронки от бомб и пепелища. Я ходил и вспоминал разоренные фашистами русские деревни, черные дымы пожаров 1941 года.

С кем бы мы ни беседовали, все с благодарностью гово-

рили о той помощи, которую оказывают Вьетнаму социалистические страны во главе с Советским Союзом.

Как велика эта помощь — мы увидели собственными глазами.

В Хайфонском порту у причалов стояли корабли под флагами почти всех социалистических государств, в том числе и наш советский теплоход «Сучан». Он доставил восемь тысяч тонн пшеницы. Это был восемнадцатый рейс «Сучана» во Вьетнам. Судно неоднократно было мишенью американских самолетов. На корпусе «Сучана» виднелись следы, оставленные осколками бомб.

В населенном пункте близ Тай-Биня мы завтракали вместе с делегацией Германской Демократической Республики — членом редколлегии газеты «Нойес Дойчланд» Рудольфом Кислингом, учеными Карлом Хагеком и Зигфридом Герлицем. Они рассказали нам, что их страна предоставила Вьетнаму 32 тонны законсервированной крови — для раненых.

Немецкие товарищи подарили нам значки, символизирующие будущее воссоединение Северного и Южного Вьетнама.

— Такие значки продаются теперь на всем земном шаре, — заметил Рудольф Кислинг. — Их распространяют активисты местных обществ сторонников мира. За эти значки уже выручено около двадцати миллионов марок, поступивших в фонд помощи народам борющегося Индокитая.

Несмотря на значительную помощь, которую Вьетнам получает от братских государств, народ этой страны жил трудно. Вьетнамцы во многом отказывали себе, порой даже в самом необходимом.

Я видел, как это выглядит на деле.

Во время обеда Хоанг Бак, прежде чем начать есть, попросил у официанта чистую тарелку и отложил на нее половину своей порции риса. То же самое сделали и другие посетители ресторана. Я узнал, что накопившийся таким образом рис отвозят в детские дома.

Приятно вдали от родимых мест, за тридевять земель от Москвы встретить знакомых людей. Я их встретил.

В министерстве мелиорации у меня завязался разговор с министром Фам Мином. Тема беседы в одинаковой степени интересовала нас обоих: речь шла о различных типах плотин. Я высказал свою точку зрения.

— Полностью с вами согласен, — сказал мой собеседник. — Я тоже за строительство каменно-набросных плотин.

Они у нас выдержали испытание временем и меньше, чем другие, пострадали от американских бомбежек...

В это время в дверь постучали, и в кабинет министра вошел молодой человек. Я сразу узнал своего бывшего аспиранта, в недавнем прошлом студента Московского инженерно-строительного института Фам Ши Льяма.

— Здравствуйте, дорогой друг!

— Здравствуйте, товарищ профессор!

Мы обнялись, крепко пожали друг другу руки.

Вечером мы снова встретились.

— Исполняю обязанности заместителя министра, — рассказал Фам Ши Льям. — У нас, в министерстве мелиорации, работают еще два выпускника МИСИ — Тгуен Ван Дат и Чан Куок Тьян...

Вскоре произошла еще одна счастливая, тоже совершенно непредвиденная встреча и тоже с бывшим питомцем нашего института. Ли Ван Хок занимал пост главного инженера проекта гидроэлектростанции, строившейся близ селения Камсон.

Мы поздоровались, как родные. Он долго расспрашивал меня об институте, о своих русских однокашниках, о Москве. Интересовался моими делами и работой моих коллег-педагогов, которые помогли ему стать инженером-гидростроителем.

По приглашению Ли Ван Хока я побывал у него на стройке. Внимательно все осмотрел и остался доволен инженерной эрудицией и новаторским чутьем воспитанника МИСИ.

На строительной площадке стихийно возник митинг. Ли Ван Хок попросил меня выступить.

— Советских людей безгранично радует, что вьетнамский народ, верный заветам Хо Ши Мина, вдохновенно строит новую жизнь, несмотря на величайшие трудности и лишения, на многолетние военные невзгоды, — сказал я. — Везде, где нам довелось быть, мы видели, с каким энтузиазмом патриоты Вьетнама восстанавливают то, что злодейски разрушили американские агрессоры. Всюду нас встречали, как братьев. Спасибо вам, товарищи, за добрые чувства, которые вы питаете к Советскому Союзу, к своему брату, который всегда будет вашим верным другом.

...Я давно вернулся из Вьетнама, но никак не могу забыть о стране, которая столь щедро одарила нас сердечным гостеприимством. Тысяча километров пути по вьетнамской земле воистину была тысячью километров дружбы.

ВЕЛИЧАЙШАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ

Раздумья о будущем.— Роль инженера в современном обществе.— «Невероятный» проект.— Можно ли учесть все «за» и «против»? — Покой нам только снится!

«Величайшая человеческая ценность — это сам человек. Чтобы сделать более ценной жизнь на земном шаре, нужно предварительно поднять ценность человека. Чтобы эксплуатировать почву, руду, все вещества и все силы планеты, нужен человек, человечество, все человечество. Полное использование земного шара требует комбинированной работы людей белых, желтых, черных...»

Эти слова принадлежат Анатолию Франсу. Он сказал их в начале века. Я часто повторяю эти слова своим студентам и думаю, как много может сделать для себя человечество, если его мирные усилия направить на то, чтобы улучшить, обновить нашу старушку-землю.

А поскольку я инженер, то, естественно, прежде всего думаю о том, как много добра могут принести людям мои коллеги.

Как подвинулся бы человеческий прогресс, если бы все инженеры Земли объединили свои усилия и стремления в мирном творчестве! Строитель-энергетик, участник многих международных конгрессов и встреч с американскими, английскими, канадскими, бразильскими и французскими коллегами, я хорошо представляю себе смысл и значение такого сотрудничества. Участие в строительстве высотной Асуанской плотины еще больше укрепило мою уверенность в том, какая это великая сила в благородной борьбе за мир, за счастье наших детей и грядущих поколений.

Я совершенно уверен, что в будущем на нашей голубой планете исчезнут безобразные пятна пустынь и станут работать на человека, отдавая всю свою исполинскую энергию, самые могучие реки земного шара.

Это не утопия. Такой непременно станет земля, если народы всех стран будут стремиться к тому, чтобы общими усилиями поставить могущественные силы природы на службу человечеству.

За последние десятилетия мировая энергетика достигла невиданного размаха. Этому в немалой степени способствовало усиление международных контактов, взаимное обогащение опытом.

Обмен инженерными мыслями и идеями, особенно в области энергетике, перешагнув через океаны и континенты, стал действенным средством международного технического сотрудничества.

И мне хотелось бы обратить внимание на наиболее доступные и необходимые для улучшения жизни человека энергетические проблемы.

Прежде всего — на проблему использования мощной, дешевой и неиссякаемой энергии рек. Какое широкое поле деятельности открывается здесь перед нами, гидростроителями!

На нашей планете еще много отталкивающих «родимых пятен», которые существовали веками, и от которых человечество могло бы избавиться, если бы за это дело дружно взялись народы всех стран. Ну, а инженеры должны были бы представить обоснованные, всесторонне продуманные проекты строительства гидротехнических комплексов.

Сегодня в мире орошается лишь немногим более ста миллионов гектаров земли, что составляет два процента территории всех пустынь. Вдумайтесь: два процента! Какими же нелепыми выглядят умозаключения некоторых ученых, утверждающих, что вследствие роста населения на земле скоро не хватит продуктов питания. Ведь на планете под посевы и насаждения используется пока что всего десять процентов земельных площадей!

Известно, что более трети территории США — это засушливые и пустынные районы. В пресной воде нуждаются земли Австралии и Африки. А сколько труда потребуется, чтобы оросить и обводнить бесплодные, сухие степи, полупустыни и пустыни Центральной Азии и, в частности, пустыню Гоби, засушливый северо-запад Индии, внутренние безвод-

ные районы Ирана, пустыни и полупустыни юго-западного Афганистана, степи и пустыни Анатолийской нагорной Турции?!

Что и говорить, нам, людям, призванным бороться за переустройство природы на благо человечества, есть к чему приложить руки. Наш советский опыт превращения пустынь в цветущие оазисы в некоторых зонах Средней Азии, например, в Каракумах, в Голодной степи, показывает, сколь могуче воздействие современной науки и техники на природу. Пример тому — чудесный зеленый город Навои. Он вырос там, где изувеченная коррозиями, иссохшая земля пустовала веками, где не было ни питьевой воды, ни дерева, ни клочка тени, которая могла бы спасти от нестерпимого зноя...

В нашей стране разработаны проекты переброски вод северных рек в русла Волги, Днепра и Дона. Это решит, в частности, проблему регулирования уровня воды Каспийского моря, проблему, имеющую международное значение. Многоводный Иртыш в самом скором времени даст свои воды засушливым районам Центрального Казахстана.

А вот еще одна захватывающая идея — перекрыть Берингов пролив, соорудить плотину между Тихим и Северным Ледовитым океанами. Правда, осуществление этой идеи — дело будущего.

Автор проекта, инженер А. Б. Маркин, предлагает построить через Берингов пролив исполинскую плотину — мост, по которому пройдет железнодорожная сверхэлектромостраль. Из Лондона через тоннель под Ла-Маншем поезда пойдут в Париж, Берлин, Москву, Иркутск и дальше через Берингов пролив по плотине — в Вашингтон...

А. Б. Маркин считает, что в этой идее нет ничего фантастического, ибо ширина пролива не превышает 35 километров, а средняя глубина — 40 метров. Плотина-гигант преградит дорогу льдам из Ледовитого океана в Тихий, сделает Берингово море почти незамерзающим и ликвидирует камчатское течение, питаемое холодными водами Ледовитого океана. Огромные пропеллерные насосы, смонтированные в плотине (их будет приводить в действие атомная электростанция мощностью в несколько миллионов киловатт), начнут перегонять воду из Тихого океана в Ледовитый. Таким образом, возникнет течение, почти равное Гольфстриму. Оно будет переносить в Ледовитый океан в три-четыре раза больше тепла, чем его могут дать все мировые запасы нефти. Тихоокеанское течение пересечет весь Ледовитый океан и

разобьет мощный массив холодного воздуха на две части. Суровый характер Большой Арктики начнет понемногу смягчаться.

Со временем новый «Гольфстрим» отоплит Баренцево море, Берингов пролив, Чукотское море и восточную часть Ледовитого океана. В результате климат Азии и Северной Америки постепенно приблизится к мягкому климату тех частей Европы, которые лежат на сходных широтах, но омываются Гольфстримом и атлантическими течениями с его северными ветвями. Новый «Гольфстрим» значительно облегчит и ледовый режим побережья Евразии и Америки.

По мнению автора проекта, осуществление этой идеи, основанной на точных расчетах, исправит явные несуразности в природе Тихоокеанского побережья. В самом деле, Владивосток, Сухуми, Ницца лежат на одной параллели, однако средняя температура января во Владивостоке минус 23 градуса и Владивостокский порт ежегодно замерзает на три месяца, в то время как в Сухуми и Ницце вообще не бывает мороза. Камчатка и Британские острова расположены на одной параллели, но как велика разница в их природных условиях!

Об этом проекте много спорили. Некоторые и до сих пор твердят, что он неосуществим. Но ведь недалеко ушло от нас время, когда и телефон, и радио, и телевидение воспринимались как нечто фантастическое. Представляю себе, какими глазами посмотрел бы на меня мой отец, неграмотный крестьянин, если бы лет пятьдесят назад я, начитавшийся Жюль Верна и Уэллса, сказал, что люди когда-нибудь полетят на Луну. Он усомнился бы в моем здравом уме.

Но мы-то живем в такое время, когда на наших глазах превращаются в явь самые смелые инженерные замыслы, а научно-техническая революция с каждым годом набирает темпы...

* *
*

Инженерные чудеса нашего века многочисленны и многообразны. К ним можно отнести Кислогубскую приливную электростанцию. Создана она за Полярным кругом по проекту и под руководством талантливого инженера Л. Б. Бернштейна.

Этот проект тоже вызывал в свое время улыбку у скептиков и представлялся утопией.

Но упрямый молодой специалист не сдавался. Он ознакомил со своей идеей выдающихся советских энергетиков, в том числе академика Александра Васильевича Винтера, и те единодушно одобрили ее.

Уже первый вариант проекта приливной электростанции вызвал уважительное удивление ученых. Но похвала авторитетов не успокоила, а скорее, подстегнула инженерную мысль. Лев Борисович упорно совершенствовал проект. Когда же, казалось, желаемый результат был достигнут, началась война, и Бернштейн ушел на фронт. Военная судьба занесла его, командира отделения морской пехоты, на клочок суровой, скалистой земли, где ему с горсткой бойцов предстояло выдержать многодневный натиск неизмеримо более сильного врага. Но и тогда, в дни напряженных боев на крошечном плацдарме близ Мурманска, инженер не расставался со своей мечтой. Изучив «пяточок», на котором так героически держалась морская пехота, Бернштейн понял, что оказался в таком месте, которое как будто специально предназначено самой природой для приливной электростанции.

Отражая с бойцами очередную контратаку фашистов, командир был тяжело ранен и отправлен в госпиталь. Подорванное здоровье не позволило вернуться на фронт.

В Москве инженер возобновил работу над проектом, дополнил его. И вот уже в 1963 году, когда я был начальником Главэнергостроя СССР, распоряжением министра Лев Борисович был назначен главным инженером проекта и главным инженером строительства. Оно уже имело конкретный адрес — станция строилась там, где Бернштейн с бойцами отстаивал когда-то от врага холодную мурманскую землю.

В долгие полярные ночи там хозяйничают метели, а в сравнительно спокойную погоду слышно, как гремит морской прибой. Отныне он трудится на человека, и видно, как светятся окна самой северной в мире электростанции, работающей на энергии приливов и отливов.

Пока эта станция — экспериментальная, и мощность ее не так уж велика. Но думается, что у такого рода гидротехнических сооружений большое, завидное будущее. Ведь беспредельна и неиссякаема сила океанских приливов.

А Л. Б. Бернштейн продолжает работу. Он трудится сейчас над проектом серии приливных станций, которые опояшут Мезенский залив и в общей сложности дадут Родине много миллионов киловатт электрической энергии.

Нам, гидростроителям, нередко приходится выслушивать от людей справедливые нарекания. Нас укоряют в том, что порой, воздвигая гиганты гидроэнергетики, мы, с одной стороны, совершаем великое дело для народа, но с другой, наносим хозяйству и существенный урон. Однажды между мною и одним моим знакомым литератором завязался разговор на эту тему.

— Согласитесь, Иван Васильевич, что стройка — гигантский и подчас противоречивый организм, — начал литератор. — Казалось бы, все вами учтено и рассчитано: на таких-то заводах завертит станки электроэнергия, такие-то города свяжет водным путем искусственное море, на столько-то все это вместе взятое увеличит экономический потенциал страны и благосостояние каждого человека. Все цифры как будто бы сходятся, но вот со временем появляются новые, неучтенные... Да, действительно, экономический потенциал увеличивается, благосостояние человека улучшается, и все же человек что-то теряет. Ему ты даешь свет, а он, вздыхая, уходит с насиженного места, милая же его деревушка остается под водой. К нему ты подводишь море, а от него отрезаешь плодородные поля... В общем, сами видите, получается картина в двух красках — светлой и темной. Гибнут леса, ползут овраги, осыпаются горы, бьются о бетон плотины, кровава бока, красавцы осетры...

Мой собеседник на минуту умолк и, взглянув на меня в упор, спросил:

— А приходилось ли вам, Иван Васильевич, встречаться с теми, кому ваша стройка вместе с радостью завтрашних достижений приносила горечь сегодняшних потерь?

— Приходилось, — ответил я. — Один раз такой случай произошел в пятьдесят пятом, в год рождения Куйбышевского моря. Была середина лета, стояла жара, а из рабочих столовых все шли и шли жалобы: нет овощей, нет арбузов, нет помидоров, нет огурцов. Решил выяснить причину, вызвал к телефону председателя ближайшего колхоза и спросил его: «Скажите, пожалуйста, почему овощей не привозите?». «Да нет у нас никаких овощей. Откуда возьмешь их?» — услышал я в ответ. «А раньше откуда брали?» «Раньше? — переспросил председатель и добавил со вздохом: — Раньше другие условия были...». Я понял, что до стройки с овощами обстояло лучше, сел в машину и поехал в этот колхоз.

«Где ваше арбузное поле?» — спросил я председателя.

Привел он меня на баштан. Иду я вслед за ним и временами слышу: под ногами что-то похрустывает. «Что это так хрустит?» — спрашиваю. «Как что? Арбузы», — отвечает мой спутник. Нагибаюсь. Действительно, арбузы, но какие! Маленькие, сморщенные, будто их на костре пекли. «Была бы вода, были б и арбузы», — заметил председатель колхоза. «Какая еще вода? — удивился я. — Смотрите, вот же целое море перед вами». Мы оба остановились, посмотрели на водную гладь. «Вижу, вижу, есть море, — грустно подтвердил председатель. — Водищи-то и вправду много, а испить попробуй-ка. Двадцать метров до твоей воды-то. А где насосы, где трубы, где электричество? Поля, на которых мы прежде овощи выращивали, ты водой-то залил, а взамен ничего не дал... Что ж ты хочешь от нас, товарищ Комзин?»

Я немедленно рассказал об этом Михаилу Тимофеевичу Ефремову, секретарю обкома партии. Он созвал большое совещание, и в течение года были повсеместно построены колхозные оросительные каналы, насосные станции, проведена механизация работ на овощных полях.

Выслушав меня, литератор заметил:

— Это идеальный финал. Но ведь так, к сожалению, бывает не всегда и не везде. Наверное, все эти «побочные» мероприятия можно и должно учитывать еще до начала стройки. Путем ли широкого предварительного обсуждения проекта, обсчетом ли всех главных и второстепенных обстоятельств на электронно-счетной машине или еще каким-либо способом — не берусь судить. Как вы считаете, Иван Васильевич?

— Я с вами совершенно согласен. Прежде чем строить, нужно все тщательно взвесить, продумать. Современная наука достигла таких высот, что на нее можно вполне положиться. Она в любом случае выручит. Академик Борис Евсеевич Быховский говорит, что уже в наши семидесятые годы исследования ученых, в том числе, безусловно, зоологов и ботаников, позволят дать всестороннюю экономическую оценку любому крупному начинанию в нашей стране. Скажем, перед строительством плотины можно будет совершенно четко определить, как она повлияет на обитателей водоемов, на численность рыбного стада, как изменятся растительность и животный мир на берегах, что потеряет и что выиграет в конечном счете сельское хозяйство. Такой подход, по мнению академика Быховского, позволит высчитать полную

стоимость сооружения и решить, насколько это целесообразно с точки зрения не одной отрасли, а народного хозяйства в целом.

...Разговор наш окончился, но он натолкнул меня на долгие раздумья. Так бывает, что одна мысль вызывает другую, та — следующую, и ты уже не в силах отказаться от многочасовых дум, а в итоге окажется вдруг, что, размышляя на «общую» вроде бы тему, перебрал по годам всю свою жизнь. Вспомнил свои удачи и ошибки, друзей и недругов и дошел постепенно в мыслях — до сегодняшнего своего дня.

Да, без науки, без учета общественного мнения сейчас не обойтись. Изменилась страна, усложнились задачи, которые решает общество, повысилась гражданская активность людей. Как же может не учитывать этого сегодняшний руководитель стройки?

Думаю, что сегодня уже нельзя руководить стройкой так, как это тридцать и двадцать лет назад привыкли делать я и мои сверстники: созывать диспетчерские совещания, по три-четыре часа обсуждать бесчисленные вопросы, метаться на машине из конца в конец строительства, давать «накачку», решать с ходу, рубить сплеча. Долгие годы я находился на различных руководящих постах. Привык распоряжаться десятками тысяч людей, вращать тысячами механизмов. Это выработало и властность в характере, и непререкаемость в суждениях. Они сослужили мне хорошую службу, не раз помогали в беде, но иногда и мешали, были причиной ошибок. Сегодня другие требования к руководителю. Сегодня более, чем когда-либо раньше, необходимы всестороннее, трезвое изучение дела, научный подход, способность учесть многообразие мнений и многогранность интересов. Только так можно будет избежать на стройке всякого рода нежелательных эксцессов.

Не случайно, рассказывая о великой стройке на Волге, я откровенно говорил о своих личных просчетах и ошибках в первые дни моей работы начальником Куйбышевгидростроя. Может быть, в горьких признаниях много такого, что не делает мне чести, как руководителю крупнейшей стройки. Но мог ли я умолчать об этом? Ведь моя книга, повествующая о прошлом, обращена главным образом к молодому поколению сегодняшнего и завтрашнего дня...

Четкое взаимодействие, строгое планирование, правильная расстановка сил, умелое использование счетно-решающих электронных устройств — вот на чем должно строиться

сейчас управление. И сферу управления надо смело, решительно обновлять, учитывая перемены, которые принесла и каждый день приносит стремительно развивающаяся научно-техническая революция. Я не хочу умалять значение опыта, но одного опыта сегодня мало.

По себе знаю, как нелегко, как мучительно трудно отходить от оперативной деятельности. Некоторым моим сверстникам кажется, что, оставив «ключевые посты», они навсегда отстранятся от дела. Что это не так, я убедился на собственном опыте. Пока ты жив, пока твоя голова и твои руки просят работы — работа найдется!

Когда я вышел из больницы, где пробыл почти полгода после тяжелой аварии, передо мной встал вопрос: что делать дальше — сменить профессию, которой отдано столько лет жизни или по единодушному совету врачей удалиться на покой?

Болея я долго и тяжело, и временами был близок к отчаянию. Мучила собственная беспомощность, страшила перспектива остаться без глаза. Окулисты отступились от меня. Но невропатолог — маленькая женщина с редким терпением — добилась своего: у меня опять стопроцентное зрение. Зовут эту женщину Вера Николаевна. Теперь она носит мою фамилию.

При всем уважении к моим милым докторам, от предписанного ими покоя я категорически отказался. Уйти на отдых, когда ты еще в состоянии мыслить, приносить пользу людям своими знаниями и опытом... Нет! Я должен и буду работать. Если не на стройке — она требует безупречного здоровья, — то в какой-нибудь другой, родственной области. Благо, профессия строителя многогранна.

И я вспомнил тех, с кем вместе работал на Волге. Разве там, в Жигулях, мои товарищи были только гидростроителями?

Разве мы не воздвигали жилые дома, не строили заводы, не прокладывали железнодорожные пути?

Многое, очень многое создали тогда, кроме гидроузла, куйбышевгидростроевцы. И они не были исключением. Все коллективы Главгидроэнергостроя помимо основных объектов возводили еще заводы большой химии, другие предприятия.

Сама жизнь заставляла нас расширять границы своей профессии, браться за то, что, казалось бы, не имело прямого отношения к нашей работе, но диктовалось необходимо-

стью, первоочередными задачами, которые в тот или иной момент ставила партия перед страной. Это давалось нелегко. Зато мои коллеги инженеры-гидротехники становились специалистами самого широкого профиля, строителями высшего класса. Им было по плечу любое задание. И занимались они «побочными» делами с огромным желанием и любовью.

Накопленный опыт пошел им на пользу. Николай Семизоров, например, в прошлом строитель левобережных сооружений Куйбышевской ГЭС, стал строителем гигантского автозавода в городе Тольятти. Павел Левченко был у нас на Волге главным гидромеханизатором и он же «без отрыва от производства» построил четыре завода синтетического каучука. Уже знакомый читателю Верхилью Льянос «между делом» возводил на волжских берегах завод тяжелого цементного оборудования и завод тяжелых трансформаторов...

Смогли ведь товарищи переключиться на другую работу, не изменяя своей профессии гидростроителя, рассуждал я, почему же не попытаться и мне?

Вспомнил я и о том, как началась моя преподавательская работа в Ставрополе, в филиале вечернего института для рабочих Куйбышевской ГЭС. Когда мне предложили взять на себя руководство кафедрой гидротехнического строительства, я наотрез отказался, уверенный в том, что не в состоянии буду справиться с такой серьезной дополнительной нагрузкой.

Но министр высшего и специального образования В. П. Елютин рассудил иначе. Выслушав мои доводы, он сказал:

— Согласен, что вам будет трудно: руководить огромной стройкой и одновременно возглавлять кафедру в институте — дело действительно сложное. Однако вашу кандидатуру на должность завкафедрой решительно поддерживаю.

И Вячеслав Петрович сумел убедить меня, что я не прав:

— Как раз то, что вы, Иван Васильевич, непосредственно связаны со стройкой, и хорошо! О лучших условиях для сочетания теории с практикой, право же, мечтать нельзя. Тут вам, как говорится, и карты в руки.

Я согласился. И впоследствии не раз мысленно благодарил Вячеслава Петровича за добрый совет. Мне и в самом деле было трудно совмещать обязанности руководителя стройки с обязанностями профессора, воспитателя будущих инженеров-гидростроителей. Но о моей работе в институте

у меня остались самые светлые воспоминания. Потому что, уча других, я в то же время и сам учился, не говоря уже о том, сколько радости доставляло мне общение со студенчеством...

— Почему бы не вернуться к преподавательской деятельности? — подумал я, вспомнив о ставропольском вечернем втузе.

Так я оказался в дружном коллективе Московского инженерно-строительного института имени В. В. Куйбышева.

В МИСИ я не только преподаю, но и руковожу Центральной лабораторией организации и экономики строительства союзно-республиканских строительных министерств, сокращенно именуемой ЦНИЛОЭС. Четыреста научных работников в Москве и около тысячи в восемнадцати территориальных лабораториях при инженерно-строительных и политехнических вузах страны — таков диапазон деятельности ЦНИЛОЭС.

Нахожу ли я удовлетворение в своей новой работе? Несомненно. Мои коллеги шутят: «Иван Васильевич, вы обратили внимание, что в сокращенном названии нашей лаборатории есть и «нил», и буквы «э» и «с» — то есть «электрическая станция». Не хватает лишь вашей любимицы Волги».

У меня эта шутка вызывает улыбку. А если серьезно, то разница между этими работами — строительством ГЭС и подготовкой инженерных кадров — не так уж и велика. И та, и другая работа в конечном счете созидание. И студенты мои завтра пойдут на стройплощадки. К этому еще добавлю, что в иные дни в институте я бываю не меньше загружен, чем, скажем, на Волге или Ниле.

Кстати, о занятости.

Когда я шел работать в институт, то опасался, что попаду в тихую заводь. А получилось вовсе не так. И теперь я постоянно живу в самом водовороте жизни, где создаются характеры, мужают люди и где мой опыт строителя очень нужен молодым душам, жадным до знаний.

Много лет назад, на Куйбышевгидрострое, принимая экзамены в нашем филиале индустриального института, я впервые пережил радость и гордость, которые может испытать только педагог. И вот сейчас, когда в составе Государственной экзаменационной комиссии я присутствую на выпускных экзаменах в МИСИ, передо мной проходят мои дипломники, мои нынешние подопечные — зрелые, мыслящие люди. И я горжусь ими.

Они не очень-то похожи на нас, инженеров 30-х годов. Но они — наша смена!

Мы спешили, мы много строили, начиная зачастую с нулевой отметки, мы не всегда успевали задуматься, поискать, найти лучший вариант проекта, решения того или иного технического вопроса. Сегодняшние инженеры должны работать лучше нас — в их распоряжении техника и технология, какая и не снилась строителям Магнитки. Но мы все равно построили ее, мы заложили фундамент сегодняшних наших побед. И если сегодняшние выпускники в чем-то сильнее нас — это вполне естественно. Мы вправе гордиться тем, что создали не только новое государство, но и вырастили новое поколение, у которого уже есть и еще будут свои Магнитки.

С какой смелостью и с какой высокой инженерной эрудицией предлагают нынешние дипломники решение сложнейших технических задач! Пожалуй, в этом отношении выпускники 70-х годов похожи и на моих сверстников, и на тех, кто заканчивал втуз десять и двадцать лет назад. Что касается диапазона знаний, то тут, нужно признать, сегодняшние покрепче.

Нынешние студенты очень много знают и очень многим интересуются. Они не скользят по поверхности, а стремятся проникнуть в глубь явлений, с охотой берутся за то, что трудно и не совсем обычно. Велика их тяга к научной работе. У нас, в МИСИ, нет кафедры, где бы не действовало активно студенческое научное общество.

Что ж, мои ровесники жили в другие годы. Другие задачи стояли перед ними. Но цель у нас и у нашей смены одна, общая — строительство новой жизни под знаменем партии, по заветам Ленина.

Однако факт остается фактом. Когда сейчас говорят о молодом поколении, это говорят уже не о нас. Нас давно сняли с комсомольского учета. Но на родной земле мы оставили заметный след. Достаточно сравнить две карты нашей страны — скажем 30-го и 70-го года... Что принесут нынешние восемнадцатилетние? Ведь скоро их раунд. Не так уж много осталось до XXI столетия. Грядут новые рационалисты и мечтатели, физики и поэты, а в общем — строители, продолжатели дела своих отцов и дедов.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава первая.</i> На пороге жизни	3
<i>Глава вторая.</i> Магнитка, молодость моя!..	13
<i>Глава третья.</i> Вдали от Родины	34
<i>Глава четвертая.</i> Разбуженные Жигули	51
<i>Глава пятая.</i> Душ золотые россыпи	70
<i>Глава шестая.</i> Беспокойные будни	91
<i>Глава седьмая.</i> Трудный хлеб строителей	105
<i>Глава восьмая.</i> Крепость, взятая с бою	128
<i>Глава девятая.</i> Так рождалось море	143
<i>Глава десятая.</i> А все-таки это счастье!	166
<i>Глава одиннадцатая.</i> У себя и за океаном	182
<i>Глава двенадцатая.</i> Свет ленинской мечты	206
<i>Глава тринадцатая.</i> В стране пирамид и сфинксов	221
<i>Глава четырнадцатая.</i> Египет не забудет...	240
<i>Глава пятнадцатая.</i> Плотины надежды	254
<i>Глава шестнадцатая.</i> С открытым сердцем	271
<i>Глава семнадцатая.</i> Садака! Квайс! Квайс!	283
<i>Глава восемнадцатая.</i> Радостные перемены	304
<i>Глава девятнадцатая.</i> Дороги, дороги...	318
<i>Глава двадцатая.</i> Связь времен	337
<i>Глава двадцать первая.</i> Величайшая человеческая ценность	356

Иван Васильевич Комзин

Я ВЕРЮ В МЕЧТУ

На фронтисписе

И. В. Комзин. Магнитострой.

Портрет работы художника Н. Авакумова

Заведующая редакцией А. Т. Шатовалова

Редактор Р. В. Короленко

Младший редактор Л. В. Окатьева

Оформление художника Н. Н. Симагина

Художественный редактор С. И. Сергеев

Технический редактор Е. И. Каржавина

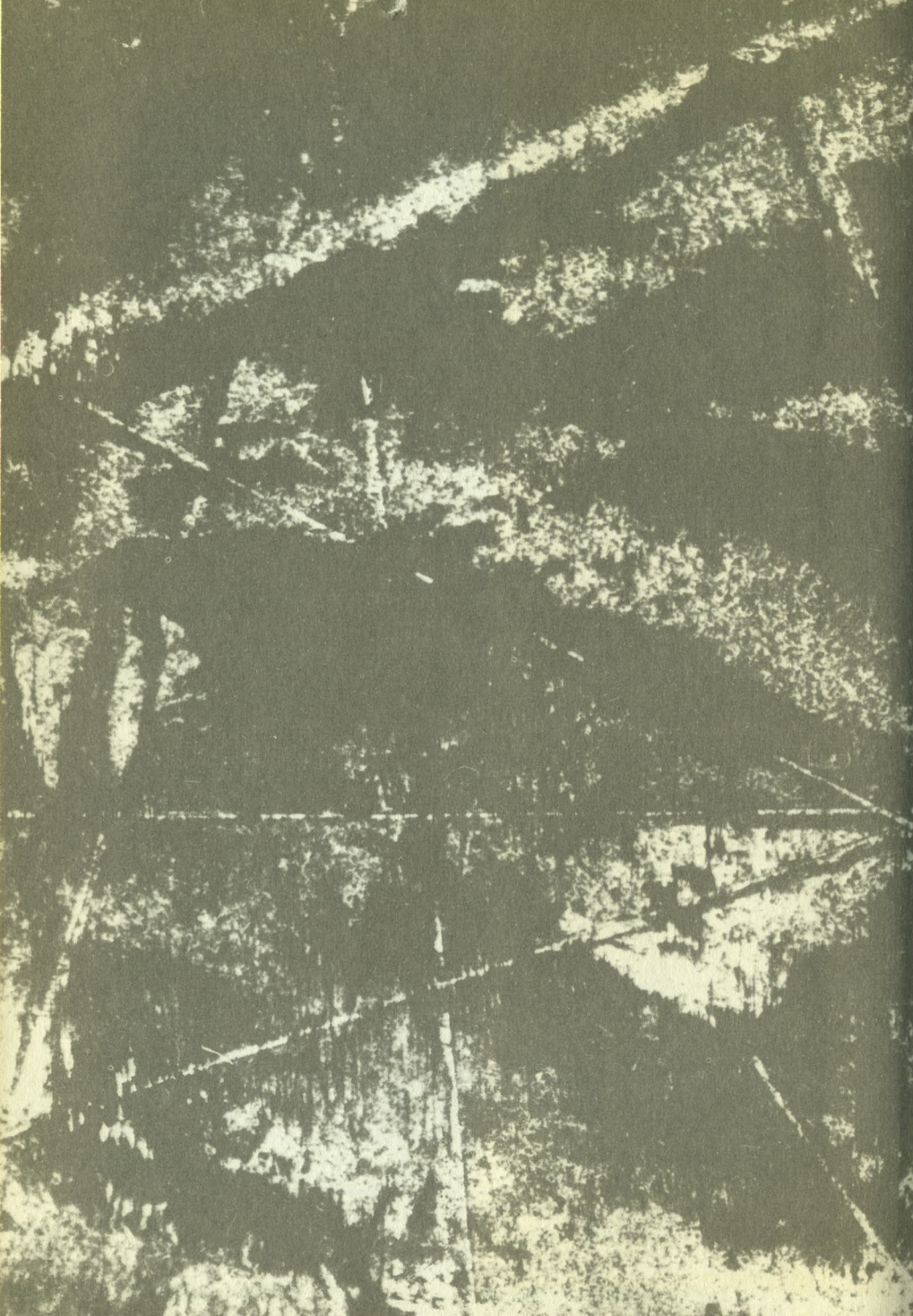
Сдано в набор 28 февраля 1973 г. Подписано в печать 4 июля 1973 г. Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 22,9. Учетно-изд. л. 22,77. Тираж 70 тыс. экз. А04634. Заказ № 2187. Цена 1 р. 28 к.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография

«Красный пролетарий».

Москва, Краснопролетарская, 16.

12.28к.

1914

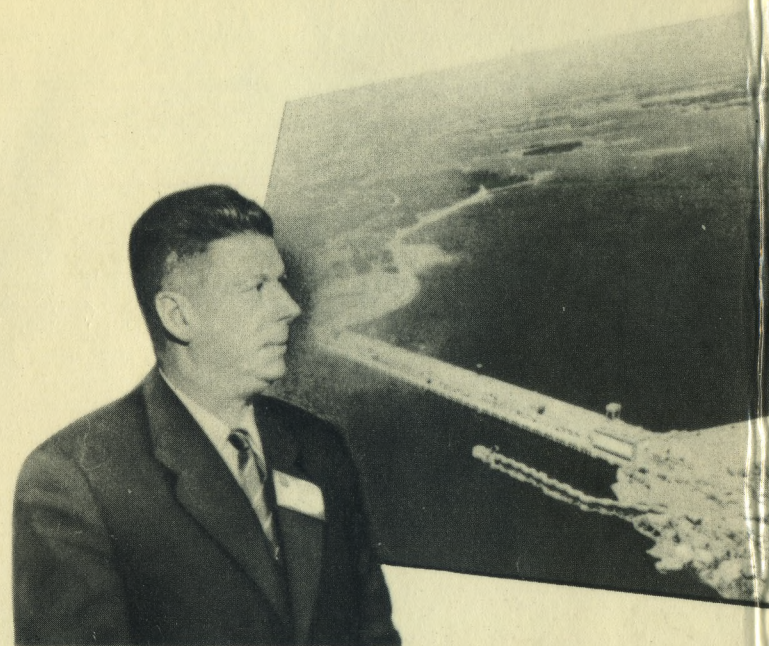
И. В. Комзин ● Я ВЕРЮ В МЕЧТУ

О
ЖИЗНИ
О СЕБЕ

И.В.Комзин • Я ВЕРЮ В МЕЧТУ

И.В.Комзин

Я ВЕРЮ
В МЕЧТУ

